

Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона

в шестидесяти годах. Южно-Уральского региона.

Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона

Оренбург 2013

Правительство Оренбургской области
Научно-исследовательский институт истории и этнографии
Южного Урала
Оренбургского государственного университета
Филологический факультет Оренбургского государственного
педагогического университета

**СЛАВЯНЕ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА**

*Материалы VIII Межрегиональной
научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской письменности
и культуры в Оренбуржье*

Оренбург 2013

УДК 39:811.16(470.56)(063)
ББК 63.521(=41)+81.006.3(235.55)
С47

С47 Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 374 с.

ISBN 978-5-4417-0240-9

В сборнике объединены материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона», посвященной Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье, которая состоялась в г. Оренбурге 23 мая 2012 года.

В представленных материалах рассматриваются этапы этнокультурного развития и духовные традиции славянских народов Южного Урала, характеризуется положение русского языка и литературы в системе славянской духовности, анализируется состояние и перспективы изучения современной русистики и актуальные вопросы лингвокультурологии и методики преподавания русского языка.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, занимающихся культурологическими и лингвистическими исследованиями.

УДК 39:811.16(470.56)(063)
ББК 63.521(=41)+81.006.3(235.55)

ISBN 978-5-4417-0240-9

© ООО ИПК «Университет», 2013
© Коллектив авторов, 2013

Бекасова Е. Н. (Оренбург)
УМ БЕЗ КНИГ, АКИ ПТИЦА СПЕШЕНА

Ум без книг, аки птица спешена. Яко ж она возлетати не может, тако же и ум недомыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное.

Пчела

Первое из дошедших до нас оригинальное произведение в составе точно датированного памятника древнерусской письменности – «Изборника» 1076 г., – называется «Слово о почитании книжном». Краткое до афористичности своеобразное предисловие древнерусского книжника открывает сборник поучений, которыми должен руководствоваться человек в жизни. В нём утверждается одна из основ славянской ментальности – почитание книг, и до сих пор в русском языке не утрачена родственная связь слов *честь, почитать, чтить, читать*.

Окажем и мы честь этим словам тысячелетней давности, вдумаясь в них и «поразуем» их силу:

«Добро есть, братие, почитание книжное. Егда чьтеши книги, не чьти ся бързо иштисти до другая главизны, нь поразумей, чьто глаголють книги и словеса та, и тришьды обратая ся о единой главизне. Реку же: узда коневу правитель есть, и въздержание праведнику же книга. Не съставитъ ся корабль без гвозди, ни праведникъ бес почитания книжнааго. Красота воину оружие и кораблю ветрила. Тако и праведнику почитание книжное. Коль сладька словеса твоя паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ твоихъ паче тысяшта злата и сребра. Възрадую ся азъ о словесехъ твоихъ. Яко обретохъ недостоинъ сы такъ даръ, еже ми ся поучати словесемъ твоимъ днь и ношь. То мы, братия, поразумемъ и послушамъ разумныма ушима, и поразумемъ силу и поучение книгъ» [Изб. 1076 г., 151–156].

В Повести временных лет – уникальном памятнике мировой литературы, летописном своде, где книжники в течение многих десятилетий сводили всю имеющуюся у них информацию от сотворения мира по летам (годам), в статье под 1037 годом летописец Нестор писал: *«велика бо бывает полза от учения книжного; книгам бо кажими и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обретаем и воздержание от словес книжных. Се бо суть реки, напоюще вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неищетная глубина» [ПВЛ, 66].* Доведший до такого совершенства труды своих сподвижников, что

любая русская летопись открывалась вначале Повестью временных лет, описывающей мировую и русскую историю до 1113 г., почитаемый за своё книжное подвижничество как святой, летописец Нестор утверждал одну из главных истин: слово устное стоит у истоков человечества, а слово письменное, книжное – у истоков цивилизации.

Овладение книжным богатством было в Киевской Руси задачей государственного значения. Князь Владимир сразу же после крещения киевлян *«нача ставити по градом церкви и попы, и люди крещенье приводити по всѣмъ градом и селомъ. Пославъ, нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадѣ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахся. Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, сбысться пророчество на Русьтѣи земли, глаголющее: «Во оны дни услышатъ глуши словеса книжная, и яснѣ будетъ языкъ гугнивыхъ».* *Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного...Благословенъ Господь Иисусъ Христос, иже возлюби новыя люди, Русьскую землю, и просвѣти ю крещениемъ святымъ»* [ПВЛ, 53].

К середине XI в. при Ярославе Мудром, который *«книгамъ прилежа, и почитая е часто в ноци и въ дне»* [ПВЛ, 66], на Руси книжное дело процветало. В статье под 1037 годом летописец, с гордостью писал, что Ярослав *«собра писцихъ многы и прекладаше отъ грекъ на словѣнское письмо. И списаша книги многы, ими же поучащеся вѣрнии людѣ наслажаются ученья божественного. Яко же бо се никто землю разореть, другый же насчетъ, иные же пожинають и ядятъ пищу бескудни, тако и съ. Отець бо сего Володимеръ землю взора и умягчи, съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей: а мы пожинаем, ученье приемлющее книжное»* [ПВЛ, 66].

При Ярославе Мудром интенсивное развитие книжного дела переживает «золотой век». Семена книжные взошли сторицею: грамотность населения Киевской Руси во много крат превосходила средневековую Европу.

Дочь Ярослава Мудрого – королева Франции Анна в отличие от европейских неграмотных женщин и таких же невежественных правящих особ, могла «явить царственную руку на троне», то есть читать и подписывать государственные бумаги (сохранилась её подпись: Анна рѣина – Анна регина (королева). Ярослав Мудрый в приданое ей дал четыре книги, одна из которых стала гордостью Франции – знаменитое Реймское евангелие, которым благословляли всех последующих королей Франции.

Сын Ярослава Мудрого – Всеволод, женатый на гречанке императорского рода, «сидя дома изумляше 5 язык» [ПВЛ, 102]. Видимо, это были, помимо восточнославянского, бесспорно греческий, половецкий (его бабкой была знаменитая половецкая княжна Рогнеда), а также какие-либо из вероятного списка языки: латынь, немецкий, венгерский, литовский, болгарский, торчешский, касожский, «скандинавский».

Известный собиратель древнерусских книг и издатель памятников письменности А.И. Мусин-Пушкин, укоряя русское общество конца XVIII – начала XIX вв., справедливо замечал: «Праотцы наши хотя не ездили толпами в чужие края для мнимого просвещения, однако не можно заключать, чтобы они языков иностранных не знали, а тем паче на природном своем худо изъяснялися. Отец мой, пишет Владимир, дома сидя, умел говорить на 5 языках; – довод сильный против тех, кои праотцов наших почитает невеждами» [цитируется по ПВЛ, 520]. Следует отметить, что владение языками в XI в. для Западной Европы было явление незаурядным: именно знание 5 языков ставилось в особую заслугу немецкому императору Карлу IV.

Внук Ярослава Мудрого, сын полиглота Всеволода – русский князь и просвещённый писатель Владимир Мономах, к счастью, оставил нам свое «Поучение» мудрого правителя, рачительного хозяина, заботливого отца и азартного охотника:

«Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться. <...> Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил [ПВЛ, 236].

Текст «Поучения», составленный, вероятно, между 1117 и 1125 гг., перед смертью одного из самых доблестных и справедливых правителей Руси, дошёл в единственном списке в составе Лаврентьевской летописи 1377 г. Лаврентий, монах монастыря, где находились мощи Александра Невского, составлял Владимирскую и Суздальскую летописи, которые по традиции открывались знаменитой Повестью временных лет. Лежащие перед ним книги были «ветшаны», и он вставил Поучение в летописную статью 1096 г., куда оно, вероятно, попало, в том источнике, где из-за ветхости рассыпались и перепутан-

лись листы. Его призыв – чтите исправливая – остался без отклика, видимо, списки произведений Мономаха в то время были так же редки, как и Слова о полку Игореве.

В трудную для себя минуту нравственного и государственного выбора Владимир Мономах обращается к книгам:

«Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы – сами по себе будем, а ты – сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить». И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» – и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите» [ПВЛ, 236–237].

Произведения Владимира Мономаха свидетельствуют, что этот государственный муж, с 13 лет сидя в седле, воюя, устраивая Русь, охотясь на всякого зверя, развлекаясь соколиной охотой, ловя диких коней и быков, терпя нападения лосей, медведей и вепрей, – не блюда живота своего, не щадя головы своей [ПВЛ, 104], – трудился над книгой: великолепно знал не только Псалтырь (составлена не ранее VI в. до н.э.) – одну из любимых книг русского читателя вплоть до XIX в., по которой обучались началам грамоты и гадали, как это делает Владимир, – но и другие библейские книги, а также патристическую (отеческую) литературу: сочинения византийского патриарха Иоанна Златоуста (344–407 гг.), Василия Великого (303–379 гг.), Иоанна Дамаскина (?–749 гг.), Ефрема Сирина (?–649 гг.) и др. На них ссылались как на авторитетные источники древнерусские писатели – митрополит Иларион, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Иоанн Грозный и др. К их мудрости прислушивался и Владимир Мономах:

«Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет» [ПВЛ, 237].

Это была поистине тысячелетняя Мудрость, которую *почита-ли, чтили и читали* на Руси. Но к ней древнерусские книжники добавляли свой, выстраданный своей жизнью опыт. Обращаясь к своим детям, к своим читателям, Владимир поучает:

«Бога ради, не ленитесь, молю вас... [ПВЛ, 238]. Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного

не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души.

Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу... Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тишу или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает.

Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда же пойдете и где останетесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым.

Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные» [ПВЛ, 239–240].

Почитание книжное было столь велико на Руси, что посеянное крестителем Владимиром и Ярославом Мудрым вошло сторицею. Сохранившиеся уникальные берестяные грамоты Новгорода, Пскова, Смоленска доносят до нас мысли, чувства, потребности самых обычных древнерусских людей XI–XV вв. — мужчин, женщин, детей. Привычность грамоты подчёркивается их обыденностью и повседневностью, но важнее всего то, что в текстах авторы не только ссылаются на тексты священного писания, активно переписываются, посылая и принимая грамоты, но и просят прислать «чтения доброго» [НБГ, 302].

Что же было *чтением добрым* на Руси?

Таким чтением была весьма популярная на Руси «Пчела» («Книги бчела. Речи и мудрости от Евангеля и от Апостола и от святых мужь и разум внешних философ»), где содержались тематически подобранные афоризмы о бедности и богатстве, истине и лжи и под., тематически подобранные из Деяний и Посланий святых апостолов, отцов церкви, видных византийских богословов и античных (внешних) мудрецов, философов и государственных деятелей:

«Плутарх. Пословица говорит: детям ножа не давай; я же добавлю: ни детям богатства, ни людям невежественным силы и власти доверить нельзя. Демокрит. Пожелай быть любимым при жизни, а не страшным: ибо кого все боятся, тот сам всех боится. Царь короной ума не получит, ибо царствует ум. Агафон. Князю необходимо о трех вещах помнить: первое — что людьми управляет; второе — что закон ему дан от бога; третье — что власть эта временна и пресекается. Эпаминд из Фив увидел множество воинов без достойного вождя и сказал: «Велик зверь, а головы не имеет». Лучше злое слышать, чем злое сказать. Когда пришел к нему клеветник и сказал: «Вот такой-то предо мною так уж поносит тебя», — отвечал: «Если бы ты с таким наслаждением не слушал его, он бы меня не бранил». Когда кто-то сказал ему: «Тот-то свирепо тебя бранит», — отвечал: «Скажи ему, пусть и побьет меня, но так же — заочно!». Диоген. Этот, поносимый неким плешивецем, сказал: «Я бранью тебе не отвечу, но восславлю волосы на твоей голове, ибо, испытав на себе все безумство твоей головы, они убежали!». Аристипп. Когда поносил его некто, то отходил, заткнув уши. Когда тот побежал за ним с криком: «Почему убегаешь?» — он сказал: «Да, ты вправе зло говорить, но ведь и я волен не стоять и не слушать тебя» [Пчела, 423].

Переписывали и читали возникший во II–III вв. н.э. на основе античных и восточных источников природоведческий сборник «Физиолог», описывающий живые существа как реальные, так и фантастические (феникс, сирена, кентавр, единорог и др.), реже — растения, драгоценные камни. Образы Физиолога нашли широкое отражение в древнерусской литературе, иконописи, книжном орнаменте. Целью Физиолога были поиски аналогий между свойствами существ или предметов и какими-либо богословскими понятиями:

«Слово и сказание о зверях и птицах»: О куропатке. Куропатка кладет много яиц в гнезде своем. Она весьма чадолюбива. И даже идет к чужим гнездам и таскает оттуда яйца. Только чтобы увеличить число птенцов своих. Так и ты, человек: когда собираешь богатство, не можешь насытиться, и все тебе мало. О горлице. Горлица — птица-однолюб. Если погибнет одна из четы, то другая улетает в пустыню, садится на сухом дереве и оплакивает супруга своего. И уже не сочетается больше ни с кем другим никогда. Так и ты, человек, если разлучился с женой своей, то не прилепись к другой. Об удоде. Удод свивает гнездо свое и выкармливает птенцов своих. А затем птицы линяют и делаются нагими. Тогда выходит один из их птенцов и приносит пищу родителям своим, пока они не оперятся и не взлетят оба. Так и ты, человек. Когда состаришься, не отчаивайся, но, идя в церковь, помолись и обретешь милость» [Физ., 407].

Читали переводную Повесть об Акире Премудром (VII в.) — поучения мудрого наставника Акира (в виде притч и афоризмов) молодого царя:

«И я, Акир, не переставал учить сына своего. Когда же, словно хлебом и водой, насытил его наставлениями своими, то сказал ему так: «О человек, слушай слова мои, господин мой Анадан! Всякий совет со вниманием выслушай во всякий день жизни своей. Чадо мое, не будь черствым, как (тверда) кость человеческая, но будь мягким, словно боб. Сын мой, склони очи свои долу, а голоса не возвышай; если бы криком строили дома, то осел бы ревом своим по два дома воздвигал бы за день. Сын мой, лучше с

умным камни двигать, чем с глупым вино пить. При умном не делай глупостей, а перед дураком не раскрывай ума своего. Не будь сладок чрезмерно, не то съедят тебя, но не будь и чрезмерно горек, чтобы не отшатнулся от тебя друг твой. Сын мой, если сапог на твоей ноге, попирай терн и протоптывай путь сыновьям и дочерям своим. Если муж не слушает советов, с таким не отправляйся в путь и с обманщиком не садись пировать. Сын мой, когда муж в честь войдет, не завидуй ему, а когда обрушатся на него невзгоды, то не радуйся.. Сын мой, глупого мужа ожидает унижение, а праведника — почет» [Пов. Ак., 31].

Излюбленным чтением были исторические сочинения: переработка византийского эпоса о Дигенисе Акрите — «Девгениево деяние»; византийские хроники IX в. Георгия Амартола, содержащие библейскую, римскую и византийскую историю в духе церковных представлений; хроники VI в. Иоанна Малалы Антиохийского, представляющие пересказы библейских мифов о Вавилоне, Египте, Греции, Риме, Византии как единой всемирной истории; «Христианская топография» плававшего в Индию Козьмы Индикоплава (VI в.), содержащей экономические, географические и исторические сведения о восточных странах.

В XI–XII вв. древнерусские книжники свободно и творчески переработали в духе древнерусских летописей «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, который описал историю Иудеи до её трагического разрушения в 70-х годах I в., свидетелем которого он был. Крупнейший писатель древности, Иосиф Флавий (ок. 38 – после 100) происходил из иудейского жреческого рода; во время восстания против римлян, участники которого сражались за политическую независимость Иудеи, был одним из организаторов сопротивления в Галилее, но после взятия римлянами города Иотапаты перешел на их сторону. Иосиф пытался уговорить повстанцев, защищавших Иерусалим, сдать римлянам, но безуспешно – город был взят и стёрт с лица земли на его глазах. «Иудейская война», написанная участником и очевидцем событий, является уникальным источником сведений не только о самом восстании, но и о разнообразных сферах жизни Иудеи того времени. Скорбь о её поруганной красе, о её попранных святынях, сочувствие к погибающим в страшных мучениях соотечественникам сообщают произведению Иосифа совершенно особую интонацию:

«Если же кто и вставал, то не мог видеть из-за тумана, приключившегося тогда над городом, — пока к рассвету не вошли уже все воины и, поминая все зло, которое претерпели от них, не щадили (никого), от стариков до младенцев. И одни, видя смерть, закалывались сами, а другие разбежались по пещерам. И в тот день были убиты все, кто не скрылся, — шестьдесят тысяч, пленных же взяли пять тысяч и город разорили, а башни сожгли» [Ист. Иуд.в., 263].

«Сгорело и творение, достойное великого плача, самое удивительное из всех, сколько мы слышали и видели, и строением, и величием, и красотой, и убранством, и славою своих святых... Пока храм горел, было разграблено и расхищено все, что удавалось найти; и все, кого настигало железо, погибли, и не было пощады никакому возрасту, ни уважения к благообразию, но и дети, и старцы, и нечистые, и священники — все равно приняли смерть, ибо война захватила всех сражающихся и молящихся. И в то время как выло пламя, гремели вопли и стоны погибающих. Из-за высоты горы и огромных размеров горящего сооружения глядящий издали сказал бы, что горит весь город. И невозможно вообразить ничего более жуткого и страшного, чем тогдашний вопль: ибо и римские полки кричали, мечась, и мятежники, окруженные огнем и битвой, испускали вопли, и те, кто уцелел, бежали в ужасе, крича и плача при виде бедствия; и ко многим иссохшим от голода и видевшим смежающимися глазами огонь в храме, вернулись силы кричать и плакать. И на крик отзывались окрестные горы и леса. Но кровь была обильнее огня, и убиваемых было больше, чем убивающих, и земли не было видно, потому что вся она была покрыта трупами. Но воины гнались за убегающими даже попирая груды мертвецов» [Ист. Иуд.в., 289].

Особой популярностью пользовалась «Александрия» — памятник V–VI вв. об Александре Македонском:

«После этого Александр опять возвратился в Македонию со всеми силами македонскими, и с прочими царями, и войсками их, которых на западе мечом покорили. И с ними победителем в Македонию пришел, шестнадцать лет пробыв в дальних странах. Мать же его, царица Олимпиада, и мудрый наставник Аристотель со всеми македонянами, и с женами, и с девицами, с великими достойными дарами на реке Скамудруше встретили царя Александра, и оттуда пришли все в город Филиппуст. И тут Александр повелел македонянам три месяца в домах своих отдыхать, коней кормить и оружие готовить. И решил пойти в поход — на восток, и оставил в Македонии Аристотеля и мать свою. Взял с собою сто тысяч войска, все они были македоняне в одинаковых доспехах, и все вооружены одинаковыми шлемами, и рога на них ...» [Алекс., 49].

«Тут Александр того Врионуша увидел и сказал ему: «Милый мой, любимый Врионуша, не знаешь разве, сколько блага я тебе сделал, — зачем за добро воздал мне, зачем отравным ядом наполнил меня ... Всю вселенную покорили мы, богатые и необитаемые земли, и до рая дошли ... я всё прекрасное, что есть на земле, видел, и высоту неба узнал, и глубину моря исследовал, но не смог избежать жестокого серпа смерти...» [Алекс., 148–149].

Всё это свидетельствует о том, что древнерусские книжники в своих поисках и в своём понимании книжного просвещения выходили за пределы традиционного (преимущественно церковно-учительного) книжного обмена, принятого в границах греко-славянского культурного мира.

К XII в. Киевская Русь располагала такими книжными богатствами, которые сделали её хранительницей почти всех письменных памятников, переведённых славянами за два века. Она сохранила памятники, навсегда исчезнувшие у болгар, сербов и чехов.

Многие литературные памятники были возвращены не только славянам («Кормчая», «Синодик», «Пчела», «Палея»), но и грекам: восточные славяне сохранили и обработали в своей рукописной традиции переводы исчезнувших греческих оригиналов – византийского эпоса о Дигенисе Акрите («Девгениево деяние») и повесть об Акире Премудром.

Веками собиралась и сохранялась книжная мудрость. Работа многих поколений поддерживала энергию книжных текстов, создавая постоянно пополняемую сокровищницу идей и слов, из которой произрастала культура и книжность, ибо свет дневной есть слово книжное

Источники

1. *Алекс. – Александрия*. В кн.: Библиотека литературы древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. – Т. 8. СПб., 2003. – С. 14–149.
2. *Изб. 1076 г.* – Изборник 1076 г. / под ред. С.И.Коткова. – М., 1965.
3. *Ист. Иуд.в. – История иудейской войны*. В кн.: Библиотека литературы древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. – Т. 2. СПб., 1999. – С. 254–293.
4. *НБГ – Новгородские берестяные грамоты*. В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. – М, 1955.
5. *ПВЛ* – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб., 1996.
6. *Пов. Ак. – Повесть об Акире премудром*. В кн.: Библиотека литературы древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. – Т. 3. СПб., 1999. – С. 28–57.
7. *Пчела* – Библиотека литературы древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. – Т. 5. СПб., 1997. – С. 402–413.
8. *Физ. – Физиолог*. В кн.: Библиотека литературы древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. – Т. 5. СПб., 1997. – С. 414–447.

Ефименко М. Н. (Оренбург)

МОДУЛЬ «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ» И ЕГО МЕСТО В ДУХОВНОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

В августе 2009 года президент Российской Федерации Д.А.Медведев провел встречу с лидерами традиционных конфессий нашей страны. Целью встречи было обсуждение введения в школьный курс обучения нового предмета – «Основы религиозных культур и светской этики». На встрече присутствовали руководители РПЦ, исламских общин, российских буддистов, иудеев, все они высказались в пользу введения этого курса. По итогам этой встречи Президент дал поручение правительству по разработке и реализации курса «Основы религиозных культур и светской этики», в котором говорилось: «Прошу обеспечить решение организационных и финансовых вопросов, касающихся введения (в 2010 в 19 субъектах Российской Федерации, а с 2012 года – во всех субъектах Российской Федерации) в общеобразовательных учреждениях новых предметов: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур и основы светской этики – для изучения учащимися по их выбору или по выбору их родителей (законных представителей)».¹

С 1 апреля 2012 года в 4-х классах средних школ РФ начинается преподавание ОРКиСЭ, модульного курса, который включает в себя 6 модулей:

- основы православной культуры
- основы исламской культуры
- основы буддийской культуры
- основы иудейской культуры
- основы мировых религиозных культур
- основа светской этики.

Цель курса - формирование у младшего подростка мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании культурных и религиозных традиций многонационального народа России, уважении к ним, а так же к диалогу с представителями других культур и мировоззрений.

Основная педагогическая задача – «сформировать первоначальное представление об определенной духовной традиции, познакомить

обучающихся с примерами людей, следующих в своей жизни нравственным ценностям; сформировать у учащихся представление о том, во имя каких идеалов, на основе каких ценностей должен жить нравственный человек». ²

Задачами курса были определены:

- знакомство обучающихся с основами православной, мусульманской, буддийской, иудейской культур, основами мировых религиозных культур и светской этики;
- развитие представлений младшего подростка о значении нравственных норм и ценностей для достойной жизни личности, семьи, общества;
- обобщение знаний и представлений о духовной культуре и морали, полученных обучающимися в начальной школе, и формирование у них ценностно-смысловых мировоззренческих основ, обеспечивающих целостное восприятие отечественной истории и культуры при изучении гуманитарных предметов на ступени основной школы;
- развитие способностей обучающихся к общению в полиэтнической и многоконфессиональной среде на основе взаимного уважения и диалога во имя общественного мира и согласия.

В силу того, что курс предполагал работу по 4 профессионально ориентированным модулям, необходимо было определить основополагающие принципы предмета.

Первым принципом следует назвать принцип культурологического подхода. Курс является культурологическим и направлен на развитие у школьников 4-5 классов представлений о нравственных идеалах и ценностях, составляющих основу религиозных и светских традиций многонациональной культуры России, на понимание их значения в жизни современного общества, а также своей сопричастности к ним.

Еще одним фундаментальным принципом курса стал принцип толерантности. Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность - это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность.

Курс ОРКС сложен своей модульностью, который предполагает выбор – выбор свободный, основанный на интересах культурного и образовательного развития ребенка, его духовного развития.

Особенное место в этом курсе занимает модуль «Основы православной культуры». Его отличительной чертой является тот факт, что он раскрывает особенности ведущей традиционной религии России и ее культуры. Нет необходимости обосновывать идею выдающейся роли РПЦ в истории российского государства, тот факт, что православие стало неотъемлемой частью русской ментальности. Поэтому совсем не удивительно то, что именно Русская Православная Церковь в течение последних 20 лет (с начала первых Рождественских чтений) четко обозначает свое беспокойство кризисной ситуацией в вопросе воспитания духовности подрастающего поколения, проявившейся с особой силой в 90-гг. XX века и не преодоленной до сих пор. Формирование духовности, создание единого духовного пространства России, по мнению православных святых отцов, возможно именно на основе интеграции православного духовного образования и образования государственного. При этом подчеркивается, что речь не идет о нивелировании очевидных различий двух систем или о преобразовании одной системы в другую, а о сложном процессе, который требует анализа всего многообразия сложившихся образовательных практик. «Для того чтобы наше юношество снова научилось ценить и любить прошлое своей страны, интересоваться историей и традициями, необходимо объединять усилия государственных и общественных институтов, Православной Церкви и других религиозных общин. Не секрет, что сегодня существуют влиятельные силы, движимые идеологическими, коммерческими и политическими интересами, которым не по душе видеть нашу молодежь опаматованной», - так определил в своем приветственном слове участникам XVIII Международных Рождественских чтений Патриарх Московский и всея Руси Кирилл цели совместных усилий государства и Церкви в воспитании и образовании молодых поколений.³ Одним из таких шагов интеграции усилий государства и церкви патриарх видит в введении в государственных школах модуля «Основы православной культуры» в составе нового комплексного предмета «Основы религиозных культур и светской этики». Однако, предвидя нарекания со стороны противников данного курса, сразу хочется обозначить еще одну принципиальную позицию предмета в целом и модуля ОПК в частности. Курс носит светский характер, предмет ведется светскими школьными учителями, а не священниками. Он вводит в пространство православной культуры, которую невозможно представить без православной теологии, православной истории, т.е. собственных конфессиональных характеристик.

Школьников не будут учить вере, для этого есть другие социальные институты, например, та же церковь. Подростков будут приобщать к миру православной цивилизации, которая веками определяла особенности русской души. Поэтому, еще одной особенностью модуля ОПК следует выделить соединение культурологического и конфессионального принципов. Но главная цель - это привить детям навыки нравственного самоанализа, «чтобы ребенок открыл внутренний мир своей души, познакомился со своей душой, научился бы реагировать не только на боль пальчика, но и на боль своей совести, чтобы он научился делать запросы к совести, прося ее проанализировать вот то или иное его стремление и ответить - к добру оно или ко злу. В этом смысле задача курса – это именно нравственное воспитание. Заметьте, задача курса не в том, чтобы подготовить богословски грамотных прихожан», - утверждает автор учебника по ОПК. Это утверждение тем более необычно, что данный модуль, единственный из 4-х конфессионально ориентированных модулей разработанный профессиональным теологом - протодиаконом, профессором Московской Духовной Академии; старшим научным сотрудником кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ; кандидатом философских наук; кандидатом богословия, о. Андреем Кураевым.⁴

Подробную характеристику содержания курса можно получить из тематического планирования «Основ православной культуры»:

I. Введение. Духовные ценности и нравственные идеалы в жизни человека и общества

1. Россия - наша Родина - 1 ч.

II. Основы православной культуры - 28 ч.

2. Ведение в православную духовную традицию. Культура и религия - 1 ч.

3. Человек и Бог в православии - 1 ч.

4. Православная молитва - 1 ч.

5. Библия и Евангелие - 1 ч.

6. Проповедь Христа - 1 ч.

7. Христос и его крест - 1 ч.

8. Пасха - 1 ч.

9. Православное учение о человеке - 1 ч.

10. Совесть и раскаяние - 1 ч.

11. Заповеди - 1 ч.

12. Милосердие и сострадание - 1 ч.

13. Золотое правило этики - 1 ч.

14. Храм - 1 ч.
15. Икона - 1 ч.
16. Творческие работы учащихся - 1 ч.
17. Подведение итогов - 1 ч.
18. Как христианство пришло на Русь - 1 ч.
19. Подвиг - 1 ч.
20. Заповеди блаженств - 1 ч.
21. Зачем творить добро? - 1 ч.
22. Чудо в жизни христианина - 1 ч.
23. Православие о Божием суде - 1 ч.
24. Таинство причастия - 1 ч.
25. Монастырь - 1 ч.
26. Отношение христианина к природе - 1 ч.
27. Христианская семья - 1 ч.
28. Защита Отечества - 1 ч.
29. Христианин в труде - 1 ч.

III. Духовные традиции многонационального народа России - 5 ч.

30. Любовь и уважение к Отечеству. - 1 ч.

31-34. Итоговая презентация. Подготовка творческих проектов.

Выступление учащихся со своими творческими работами: «Как я понимаю православие», «Как я понимаю ислам», «Как я понимаю буддизм», «Как я понимаю иудаизм», «Что такое этика?», «Значение религии в жизни человека и общества», «Памятники религиозной культуры (в моем городе, селе)» и т.д.

Выступление учащихся со своими творческими работами: «Мое отношение к миру», «Мое отношение к людям», «Мое отношение к России», «С чего начинается Родина», «Герои России», «Вклад моей семьи в благополучие и процветание Отечества (труд, ратный подвиг, творчество и т.п.)», «Мой дедушка – защитник Родины», «Мой друг», и т.д.

Презентация творческих проектов на тему «Диалог культур во имя гражданского мира и согласия» (народное творчество, стихи, песни, кухня народов России и т.д.).

Всего 34 часов.

Модуль «Основы православной культуры», единственный, который достаточно полно имеет методическое обеспечение, и хотя все модули имеют обеспечение электронными пособиями, книгой для

учителя, книгой для родителей и др., но то же электронное пособие по ОПК обладает более насыщенным материалом по организации уроков, дополнительным заданиям и методическими рекомендациями к поурочному планированию.⁵

Например – рекомендации к урокам № 18 и №20.

Урок №18. Тема урока: Как христианство пришло на Русь.

Цель урока: Познакомить учащихся с историческими событиями, связанными с Крещением Руси

Задачи урока:

- Обучающая: узнать исторические обстоятельства, связанные с Крещением Руси.

- Развивающая: понять, какое значение имеет Крещение в жизни отдельного человека и целой страны

- Воспитывающая: осознать, что представление о Святой Руси – это представление о России, стремящейся к святости

- Ключевые понятия урока: Церковь, проповедь Евангельского учения, князь Владимир, Крещение, Святая Русь.

На доске выписаны слова:

После крещения князь Владимир:

открыл школы для детей

заботился о том, чтобы никто не голодал, стал милосердным начал строить храмы

Вопросы учителя, пробуждающие интерес к теме:

Как вы думаете, что еще, кроме покаяния, может изменить человека?

Что вы слышали о князе Владимире, крестившем Русь?

Почему его называли «Владимир Красно Солнышко»?

Знаете ли вы, что до крещения он был очень жестоким?

Описание урока:

Рассказ учителя об исторических обстоятельствах Крещения Руси (по учебнику). Подробно рассмотреть, в каких случаях Русь называют Святой.

Урок 20. Тема урока: Заповеди блаженств.

Ключевые понятия: кротость, милость, зависть, чистота сердца

Цели урока: познакомить детей со знаменитой Нагорной проповедью, заповедями блаженства, организовать обсуждение таким образом, чтобы раскрылась гуманная составляющая и привлекательность основ христианского сознания и этики.

СНАЧАЛА РАЗМЫШЛЯЕМ САМИ

1. Вам доводилось самим сердиться на себя? Всегда ли это голос совести? Иногда человек сердится на какой-то свой неумный или постыдный поступок. А, бывает, люди сердятся на себя, осуждая себя за проявленное снисхождение: мол, зачем я отдал даром? Мог бы и продать!

Вопрос: всегда ли самоосуждение – это хорошо?

2. Вам доводилось слышать выражение «чистосердечное признание»? Как вы полагаете – что такое «чистое сердце»?

Исследовательская работа с текстом

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ЗАДАНИЕ

Отследите в тексте толкование заповедей Господних. Выберите самую понравившуюся вам или, наоборот, самую сомнительную для воплощения вами заповедь. Прокомментируйте сказанное в тексте о заповедях и добавьте собственную аргументацию и примеры.

Чтение текста.

Послетекстовая работа.

Реализация опережающего задания.

Подведем итоги:

ПОГОВОРИМ ПО ДУШАМ

- Блаженны нищие духом, ибо их есть (дано им будет) Царствие Небесное;

- Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Подумай почему «плачущие» счастливы и блаженны. О чем они могут плакать?

Разумеется, это не часто встречающийся плач от обиды на кого-нибудь из-за нашего эгоизма. Это внутренний плач от понимания своих недостатков, грехов. Понимание того, что помочь преодолеть эти грехи и простить их может Господь. Это состояние душевной трезвости, не потакание себе, а способности человека критически оценить себя.

Продолжи фразу:

По-христиански плачущие – это не плаксивые люди, а ...

Блаженны кроткие, ибо они наследуют (то есть получают во владение) землю.

Кротость – это что за качество? Ты воспринимаешь его как положительное или отрицательное?

Очень многие люди, мягко говоря, недолюбливают это качество характера. Может быть потому, что мало кто из нас умеет и хочет быть кротким. Ведь для этого нужно сдерживать себя, управлять со-

бой. Кротость – это сила, а не слабость, как полагают некоторые. Интересно, что нежелающие быть кроткими предпочли бы видеть рядом с собой именно владеющих собою людей, способных спокойно, трезво оценить ситуацию, не впадающих в гнев и раздражение. Именно кроткие наследуют землю, это – символ Царства Небесного.

Итак, перед образовательным пространством России стоит серьезная задача формирования порядочного, честного и достойного гражданина, готового к межкультурному диалогу и уважительному отношению к другим гражданам разных вер и культур. Решению этой задачи стремятся помочь и религиозные круги, особенно, традиционные для России конфессии. В нашей стране есть давние традиции сотрудничества государства и Русской Православной Церкви, мусульманских общин и других религиозных направлений, которые должны стать основой интеграции возможностей и сил в деле духовного воспитания наших детей – будущего России.

Примечания

¹ Поручение Президента Российской Федерации от 2 августа 2009 г. № Пр-2009

² Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Учебный предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России» // Педагогика. М., 2009. – № 9. – С. 15-21

³ Приветствие Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла участникам XVIII Международных Рождественских чтений. – М., 2010. - С.7

⁴ Кураев А.В. Основы религиозных культур и светской этики. Основы православной культуры. 4-5 классы: учебное пособие для общеобразовательных учреждений / А.В.Кураев. - М.: Просвещение, 2010. – С.3

⁵ Основы религиозных культур и светской этики. Программы общеобразовательных учреждений 4-5 классы. – М.: Просвещение, 2010. Основы религиозных культур и светской этики. Книга для учителя. 4-5 классы: справочные материалы для образовательных учреждений / под ред. В.А.Тишкова, Т.Д.Шапошниковой. – М.: Просвещение. – 2010. – 239 с. Основы религиозных культур и светской этики. Книга для родителей. / А.Я. Данилюк. – М.: Просвещение, 2010. – 32 с.

ИЗУЧЕНИЕ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В 1920 – 1930-Е ГГ.

Развитие историко-этнографических исследований в 1920–1930-е гг. необходимо рассматривать в контексте краеведческой работы в целом. Начало систематическому и разностороннему изучению родного края в Южном Приуралье было положено во второй половине XIX – начале XX в.¹ В годы Первой мировой и Гражданской войн краеведческая работа приобретает значительно более скромные масштабы. Новый импульс краеведению придали радикальные социально-политические преобразования, связанные с установлением нового строя в послереволюционный период. Государственная политика и деятельность местных органов власти были ориентированы на удовлетворение национально-культурных потребностей народов Советской России.

В сентябре 1922 г. при Наркомпросе БАСССР создан Академический центр (Академцентр), организовывавший и координировавший научно-исследовательскую, педагогическую, учебно-методическую, издательскую и краеведческую работу в пределах всей Башкирии. После перевода столицы Башкирии в Уфу по постановлению БашЦИКа при Академцентре Наркомата просвещения БАСССР в октябре 1922 г. создается «Общество по изучению быта, культуры и истории народов Башкирии» («Общество по изучению Башкирии»). Но в дальнейшем краеведческие организации и учреждения были необоснованно обвинены в разжигании националистических и местнических настроений, сепаратистских планах и закрыты, а многие выдающиеся ученые и деятели культуры в 1930–1940-х гг. репрессированы.

В рамках краеведческой работы довоенного периода, охватившей в качестве объектов исследования народы Приуралья, заметно внимание к истории и культуре украинцев как весьма представительного по численности этноса региона. Наиболее интенсивная исследовательская работа в этом направлении происходила в середине и второй половине 1920-х гг.

Одним из наиболее активных деятелей местного национально-краеведческого движения в Уфе в 1920-е гг. был педагог, писатель, ученый-языковед, просветитель Г.И. Комиссаров. В 1924–1926 гг. он преподавал в Башсовпартшколе, Уфимском институте народного об-

разования, где разработал учебный курс «История и этнография Башкирии», заведовал секцией краеведения Башнаркомпроса. Позднее был заведующим курсами по подготовке ликвидаторов безграмотности, председателем Программно-методической комиссии по политпросвету и председателем секции школьного краеведения Академцентра Наркомпроса БАССР. Многолетняя и разносторонняя деятельность в области организации национального образования позволила Г.И. Комиссарову обработать и проанализировать большой объем статистической и отчетной информации, подготовить сравнительно-исторические исследования.

В статье «Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении»² Г.И. Комиссаров отмечает в высшей степени пестрое население БАССР, которое состоит не менее, чем из пятнадцати этнографических групп. По переписи 1920 г. были указаны не все группы. В том числе украинцы (иначе «малорусы» или «хохлы») и белорусы, которые вошли в общее число русских – 1.152.564 чел. Более определенными являются сведения 1923 г., в которых украинцев указано 76561 чел.,³ они занимали шестое место по численности населения в Башреспублике. Однако Г.И. Комиссаров оговаривается, что приведенные цифровые данные, полученные из Башкирского Центрального Статистического Управления (БЦСУ), о численности населения БАССР национально-этнографических групп не могут считаться абсолютно точными, в них имеются промахи, упущения. Например, в списках БЦСУ отсутствуют некоторые селения или не точно указан их этнический состав. Хотя по украинцам таких данных не приводится. Автор выражает надежду, что Всесоюзная перепись населения, намеченная на 1926 г., должна даст более точные сведения.

На основании имеющейся статистики Г.И. Комиссаров производит классификацию национально-этнографических групп республики по следующим параметрам:

1. По численности населения все народы разделены на три группы: крупные (русские и башкиры), средние (в том числе украинцы) и мелкие (менее 10 тыс. чел.).

2. В языковом отношении представлены главнейшие семьи Азии и Европы – урало-алтайская и индо-европейская с различными их ветвями и наречиям, всего более 10 обособленных групп, из которых славяне составляют 43% всего населения. По мнению Г.И. Комиссарова, в Башкирии количество «живых языков» не совпадает с национально-этнографическими группами, т.к. обособленных языков не

сколькo меньше. Что касается украинцев, язык которых находится в близком родстве с языком великорусским (но все же отличаются друг от друга свойственными каждому из них специфическими особенностями: присутствием слов, форм и звуков), то они, не имея пока в условиях здешнего существования особых украинских школ с преподаванием на родном языке, постепенно бросают свои языки и усваивают великорусский.⁴

3. Занятия и экономическое состояние. Население БАССР занимается разнообразным трудом, но подавляющее большинство (около 95%) составляет население, занимающееся сельским хозяйством. Рассматривая различные этнографические группы с точки зрения их занятий, Г.И. Комиссаров находит, что индоевропейцы ведут свое хозяйство более рационально и интенсивно. В этом отношении на первом месте стоят немцы, латыши и эстонцы, на втором месте – украинцы и белорусы, на третьем – великорусы. В экономическом отношении наиболее мощными из сельских жителей также являются немцы, латыши, эстонцы, затем украинцы, белорусы, великорусы.⁵ Каждая этнографическая группа имеет свое классовое подразделение и может быть поделена на кулаков, зажиточных середняков и бедняков.

4. В культурно-бытовом и идеологическом отношении население распадается на группы, не совсем совпадающие ни с племенными, ни с языковыми, ни с социально-экономическими группами. Характер культуры людей определяется, прежде всего, формами труда, но зависит также от географической среды, традиции, от воздействия соседей, государства, религии и научной мысли. Культура, развивающаяся без большого влияния со стороны внешних факторов, может быть названа самобытной. Но и абсолютно самобытной культуры не бывает. А в Башреспублике, при распыленности и совместном жительстве различных этнографических групп, культурно-идеологические группы тем более не имеют отпечатка полной самобытности. Г.И. Комиссаров рассматривает в данном случае украинскую (и белорусскую) культуру как составную часть «русской». В культурно-бытовом отношении (в действительности – по религиозному принципу) автор выделяет 10 групп. Украинцы вместе с некоторыми другими народами относятся ко второй группе – «православные христиане».⁶ Каждая из культурных групп имеет свою идеологию, обычаи и обряды.

Из всех представленных народов края только башкиры могут считаться коренным населением. Все остальные национальности составляют пришлый элемент, имеющий различную давность. Украин-

цы произошли в свое время от смешения днепровских славян со всевозможными народностями, по преимуществу тюрками, проходившими через южные (черноморские) степи.⁷

Различные этнографические группы расселены по территории Башреспублики далеко не равномерно и не сплошными, однородными полосами. Великорусы, украинцы и белорусы расселились по линиям городов, рек, трактов и заводов, встречаются они во всех кантонах.

В заключении Г.И. Комиссаров делает вывод о том, что вопросы, возникающие в связи с населением, многообразны и заслуживают большого внимания. Чтобы различные народы, населяющие край, сблизились между собой важно распространять точные и правдивые сведения о различных национальных группах, а для этого нужно усиленно и всесторонне изучать население края, в том числе в историческом и этнографическом отношении. Только в этом случае установится взаимное уважение между группами населения и осуществится столь необходимая для улучшения жизни солидарность населения.

В 1920-е гг. в центре внимания исследователей оставалась тема колонизации края. Этим вопросам посвящена статья М. Никитина в журнале «Хозяйство Башкирии».⁸ Судьба Башкирии и ее колонизации, по мнению автора, оказались в полной зависимости от общей системы отношений Московского государства к собственникам земель в завоеванных им областях. С переходом в московское подданство, территория заселенная башкирами должна была колонизироваться по усмотрению завоевателя. Сложность и неустановившийся окончательно характер поземельных отношений открывал большие возможности для колонизации не только правительственной («сверху»), но и вольной («снизу»). Эти два пути колонизации шли параллельно, имели отличные друг от друга, свои специфические цели и элементы.

Правительство проводило одну систему – переход от обороны к наступлению на «степь». Для этого по военным границам сооружались оборонительные линии, по ним – укрепленные города, пригороды и острожки, между ними – валы и засеки. Районы городов и сами города заселялись сторожевыми войсками, поэтому главным контингентом правительственной колонизации оказывались «служилые люди». Сведения о военном населении Уфы с 1625 по 1636 гг. дают представление и о численности «черкас»: 1625 – 2, 1626 – 2, 1627 – 2, 1628 – 2, 1630 – 1635 – нет, 1636 – 3.⁹ Доля эта была крайне мала при общем составе гарнизона приблизительно в 400 человек.

Военный характер колонизация сохраняла и в начале XVIII в. в эпоху Петра и его преемников. Насколько велико в это время было вольное движение народностей и «русских беглых», точных данных найти невозможно, но, вероятно, вольная колонизация имела уже определенный успех. С завершением постройки Закамской линии и других укрепленных районов в Башкирию все чаще стали переселяться государственные крестьяне, называемые в официальных документах «вольными, гулящими людьми».

Новую эру в истории колонизации в XVIII в. создали два мощных фактора: 1) переход от военной колонизации к крепостной сельскохозяйственной; 2) насаждение по Уралу и в Башкирии горной промышленности.

По данным 4-8 ревизий, численность населения с 1782 по 1833 г. неизменно возрастала, увеличившись за этот срок почти в три раза, к 1850 г. на той же территории численность населения увеличилась еще в два раза.¹⁰ По национальному составу существенно преобладал «русский» элемент, который быстро оттеснил на второй план коренное население края. Этот русский элемент, с точки зрения правительства, был более «благонадежным», поэтому предпринимались все усилия для его дальнейшего увеличения. Переселение сюда трудовой крестьянской массы из внутренних губерний превратилось скоро в настоящую «переселенческую эпопею». Всего за период с 1865 г. до 1912 г. на территорию Башкирии переселилось 238497 чел. или 38121 двор. Однако внимание правительства к переселению в разные годы было различным, что отразилось, прежде всего, на темпах этого процесса. Так, наиболее успешными были 1891–1895 гг. (37316 чел.), 1876–1880 гг. (36897 чел.), 1871–1875 гг. (27905 чел.). И, наоборот, переселение сравнительно «затихало» в 1896–1897 гг. (502 чел.), 1911–1912 гг. (7320 чел.).¹¹

Усилению переселенческого движения в 1880–1890-е гг. способствовали практика широкой перепродажи переселенцам бывших башкирских земель, скупленных «должностными лицами и служащими» (72,9% крестьян оседало на купленной земле, 18,2% – на арендованной), проведение Самаро-Златоустовской железной дороги, череда неурожайных лет во внутренних губерниях России, учреждение в 1893 г. Сибирского переселенческого комитета. Еще большему размаху переселенчества помешало то обстоятельство, что после 1906 г. значительная часть крестьян направлялась уже за Урал, в Сибирь и на Дальний Восток.

В пестром конгломерате переселяющихся крестьян преобладали выходцы из соседних с Башкирией северо-восточных губерний, но и выходцы из Украины занимали весьма заметное место среди 32 губерний.¹²

№	Губернии	Дворов	Душ обоого пола	% дворов	% душ обоого пола
...3	Полтавская	1068	5046	2,8	2,1
6	Киевская	700	4163	1,8	1,9
11	Харьковская	533	3419	1,4	1,4
12	Подольская	509	3639	1,3	1,5
16	Черниговская	297	1586	0,7	0,6
17	Екатеринославская	227	1622	0,6	0,6
19	Херсонская	212	1032	0,5	0,4
25	Таврическая	71	347	0,1	0,1
28	Волынская	24	126	0,06	0,05

До середины XIX в. в Башкирию переселялись преимущественно представители народностей Прикамья и Поволжья, а позднее преобладали уже великороссы и украинцы. В национальном составе по данным за время с 1865 по 1897 г. два славянских народа, объединенные в одну группу, давали 87% переселенцев (25682 двора и 165663 души обоого пола). Используя историко-статистические таблицы Башстатуправления, М. Никитин сопоставляет в соответствующем разрезе численность основных народов Уфимской губернии по состоянию на 1912 и 1920 гг. Среди них в 1912 г. украинцев, фигурирующих в статистической отчетности уже самостоятельно, насчитывалось 56923 души (2,59%), в 1920 г. – 67122 (2,83%).¹³

Из приведенных данных видно, что в период до и после революции 1917 г. украинцы в Уфимской губернии (затем – Башреспублике) несколько увеличили как абсолютную, так и относительную численность. На момент же подготовки статьи М. Никитин приводит численность украинцев в 89695 (или 2,99%), что вывело их на третье место в республике после «башкиро-татар» и русских, т.е. за первое десятилетие советской власти численность украинцев выросла более чем на 20 тыс. чел. Следовательно, делает вывод автор, среди так называемых «нацменьшинств» (с долей до 3%) украинцы вместе с марийцами и чувашами занимали в это время преобладающее положение.¹⁴

Наиболее подробное исследование¹⁵ о национальном составе послереволюционной Башкирии принадлежит уфимскому статистику, экономисту и краеведу Н.Н. Барсову, в 1923–1930-м гг. работавшему в Статуправлении БАССР, где он специализировался, в том числе, на демографической статистике.

Н.Н. Барсов определяет актуальность своего научного труда тем, что о численном соотношении племенных групп населения на территории Башкирии до тех пор отсутствовали точные и пользующиеся общим признанием данные. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. не могла дать исчерпывающие сведения. Во-первых, прошло уже тридцать лет, глубинные социально-политические и хозяйственные трансформации, изменилась и общая численность населения. Во-вторых, существенно изменились административные границы тех территорий, где проводилась перепись, произошло раздробление прежних уездов. В-третьих, национальность определялась по родному языку, а не по самоопределению опрашиваемых. Поэтому степень погрешности оказывается очень великой по многим позициям.

Перепись 1920 г. была более свободна от указанных недостатков, но поскольку она проходила в условиях острейшего послереволюционного кризиса, то не был охвачен ряд районов Башреспублики и некоторые данные не вызывают доверия из-за неполного соблюдения методических рекомендаций переписчиками. К июлю 1928 г. окончательно были обработаны результаты переписи 1926 г. и, наконец, получены наиболее точные и бесспорные данные о национальном составе края. Впервые в истории переписей причисление себя к той или иной национальности происходило на основе свободного волеизъявления каждого человека.

Перепись 1926 г. зафиксировала на территории БАССР представителей 55 народностей. Н.Н. Барсов для научного анализа ограничивается 16 наиболее крупными народами края с числом представителей более 1000 человек, дающими статистически подавляющий объем информации. Кроме того, общность племенных и культурно-бытовых признаков, например, для русских, украинцев и белорусов позволяет объединить их в группу «восточные славяне» (по аналогии с группой «тюрки»). В статье, снабженной таблицами и картограммами, на основе официальных материалов переписи 1926 г. рассматриваются вопросы численного соотношения 16 народов и их географического распределения по территории БАССР.

Из 31 миллиона украинцев СССР на территории, принадлежащей БАССР, проживает группа в 76710 чел. или 2,87% всего насе-

ления Башкирии. Немногим менее половины (31469) всех украинцев республики проживает в Белебеевском кантоне, почти в равном количестве они оказались в Стерлитамакском (18220) и Уфимском (17008) кантонах. Меньшая группа украинцев (8748) зарегистрирована в Зилаирском кантоне. В Аргаяшском, Бирском, Месягутовском и Тамьян-Катайском кантонах украинцев насчитывается менее 1% населения. 2083 человек (2,7% украинского или 0,9% всего городского населения Башкирии) переписаны в составе городского населения. Более 100 человек украинцев оказались в Уфе – 534 чел. или 0,5% всего населения города, в Кувандыке – 452 чел. (12,7%), в Белебее – 232 чел. (2,1%), в Стрелитамаке – 185 чел. (0,7%), в Давлеканове – 160 чел. (1,9%), в Раевке – 149 чел. (2,5%).

В сельских местностях переписью учтено 74627 украинцев (97,3% всего украинского или 3,1% всего сельского населения Башкирии). Наиболее высокий процент украинцев (25,2%) приходится на Альшеевскую волость Белебеевского кантона. Свыше 1000 человек в каждой проживает по следующим волостям: Ахуновской, Белебеевской, Давлекановской, Зильдяровской, Киргиз-Миякинской и Приютовской – Белебеевского кантона; Кипчакской и Хайбуллинской – Зилаирского; Ашкадарской, Бегеняш-Абукановской, Зиргановской, Калкашевской, Кургазинской, Мелеузовской, Миркитлинской, Федоровской и Уршакминской – Стерлитамакского; Абраевской, Дмитриевской, Иглинской, Кармаскалинской, Новоселовской и Чишминской – Уфимского.¹⁶ Подробные статистические материалы по украинцам Башкирии отражены в соответствующих приложениях к статье.¹⁷

В послереволюционный период интерес к истории народов края проявился не только у местных краеведов. Содержательную работу¹⁸ по этническому составу всего Приуральяского региона в 1926 г. подготовил Ф.А. Фиельструп – петербургский ученый, этнограф, географ, сотрудник этнографического отдела Русского музея и Комиссии по изучению племенного состава населения СССР при АН СССР. Над составлением карты этнического состава Приуралья он начал работать еще с 1918 г. под руководством известного специалиста в области этнографии С.И. Руденко.

Ф.А. Фиельструп характеризует Приуралье с его необычайно пестрым населением как «порог для людских волн, переливающихся из Европы в Азию или наоборот».¹⁹ Географическое понятие «Приуралье» в данной работе включало в себя Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии. В качестве основных источников привлече-

ны данные переписей населения 1897, 1917, 1920 гг., списки населенных мест 1908–1909 гг., подворные переписи 1912–1913 гг., историко-статистические и экономические сборники и таблицы разных периодов. Ученый подходит к использованию этих источников критически, указывая на то, что неоднократно и существенно изменялись административные границы в пределах края, не всегда выяснение «племенного состава» входило в программу опросов населения, в некоторых переписях сама работа производилась недостаточно тщательно и аккуратно, существующие сведения нередко противоречивые и неполные. Такая ситуация приводит к множеству неувязок и погрешностей, делает цифры переписей не вполне достоверными²⁰, но это единственные официальные данные, игнорировать которые невозможно.

Украинцы в этнической карте Приуралья играют весьма заметную роль, которая только возрастала по мере усиления переселенческого движения. В 1897 г. в Уфимской губернии украинцев насчитывалось 4907 душ, к 1912–1913 гг. они уже заняли видное место в ряду других национальностей – 56923 души. Распределение по уездам (кроме Мензелинского) было таково: Белебеевский – в 21 волостях из 34, Уфимский – в 14 из 34, Стерлитамакский – 19 из 34, Бирский – в Аскинской, Байкинской и Исмайловской волостях, в Златоустовском уезде во 2-й Айлинской волости. В Оренбургской губернии украинцы в 1897 г. жили во всех уездах, не исключая Верхнеуральский, где в 1917 г. они не упоминаются. За 20 лет (1897–1917) их число выросло вдвое (с 39426 до 79964 душ), причем большая половина всех украинцев находится в Оренбургском уезде. В Пермской губернии в 1897 г. украинцев было 2028 (1889 человек в сельской местности и 139 в городах), из них 93% (1767 чел.) – в Верхотурском уезде. Перепись 1908–1909 гг. умалчивает об украинцах, включая их в общую группу «русских». В 1920 г. в некоторых уездах вновь появляется небольшая группа в 504 души²¹ (больше всего в Оханском и Осинском уездах – 215 и 150 чел.), в городах – 418 чел.

Украинское население по уездам и городам Уфимской губернии²²

Уезд	Год учета населения		
	1897	1912–1913	1920
Уфимский	1198	12170	17720
Белебеевский	2111	30049	32133

Бирский	3	2411	1099
Златоустовский	11	174	1785
Мензелинский	9	-	-
Стерлитамакский	1575	12119	14385
Всего в сельской местности	4907	56923	67122
Всего в городах	89	<i>нет данных</i>	<i>нет данных</i>
Всего по губернии	4996	56923	67122

**Украинское население по уездам и городам
Оренбургской губернии²³**

Уезды	Год учета населения	
	1897	1917
Оренбургский	28445	47369
Верхнеуральский	610	-
Орский	8579	26012
Троицкий	724	871
Челябинский	1068	5712
Всего в сельской местности	39426	79964
Всего по городам	2115	<i>нет данных</i>
Всего в губернии	41541	<i>нет данных</i>

В общей этнической структуре Приуралья края украинцы расселены главным образом в Уфимской и Оренбургской губерниях, делясь почти поровну между ними (41,58% и 58,42% соответственно), то есть населяют юго-западную часть края. В Уфимской губернии они составляют, по данным на 1912–1913 гг., 2,14% от общего числа населения, в Оренбургской области на 1917 г. – 6,41%.²⁴ При формировании этой структуры наблюдается очень интенсивное «размножение» населенных пунктов, которые основываются преимущественно выходцами с запада. Преобладающим контингентом в этом движении являются украинцы. Если для коренных народов «фактором роста» следует рассматривать естественное преобладание рождаемости над смертностью, то для «пришельцев» (украинцев-земледельцев и др.) – это приток новых переселенцев, если районы оседания отвечают их почвенно-географическим требованиям.²⁵ Внутри региона происходят сложные этнические процессы – как ассими-

ляция, так и выделение одних народов из других (например, украинцев из великорусов).

По справедливому выводу Ф.А. Фиельструга, сопоставление различных данных, старых и новых, даже при обнаружении ошибок в происхождении населения того или иного пункта или района, все равно способно показать динамику населения во всех возможных проявлениях.

Итак, научная деятельность в 1920–1930-е гг. происходила в политических, идеологических и социально-бытовых условиях, совершенно отличных от предшествующего этапа.

Во-первых, изучение истории края становится уже не просто делом энтузиастов-одиночек, а приобретает более системный и организованный характер в рамках создающихся специализированных научных учреждений и обществ.

Во-вторых, государственная национальная политика до определенного времени способствовала развитию этнического самосознания народов молодой Советской России, видя в этом залог единства и стабильности страны.

В-третьих, в реалиях советской эпохи появляется и закрепляется мировоззренческая основа всей исследовательской работы в области исторических и этнокультурных процессов – идея интернационализма и необратимости активного межнационального сотрудничества.

Исходя из особенностей эпохи, содержания, форм, методов и направлений исследований, можно сделать следующие выводы:

1. История переселенческого движения остается преобладающей темой, постепенно дополняясь новыми сведениями, связанными последствиями столыпинской аграрной реформы, миграционными потоками военного времени, постреволюционными событиями – индустриализацией, коллективизаций и т.п.

2. Благодаря совершенствованию методик организации и проведения переписей населения в советское время в научный оборот введено значительное количество нового и более точного статистического материала, в том числе отражающего процесс формирования украинского населения Южного Приуралья.

3. Все исследователи в своих трудах стремились реализовать главный методологический принцип – проведение сравнительно-исторических параллелей с целью выявления общих и отличительных черт материальной и духовной культуры как в среде восточнославян-

ской общности (русские – украинцы – белорусы), так и между представителями разных этноязыковых групп (славяне – тюрки – финно-угры).

Примечания

¹ В это время возникли первые организации и общества, занимавшиеся изучением природных условий, населения, языков, культуры региона: Статистический комитет губернского земства (1864), Уфимский губернский краеведческий музей (1864), Оренбургское отделение Русского географического общества (1867), Оренбургская ученая архивная комиссия (1887), Общество по изучению местного края (1908). Особое общественное значение и большой научный авторитет приобрела деятельность Губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), создаваемых с целью поиска и отбора важных архивных документов, организации архивного дела. В 1887 г. ГУАК создана в Оренбургской губернии, в 1916 г. – в Уфимской.

² Комиссаров Г. Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник: Материалы общества по изучению Башкирии. – Уфа, 1926. – С. 17-30.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 18-19.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Там же. С. 22-23.

⁸ Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. – 1928. – № 6-7. – С. 73-85.

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ Там же. С. 81.

¹² Там же. С. 83.

¹³ Там же. С. 84.

¹⁴ Там же. С. 85.

¹⁵ Барсов Н.Н. Национальный состав населения БАССР (по районам проживания главных народностей) // Хозяйство Башкирии. – 1928. – № 8-9. – С. 102-132.

¹⁶ Там же. С. 109.

¹⁷ Там же. С. 114-127.

¹⁸ Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. С этнографической картой и дополнениями к ней. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – 38 с.

¹⁹ Там же. С. 1.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ Там же. С. 17-18.

²² Там же. С. 28-30.

²³ Там же. С. 31-32.

²⁴ Там же. С. 37.

²⁵ Там же. С. 21-22.

СЕКЦИЯ 1.
РУССКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫКИ
КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН

Иванова Л. В. (Оренбург)

**ОБРАЗЫ МНОГОЦВЕТНОЙ ПРИРОДЫ РОССИИ
В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОРЕНБУРГСКИХ АВТОРОВ)**

Значительное место в словарном составе любого языка занимает лексика, обозначающая какой-либо цвет.

У каждого народа есть свой, выработанный веками, устоявшийся набор «первоочередных» цветообозначений, и этот набор, естественно, находит отражение в художественной литературе (и не только!).

Цель статьи – охарактеризовать корпус цветообразов, связанных с природой, и выявить активность использования того или иного цвета в стихотворениях оренбургских авторов (на материале более 2500 контекстов).

Мы рассматриваем употребление цветowych слов только в сочетании с обозначениями объектов природы, принимая во внимание и оттенки всех цветов, и авторские единицы.

Самым объемным (свыше 450) является инвентарь контекстов, содержащих красный цвет и его многочисленные оттенки (См. об этом нашу статью «Красный»: слово и образ в произведениях поэтов Оренбуржья» - Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Современное состояние межэтнических и этноконфессиональных отношений в регионах России: Проблемы повышения толерантности населения», Оренбург, 2007).

Второе место по количеству контекстов принадлежит белому цвету (около 350).

Словосочетание белый снег встречается у многих авторов; иногда оно видоизменяется: бел-колюч снежок – у Н. Волженцева; Пойду,

посою зернышко / В белым-белой снежок – у А. Иванова-Огарыша; Берез малиновые тени / Легли на белые снега – у Ю. Селиверстова.

Нередко образ снега подается иносказательно, что повышает выразительность информации: ...лежал на сверкающей, белой простынке / русской зимушки мягкий пейзаж – Т. Баскова; Первый морозец. Хрустальная тишь. / В белых гирляндах / Поют провода – Е. Вовк; Город залило белым-белым, / Нетронутым, / Целым, / Каким-то пенным, / Бесценным, / Пушистым, / Щекочущим мехом – И. Елин; ...Рядом – только тихий снегопад, / И столько света в белом беспорядке! – В. Макуров; По степному белому раздолью / Острогрудый снегопах плывет – К. Мусорин; Пишу я штыком на сугробах далекое имя, / А его через миг / Тверские болота закутают белым бушлатом – Ю. Орябинский; Мчатся сани в белой неге, / Всю деревню замело – П. Переплетчиков; На окне морозном – кружево, / В белой выпушке дома – М. Трутнев; Окутал всю округу / Колочий белый плед – Ю. Селиверстов; Белым ситцем прикрылись вдали / Купола Пресвятой Богородицы – Ю. Селиверстов; ...я теплой ловила ладошкой / Восточку белую с неба - / Пушистый привет безответный – Л. Эсаулова.

Отдельно можно выделить такие «деяния» снега, как вьюга, метель, пороша и подобное: До чего прекрасен белый свет, / Белый цвет черемухи и вьюги – Т. Белозерова; ...сани сами по снегу летели, / А вслед за ними белые метели – Д. Даминов; Белая метель поляну занесла – В. Ерофеева; Ах, метель... / Все она, как вечность, белым белит, / Только снег – и никаких чудес! – В. Одноралов; ... к ночи вновь запорошило - / И вот уже белым-бело – Ю. Орябинский; Белой стеною проходит пурга – Г. Федорченко; ...на плече моем белели / Следы – прикосновенье вьюги – А. Цирлинсон.

Белыми рисуются поэтами и другие объекты природы – как одушевленные, так и неодушевленные; особенно активно стремятся авторы соединить описываемый цвет с березой, реже – с вишней, черемухой, яблоней, еще реже – с тополями, которые «роняют у дорогого / Белоснежный пуховый / Оренбургский платок» (Е.Вовк).

На третьем месте – контексты, в которых представлены объекты природы зеленого цвета (более 300): трава (Обоймет трава зеленая / На ромашковом лугу- Н. Волженцев; Зелена травиночка, / Да надолго ли? – А. Ганюшкина; Мальчик скачет на коне / По зеленой по траве – В. Ерофеева; Зеленая пышет трава – В. Курушкин); дере-вья (...дуб хранит росток зеленый – Г. Грибанова; ...посадки зелеными

елками / Не спасают от боли в груди – В. Демури; ...надел зеленеющий ясень / Окровавленно-огненный лист – И. Елин; Нас привечали сосенки – зеленые макушки – Н. Емельянова; Росла сосна / С дуплом внутри, / Внутри с дуплом - / Зеленая – Д. Морской; В ряду помертвевших деревьев / Зеленый стоит карагач – А. Тепляшин); листья (Родился клейкий маленький листочек, / Зеленоглазый, как сама весна – Б. Гехтман; Вспорхнула птица... / Среди зеленых лапищ тополиных – В. Курушкин; С лап своих, всегда зеленых, / Снег отряхивает ель – К. Мусорин; Листья, убитые первым морозом, - / Листья недавно зеленой березы – С. Попова); лес, сад и подобное (Эх, белены хаты, / Зелены сады! / Шли мы воровато / Ночью на зады, / Где слышны припевки... - Н. Волженцев; На колени пред лесом паду, / Чтобы он оставался зеленым – Г. Грибанова; Смотрю на сад зеленый / В калиточный проем – В. Селивановская; Морякам крылатых кораблей / Снится бор, зеленый и смолистый – В. Одноралов); поля, луга, степь (Уж луга-то вы, луга чернореченские, / Луга заливные да зеленые – Н. Волженцев; ...над коврами зеленых полей / Пел соловей – В. Демури; В зеленом долу – разноцветная кашка – Н. Клементьев; Словно даль зеленая морская, / Степь стоит у бора на краю, / Маревом серебряным сверкая – Н. Кожевникова; Краина моя степная - / Зеленые мои поля! / Горит, к тебе, не утихая, / Любовь негромкая моя! – В. Кузнецов; То не роса, / То не роса / Кропит луга зеленые - / То слезы льет, / То слезы льет / Детинушка – Д. Морской); вода (В воде – смятенье облетевших листьев, / Подхваченных зеленою волной – Т. Баскова; ...волны по жизни уносят / Тех. С кем плыли когда-то / По мутной зеленой воде – В. Макуров; ...никто не сидел / У зеленой реки – В. Наседкин; см. также: Всему виной глаза твои, твои глаза зеленые / Как будто бы два озера с зеленой водой – Н. Акисова; ... в глаза – зеленой воды - / Люди смелые не глядели: / Испугались моей беды – С. Попова). Отмечены также и другие зеленые объекты природы (холмы, берега, острова, улицы).

На четвертом месте по объему находятся «синие» контексты (более 200).

Чаще всего они характеризуют небо: ...под студеным синим небом / По ветру стелется дымок – А. Возняк; Родился я под небом синим / Под колыбельный шум берез – В. Курушкин; ...В синем небе тесно / От перелетных стай – Г. Хомутова.

Иногда поэты заменяют слово «небо» синонимами: Вечен синий небосвод – Г. Грибанова; Плачет дождь усталый / За моим окном,

/ И покрылся серым / Синий небосклон – Ю. Мелашенко; Хочу упасть в ромашковое поле,.. / Хочу смотреть я в синее раздолье – А. Мелешко; Знает ли кто, как они (птицы – *Л.И.*) на рассвете / В синюю вольность за собой зовут? – Н. Кожевникова.

Поэты, повышая образность текста, нередко используют олицетворение: Поговори со мною, небо, / Ты где-то там, безумно синее – Н. Бражникова; ...синее небо легло / Грудью на рыжий суглинок – Н. Волженцев; Небо синее высоко, / Я не пытаюсь заглянуть / В его всевидящее око – С. Попова; есть и сравнения: В синем небе – океане / Королевство облаков – В. Бакулин; Медузой парит / Парашют в море синего неба – И. Малов; есть и синекдоха: Где бы достать / Хоть наперсток синего неба? – И. Елин; Но синий благодатный свет небес / Во тьме забрезжил белою березой – В. Кузнецов.

Обращаются поэты к словосочетаниям «небесная синь», «синь небес»: В холодной небесной сини / Сияла моя звезда – Е. Кирнасюк; Орел / В небесной сини плавал одиноко – П. Рыков; ...от небес, простора их и сини / Захватывает дух – В. Трефилов. Тот факт, что слово «синь» - имя существительное, дает возможность добавлять к нему имена прилагательные, позволяющие ярко выразить авторское видение: ...хорошо свежим утром в мае / Пронзительную синь / Испить до дна... - И. Весенняя; Небо - / Синь бездонная – И. Елин; ... Измазав небо яркой синью, / День опять уходит, не спеша – В. Макуров; Глядело небо из глубокой сини – В. Макуров; Весь мир сумел в твои глаза вместиться: / Дома, деревья, небо, облака, / В густую синь взметнувшаяся птица – А. Старых.

Помимо неба, синими могут быть в поэтической речи, отражающей индивидуальность автора, и другие объекты природы: **ветер, вечер, высь, глушь, даль, день, дождь, дымка, иней, звезды, мгла, морозец, облака, оком, ракиты, сеть марева, снег, сумерки, тень, туман, утро.**

Но чаще всего поэты упоминают водную стихию, видимо, потому, что в ней отражается небо: По жесткой руке Оренбуржья родного, / Как синяя жилка, струится Урал – Р. Герасимов; Пусти меня, Женька, / В твой маленький мир, / К твоему сине-синему морю – И. Елин; У синего плеска речушки / Он постиг, наконец, счастье – И. Елин; На берегу синее лед – Л. Исаков; Гляжу я издали / За синь большой реки – Д. Морской; Радуга в чистой выси / Держит, лаская взор, / На расписном коромысле / Синие ведра озер – К. Мусорин; Промокли травы от росы, / От синевы густеют воды – Ю. Селиверстов; ...веселой

синью река / Отражает приветливо небо – Д. Таганов.

Порой синим представлен неожиданный объект, ср.: Теплое, сонное, синее лето / В лодке бумажной по лужам плывет – Н. Кожевникова; И пусть мой светлый горизонт / Завесит синий бархат туч – Е. Пудовкина; Синим запахом сирени / Зыбкий запах окрылен – А. Юдина.

Близки по семантике к «синим» контексты те, в которых упоминается голубой цвет (их около 200, пятое место по объему).

Основной объект – небо, он описан у многих поэтов.

Образ неба становится более выразительным, если он подается либо описательным оборотом, либо скрытым или явным сравнением.

Должны беречь свод неба голубой – Н. Волженцев; Вылетают лебедята / В голубое поднебесье – Д. Даминов; ...для меня здесь расцветает небо / Громадой красок разно-голубых – В. Ерофеева; ...воспарить в летучих облаках / И вот тогда с небес голубоглазых / Вдруг все понять / И воскресить все сразу – В. Ерофеева; Ласково теплое солнце / И еще голубой небосвод – Ю. Мелашенко; ...облака в голубизне высокой / Парят над миром гордо и легко – А. Мелешко; Дрожит буровая ажурная вышка, / Вершиной уйдя в голубой абажур – К. Мусорин; Раскинула степь просторы... / Не степь, а сплошное море, / Такое же голубое, как небо... – В. Напольнов; ...небо, с каким подружился, / Моих голубее погон – Ю. Орябинский; Еще белёса и уныла / Небесная голубизна – Ю. Орябинский; Я видел неба войлок голубой – П. Рыков; твои глаза, как небо в мае, / Еще не знавшее грозы – Ю. Селиверстов; Ветер / Голубое пространство над крышей / Заволакивает пеленой – В. Трефилов; Бесконечной бирюзой, / Золотом, голубизною / Небо выцветит глаза – А. Филатов.

Обращаются поэты при описании неба к синонимичным словам: Над головою – лазурный блин – И. Елин; Светило небо бирюзой – В. Курушкин; Облако тает в лазоревом небе, / Словно надежды мои и мечты – В. Макуров; Ты меня не ревнуй к небесам: / Там, в лазури, невечен полет – В. Макуров; Сквозь разорванные тучи / Понеслась душа к лазури – И. Моргачева; Тучи нависли, / Лазурь не видна – И. Моргачева;

Голубой цвет поэты используют при описании не только неба, но и других объектов природы (чаще всего – связанных с водой), явлений природы, отвлеченных понятий (лазурная тихость озер, голубая беспредельность, голубая немота, июльская пора голубая, лето – голубая пора, туманная даль голубая).

Следует особо выделить те «голубые» образы, которые выпукло отражают авторское – живописное – видение, например: ... звенит по земле / Голубоглазой капелью / Моя неутомная курносая песенка – И. Елин; ... подснежником пушистым / лежит под снегом голубой апрель – Д. Даминов; Эх, Ташла, эх, Ташла! (река – Л.И.)... / Маешь душу мне / Лаской голубою... / Почему не встретились / Раньше мы с тобою – В. Саульский.

Весьма употребительным в описании природы можно также считать черный цвет (почти 200 контекстов, шестое место).

Чаще других поэты дают указанный цвет земле (полю, пашне) – в основном весенней: К горизонту от сараев / Черной пашни полоса – Н. Волженцев; Вдоль забора по черной земле / Бродят голуби в валенках из тополиного пуха – Л. Клевцова; Суля колхозам горы хлеба, / Чернеет поднятая зябь – К. Мусорин; Поле черным черно, / В землю родной сторонки / Ровно легло зерно – К. Мусорин. Особо выделяются те контексты, в которых есть авторское изображение объекта, ср.: Апрель черен в поле / В лесу еще бел – А. Иванов-Огарыш; Она (жизнь – Л.И.) простодушна, горька и бесстрашна, / Как солнцем согретая черная пашня - Н. Кожевникова; Черный шрам зарастает / Изумрудностью ржи – Т. Никитенко; ...знаю: / Хоть чернозем отнюдь не плох, / Но вместо колоса – лентяю / Земля родит чертополох – В. Логвинов.

Черными у поэтов нередко рисуются птицы, причем порой без указания – какие именно: Идет и стонет смерч из черных птиц, / Затягивая нас в свои печали – В. Демурин; Черная большая вереница птиц / Растаяла в убежище ночном – А. Кириллова; Черная, большая, злая птица / Клюет мою рябину за окном – Н. Крятова; Живу я, / Как черная птица: / На ветке сидела-сидела, / Снялась - / Полетела – Н. Лукьянова; Медленно, словно минуты, / Черные птицы летят – В. Одноралов; Почернело в небесах от птиц – А. Мелешко; Темнеет лес, чернеют птицы – А. Филатов.

Из других представителей животного мира фигурируют **черные жуки, черный кот, черная кошка.**

Деревья в зимнюю пору также изображаются черными: ...вижу хаос веток черных кленов / На отбеленном берегу – Ю. Безус; Мне грустно видеть черноту ветвей, / Сплетенных ветром в странные узоры – А. Кириллова; ...снежинки тихо виснут / На черном кружеве куста – Н. Кожевникова; ...снегири - / На черных яблоневетках – Н. Лукьянова; Дробилось солнце в деревьях черных – И. Лысцов; Но

наступит весна – и / Придет веселый дождь остатки снега смыть / И оживит чернеющие рощи – А. Мелешко.

Еще один объект природы может быть черным – туча, и поэты этот факт отмечают: Ударил гром из черной тучи – А. Возняк; Смотри: идут неотвратимо, грозно / Армады черных, леденящих туч – В. Кузнецов; ...Из туманных лощин / Выйдут тучи, черны и сильны – В. Макуров. Более выразительны образы туч в следующих контекстах: ...тучи, подобные черным коням, / Неслись над моей головой – И. Елин; Тучи... / Ближе и ближе, как черная рать – Н. Емельянова; Тучи черная дыра / Истерзала всю округу – Ю. Селиверстов.

Вода также может быть черной, отражая тучи, темное небо: Черной лентой в плену маскарадном / Меж берегов задохнулась река – В. Бакулин; В черные лужи / Падают жухлые листья – О. Вишневецкая; Кипит и пухнет снегом небосвод, / И ходит роща черною водою – В. Демурин; Твоя волна, / Река Урал, / Мутна, черна, / Черна, как ил – П. Кудряшов; Но когда искромсанного льда / Луч коснется – победит, играя, / По асфальту талая вода, / Черная, бывалая, живая – А. Трубенюк.

Значительно число контекстов, посвященных ночи: Ночь накрывает, / Чернит буераки – С. Бычков; Ночь настала, / Черна и груба – М. Клипиницер; ...ночь ведет рассказ, / Идя по жизни, черная, большая – Н. Кожевникова; Расплела свои черные косы / Раскрасавица знойная ночь – А. Мелешко; ...черной ночью / Захлестнет вдруг тоска бичом – А. Мелешко; Черным-черна полночь гулкая – С. Попова.

По одному разу, по два описываются также такие черные объекты: **вечер, даль, дождь, дым, звезды, мгла, молния, небо, снег, сугроб, тени.**

Несколько меньше по объему количество контекстов, включающих слова со значением желтого цвета и его оттенков (около 150 – седьмое место). Эти контексты охарактеризованы в моей статье «Цветобраз» как компонент поэтической речи (на материале произведений поэтов Оренбуржья» - Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона» - Оренбург, 2012.

Сравнительно активно поэты включают в свои произведения слова, обозначающие серый цвет (более 80 контекстов – восьмое место).

Серым может являться небо: На фоне неба серого, седого / Бульвар шумит листвою молодой – В. Макуров; ...покрылся серым /

Синий небосклон – Ю. Мелашенко; Я... / Чье-то серое небо озарить захочу – А. Мелешко; Ну и время! Небо сплошь - / Мрачная густая серость – А. Цирлинсон; Белого солнца лампа дневного света / Виснет с серо-жемчужной стены неба – Л. Эсаулова.

Понятна причина такого состояния неба – из-за облаков многочисленных и туч: Сегодня тучи темно-серы – В. Бакулин; ...под куполом (цирка – *Л.И.*) не видно / Серых туч, тяжелых туч – С. Бурдыгин; Стоит над домом купол серых туч – В. Демурин; Тучи серые насыли, / Пряди виснут, тяжелы – В. Кузнецов; Осень. / В небе холодная просинь / Между серых, нахмуренных туч – А. Мелешко; На сером небе облака - / Как серенькие пятна – А. Цирлинсон; Уже не будит солнце по утрам, / Все чаще жметя к серым облакам – Ж. Цыганова.

Порою тучи «действуют», поэтому: Серый дождь бубнит устало, / Так и просит Христа ради – И. Елин; Но ты сказал: / «Дожди – лишь серая вода» - Н. Лукьянова;

Под серыми тучами, под серым дождем и растения у поэтов тоже серые: Над серою, жухлой травою равнины / Костры полыхают осин и рябины – Н. Волженцев; ...принагнулся кусток / Озябнувшей серой полыни – Г. Грибанова; ...тяжелые тени / Упали на снежный покров / От серых погибших растений – В. Демурин; Мы движемся... / Сквозь серые деревья – Е. Кашкарова; ...угрюмо, серым полотном / Степи Оренбургские застыли – Е. Пудовкина.

Описываемый цвет имеют и другие объекты природы, нередко их выбор весьма индивидуален: **вечер, дорога, мгла, поля, пыли серая портянка и унылой пыли серый слой, сумрак, туман, утро.**

Не забыт поэтами и животный мир: В заводь утки ныряют серые, / Словно чуткие поплавки – Е. Вовк; ...как тени, по сугробам ночью темною / Набегали на деревню волки серые – Н. Волженцев; Что ж ты мало, кукушка, кукуешь? / наших лет тебе, серая, жалко? – Г. Краснов; Налетавшись птицей серокрылой, / Понял я: от родины вдали / Не цветно без милой, / Без уральской песенной земли – В. Логвинов; ...серый воробей никуда не улетает – А. Цирлинсон.

Около 50 контекстов (девятое место) содержат описание природных объектов в серебряном и серебристом цветах.

Таковыми часто авторы рисуют образы зимы: снег, иней, метель: Первый снег на деревья ложится, / Засыпает дорожки в саду - / По ковру серебристого ситца / Я искать свое счастье иду – В. Бакулин; Пусть плачет метель, / Серебром за собою маня – В. Бакулин; ...Снег последний в предвесеннем небе / Похож на серебряную пыль –

В. Бакулин; Зима, я так тебя люблю, / Твой взгляд холодно-колкий, / И серебристый твой наряд, / И белый танец долгий! – Т. Баскова; Полночь. Звезды. / Степь. И кони... / А в лицо / Из-под ладони / Бьет серебряная пыль – Е. Вовк; ...не нравилась фашистам / Русская зима, / Наш мороз, и серебристый / Иней на ветвях – А. Горбачев; (В Соль-Илецке – Л.И.) Соль одна, / Как снежный иней, / Серебрится – Л. Исаков; Утром из дома выйдешь - / В инее каждый кустик... / Тронешь – и медленный вздох, / Осколками вниз, у ног / Серебряной пылью лег – Н. Кожевникова; ...однажды на улице в шумной толпе / Ты мелькнешь вдалеке, как случайный прохожий, / С волосами в серебряной колкой крупе – Н. Кожевникова; В оренбургской белой ночи / Снег серебряный, свет ниоткуда - / И как будто бы без причины / Ожидание чуда – Л. Эсаулова.

Еще один объект нередко представлен в описываемом цвете – вода: ...дремлет река / В непрестанном своем серебре – В. Бакулин; Серебряным пронзенная лучом, / Течет река, лениво выгнув спину – Н. Кожевникова; Я в царстве весенних туманов - / Цветов наполняют стаканы / Серебряной влагой они – В. Курушкин; Передо мною – светлые просторы / Серебристых струй – А. Мелешко; У горы, у ее подножия / Серебристый забил родник – Ю. Орябинский; Словно книгу листая, / Ты (река - Л.И.) журчишь, серебрясь – М. Трутнев.

Другие объекты единичны: **серебряный апрель, бусы, день, земля, крыло утра, марево над степью, перо чайки, росы, роща, рябина, сумерки.**

Серебристые – **вечер, комета, лист, луч, рябь облаков, стая птиц, стрекоза, тополь,**

Около 40 контекстов (десятое место) представляют читателям цветовой ряд лиловый, сиреневый, фиолетовый, чернильный.

Самой употребительной в наших материалах оказывается картина, связанная с затемнением: Дуб источает чернильную мглу – С. Бычков; Подснежник был еще вчера, / А нынче пуст бугор... / Где фиолетовый дымок / Вблизи березняка? – Г. Грибанова; И все ж сквозь горестный кустарник / В кладбищенской лиловой мгле / Увидит вдруг случайный странник / Тот путь тернистый на земле – В. Демурин; Здесь, в лесу замшелом, / Среди теней лиловых, / Лес утишит травы / Для твоих следов – В. Демурин; А миг забвенья, мимолетный вздох, / Но как он сладок в сумерках лиловых – А. Кириллова; Мне страшно в густой и сиреновой мгле, / И так одиноко – до боли... - А. Кириллова; Приснится ночь, и звезды чертят / В лиловой

мгле огнистый след – Н. Кожевникова; По дороге в рай - / В тени берез сиреневой - / Я хочу упасть в шумящую траву – В. Курушкин; Ночь опустит на землю сиреневый полог – А. Мелешко и др.

Несколько контекстов связано с сиренью: Сирень... / Дрожала в глиняных кувшинах / Лиловой дымкой над столом – Т. Белозерова; Сирень бросалась фиолетом / На наши странности любви – Т. Белозерова; Лиловых глаз моих оттенков / Был от сиреневой игры – Т. Белозерова; ...пылают в двух шагах / Лиловые кусты сирени – В. Демурин; ... колдует шальная сирень / Кромешно лиловым туманом – И. Елин; Палисадников шорох сиреневый / Сторожит голубая звезда – Н. Кожевникова и др.

Разумеется, описаны в указанной цветовой гамме и другие объекты природы: Над пеленой сумасшедших огней / Небо искусственно, сине-лилово – В. Бакулин; Пять часов. Зари все нет. / Над рекой – тумана ворохи. / Фиолетовый рассвет / Зацепился за черемухи – Е. Вовк; Цветы вишневые, цветы лиловые / На груди у фонарей - А. Возняк; Клубятся лиловые тучи, / Летят и летят на восток – Н. Волженцев; Лиловая грузная туча / Покрыла все небо собой – Н. Волженцев; ...все небо / Рванулось ко мне / Черными, синими, фиолетовыми (струями – Л.И.) – В. Ерофеева; Лесная каемка сиренево-ала – А. Иванов-Огарыш; Поляны буйством красок удивят, / Лилово-желтым бархатным ковром – А. Кириллова; Все легче небо, все лиловей леса; Венок лиловый кружится; Я... / Так бесстрашно бежала в июньском дожде / И безмолвно упала в лиловое поле – Н. Кожевникова; Разольется лиловая звездность, / Восхищеньем напоит уста – А. Мелешко; В два распахнутых крыла / Даль сиреневая машет – Ю. Селиверстов; Я к тебе приду, желтый берег, / И к тебе, лиловая река - / Сердце встрепенется – В. Федулов.

Несколько необычным, кажется, на наш взгляд, использование характеризуемого цвета для описания зимнего пейзажа: Осел в лощинах снег сырой, / В тени – сиреневый и синий, / На солнце – яркий и цветной – Е. Вовк; Свет февраля, фиолетово-льди́ст, / В окнах стоит... - Н. Кожевникова.

Используют поэты для цветового изображения объектов природы и слово «седой» - в переносном значении (около 30 фактов употребления, одиннадцатое место).

Основная часть контекстов дает образ ковыля – коренного «жителя» Оренбуржья: ...конницей летит седой ковыль – Р. Герасимов; ...воспоми́нания / Падают в поле седых ковылей – В. Макуров; ...поче-

му в краю желанном / Грустят седые ковыли? – В. Петров. См. также: Земля седа от ковылей – А. Кириллова; Щедра на весну Украина, / Но мне несравнимо милей / Цветенье уральской калины, / Седые костры ковылей – Ю. Орябинский; За те холмы ковыльные седые / ...Уходят тихо годы молодые – Р. Пудовкин.

Перечень других седых объектов таков: **берега, дымка, земля, зима, небо, облако, полынь, скалы, трава, туман, туча.**

Очень редко (чуть более 20 раз – двенадцатое место) встретились контексты, в которых упомянут в описании природы коричневый цвет.

Поэты - при необходимости – обращаются к синонимам, отражающим оттенки коричневого: Черемуха в болотистой излучке / Шершавые коричневые руки / Целит водой от комариных жал – Л. Дружинина; Огрубевшие наши руки, / Кареглазые сжав лепестки, / Уж не помнили нежной науки: / Посмешали в охапку цветы – В. Демури; В кофейной гуще сумерек / Исчезнем мы без следа – Дм. Ким; Ушла Марина по лесной тропинке... / Лишь серых сосен смуглые стволы / Хранят ее последние слезинки, / Что превратились в капельки смолы – В. Бакулин; Колышутся соцветий пирамиды / В ладонях смуглых баловней – каштанов – Л. Эсаулова.

Чаще всего отмечен серовато-коричневый оттенок, то есть бурый цвет; В июле были листья буры – А. Аверьянов; Над бурой травой / России вижу косы, / Без шали снеговой / Стоит – простоволоса – Г. Грибанова; Лиственницы побурели ежово – В. Демури; В степи – грязно-бурый полынный ландшафт – Н. Кондакова; Я сижу у костра, а напротив - / Бурый, выцветший камень – солдат – В. Макуров; Заброшенный старый вагон, / Уставившись в бурый откос, / В груди потом долго лелеет / Гулкое эхо колес – А. Старых.

Немногочисленны в наших материалах слова с обозначением сизого цвета (около 20 – тринадцатое место).

Несколько контекстов соединяют названный цвет с описанием птиц: ...озябшая птица может / Однажды в молоденьких вѣтлах / Перья сизые растерять – В. Демури; ...мой голубь сизокрылый, / Утерян наш мотив, и песнь не удалась – В. Ерофеева; Я вернулась домой, / Чтоб увидеть родные березы, / Чтоб пройти по степи / И на сизых взглянуть голубей – Р. Мигалатий.

Часть авторов видят в сизом цвете дым, дымку, мглу: Растворившись в сизой дымке.., / Жаворонок – невидимка / Славит раннюю весну – Е. Вовк; Дымкой сизо-голубою / День слабее дышит –

Н. Волженцев; Сизой мглой заклубилась высь – Н. Волженцев; ...вьется по дорогам / Поземки сизый дым – В. Демури; ...сизый дым среди двора / Волнует старое предместье – В. Кузнецов; ...в голландке размотался / Пуха сизого клубок, / Из трубы, как нить, поднялся / Вестник осени – дымок – В. Рузавина.

Единичны случаи описания других объектов природы: Сизый терн устилает склоны ложбин – С. Бычков; В сизых тучах нет просвета – Н. Волженцев; ...вертится последний чирок, / Как лист сизобоккий – В. Демури; Плывут холмы туманно-сизой цепью – В. Кузнецов; ...у откоса – сизая полынь, которой пахнут старость и забвенье – П. Рыков (см. также: Рядом с мамой сел сынок, / Сизый чуб – как полынок – В. Рузавина).

Контексты, содержащие другие цветообразы, немногочисленны.

Подводя итог нашим наблюдениям, отметим, что цветовая палитра, связанная с природой, разноцветна, она отражает в поэтической речи не только общеязыковые единицы, но и индивидуально-авторские, которые более ярко демонстрируют отношение поэта к описываемым объектам.

«МОЛВУШКИ» - САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЛЕКС КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В речевой практике очень часто можно наблюдать такие устойчивые сочетания, которые трудно по различным грамматическим признакам отнести к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и крылатым словам. Это такие слова и выражения, как: *Кто его знает, как – никак, по крайней мере, одно к одному, в конце концов, не тем будь помянут, долго ль до греха, не к ночи будь помянут, грешным делом, долго ль до греха, дело прошлое, между нами говоря, вот еще, была нужда, ты ли это, кого я вижу* и др. До сих пор они не имеют точной «прописки» и определения.

Известно, что в свое время академик В.В. Виноградов, делая попытку заниматься ими, называл эти единицы модальными словами. В.И. Даль делает определяющие такие языковые единицы, называя их приговорками и присловиями. Выделяя жанр приговорок и присловий, В.И. Даль практически выделил только жанр присловий как жанр областных дразнилок, а термина приговорки лишь упоминает в своих трудах. В «Напутном» же к своему словарю В.И. Даль приговорку, которую он характеризует следующим образом: «Приговорка это изречение, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, без большого толку и значения, а по местной или личной привычке».¹

В Словаре русского языка С.И. Ожегова также делается попытка определить устойчивое словосочетание, активно функционирующее в речевой практике, - присловье как жанр. «Присловье - это поговорка, вставляемая в речь ради украшения, увеселения, шутки».²

Термин же «молвушки» упоминает и А.С. Спирин в своем словаре русских пословиц в 1985 г.³

В 2005 г. В.И. Зимин в сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» упоминает о самостоятельном жанре, таком, как «молвушки», «присловия», сравнивая их друг с другом.⁴ В.И. Зимин утверждает, «приговорки», что «...иногда их трудно отличить друг от друга. Роднит между собой эти жанры то, что они употребляются в качестве ответной реплики на реплику собеседника. В народе такие выражения, по мнению В.И. Зиминой, называют «отговорками».⁵ Это

определяет актуальность обращения к данным устойчивым словосочетаниям русских людей, употребляющихся в наши дни.

Целью нашего изучения является выявление молвушек как самостоятельных языковых комплексов и отграничение их от других устойчивых словосочетаний в русском языке. Также попытаемся в нашем исследовании определить ситуации, в которых могут функционировать те или иные эти языковые единицы, одновременно объединив их в соответствующие тематические группы. Всего нами собрано около четырехсот единиц устойчивых словосочетаний, которые мы будем называть, вслед за В.И. Зиминым, «молвушками».

Как показали наши наблюдения, «молвушки» держатся несколько особняком. В целом они примыкают к пословицам. У молвушек, как и у пословиц, есть общие структурные признаки - и те, и другие употребляются в речи в качестве самостоятельных предложений. Правда, самостоятельность молвушек относительная. Пословица понятна и вне речевого контекста. Молвушки вне речевого контекста чаще всего никакой идеи не содержат.

Например, выражения *была нужда, вот еще, тоже мне, еще бы, надо же, это номер у тебя не пройдет, знаю тебя, как облупленного, мы не из таких, знаем мы вас* и т.п. могут восприниматься как фрагменты каких-то фраз и не более. Если употребить их в качестве ответа на реплику собеседника, они приобретают конкретный смысл. Например, один другому предлагает что-либо очень выгодное и спрашивает: «Хочешь ли ты это получить (сделать и т.п.)?» В ответ он слышит: «*Ещё бы!*». Иными словами: «Еще бы не захотеть получить благо?» А вот если человеку предложат что-либо обременительное для него, свой отказ от предложения он выражает другими устойчивыми выражениями, активно используемыми в разговорной речи: «*Вот ещё! Была нужда!*». Молвушки, как нам кажется, определить хоть сколько-нибудь точно не представляется возможным. Их надо понимать в диалоге, в ситуации. Чтобы осмыслить молвушки, надо внимательней прислушиваться к интонации говорящего. Следовательно, интонация делает то или другое выражение молвушкой. Не поняв интонации, трудно понять смысл самой молвушки. Это должен помнить каждый пишущий и говорящий, чтобы написанное им или сказанное дошло до сознания не только русского человека, но и того, кто только изучает русский язык.

Молвушку трудно осмыслить. Значительно трудней, чем пословицу, поговорку или фразеологизм. Молвушку же одним словом

на другой язык не переведешь. Небольшая часть молвушек нашла свое отражение во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова.⁶ Молвушки, как и фразеологические единицы, толкуют в словаре одной фразой, составляющей текст толкования. Нам думается, что для присловий этого оказывается мало, поэтому в толковании их наблюдаются недостатки, неточности. Например, в этом словаре приводится толкование выражения (присловия): *Вот (вон) оно что!* Выражение сильного удивления, изумления.⁷ Человек, стремясь определить сущность какого-либо явления или поведения другого человека, много раз задавал себе вопрос: «Что бы это значило?» Упростим этот вопрос: «Что оно значит?» Если человек сам нашел ответ на этот вопрос, то и восклицает: «Вот оно что!».

Если кто-либо другой подсказал ему ответ, он заключает: «Вон оно что». Как видно из примеров, тут нет ни удивления, ни изумления. Просто человек обрадовался, что разгадал сущность явления, не обманулся. Иными словами: «Вот уж не ожидал от него такой прыти» и т.п.

Известные в речевой практике выражения: *Вот так штука!* *Вот те (тебе) (и) на!* *Вот те (тебе) (и) раз!* - все три примера присловий трактуются одинаково, как выражение удивления, разочарования и т.п. И молвушки эти при некоторой их формальной схожести далеко не одинаковы по содержанию. Их смысловые оттенки очень часто проясняются при уточнении их этимологии. Некоторые же молвушки не требуют раскрытия этимологии, а вот указать на ситуацию употребления - совершенно обязательно. Тут следует оговориться, что молвушка, как и пословица, многозначна или, лучше сказать, многозначительна. Она имеет, как правило, очень широкое значение, уточняемое лишь в ситуации употребления, во многих схожих ситуациях.⁸

Многие молвушки, по нашему мнению, можно объединить в несколько тематических групп. Например, радость от встречи с кем-либо или другие какие эмоции выражают приговорками: *Батюшки-светы! Ты ли это? Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим! Явилась святая душа на костылях! Явился, не запыхлся! Какие люди, и без охраны! Какими судьбами? Каким ветром тебя сюда занесло?*

Если нежеланный гость пришел, ему говорят:

Думали, свежи, а это всё те же! Ждали его с моря на корабле, а он выскочил с печки на лыжах! Без тебя здесь и пива не сварят: Здравсьте, приперлся и др.

Если кто-то сделал что-то несуразное или неожиданное, то ему говорили, смеясь: *Здорово, кум Фаддей! Здравствуй, кума, завт-*

ра Новый год! Здравствуй, ж...а, Новый Год, приходи на елку! Здравь-те, я ваша тётя, мы сродни, давай поцелуемся! Вот это сказанул! Ну и сказанул! Ну и ну! Сказал, как в кувшин дунул! Как в лужу перышко пустил. Один думал? Или кто подсказал? Ишь, что ещё выдумал! Видали такого? А я-то думал, что ты умный и др.

Если умный человек подобное сказал, то его оговаривают:

Это от большого ума-то! Ты один думал! Это не от большого ума, а от доброго сердца! Царица (ты моя) небесная! Вы только поглядите на него, какой умный! Откуда только взялся? и др.

Сам, допустивший промах, досадует по поводу случившегося: *Мать честная! Ёлки-палки! Ёлки зелёные! Ёлы - палы! Е. К.Л. М.Н!*

Со стороны ему говорят: *Пиши - пропало! Плакали твои де-нежки! Ты ещё тут! Не говори под руку! Тебя только тут и недоста-вало! Без сопливых обойдёмся! Без сопливых солнце светит!*

Когда дела идут хорошо, радуются, показывая большой палец: *Во! На большой! На большой с присыпкой! На ять! На все сто! Что надо!*

Известно, что перед началом серьёзной работы говорят: *Нач-нём, благословясь! С богом! В добрый час! и др.*

Исполнитель работ проявляет активность. Ему говорят (часто с оттенком насмешки): *Вот даёт! Ну и даёт! Землю роет копытом. Вот даёт прикурить! Даёт копоту! Даём стране угля, мелкого, но много! и др.*

Подбадривают его: *Так держать! Жми на всю железку! Гони на всех порах!*

Если не одобряют его активность, иронизируют: *Молодец, ду-рак, старайся! Страна учтёт твои труды.*

Человек берется за дело с большим рвением и не без риска для себя. Заявляет: *Была не была! Куда ни шло! Будь что будет! Где наше не пропадало! Пропадай, моя телега, все четыре колеса! Семь бед - один ответ! Что будет, то и будет! Двум смертям не бывать, а одной так и так не миновать! Помирать, так с музыкой! Трус в карты не играет! Риск - благородное дело! и др.*

Человек берется за дело, которое явно ему не по силам. Ему говорят:

Не по носу табак! Ты ещё мелко плаваешь! Мелко пашешь. Слаб в коленках! Кишка тонка! Мало каши ел! Нос ещё не дорос! Сначала нос научись утирать! Высоко взял - не вытянешь! Широко шагаешь - штаны порвёшь! и др.

Если это имеет отношение к молодому человеку, могут добавить: *Ишь ты! Ишь ты какой прыткий! Откуда ты явился такой красивый? Из молодых, да ранний! Кто я! Ещё материно молоко на губах не обсохло! Тоже мне (герой нашёлся)! Вы только посмотрите на него!* и др.

И когда случается с таким беда, его советчик восклицает: *А я что говорил? Так я и знал! Как в воду глядел!* и др.

Отказ от невыгодной сделки, какого-либо предложения и т.п. выражают молвушками: *Увольте меня от такой радости! Нет уж, увольте! Спасибо вашему дядьке! Поблагодари от моего имени твою бабушку! Ваш покорный слуга! Ни за какие коврижки!* и др.

Отказ от грязной и тяжелой работы выражают молвушками: *Мы не так воспитаны! Образование не позволяет (заниматься грязной работой)! Не царское это дело!* и др.

Молвушки, употребляемые говорящими в качестве ответа попрошайке: *Фигу тебе! Фигу с маслом! Накося, выкуси [показывают комбинацию из трех пальцев]! Дудки! Ишь чего захотел!? Многого хочешь! Сена свежего не хочешь? Сейчас, шнурки поглажу, Бегу - падаю! Дураков у нас нет! Поищи дураков в другой деревне. Всю жизнь мечтал (дать тебе просимое)! Спешу (бегу) - и падаю! Растопырь пальцы пошире! Держи карман шире! Поцелуй пробой и иди домой! Бывай здоров! Будь здоров, Иван Петров! Будь здоров и не кашляй! Всего хорошего! Помашаи тётке ручкой! Сделай дяде ручкой!* и др.

Если наглый попрошайка просит что-либо очень вкусное, ему говорят: *Больно жирен будешь! Облизнись, а то губы испачкал.*

Хватил горяченького до слёз? От меня тебе не отломится.

Чёрта с два! Чёрта два-с! Иди изюм косить! Отряхни пыль с ушей! и др.

Как показали наши наблюдения, подзадоривают шумно спорящих известными многим словосочетаниями, которые, по мнению В.И. Зимина, называют «молвушками»:

Что за шум, а драки нету? Что горло дерёте, что, у вас кулаков что ли нет? К этому могут еще добавить: *Бей его, я его знаю! Бей своих, чтоб чужие боялись! Бей чужих, чтоб свои боялись!* Последние словосочетания больше относятся к дерущимся. По отношению к дерущимся к этому еще добавляют: *Так его! Так ему и надо! Покажи ему Кузькину мать!* и др.

Нами замечено из речевой практики, если человек принес радостную весть. Ему говорят: *Собственным ушам не верю! Что ты го-*

воришь?! Ты ли говоришь, я ли слышу? Не сон ли это? Ущипни меня! Твои бы слова да богу в уши! Твоими устами мёд бы пить! и др.

Спорщику, который утверждает глупость, говорят: *Возьми его за рубль двадцать! Ему белое, а он - черное!* и др.

Если он соглашается, а потом снова твердит свое, то говорят:

Снова-здорово! Опять двадцать пять! Опять за рыбу гроши! Надоедливого человека гонят прочь словами: *Брысь под лавку! Брысь под печку!*

Отзынь на три лаптя! Уйди и не отсвечивай! Век бы тебя не видеть! Сделай, чтоб мы тебя искали!

Требование молчать, не выдавать тайну: *Ни гу-гу! Ни мур-мур! Ни звука! Помалкивай в тряпочку* и др. Категорический отказ что-либо сделать характеризуется выражениями: *Ни в жизнь! Ни под каким соусом! Только через мой труп!* и др.

О чем-то таком, которое не совсем соответствует своему назначению, часто говорят: *Сойдёт и это. С горчичкой сойдёт. Сойдёт за милую душу.*

Зима не лето, сойдёт и это. Зимой и это над горсточкой съешь! Если такая покупка чем-то напоминает дорогую, то иронизируют: *И дешёво и сердито!*

В ответ на угрозу говорят с иронией: *Гроза да к ночи! Видали мы таких красивых! Откуда ты явился такой красивый? Ноль внимания, кило презрения. Не грози на грязи, сперва вывези. Я с твоих угроз велик возрос!*

Таким образом, эти самостоятельные языковые комплексы, «молвушки», довольно активно используются в различных сферах речевой практики. Они понятны только в диалогах, в определенных ситуациях. Не поняв ситуации, очень часто невозможно понять и сам смысл молвушки.

Примечания

¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. В двух томах. - М., 1984. - С.20.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1972. - С. 550.

³ Спирин А.С. Русские пословицы: Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловий, молвушек, приговорок, присказок. - Изд-во Рост. Ун-та, 1985 - С. 193.

⁴ Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Изд. 2-е. - Ростов н/Д, М. 2005. - С.384.

⁵ Там же: - С.389.

⁶ Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка.. 3-е изд. - М., 1978.- С.78.

⁷ Там же: - С. 80.

⁸ Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Изд. 2-е. - Ростов н/Д, М. 2005. - С.398.

Устюгова Л.М. (Ужгород, Украина)

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» КАК ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Проблема взаимодействия книжнославянизмов и русизмов, образующих пары соотносительных лексем, в процессе становления и развития русского литературного языка, без преувеличения может быть названа одной из наиболее интересных и вместе с тем наименее исследованных на конкретном языковом материале.

Термином “книжнославянизм” мы обозначаем все разновидности функционирующих в древнерусском литературном языке лексических элементов, имеющих в своей структуре явно выраженные признаки соотносённости со старославянским (позже — церковно-славянским) языком. Объединение в процессе исследования как собственно церковно-славянских элементов, так и созданных по их моделям *славяно-русизмов* (В. В. Виноградов), или *неославянизмов* (Г. Хютль-Ворт), мы считаем допустимым, потому что противопоставление *книжнославянизм / русизм* интересует нас прежде всего с точки зрения функциональной: книжнославянизм — элемент книжного, “устроенного”, претендующего на “благообразность” повествования; русизм — элемент живой разговорной речи, по той или иной причине проникающий в книжное повествование.

Историками русского языка уже был предпринят ряд попыток выявить наиболее стандартизованные случаи употребления книжнославянизмов и русизмов в оригинальных (а иногда и переводных) произведениях древнерусской письменности, а также определить тенденции, регулирующие взаимодействие соотносительных между собой книжнославянизмов и русизмов. И тем не менее закономерности исторически изменявшегося взаимоотношения между книжнославянизмами и русизмами в составе русского литературного языка ещё нельзя считать до конца раскрытыми.

Наибольший интерес для исследователей, занимающихся проблемами “вековых отношений церковно-славянского и русского языков”, представляют те оригинальные древнерусские произведения, язык которых характеризуется широким совмещением элементов высокой церковно-славянской книжности и живой восточнославянской речи. Поэтому русские летописи, допускающие максимальную

свободу этого совмещения, и их списки, имеющие различную территориальную и временную приуроченность, снова и снова привлекают внимание лингвистов.

Одним из способов более глубокого проникновения в сущность взаимодействия книжного и разговорного “начал” в процессе становления и развития русского литературного языка является сопоставительное изучение функций книжнославянизмов и соотносительных русизмов по нескольким спискам одного и того же произведения, летописи в частности, поскольку “лексические или иные речевые варианты, имеющиеся в многочисленных списках русских летописей, представляют собой не простые исправления или искажения более раннего текста, а языковые факты, в которых отразилась многовековая история русского литературного языка” [Филин 1949, с. 18].

В этом плане особый интерес представляет исследование “Повести временных лет” по основным спискам, которое даёт возможность выявить совпадающие случаи употребления соотносительных между собой книжнославянизмов и русизмов, а также разночтения в их использовании, что в свою очередь позволяет проследить, **в каком именно направлении осуществлялось изменение** в употреблении интересующих нас лексем в списках, различающихся местом и временем своего создания, то есть определить:

1) какой характер имеют выявленные между анализируемыми списками “Повести временных лет” разночтения в использовании книжнославянизмов и соотносительных им русизмов;

2) в какой мере соотносённость анализируемых списков “Повести временных лет” с территориально отдалёнными скрипториями различных областей Руси отразилась на предпочтительном употреблении того или иного члена пары соотносительных между собой книжнославянизмов и русизмов;

3) распространялись ли выявленные изменения в использовании книжнославянизмов и соотносительных им русизмов на все наиболее стандартизованные случаи употребления анализируемого разряда лексики, характерные для текста “Повести временных лет”, или имела место какая-то внутренняя дифференциация;

4) касались ли эти изменения всех лексем, имеющих в своей структуре явно выраженные черты их языковой принадлежности, или при этом обнаруживалась та или иная лексическая избирательность;

5) насколько справедливо бытующее в литературе предмета предположение о том, что по сравнению со словоупотреблением ран-

них списков “Повести временных лет” её поздние списки отражают стремление к нарочитой (“последовательной” или “непоследовательной”) “церковнославянизации” их языка.

Выбор в качестве объекта исследования “Повести временных лет” (далее – Пов. вр. л.) обусловлен прежде всего тем, что для языка данного памятника характерно “интенсивное смешивание”, “сплав разных языковых стихий”, то есть в этом памятнике имеется богатый материал для изучения особенностей взаимодействия книжнославянизмов и соотносительных им русизмов. А жанрово-стилистическая неоднородность “Повести временных лет” (наличие документальных погодных записей, развёрнутых летописных рассказов, текстов конфессионального содержания, литературно обработанных народных легенд, элементов дружинной поэзии, документов древнерусского права) даёт возможность проследить специфику взаимодействия соотносительных между собой книжнославянизмов и русизмов на материале характерных для оригинальных произведений древнерусской письменности наиболее стандартизованных случаев употребления данного разряда лексики.

Высокий художественный уровень избранного для исследования памятника, его авторитетность для целых поколений последующих летописцев позволяют расценивать “Повесть временных лет” как своеобразную творческую лабораторию, в которой закладывались основы того типа древнерусского литературного языка, который характеризуется широким совмещением элементов высокой церковно-славянской книжности и народно-поэтической (а также живой разговорной) восточнославянской речи. Поэтому исследование того, как преломлялись присущие данному памятнику принципы отбора языковых средств в его списках, различающихся местом и временем своего составления, может дать достаточно надёжный фактический материал для решения ряда общетеоретических вопросов, касающихся происхождения и развития древнерусского литературного языка.

Кроме того, выбор “Повести временных лет” в качестве объекта исследования обусловлен и сравнительно большим количеством сохранившихся списков различной временной и территориальной приуроченности, а также детально разработанной историей текста как самой “Повести временных лет”, так и отдельных её списков. Последнее обстоятельство особенно важно, так как, учитывая компилятивный характер древнерусских летописных сводов, при выяснении причин разночтений всегда приходится иметь в виду возможность текстологических параллелей со списками других групп.

В своём исследовании мы используем следующие списки “Повести временных лет”:

1. Лаврентьевский список, который является самым ранним из числа сохранившихся списков данного памятника. Как известно, этот список был переписан в 1377 году с хранившегося во Владимире древнего великокняжеского свода. Л-список составлялся для великого князя Дмитрия Константиновича и был задуман как парадная книга. Принято считать, что в данном списке лучше всего отражён текст Пов. вр. л., восходящий к так называемой Сильвестровской редакции (редакции 1116 г.) анализируемого памятника.

2. Радзивиловский список Пов. вр. л., памятник XV века (видимо, второй половины века). Он был переписан с изготовленного в западной Руси, вероятнее всего в Смоленске, иллюстрированного оригинала, который, в свою очередь, восходит к протографу, созданному, по во всей вероятности, в первой четверти XIII в. в Суздальской Руси. В Р-списке отмечен целый ряд чтений, сближающих его с Ипатьевским списком памятника, хотя в целом Р-список относится к группе списков Лаврентьевского типа.

3. Московско-Академический список Пов. вр. л., памятник XV в. А. А. Шахматов признаёт его копией “с того непосредственного (Смоленского) оригинала”, с которого был переписан и Р-список, причём копией, более точно передающей свой оригинал, местами искажённый в Р-списке.

4. Ипатьевский список Пов. вр. л., памятник начала XV в. На основании исследования бумаги этого списка временем его создания признаётся 1425 г. И-список принято считать копией с южнорусского летописного свода, составленного в начале XIV в. В И-списке нашла более полное отражение 2-я редакция Пов. вр. л. (редакция 1118 г.), создание которой обычно связывают с именем сына Мономаха Мстислава, бывшего до 1118 г. новгородским князем.

5. Хлебниковский список Пов. вр. л., памятник XVI в. По мнению А. А. Шахматова, “...составитель Хлебниковской [летописи] <...> исправляет текст своего оригинала (бывшего оригиналом и для Ипатьевской) по другому памятнику”. Редакцию X-списка обычно относят к южной Руси.

6. Погодинский список Пов. вр. л., памятник начала XVII века. Принято считать, что данный список является копией с Хлебниковского, причём копией, довольно точно передающей свой оригинал даже в плане соблюдения ряда графических особенностей. Местом созда-

ния П-списка признаётся юго-западная Русь. Этот список дефектный: в нём утрачен 21 лист.

Таким образом, привлекаемые для исследования списки Пов. вр. л. различаются территориальной (юго-восток, запад, северо-запад, юг и юго-запад Руси) и временной (XIV — начало XVII вв.) приуроченностью, а также отражением в них различных редакций анализируемого памятника.

Особенности имеющегося в нашем распоряжении фактического материала позволили нам в процессе работы уточнить ряд вопросов, которые хотя и не являются непосредственно темой нашего исследования, но тем не менее тесно связаны со спецификой материала, привлекаемого для анализа. К ним в первую очередь относится вопрос о лингвистической значимости поздних списков с произведений ранних веков нашей письменности как источника для изучения древнерусского периода истории русского литературного языка. Этот вопрос пока ещё продолжает оставаться дискуссионным, и попытка его решения применительно к спискам одного произведения нам представляется бесполезной.

Кроме того, необходимость учёта сложной истории текста каждого из анализируемых списков Пов. вр. л. позволила нам в процессе исследования определить те особенности в использовании книжнославянизмов и русизмов, которыми исконно различались 1-я (1116 года) и 2-я (1118 года) редакции данного памятника.

Материалом исследования послужила составленная нами картотека, содержащая последовательную роспись **всех случаев использования книжнославянизмов и русизмов в каждом из анализируемых Пов. р. л.**, а также выявленные нами равночтения в употреблении книжнославянизмов и соотносительных русизмов, сгруппированные в зависимости от особенностей текста Пов. вр. л., отражённого в данных списках, следующим образом:

1. Разночтения между Лаврентьевским и Ипатьевским списками;
2. Разночтения между Лаврентьевским списком, с одной стороны, и Радзивилловским и Академическим списками, с другой;
3. Разночтения между Радзивилловским и Академическим списками;
4. Разночтения между Ипатьевским списком, с одной стороны, и Хлебниковским и Погодинским списками, с другой;
5. Разночтения между Хлебниковским и Погодинским списками.

Следует отметить, что мы использовали разночтения, выявленные именно нами, так как в процессе исследования нам удалось установить, что в “Полном собрании русских летописей” (это касается прежде всего 1-го тома) в вариантах к публикуемому тексту Пов. вр. л. из родственных списков не указана б`ольшая часть имеющихся разночтений в использовании книжнославянизмов и соотносительных русизмов, несмотря на то что в предисловии к 1-му тому, изданному под редакцией академика Е. Ф. Карского, указывается: “Для вариантов и примечаний редактор настоящего издания воспользовался всем сделанным в этом отношении до него. Для большей точности **проведены по рукописи** (выделено нами – Л.У.) варианты Радзивилловской летописи; примечания дополнены новыми данными”. Эти недостатки издания Пов. вр. л. под редакцией академика Е. Ф. Карского остались незамеченными при фототипическом воспроизведении ПСРЛ в 1962 году, а между тем в Предисловии к 1-му тому нового издания, осуществляемого под наблюдением академика М. Н. Тихомирова, отмечается, что “текст предназначен в первую очередь **для исследовательской работы** историков и **лингвистов**” [Полное собрание, с. 1].

Обращение к фотокопиям рукописей и к самим рукописям анализируемых списков Пов. вр. л. позволило нам не только собрать максимально достоверный фактический материал, но и проследить, в какой степени на количественное соотношение книжнославянизмов и русизмов в списках памятника оказывали влияние некоторые технические особенности оформления древнерусских рукописей, в первую очередь необходимость соблюдения правил переноса.

Ввиду заранее заданного объёма работы мы исследуем не все группы соотносительных между собой книжнославянизмов и русизмов, имеющих в своей структуре явно выраженные черты их различной языковой принадлежности, а только две из них:

1) книжнославянизмы и соотносительные им русизмы, различающиеся по признаку *полногласие / неполногласие* (прежде всего в корне и в приставках *пере-* / *пре-*: *градъ / городъ*, *превезти-ся / превезтися*);

2) книжнославянизмы и соотносительные им русизмы, различающиеся по признаку *щ / ч* (*хощу / хочю*, *нощь / ночь*).

3) группа «отдельных слов» (по А.А. Шахматову);

Выбор указанных групп соотносительных между собой книжнославянизмов и русизмов обусловлен, с одной стороны, высокой ча-

стотностью их употребления, а с другой, — наличием в анализируемых списках Пов. вр. л. отчётливо выраженных характерных особенностей их использования.

Как известно, в Пов. вр. л. нашла отражение типичная для древнерусской литературы раннего Средневековья зависимость между “предметом повествования” и “ключом повествования”, поскольку представление о том, “какими словами должен описывать писатель совершающееся”, было одним из компонентов литературного этикета средневекового писателя. Зависимость выбора книжнославянизма или соотносительного русизма от тематических особенностей текста, в котором они представлены, неизменно актуальна для каждой пары отмеченных в Пов. вр. л. соотносительных между собой книжнославянизмов и русизмов. Поэтому исходным моментом при определении причин, обусловивших выбор в каждом конкретном случае книжнославянизма или соотносительного ему русизма, мы считаем выявление жанрово-стилистических особенностей того законченного куска текста, (статьи или её части, содержащей внутренне законченный текст), в составе которого зафиксирована анализируемая лексема.

Вопрос о принципах членения “смешанных” текстов и классификации выделяемых в результате этого членения единиц не имеет однозначного решения. Принимая во внимание опыт классификации летописных текстов, предложенной И. П. Ерёминым [Ерёмин 1949] и использованной применительно к тексту Пов. вр. л. И. С. Улухановым [Улуханов 1964], а также попытки Г. Хютль-Ворт (Хютль-Ворд, 1968) обосновать другой принцип подразделения “смешанных” текстов, “который, — по мнению автора, — ближе к языковой реальности”, но который на выходе дал такие же результаты членения, как и классификация И. П. Ерёмина в интерпретации И. С. Улуханова, мы, осознавая всю условность такого членения, ограничиваемся выделением двух групп текстов: 1) тексты, так или иначе связанные с религиозной тематикой, и 2) тексты, содержание которых сводится к изложению светских событий.

К 1-й группе в Пов. вр. л. относятся прежде всего тексты, определяемые как “Сказание о первоначальном распространении христианства” (статьи 955, 983, 986, 988, 1015 и 1037 гг.); “Сказание о предложении книг на славянский язык” (898 г.); статьи 1051, 1074 и 1091 гг., излагающие ряд фактов, связанных с историей Киево-Печерского монастыря; морально-религиозные комментарии летописцев к изображаемым событиям (в статьях 1068 г. — “Поучение о казнях божиих”, — 1093 г., 1096 г. и др.) и т. д.

Особенностью текстов 1-й группы, в большинстве своём принадлежащих перу древнерусских книжников, является то, что они в целом близки к традициям книжно-славянского типа древнерусского литературного языка. За неимением в данный момент другой схемы, которая могла бы оказаться более адекватной современным представлениям об особенностях древнерусского литературного языка, мы, по традиции, воспользовались в качестве способа рабочей организации материала тем структурным описанием древнерусского письменного литературного языка, которое в своё время было предложено В. В. Виноградовым и согласно которому в древнерусском литературном языке выделяется два структурных типа (книжно-славянский тип древнерусского литературного языка и народно-литературный тип древнерусского литературного языка), “выступающих как функционально различные и жанрово-разнородные системы литературного выражения” [Виноградов 1969 а,б].

Для этих текстов обычным, стандартизованным, является употребление книжнославянизмов, в то время как русизмы в них представляют единичные проникновения, имеющие почти в каждом конкретном случае достаточно явно обнаруживаемую мотивировку. Тексты 1-й группы мы определяем, следуя сложившейся традиции, как контексты, отражающие книжно-славянский тип древнерусского литературного языка.

2-я группа, объединяющая тексты, связанные с изложением светских событий, отличается жанрово-стилистической пестротой, так как эта группа включает и документальные погодные записи, и развёрнутый летописный рассказ о происходивших событиях, и литературно обработанную народную легенду, и документы княжеских канцелярий — договоры с греками, и Повесть об ослеплении Василька Тербовльского, относящуюся к ещё только зарождавшемуся в древнерусской литературе жанру повестей о княжеских преступлениях, и т. п. Даже в пределах одного списка тексты 2-й группы, объединяемые в плане их жанровой соотносённости, не отличаются стабильностью отражённых в них литературно-повествовательных традиций, поскольку Пов. вр. л. как летописный свод несёт на себе следы коллективного авторства, охватывающего не только значительный временной отрезок (X — начало XII вв.), но и огромные просторы Древней Руси (изложение событий, связанных с Киевом, Новгородом, Тмутороканью и т. д.). Отличительным признаком, позволяющим объединить указанные тексты в пределах одной группы, является взаимо-

действие в их языке книжно-славянских и народно-разговорных элементов, допускающее, однако, довольно широкий диапазон колебаний. Тексты 2-й группы, следуя той же концепции, мы определяем как контексты, отражающие народно-литературный тип древнерусского литературного языка. В процессе конкретного анализа по мере необходимости мы будем учитывать и некоторые жанровые особенности текстов, выделяемых нами во 2-ю группу, а также различия в их источниках (книжные заимствования, тексты из новгородских летописных сводов и т. д.).

Кроме закреплённости того или иного члена пары соотносительных между собой книжнославянизмов и русизмов за определённым типом контекста, употребление книжнославянизмов и русизмов, как установлено в исследованиях последнего времени (см., например: [Бекасова 2010; Бекасова 2013]), в памятниках древнерусской письменности осложнялось целым рядом обстоятельств более частного порядка, в числе которых были как собственно лингвистические факторы, так и экстралингвистические. Важнейшими среди этих факторов являются следующие:

1. Возможность семантической дифференциации между раннее соотносительными книжнославянизмами и русизмами;
2. Упоминание о заведомых “бытовизмах”;
3. Употребление слова в составе прямой речи (с соответствующей градацией: речь, претендующая на документальность / речь вымышленная);
4. Соотнесённость слова с книжным словосочетанием-штампом (“словосочетанием-цитатой”) или с устойчивыми словосочетаниями-формулами, отражающими особенности древнерусского быта и этикета;
5. Использование соединения элементов, имеющих явно выраженные в их структуре признаки различной языковой принадлежности, в качестве одного из приёмов литературной отделки текста;
6. Соотнесённость книжнославянизмов и русизмов с определёнными типами предложно-падежных конструкций;
7. Употребление слова в условиях перехода со строки на строку (это актуально для лексем с полногласными сочетаниями).

Поставленные задачи, специфика имеющегося в нашем распоряжении материала исследования (учёт всех случаев употребления книжнославянизмов и русизмов в каждом анализируемом списке Пов. вр. л., а также разночтений в использовании соотносительных

между собой книжнославянизмов и русизмов) и методики исследования, основанной на учёте целого ряда наиболее стандартизованных случаев употребления книжнославянизмов и русизмов, позволяют достоверно описать творческую лабораторию одного из значительных и авторитетных памятников Древней Руси – “Повести временных лет”, где выработывались основные принципы взаимодействия книжнославянизмов и русизмов, определивших самую яркую черту становления и развития русского литературного языка.

Литература

1. Бекасова Е. Н. Генезис текста // Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис: Монография. – М., 2013. – 150–208.
2. Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста: монография – Оренбург, 2010.
3. Виноградов В. В. (а) Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII века // Вопросы языкознания. – 1969 – № 6.
4. Виноградов В. В. (б) Основные проблемы и задачи изучения русского литературного языка донациональной эпохи // Славянские литературные языки в донациональный период. Тезисы докладов. – М., 1969.
5. Ерёмин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. VII.
6. Полное собрание русских летописей. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. – Т. 1, вып. 1.
7. Улуханов И. С. Предлоги *предъ* / *передъ* в русском языке XI–XVII вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1964.
8. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). – Л., 1949.
9. Хютль-Ворт Г. Роль церковно-славянского языка в развития русского литературного языка // *Amerikan Contributions to the sixth International Congress of Slavists.* – Prague, 1968.

Явгастина Д. Р. (Оренбург)

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ «СЕКРЕТНОГО ДЕЛА О ПОЖЕЛАВШЕМЪ ВОСПРІЯТЬ СВЯТОЕ КРЕЩЕНІЕ КИРГИЗЪСКОМЪ СТАРШИНЕ БАТЮБЕКЕ 1758 ГОДА»

Восемнадцатый век – время «радикального преобразования русской языковой ситуации, захватывающего все уровни русского языка и все сферы его функционирования» [2, с. 13]. Это один из важнейших этапов развития русского языка, характеризующийся не только смешением разноязычных и разностильных элементов, но и процессом активной кодификации норм литературного языка. Однако качественная и количественная перестройка системы русского языка национальной эпохи до настоящего времени не только не объяснена, но и описана недостаточно, особенно в так называемых «периферийных» вариантах языка. Необходимый материал для исследования богато представлен в печатных и рукописных документах периферийных архивов, но еще не в полной мере исследован и мало публикуем из-за трудностей в работе со скорописью.

Государственный архив Оренбургской области располагает немалыми запасами лингвистически не описанных рукописных и печатных документов. Наше внимание привлекли документы Оренбургской Губернской канцелярии (3 фонд, 202 единицы хранения), которая была создана в связи с образованием Оренбургской губернии на основании указа Сената от 15 марта 1744 года и функционировала до 1782 года.

Архив Губернской канцелярии представляет собрание интереснейших документов об отношениях Оренбургской губернии с казахскими и среднеазиатскими ханствами, переписку губернаторов с государственными учреждениями и должностными лицами об управлении Оренбургским краем. Он также включает указы Сената, Канцелярии тайных розыскных дел, Военной и Иностранной коллегий, губернатора об охране границ, о взаимоотношениях с казахскими жузами, о крещении инородцев и по другим вопросам.

Петровская реформа 1708–1710 гг. задавала графическую норму, приблизив начертания кириллических букв к латинице и упразднив ряд букв-дуплетов. Закреплению единообразного письма также способствовало книгоиздание и развитие печатного дела. Стремление к единообразному письму привело к переменам не только в графике, но и в орфографической традиции. Поэтому графический анализ до-

кументов XVIII в. смыкается с орфографическим анализом и помогает представить процесс становления орфографических норм.

После Петровской реформы изменения в составе русского алфавита продолжались. В 1735 г. распоряжением Академии наук из алфавита были исключены еще три буквы: **ѕ** («зело»), **ѵ** («ижица») и **Ѣ** («кси») [3, С. 484]. Впоследствии «ижица» вернулась в азбуку, но употреблялась в единичных случаях, требующих запоминания. Все реже писалась **f** («фита»). Сохранять **f** («фиту») рекомендовалось в словах греческого происхождения, чтобы точнее передать облик иноязычного слова, в остальных случаях писать букву **ф**. Буквы **f** («фита») и **ѵ** («ижица») в рассматриваемых документах «Дела о Байтюбеке» не встречаются. Зафиксированы единичные случаи написания исключенной на тот период из алфавита буквы **Ѣ** («кси»): **алеѢій** 3, 24; **АлеѢандръ** 5 об., 25; **ѢѢдницѣ** 6, 2. Буква **ѕ** («зело») встречается у одного из писцов — войскового дьяка Матвея, работавшего над страницами 6, 6 об. и 7 одиннадцать раз (**киргѣзецъ** 6, 5; **сказал** 6, 12; **ѕато** 6 об., 8; **ѕатем** 6 об., 11; **чрезфарпосты** 6 об., 19; **приказать** 7, 6 и др.), то есть гораздо чаще, чем у других писцов (зафиксировано лишь два случая использования: **ѕлодѣйства** 4 об., 13; **магасейна** 21 об., 8).

В исследуемых документах «Дела о Байтюбеке» употребляются дублетные буквы, которые следует квалифицировать как графическое варьирование: **і** - **?** (**іностранныхъ** 3, 3 - **?ностранныхъ** 2, 17), **і** - **и** (**канцелярію** 3, 20 - **канцелярню** 16, 1; **іностранныхъ** 3, 3 - **иностранныхъ** 2, 5; **желаніе** 4, 18 - **желанне** 6 об., 17; **ивану івановичу** 17 об., 15), **w** - **о** (**імператорскагw** 4 об., 5 - **ІМПЕРАТОРСКАГО** 4, 28; **егw** 3, 16 - **его** 4 об., 4), **и** - **у** (**уже** 6 об., 12 - **уже** 5 об., 7; **совѣтники** 2, 13 - **советнйку** 6 об., 5). Следует отметить, что принципы варьирования зависят от индивидуальных особенностей писцов. Так, при использовании букв **и** - **у** писец, работавший со страницами 1–5 об.: **у** пишет последовательно в начале слова, **и** во всех остальных позициях. Отступлений от указанного принципа у этого писца не наблюдается. Писца, работавшего со страницами 6–7 отличает непоследовательное использование букв **и** - **у** при подавляющем большинстве **и**.

Ряд случаев, внешне сходных с графическими вариантами, по сути таковыми не является, так как выбор графемы обусловлен тем или иным правилом. В первую очередь это касается разграничения написаний **і** - **и**, подчиняющихся давней традиции употребления **і** главным образом перед гласными и согласным **й** в различных частях слова (**христіанской**, **намѣреніе** 5 об., 9; **воспріятія** 4 об. 15).

Отражением старой рукописной традиции можно считать употребление выносных букв и слов под титлами. Для исследуемого материала наиболее типичны случаи выноса буквы т в предлогах и приставках (отфарпоста 7, 5; отмѣста [1-ая т надстроч.] 17, 11; отправленіи [т надстроч.] 18, 17), буквы б в приставках перед йотованными гласными при отсутствии ъ или ь (пообъявленію 5, 4), р и л в середине слов (коллегии, долженъ, четвертой), м и х на конце слов (в киргизцах, нечаемых, скрытым, казаком), частиц Ж и Б в слитном написании со знаменательным словом (тоб, иникомуб, також, тогож), различных согласных букв, а иногда буквосочетаний и целых слогов в конце строки (посланцов [в надстроч.], ономи [ми выносные.], году [ду надстроч.]). Написание по титлами затрагивает ограниченный круг лексем, чаще всего это: Гдинь, гдрьственной, ГДРЫНЯ, нне [ныне].

Буква h («ять»), сохраненная реформой Петра, продолжала употребляться до реформы 1917–1918 гг. Однако разницу между h и e русский человек уже не осознавал. А. А. Барсов отмечал, что чистый h в абсолютном начале «только два слова в себе имеют, а именно hmъ и hду с происходящими от них hда, hства, hзда и проч. Различие между h и e ощутимо у малороссиян, для которых слова пеню и пhню, пленъ и плhнь «не для глаз только различаются, но и для слуха выговариваются разное» [1, С. 47]. Постепенно различие e и h становится орфограммой. Но во время создания «Дела о Батюбеке» правило еще не было сформулировано и некоторые писцы используют h довольно последовательно в определенных позициях (с. 2–5 об., 17–21 об.), один же (войсковой дьякъ матвей) совсем не использует (с. 6, 6 об., 7).

В исследуемом материале отсутствуют единые основания в употреблении прописной буквы. Можно отметить, что более последовательно используются заглавные буквы в устойчивых формулах, которые именуют монархов: Указъ Ея императорскаго Величества. Часто наименования титула полностью даны прописными буквами: ПОУКАЗУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГДРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЬ ПЕТРОВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ.

В большинстве случаев соблюдается выбор прописной буквы в начале самостоятельного предложения, но нередко встречается ее написание в апеллятивах внутри предложений, а имена собственные (антропонимы и топонимы) могут писаться со строчной буквы. Нет последовательности в выборе прописных и строчных букв в написании должностей и титулов: Гдинь, Воисковаго Атамана, регистратора чучилова, Ея императорскаго величества. Сложность выявления зако-

номерностей в употреблении прописной буквы усугубляется тем, что не всегда представляется возможным определить характер начертания буквы в том или ином почерке.

Тексты «Секретного дела...» обнаруживают неупорядоченность слитных и отдельных написаний. Их соотношения определяются комбинациями контактирующих компонентов и индивидуальными предпочтениями пишущего. Например, соединительный союз И в подавляющем большинстве случаев (69%) пишется слитно с последующим словом (иникто, иприехал, иредиты), но у двух писцов гораздо чаще встречаются его отдельные написания (и оренбургскому, и по выхздн, и подводы). Варьируется слитное и отдельное написание противительного союза А: апритомъ, апомянутому, анаобн - а отроди, а имнеть, а нынн, а вопервыхъ. Предлоги с последующим словом встречаются и слитно, и отдельно: въсанктъпетербургъ - въ Санктъпетербурgh, въроссію - въ россію, изгдрственной - изъ гдрственной.

Преобладающим написанием частиц ДЕ, БЫ (БЪ) является слитное или выносное, которое следует квалифицировать как слитное (ипотомде, которойде, сюдыде, втакомъбы, никомуб). На фоне преимущественного употребления слитного и выносного написания ЖЕ, Ж (ЖЪ) вариант ЖЕ встречается и отдельно от предшествующего слова: притомъже, всвоемже, темже - такъ же, нынн же.

Препозитивная частица НЕ преобладает в слитном написании с различными частями речи, что обусловлено индивидуальными предпочтениями одного из авторов (невелено, неведомъ, немогъ, инечиня, небдное - не бдное, не оставить), а НИ отмечена преимущественно слитно с последующим словом (никакимъ, ничего, нидля), обнаружены единичные случаи отдельного ее написания с местоимениями (ни кто, ни каких). Интересны случаи отдельного написания частей знаменательных слов: чрезъ вычайных.

Обращает на себя внимание традиционно не обозначаемая на письме в XVIII веке фонематически самостоятельная мягкость согласных перед согласными в большинстве лексем с соответствующими позициями (днйствителному, вменшей, высокопревосходительство, поденге). У одного из писцов находит отражение тенденция обозначения мягкости в подобных позициях: днйствителному, нетолько.

В документах «Секретного дела...» по-разному отражаются позиционные изменения согласных, подчиняясь то морфологическому, то фонетическому принципу. Произношение влияет на написание чис-

лительных на -дцать, в которых отражается ассимилятивное оглушение согласного [д]: дватцать, осьмнатцать. Наряду с соблюдением морфологического принципа в сочетаниях глухих и звонких согласных (отдавать, заподписаниёмъ, искиргзъкасацкой, напятьдесят, переводчика), нередки случаи закрепленной на письме ассимиляции по глухости /звонкости (киргисъкасацкаго, перевотчика, киргисца, здлалъ, дватцать).

В условиях возрастания роли морфологического принципа орфографии при непонимании его сути пишущими возникали написания, подобные тем, что отражены в нашем источнике: авъ протчемъ, іопротчемъ, присудствующіе, измежду протчаго. Это явление принято рассматривать как гиперкоррекцию. [4, С. 52]

Наблюдаются колебания в написании безударных гласных. Выбор буквы для обозначения безударных гласных обусловлен сочетанием тех же двух основных принципов (при ведущей роли морфологического): всанктъпитербурге - всанктпетербурgh, при ордиrh, сроспискою.

Очерченный круг лексико-орфографических проблем, разумеется, не исчерпывает всего многообразия зарегистрированных нами лингвистических фактов, различных по степени значимости и требующих осмысления.

Орфография исследуемых скорописных материалов, несмотря на их стандартность, испытывает на себе некоторое влияние разговорной речи, отражая особенности живого произношения, проявляющиеся в графико-орфографическом варьировании. Орфография деловых документов отражает непоследовательное применение морфологического принципа написания. На составителей текстов повлияла рукописная традиция, подчиненная морфологическому принципу. Однако достаточно широко представлены и написания, отражавшие живое произношение ряда звуков, фонетические общерусские и локальные процессы.

Секреты делового письма, передаваясь от писца к писцу как традиционные, далеко не всегда отражали формирующуюся кодифицированную общенациональную норму, т. к. написание документа зависело от графических предпочтений каждого отдельного писца и его текстовой компетенции.

Историю русского литературного языка XVIII вв. трудно признать окончательно разработанной до тех пор, пока остается неисследованным огромный массив текстов, хранящихся в региональных ар-

хивах России. Язык местных официально-деловых документов, определяет особенные линии в эволюции литературного языка, обнаруживает наличие многообразных норм и установлений в различных жанрах этой эпохи.

Литература

1. Барсов А. А. Российская грамматика 1783– 1788 / А. А. Барсов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 776 с.
2. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века [Текст] / В.М.Живов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 13.
3. Истрин В.А. Возникновение и развитие славяно-русского письма. Системы письма народов СССР // В.А. Истрин Возникновение и развитие письма. – М.: Наука, 1965. – С. 402 – 505.
4. Речевое пространство Северного Прикамья в синхронии и диахронии: монография/ Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Л.М. Пантелеева, М.В. Толстикова; науч. ред. Л.Л. Мазитова. – Соликамск: СГПИ, 2011. – 264 с.

В.В. Катермина, В.А. Матяшева (г.Краснодар)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С.ПУШКИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ХАРАКТЕРА

Достаточно распространенное мнение об асемантической природе имени собственного (ИС) не может быть применено в полном объеме к ИС в художественном тексте, в котором в силу его абсолютной антропоцентричности ИС создают особое тематическое поле и выполняют дополнительные смысловые функции [2]. Прагматический потенциал имени связан с его возможностью выступать не только знаком авторского отношения к персонажу и отношений персонажей между собой, но и способностью создавать своего рода «интимное поле» [7].

Давая персонажу имя, писатель учитывает характер, внешний и внутренний мир своего героя. Личное имя собственное входит в художественное произведение с уже определенными свойствами персонажа и задачами произведения.

ИС обладают определенной актуализацией в любом художественном тексте, то есть они всегда что-то «говорят». Передачей коннотативных смыслов они выполняют свои художественные функции. Имя может сравниваться с загадкой, ответ на которую мы получаем, опираясь на общезыковые и культурно-психологические коннотации ИС в сознании народа (фоновые знания, вертикальный контекст, культурные традиции).

Создание реалистичных и художественно убедительных образов литературных персонажей требует от автора соответствия их имен закономерностям национальной ономастики. Подобная зависимость выражается в том, что «как в выборе существующих, так и в создании новых фамильных имен автор руководствуется исторически сложившимися структурными и этимологическими моделями имен, социальными, национальными и диалектными особенностями их употребления» [8].

На материале произведений А.С.Пушкина обратимся к рассмотрению ономастикона писателя. В данной статье мы рассмотрим роль имени собственного в изображении человека как личности: его внутреннего мира; показ человека как члена определенной социально-общественной группы и, наконец, характеристика общества через его отдельных представителей.

Изображение внутреннего мира человека тесно связано с этимологией его имени, которая является внутренней формой самого имени. Особая роль этого приема проявляется в соответствии либо несоответствии этимологии имени и образа персонажа. В некоторых случаях имя получает дополнительный смысл, который еще лучше помогает нам понять внутренний мир героя.

В произведениях А.С.Пушкина личное имя героев, в силу своего частого употребления в различных произведениях, получает дополнительное значение, не совпадающее с его этимологией. Так, например, в творчестве А.С.Пушкина имя *Владимир* встречается четыре раза: Владимир Ленский в «Евгении Онегине», Владимир Дубровский в «Дубровском», Владимир в «Метели» и Владимир в «Романе в письмах». Налицо определенное родство их судеб. (*Владимир Ленский* помолвлен с Ольгой Лариной, скоро должна состояться их свадьба, но его убивают на дуэли, а его возлюбленная выходит замуж за другого человека; *Владимир Дубровский* любит и любим Машей Троекуровой, она соглашается на свое похищение, но опоздание Дубровского оказывается роковым для него: Маша обвенчана, а ее муж ранит Владимира; *Владимир*, герой «Метели», опаздывает к венчанию со своей возлюбленной, которая бежит для этой цели тайком из родительского дома. Узнав об роковой ошибке (его невесту обвенчивают со случайным проезжим), он уходит на войну, где вскоре погибает; судьба *Владимира* из «Романа в письмах» не совсем ясна, так как роман остался неоконченным, но можно предположить, исходя из судеб остальных трех Владимиров, что его жизнь также сложится крайне неблагоприятно. Таким образом, в произведениях А.С.Пушкина имя Владимир ассоциируется со злополучным женихом или возлюбленным.

Некоторые женские имена в текстах А.С. Пушкина также получают дополнительную коннотацию.

Авдотья – дочь (*Авдотья Самсоновна (Дуня)* [*«Это твоя дочка?» – спросил я смотрителя. «Дочка-с (Дуня), – отвечал он с видом довольного самолюбия» (Станционный смотритель)*]).

Арина, Орина – нянька (*Орина Егоровна Бузырева* [*Остаюсь твоя верная раба, нянька Орина Егоровна Бузырева (Дубровский)*]).

Независимо от этимологии имя человека указывало на принадлежность к определенной среде. Несмотря на единый церковный список, каждому классу и сословию соответствовал определенный набор имен. Социальная ономастика, в которой «должна рассматриваться

вся ономастическая лексика под углом зрения ее обусловленности экстралингвистическими факторами общественного развития» [1], ставит вопрос о существовании особых «именников» для дворян (Сергей, Софья), церковников (Никон, Мисаил, Варлаам), купцов (Савва, Гордей, Фома), крестьян (Матрена, Фекла). Эта дифференциация «именника» сказалась и в наименованиях персонажей художественных произведений. Некоторые имена относятся к нейтральным, например: Василий, Иван, Павел; Анна, Мария. И тем не менее тяготеет к «именнику» дворянства хотя бы в виде закреплённости официальных и диминутивных форм прослеживается. Так, женское имя Анна (в официальной форме) встречается у людей высшего круга (графиня Анна Федотовна в «Пиковой даме».

Для церковников были свойственны Никон, Мисаил, Варлаам (Варлаам и Мисаил в «Борисе Годунове»). Для крестьян – Василиса, Лукерья, Архип (Ср. Василиса, Лукерья, Архип в «Дубровском»).

Противопоставление барышни крестьянке в одноименной повести А.С.Пушкина выражается в использовании определенных имен: барышня Лиза превращается в крестьянку Акулину.

Некоторые имена, распространенные в среде дворянства, с течением времени выходили из моды, переходя в крестьянский «именник». Таковы, например, имена Прасковья, Матрена. В своей работе «Имя и общество» В.А.Никонов отмечает: «Дочь Кочубея в действительности звали не Марией, а Матреной – в начале ХУШ века имя Матрена было у дворянок в четверке самых частых имен. Но через сто лет дворянки брезговали им, как грубым, оно стало простонародным, первое место у них заняло имя Мария. И автор «Полтавы» пожертвовал подлинным именем, которое придавало образу нежелательную окраску» [5].

С другой стороны, мог происходить и обратный процесс: имя Татьяна считалось простонародным и ассоциировалось у Пушкина с «представлением о старине, о народном просторечии» [3]. Простонародный характер имени Татьяна подтверждается таким свидетельством журнала «Невский зритель» (1821г. февраль): «Взгляните по крайней мере на Фекл, Татьян, переименованных в Дориды, Аглаи, Темиры, в Хариты, в Венеры». После Пушкина имя Татьяна «переходит» в другой именник.

Отдавая дань моде, имена в дворянском обществе употреблялись на английский или французский манер.

«Но всех более занята была им (Алексеем Берестовым) дочь англomана моего Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно Григорий Иванович)» (Барышня-крестьянка).

Функцию социальной характеристики лиц в личных именах собственных выполняет также группа уменьшительных суффиксов, среди которых суффикс -ка является наиболее употребительным. «В период московского абсолютизма в XV-XVI веках в особенности в частном употреблении был суффикс уменьшительного значения -ка. Бояре и прочие лица верхов были перед лицом великого князя Юрками, Васьками, Денисками, а по отношению к низшим классам «государями». Крестьяне же и низшего ранга служилые люди были «людишками» – Ивашками, Якимками, Первуньками и т.д.» [6]. Суффикс -ка, таким образом, выражал пренебрежение, грубость, уничижение. С 18 века личные имена с таким суффиксом стали подчеркивать зависимое положение слуги, крестьянина (*кучер Андрюшка, денщик Кузька, девка Палашка и др.* [*«Евгений Онегин», «Выстрел», «Капитанская дочка» и т.д.*]).

Социально значимы не только имена, но и фамилии. Одним из средств социальной окрашенности фамилии являются различные суффиксы.

Суффикс -ич в составе фамилии придает ей оттенок знатности, почтения. Это связано с особым способом употребления данного суффикса. Он обозначал сначала принадлежность к определенному племени (угличичи, дреговичичи), а затем к одному княжескому роду (Ольговичичи, Изяславичичи). В былинах он присоединяется к именам богатырей для выражения большего уважения (Алеша Попович, Добрыня Никитич) [4]. *Суффикс -ский* является показателем принадлежности к знатному роду (Верейский, Дубровский, Ленский, Вольская) ...*ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным (Дубровский).*

Социальная неоднородность проявляется и в структуре наименования лиц разных сословий и классов. Трехчленная структура антропонимов (имя, отчество и фамилия) или двухчленная (имя и отчество) в художественной литературе характеризует высшие классы: *Григорий Иванович Муромский (Барышня-крестьянка); Кирила Петрович Троекуров (Дубровский).*

Одночленная структура антропонимов называет низших: горничных, ключниц, слуг, лакеев, крестьян (Акулька, Палашка, Филька, Фомка и подобные) (*Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости... [Капитанская дочка]*).

Для понимания социального положения человека важную роль играло отчество. Употребление отчества указывало на принадлежность к определенному сословию. У крестьян и у людей низких сословий название только по отчеству служило способом возрастной характеристики: к старым, а также к наиболее уважаемым слугам обращались по отчеству («*Филипьевна седая*» [Евгений Онегин], дядька *Савельич* [Капитанская дочка], няня *Егоровна* [Дубровский]).

Итак, рассмотрение функционирования имени собственного в текстах А.С.Пушкина позволяет точнее понять глубинный смысл его текстов, а также увидеть особенности развития общества определенного периода.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. М., 1970.
2. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста. М., 1989.
3. Ефимов А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.
4. Жаплова З.П. Стилистические функции имен собственных в «Мертвых душах» Н.В.Гоголя. Ученые записки Азербайджанского пед.института русского языка и литературы. Серия филологическая. Баку, 1957. Ч.1. Вып.5.
5. Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.
6. Селищев А.Н. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ. Ученые записки МГУ. М., 1948. Вып. 128.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
8. Щетинин Л.М. Слова, имена, вещи. Ростов н/Д., 1966.

ОСМЫСЛЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО ФЕНОМЕНА РУССКИМИ НЕОКЛАССИЦИСТАМИ

Русские писатели, начиная с эпохи Петра I, сознательно строили литературу как «новую», «молодую». В неоклассицизме получило воплощение не только стремление приобщиться к общей для европейских литератур мастерской в виде античной литературы, чтобы войти достойно, на равных в формирующуюся «мировую литературу», но и желание восстановить прерванную с эпохой Петра Великого традицию, «связь времён». Поэтому так внимательно изучаются летописи, памятники фольклора, славянская мифология. Трудности собирания последней влекут за собою попытки реконструкции мифологической системы.

Идеи неоклассицизма в России рубежа 18-19 вв. от *подражания античности*, понимаемой как важного этапа развития русской литературы, осваивающей мировое литературное наследие, привели к *созданию оригинальной русской литературы*. Молодая отечественная словесность ищет не только образцы для подражания, но и занята серьёзным поиском собственных истоков, корней.

«Славянская идея провозглашает известную общность, «взаимность» судеб и культур славянских народов и существует как исторически меняющийся комплекс идеологием, артефактов, реалий, мифов и прочих продуктов общественного сознания. Источник или, по крайней мере, фон славянской идеи — осознание племенного и в первую очередь языкового родства. На Руси такое осознание стало аксиомой со времен Нестора-летописца, творца первой у нас концепции этногенеза славян», — отмечает А.М. Панченко. Представляя обзор концепций славянского единства, исследователь анализирует две наиболее давние традиции: идеологию сарматизма (славяне и в первую очередь поляки — носители сарматских добродетелей: рыцарство, интерес к миру, образованию) и иллиризма, получившего распространение в России во многом благодаря хорвату Юрию Крижаничу (славянское единство на основе языкового родства; славянам было «недосуг заниматься науками за непрерывными войнами, ведь они победили Персию, владели Азией и Африкой, Францией и Англией...»).

Для Петра сарматизм был неприемлем потому, что противопоставлял себя европеизму. С середины XVII века Запад все больше

смотрел на Речь Посполитую как на восточную страну, и Петр это хорошо знал. В его глазах сарматизм и «старомосковство» подобны и одинаково отстали. Отношение к иллиризму было иное, нежели к сарматизму — более заинтересованное и несравненно более сочувственное.

Однако победа в России в Северной войне, политическое укрепление и развитие культуры внесли коррективы и обновили мифы о «славянском мире»: главное заключалось в том, что романо-германский мир признал равноправие славянства. К. Крейчи указывает на три разновидности славянской идеи, сформированных на Западе. Первая принадлежит Вольтеру и Дидро: для них Россия не только вождь славянства, но в известной мере также идеальное государство, поскольку оно возглавляется «философом на троне». Заслуга в этом признается и за Петром — он воспринимается как просветитель и в этом смысле предшественник Екатерины (недаром его историей занимается Вольтер). Согласно этой разновидности, славяне способны создать нравственно здоровый, упорядоченный и процветающий общественный организм.

Вторая версия отрицает первую и выдвинута аббатом Мабли и Руссо. Их взоры обращены к Польше. Хотя она переживает упадок, но зародыш ее будущего величия налицо: это Барская конфедерация, которая отрицает и слабого короля, и могущественный царизм. Эта версия подчеркивает свободолюбие поляков (тем самым и славян вообще, поскольку просветители исходят из постулата о некоем «единообразии» славянского типа и славянского характера), — следовательно, опять-таки их способность добиться когда-нибудь процветания и равенства.

Наконец, третья разновидность. Она представлена в главе о славянах в «Идеях к философии истории человечества» Гердера. Он считал прирожденным свойством славян миролюбие. Именно поэтому славянству принадлежит будущее — то будущее, которое отвергнет насилие и войн. Именно идеи Гердера легли в основу неоклассицизма как эстетического принципа, как литературно-эстетического явления.

Гердер развивает мысль Винкельмана и призывает смотреть на любую культуру с точки зрения её создателей: на японскую — глазами японцев, на шотландскую — глазами шотландцев. Для него тоже идеалом является эпоха античности, однако более последовательное конкретно-историческое рассмотрение феномена культуры приводит Гер-

дера к идее плюрализма, равноправия, равноценности культур. Он провозглашает требование быть для своего народа, в своё время тем, чем являлся Гомер для своего народа. Осознание близости античной литературы греческому фольклору заставило Гердера обратиться к народной поэзии, собиранию и переводу лирических песен разных этносов. Для русского неоклассицизма это сразу становится одним из приоритетных направлений деятельности: Н.А. Львов пишет комическую оперу «Ямщики на подставе» с использованием фольклорного материала, Н.А. Радищев впервые говорит о фольклорной поэзии как отражении народной жизни, поэты Вольного общества стремились осмыслить своеобразие русского устного народного творчества в трактатах, А.Ф. Мерзляков пишет песни, близкие народным, а собиранием фольклорных произведений занимается Д. Кашин, музыкант из крепостных и друг Мерзлякова. Н.И. Гнедич переводит современные песни греков, указывая на их близость русским лирическим песням. В.А. Жуковский стремится создать русскую балладу, русскую идиллию, пишет сказки, используя поэтику народных образцов этого жанра. П.А. Катенин тоже в свою очередь предпринимает попытки создания русской баллады.

Гердер создал первую историческую концепцию языка: языки зависят от нрава и характера мышления народов и в свою очередь определяют своеобразие национальных литератур. В результате принятия этого положения проблема литературного языка становится не только формальной, но и содержательной. Следует напомнить, что исследователи указывали и на иные причины парадокса: Россия в первое десятилетие XIX века стоит перед сложнейшими проблемами, касавшимися общественного и политического быта, европейская карта перекраивается, очевидна неотвратимость столкновения с Наполеоном – а мыслящая часть России охвачена чисто лингвистической дискуссией. По мнению учёных, вся национальная модель русской культуры обусловлена специфической языковой ситуацией. Социолингвистический характер полемики осмысливается современниками и исследователями в оппозициях: общее – элитарное, общественное – салонное (камерное), демократическое – кастовое (аристократическое). Сложность картины усугублялась тем, что понятия «старый» и «новый» в общественно-политической сфере и в области идеологии языка резко не совпадали. Это объясняется ролью старославянского (сакрального, но чужого) языка в формировании русского литературного языка. С точки зрения Европы, революционерами в

области языка были цари, а истинные разрушители строя (Пугачёв) напротив – *сохраняют* языковую традицию. Парадоксально, что в полемике о языке на словоупотребление (то есть фактически то, что узаконено узусом, традицией) ссылались именно карамзинисты. Как отталкивание от церковнославянской языковой стихии способствует проникновению заимствований и консолидации русских и западноевропейских элементов (в эстетике карамзинистов), точно так же и отстранение от западноевропейского влияния способствует консолидации церковнославянской и русской национальной языковой стихии, объединению их в одну стилистическую систему (в концепции шишковистов). В одном случае к литературе предъявляется требование изящности и соответствия «женскому вкусу» - приверженцами этого направления были В.А. Озеров, К.Н. Батюшков, и частично - В.А. Жуковский. Во втором случае изящности противостоят критерии силы и энергии – так полагали Н.А. Львов, Г.Р. Державин, В.К. Кюхельбекер, П.А. Катенин.

А.Х. Востоков – один из самых последовательных пропагандистов идей неоклассицизма. Ему особенно близким оказался пафос научного изучения культуры и словесности, выраженный в трудах немецких теоретиков. Востоков считал необходимым освободить русский стих от оков французского стихосложения. Как образцы для этого он рассматривает античную метрику (использует сафический, горацианский (алцейский), асклепиадейский размер для античных переводов и в оригинальных произведениях) и народный русский стих. Интерес к национальной истории воплотился в создании поэм «Светлана и Мстислав» (1802), «Певислад и Зора» (1802), «Полим и Сяна» (1811). Изучение национальной мифологии актуализировало факт близости славянских народов и обусловило обращение к переводам народных песен западных и южных славян («Богемские песни», «Сербские песни»).

Фольклорный материал в обработке и интерпретации А.С. Пушкина демонстрирует, как его «всемирная отзывчивость», распахнутость всему миру, всем языкам и всем временам сочетается с одновременным поиском корней. «Можно составить список упоминаемых им народов и племён, и перечень этот неумолимо разрастётся в этнологический словарь впечатляющего объёма. Пушкин поразительно любопытен по отношению к людям самых разных языковых семей и рас. Это у него в крови, любопытство прибывает по мере роста созерцаемого им собственного генеалогического древа» (Ю. Лощиц). Для

Ю. Лощица А.С. Пушкин – славянофил, погибший до того, как его славянофильство стало явным для современников: «Пушкин был славянофилом всегда, всю свою жизнь, начиная с «Воспоминаний в Царском селе», с «Руслана и Людмилы», со стихотворения «Дочери Карагеоргия», с замысла поэм о Вадиме и Мстиславе. Так и пошло дальше – через украинофильство Пушкина, через его «Полтаву», через дружбу с Мицкевичем, через покровительство Гоголю, через «Песни западных славян». Пушкин всю жизнь был природным славянофилом, какими были до него митрополит Иларион и Кирилл Туровский, автор «Слова о полку Игореве» и Епифаний Премудрый, протопоп Аввакум и Третьяковский, Ломоносов и Державин, какими были при нём, Пушкине, и после него Рылеев, Грибоедов, Александр Одоевский, Языков, Дельвиг, Даль, Лермонтов, Тютчев, Некрасов... Русский поэт, если только он не отрекается от своего природного естества, не может не быть славянофилом. Это естественное славянофильство, такое же всенепременное, как воздух, как кровь в жилах».

Для начала XIX века характерна атмосфера, в которой закономерными были попытки создания национального эпоса, подобного гомеровским произведениям или «Песням Оссиана». Новое отношение к античности спровоцировало интерес к русской истории, славянской мифологии, народной культуре. В. Орлов называет следующие произведения, в которых заметны попытки создания русского национального эпоса:

Карамзин «Илья Муромец»;

Нарежный «Брега Альты», «Освобождённая Москва», «Роговльдь», «Словенские вечера»;

Воейков «Святослав»;

Каменев «Громвал»;

А. Радищев «Бова», «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам»;

Н. Радищев «Алёша Попович», «Чурило Пленкович»;

Н. Львов «Добрыня»;

Херасков «Бахариана»;

Державин «Добрыня»;

Люценко «Церна, княжна Черниговская»;

Арцыбашев «Рогнеда, или разорение Полоцка»;

Муравьёв «Оскольд»;

Востоков «Светлана и Мстислав».

Заканчивается ряд «Русланом и Людмилой» А.С. Пушкина. В.

Орлов считает, что все эти произведения синтезируют влияния западноевропейского эпоса (преимущественно «Песен Оссиана»), русской народной поэзии, псевдославянской мифологии, созданной в XVIII веке, а отчасти «волшебно-рыцарского» романа в переделках и подражаниях XVIII века.

Одним из источников примечаний Востокова к «Светлане и Мстиславу» (1802) стал сборник Кирши Данилова, он же возбудил вообще интерес к научному изучению и литературной обработке памятников устного творчества. Известно, что в связи появлением этого сборника Востоков приступил к составлению собственного собрания русских народных песен и пословиц и даже составил к изданию А.Я. Якубовича указатель.

Основной источник «Светланы и Мстислава», по версии В. Орлова, - «Слово о полку Игореве», изданное в 1800 году, и «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся чрез пересказывание в памяти, приключения» (10 частей, 1780-1783), приписанные в начале XIX века М.Д. Чулкову, а на самом деле принадлежащие перу В.А. Левшина.

Создателями псевдославянской мифологии, именами которой широко пользовался Востоков в своей повести, были М.Д. Чулков – автор «Краткого мифологического лексикона» (1757), «Словаря русских суеверий» (1782) - и М.В. Попов – автор «Описания древнего славянского языческого баснословия» (1768, 2-ое изд. 1772), «Древностей славянских, или приключений славянских князей» (1771, 2-ое изд. 1778, 3-е изд. 1794) и «Вечерних часов, или древних сказок славян древлянских» (1787). Псевдославянской мифологией были насыщены и «Русские сказки» В.А. Левшина (1780-1783).

Источниками для русских мифологистов были летописи, славяно-мифологический материал Ломоносова («Древняя российская история»), «Синописис». Попов в «Описании древнего баснословия» ссылается на «Историографию» Мавроурбина, на Геродота, Ломоносова, Тредиаковского и анонимный немецкий «Краткий баснословный словарь»; кроме этого использовались немецкие хроники XVI и XVII веков, учёные диссертации западноевропейских славистов, например, Бангертово издание «Хроники Гельмольда» (1702).

После Чулкова и Попова созданием и систематизацией русских мифов занялись А. Кайсаров, автор немецкой книги «Versuch einer Slavischen Mythologie», изданной в Гёттингене (русский перевод - 1807 г., 2-ое изд. 1810г.), и член Вольного общества любите-

лей словесности, наук и художеств Г.А. Глинка – автор книги «Древняя религия славян» (1804). В анонимной рецензии на обе эти книги, опубликованной в 1805 году в «Северном Вестнике», предпочтение было отдано труду А. Кайсарова, недостатками книги Глинки назывались излишнее воображение и малая учёность.

Обе «славяно-мифологические» поэмы Востокова («Светлана и Мстислав» и «Певислад и Зора», 1803) были написаны до книг Кайсарова и Глинки, но, возможно, что их материалом воспользовался Востоков в своих примечаниях к поэмам во второй части «Опытов лирических» в 1806 году. Из примечаний Востокова В. Орлов делает вывод, что в других случаях он русифицировал античную мифологию самостоятельно. «Повествовательный опыт» Востокова заслужил похвальный отзыв И.И. Дмитриева, который написал автору: «Это едва ли не новый род в нашей литературе. По крайней мере я доселе не читал на нашем языке стихотворных героических сказок». Интерес к национальной мифологии влечёт за собою осознание близости, родственности славянских культур, мотивирует переводы Востоковым «Богемских песен» (их источник – псевдонародные чешские песни, сочинённые Вацлавом Ганкой, известным учёным-филологом в 1819 году) и «Сербских песен» (взяты из сборника Вука Стефановича Караджича, его первое издание – 1814-1815 года). Востоков был первым переводчиком сербского эпоса, а занимался он этим по просьбе А. Дельвига, издателя альманаха «Северные цветы». Интерес к вопросам славянской филологии В. Орлов связывает с широким распространением панславистских идей в среде русской интеллигенции 1810-1820-х годов: «Борьба сербов за независимость, открывшая эпоху «возрождения» в Сербии, ...в общеевропейском общественном мнении играла примерно ту же роль, что и национально-освободительное движение в Греции, вдохновившее, вслед за Байроном, всю плеяду русских байронистов». «Сербское песнотворчество воспринималось и расценивалось в Германии в плоскости общего увлечения этнографией, народным творчеством вообще, идеями Гердера и его продолжателей. – Упрочению интересов Востокова к славянской поэзии способствовали не только общение с виднейшими славистами Запада (Копитаром, Шафариком, Ганкой, Добровским), но и влияние близких ему немецких поэтов, много сделавших для широкой популяризации южнославянского народного эпоса».

Именно немецкая литературная ситуация оказывается в этот период особенно значимой для России, является примером для под-

ражания. А.Х. Востоков находился под значительным влиянием немецкой литературной, языковой, культурной традиции, о чём свидетельствуют факты биографии. Кюхельбекер писал о Востокове: «Принявши образцами своими великих Гениев, в недавние времена прославивших Германию, он дал ... германический дух русскому языку, ближайший к нашему национальному духу, как тот свободному и независимому».

Ещё Н.А. Львов в 1793 году опубликовал «Песни норвежского рыцаря Гаральда Храброго», взятые им из «Датской истории» Маллета и «переложенные на российский язык образцом древнего стихотворства». Предпочтение тонического стихосложения и предположение, что «можно даже написать целую русскую эпопею в совершенно русском вкусе», реализовались в его поэме «Добрыня», опубликованной в 1804 году. В 1794 году против рифмы выступил карамзинист Подшивалов, а в 1795 году появилась написанная «русским складом» поэма Карамзина «Илья Муромец». В 1798 году в защиту белого стиха высказал своё мнение архаист С. Бобров, автор безрифменной поэмы «Таврида» (2-ое изд. 1804 г. под названием «Херсонида»), высоко ценившейся Востоковым. Борьба против рифмы оказывается борьбой за смысл в поэзии. Большинство песен «Бахарианы» (1804) Хераскова, Оссиановы песни (1804) Гнедича написаны белыми стихами, как и отдельные стихотворения Батюшкова («Послание к Фиlise», 1804), Пнина («Послание к некоторым писателям», 1805).

В. Орлов замечает, что для всех вышеназванных поэтов, кроме Востокова, опыты в области метрики были в значительной мере случайными. Более или менее серьёзное обоснование проблеме обновления русского стиха дал Радищев: разрабатывал русский «народный» стих («Бова»), гекзаметр («Осьмнадцатое столетие»), сафическую строфу, дал образцы полиметрических стихов («Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам»). В «Памятнике дактилохореическому витязю» Радищев подверг пересмотру осмеянные опыты Третьяковского, выступил с критикой ломоносовской системы в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Тверь»).

В «Опыте о русском стихосложении» Востоков развивал мысли Радищева, подводил итоги освоению белого стиха и новых размеров русскими поэтами: Бобровым – в дидактических поэмах, а Державиным, Дмитриевым и Карамзиным – в лирических стихотворениях. В качестве размера, отвечающего жанру героической эпопеи, «однообразному» и «напыщенному» шестистопному ямбу противополо-

ставлялся гекзаметр; обсуждался и вопрос о размерах, пригодных для лирических жанров.

В отечественном литературоведении существуют разные точки зрения на русский Ренессанс, одна из них – задачи Возрождения выполняла эпоха рубежа XVIII - XIX вв. Именно тогда в европейской литературе получает воплощение национальное самосознание, которое позволяет осваивать многообразную жизнь нации, утверждает суверенную человеческую личность, в литературе вырабатывается литературная форма национального языка и на его почве возникают классические формы национального искусства слова. Осмысление славянского феномена, исторического и культурного, языкового и психологического единства славянских народов – один из факторов культурной идентификации и становления русского национального искусства и литературы.

Литература

1. Данилевский Р.Ю. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская литература 18 века и западноевропейские литературы. – Л.: Наука, 1980, - С. 174 – 218
2. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х томах. Т.2. – М.: НИИ «Большая российская энциклопедия», 1998. – С. 450-456
3. Лоциц Ю. О славянофильстве Пушкина http://www.stoletie.ru/ekskliuziv/o_slavyanofilstve_pushkina_2009-06-05.htm
4. Орлов В.А. Востоков // Востоков А.Х. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1935. – С. 9-76
5. Панченко А.М. Пётр I и славянская идея <http://panchenko.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2335>

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТРЕХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Три языка - русский, украинский и чешский - языки славянские. Как мы уже не однажды замечали, это роднит названные языки. Но их отнесенность к разным ветвям (русский и украинский языки – восточнославянская ветвь, а чешский – западнославянская) привносит различия в разные ярусы языка, в частности, в синтаксический уровень.

Рассмотрим вопросительные предложения в русском, украинском и чешском языках.

В словаре лингвистических терминов под редакцией О. С. Ахмановой, вопросом называется высказывание, имеющее целью побудить слушающего сообщить нечто неизвестное говорящему или представляемое говорящим как требующее выяснения¹.

Также вопрос квалифицируется как предложение, произносимое с целью получения языковой реакции слушающего. Вопросы, за исключением риторических, в большинстве своем ориентированы на момент речи и предполагают немедленную реакцию собеседника².

И.В. Арнольд также отмечает возможность использования вопросительных предложений в несвойственных им денотативных значениях с дополнительными коннотациями, например, использование риторического вопроса в качестве эмфатического утверждения.³

Работа Н.И. Жинкина «Вопрос и вопросительное предложение» посвящена особенностям вопросительных предложений выполнять в речи различные функции. В этом исследовании автор показывает, что вопрос является разновидностью речевого действия, а вопросительное предложение - «формой фиксации мысли»⁴. Вопросительное предложение может передавать запрос на получение информации, а может выражать и такие речевые действия как утверждение, предположение или просьбу.

Вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо. Вопросительные предложения, таким образом, информируют о том, что хочет узнать говорящий.

В выражении вопросительности главная роль принадлежит интонации, вопросительным частицам *ли, не... ли, что, что же, как, что ли, разве, неужели, что если, а, да, правда, не правда ли, так, так ведь, не так ли, верно*, вопросительным местоименным словам *кто, что, какой, каков, чей, который, сколько, как, где, куда, откуда, докуда, когда, почему, отчего, зачем, насколько*. С помощью этих средств любое невопросительное предложение может стать вопросом или переспросом.

В чешском языке вопросительное предложение выражает вопрос. Различаются общие и уточняющие вопросительные предложения.

Общим вопросом мы спрашиваем, является ли правдой то или иное наше представление, убеждение, высказывание. От повествовательных предложений такие вопросы часто отличаются лишь интонацией.

Подвидом общих вопросов являются альтернативные вопросы, с помощью которых мы узнаём, какой из двух (или более) вариантов справедлив.

С помощью уточняющих вопросов мы получаем недостающие сведения.

Для украинского языка характерно то, что многие глаголы согласуются с субъектами в лице и числе. Прилагательные стоят перед определяемыми существительными. Одна из отличительных черт согласования следующая: свидетельство о согласовании в роде и числе может встречаться в предложении несколько раз⁵.

Порядок слов в украинском предложении демонстрирует определенную грамматическую свободу с отсутствием фиксированной последовательности членов предложения (подлежащего, дополнения, обладателя и т. д.). Тем не менее, естественным порядком считается «подлежащее — сказуемое — дополнение».

По формальному строению вопросительные предложения или совпадают с невопросительными предложениями или строятся по собственным синтаксическим образцам.

Невопросительные предложения могут быть преобразованы в вопросительные либо только посредством изменения их интонации, либо посредством изменения интонации и введения вопросительных частиц, либо посредством изменения интонации и замены невопросительного слова вопросительным местоименным словом. Во всех этих случаях может изменяться словопорядок.

Вопросительные предложения в системе предложений представляют особый интерес для исследования.

У вас хорошая работа? - Да, у меня хорошая работа.
У вас цікава робота? - Так, у мене цікава робота.
Je vase prace dobra? - Ano, moje prace je dobra.

Отвечает Томаш на твой вопрос? - Нет, не отвечает.
Відповідає Томаш на твоє запитання? - Ні, не відповідає
Odpovida Tomas na tvoji otazku? - Ne, neodpovida.

Чей словарь лежит тут на парте? - Это мой словарь .
Чий словник лежить тут на лаві? - Це мій словник.
Ci slovnik lezi tady na lavici? - To je muj slovnik.

A. Как поживает ваша жена? Она здорова?
B. К сожалению, нет. Сейчас она больна.
A. Очень жаль.
A. Як поживає ваша дружина? Вона здорова?
B. На жаль, ні. Зараз вона хвора/хворіє.
A. Мені (дуже) жаль.

A: Jak se ma vase manzelka? Je zdrava?
B: Bohuzel ne. Je ted nemocna
A: To je mi lito.

A: У них большой сын? B: Нет, он еще маленький.
A: У них великий син? B: Ні, він іще малий.
A: Je jejich syn uz velky? B: Ne, jeste je малы.

A: Их дочь работает продавщицей?
B: Нет, она учительница (преподавательница).
A: Їхня донька працює продавщицею?
B: Ні, вона вчителька/викладачка.

A: Je jejich dcera prodavacka?
B: Ne, je to profesorka.

A: Вы смотрите на нашего преподавателя (учителя гимназии)?

B: Нет, я смотрю на нашу преподавательницу (учительницу гимназии).

А: Ви дивитесь на нашого старого професора/викладача/вчителя гімназії?

Б: Ні, я дивлюся на нашу викладачку/вчительку гімназії.

А: Divate se na naseho stareho profesora?

В: Ne, divam se na nasi profesorku.

Интонация, вопросительные частицы, местоименные вопросительные слова или оформляют вопросительное предложение в целом (общевопросительная функция) или выделяют то слово, которое называет предмет вопроса (частно-вопросительная функция).

Итак, существует целый ряд грамматических средств оформления вопросительных предложений⁶.

1) прежде всего это вопросительная интонация:

Уж не больны ли вы? (Гоголь) (выделяется слово **больны**);

Nejste nemocny vite? (Gogol);

Чи не хворі ви? (Гоголь)

На Западном фронте Вы были? (К. Симонов);

Вы на Западном фронте были? (К. Симонов);

Ви на Західному фронті були? (К. Симонов);

Nachazite se na zapadni fronte byly? (Simonov);

Jste na zapadni fronte byly? (Simonov);

Из последней группы примеров видно, что меняя порядок слов в предложении, мы меняем и интонацию, и смысл предложения.

Интонация чешских вопросительных предложений отличается от русской интонации: интонация в середине предложения «падает» - нисходящая, а в конце – «взлетает» (восходящая). Более ровная вопросительная интонация в пражском говоре.

2) расположение слов (в начало предложения выносится слово, с которым связан вопрос).

Хотите воды со льдом? (В. Вересаев);

Хочете води з льдом? (В. Вересаев);

Chteli byste nekteere ledove vody? (V. Veresaev);

Понятен сам мой ужас? (Горький) (выделяется слово **понятен**);

Lze pochopit, ja, moje hruza? (Gorkeho);

Зрозумілий сам мій жах? (Горький);

3) вопросительные слова (вопросительные местоимения, наре-

чия, частицы). Заметим, что во всех трех языках в этом случае порядок слов следующий: на первом месте стоят вопросительные местоимения, частицы и наречия, а за ними следуют все остальные слова:

Не лучше ли тебе отстать от них самому? (А. Пушкин);

Неужели нет на свете женщины, которой вы хотели бы оставить что-нибудь на память? (М. Лермонтов);

Зачем мы здесь стоим? (А. Чехов);

Чи не краще тобі відстати від них самому? (О. Пушкін);

Невже немає на світі жінки, якій ви хотіли б залишити щонебудь на пам'ять? (М. Лермонтов);

Навіщо ми тут стоїмо? (А. Чехов);

Nemel byste drzet daleko od nich sam? (Puskin)

Je tam zadna zena na svete, byste rad / a nechat neco pamatovat? (M. Lermontov),

Proc jsme tu stojim? (A. Cechov);

Какая из прочитанных книг вам больше нравится? (Н. Островский);

Почему я не могу ехать? (Л. Толстой);

Привет ли то был, упрек ли? (Тургенев);

Неужели и вправду отзвенели мечи? (Есенин).

А разве другой должности для тебя не найдется? (Лаптев);

Яка з прочитаних книг вам більше подобається? (М. Островський).;

Чому я не можу їхати? (Л. Толстой);

Привіт Чи то був, докір чи що? (Тургенєв);

Невже і справді віддзвеніла мечі? (Єсенін);

А хіба іншій посаді для тебе не знайдеться? (Лаптев);

Ktera z techto knih precetl davate prednost? (M. Ostrowski);

Proc nemohu jit? (L. Tolstoj).

Vitejte na to, zda byl vycitka vas? (Turgenev);

Mohl by to opravdu pricka mece? (Esenin);

A je dalsi misto pro vas neni tam / (Laptev);

4) при отсуствии в предложении вопросительных местоимений, наречий

- в русском языке глагол может оказаться на первом или на втором месте:

Хочет Дана фрукты? Дана хочет фрукты?

- в украинском вопросительном предложении на первом месте, как правило, употребляется частица **чи** (в русском языке это частица **ли**):

Чи хоче Дана фрукти?

Вопрос «Знаете ли вы, что...?» переводится на украинский язык «Чи ви знаєте, що...?»

- в чешском языке первое место занимает глагол, за ним может следовать указательное местоимение (Je to kniha?) и прочие слова.

Chce Dana ovoce ?

Чаще, чем в русском языке, в чешском языке глагол в вопросительных в предложениях ставится на первое место, если предложение общевпросительное, т.е. требует ответа «да» или «нет».

Чуть подробнее об общевпросительных и частновпросительных предложениях. Эти две группы предложений возникают от типа заключенного в них вопроса и предполагаемого ответа³⁷.

Общевпросительные предложения направлены на получение информации о ситуации в целом. Ответом на них будет «да» или «нет»:

Вам хочется скинуть туфли, снять рубашку – и так пройтись по селу? (В. Шукшин);

Вам хочеться скинути туфлі, зняти сорочку - і так пройтися по селу? (В. Шукшин);

Chcete hazet boty, sundat kosili - a tak se projit po vesnici? (V. Shukshin).

Частновпросительные предложения требуют ответа о деятеле, о признаке, о тех или иных обстоятельствах, то есть они требуют в ответе сообщения новой информации:

«Ты отчего такой задумчивый?» - спросил мальчик. (Ю. Куранов);

«Ти чому такий замислений?» - Запитав хлопчик. (Ю. Куранов);

«Ty jsou duvodem, proc tak zamysleny?» - Zeptal se chlapec. (Yu Kuranov).

По своему характеру вопросительные предложения делятся на следующие разряды:

а) собственно вопросительные предложения. Они заключают в себе вопрос, предполагающей обязательный ответ. В этих предложениях выражается стремление говорящего выяснить что-либо для него неизвестное:

К чему опять ты мрачный взор мохнатой шапкой закрываешь? (М. Лермонтов);

Что же это за люди, что за типы? (В. Белинский);

б) вопросительно-утвердительные предложения. Будучи обращенными к собеседнику, они требуют лишь подтверждения того, что высказано в самом вопросе:

Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был? (С. Есенин);

Ти чи сільським, ти ль селянським не був? (С. Єсенін);

Jste obce, ty jsi moje jedina zbran, nebyl sedlak? (S. Jesenina);

в) вопросительно-отрицательные предложения. Они заключают в себе отрицание того, о чем спрашивается:

Родимая! Ну как заснуть в метель? (С. Есенин);

Матінко! Ну як заснути в хуртовину? (С. Єсенін);

Milovani! Dobre spat ve snehu? (S. Jesenina);

г) вопросительно-побудительные предложения. Они заключают в себе побуждение к действию, выраженное посредством вопроса:

«Молока не выпьете на дорогу?» - сказал Яков (М. Горький);

«Молока не вип'єте на дорогу?» - сказав Яків (М. Горький);

«Mleko neni napoj na silnici?» - Rika James (Gorkeho);

д) вопросительно-риторические предложения не требуют ответа, так как он заключен в самом вопросе; употребляется они как средство выразительности:

Желанья... Что пользы напрасно и вечно желать? (М. Лермонтов);

Touhy ... Co dobreho je marna a vecne touze? (M. Lermontov);

Бажання ... Що користі даремно і вічно бажати? (М. Лермонтов);

О риторическом вопросе следует сказать особо. Это риторическая фигура, представляющая собой вопрос, ответ на который заранее известен, или вопрос, на который даёт ответ сам спросивший. По сути, риторический вопрос - это вопрос, ответ на который не требуется или не ожидается в силу его крайней очевидности.

Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу? (Жуковский В. А.)

Можу ль побачити у блиску новому
Мрії зів'ялою красу?
Можу ль знову одягнути покривом
знайомої життя наготу? (Жуковський В. А.)

Mohu jen zbran aj v slave nove sny vybledle krasu?
Mohu opet dat kryt Mademoiselle znamych zivota nahotu? (V.
A. Zhukovsky)

Кто там шагает правой? (В. Маяковский);
Kdo projde v poradku? (V. Majakovskeho);
Хто там крокує правою? (В. Маяковський);

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладельный прах? – А. С. Пушкин.

І де мені смерть пошле доля?
У бою, чи в мандрівці, у хвилях?
Або сусідня долина
Мій візьме охолонув прах? - О. С. Пушкін.

A kde se bude osud poslat smrt pro me?
V bitve, cesta ve vlnach?
Nebo sousednim udoli
Prijmete me chlad prach? - A. S. Pushkin.

К вопросительного-риторического относятся и встречные вопросы (ответ в форме вопроса):

«Скажите, Степан, вы женились по любви?» - спросила Маша.

«Какая у нас в деревне любовь?» - ответил Степан и усмехнулся. (А. Чехов)

«Скажіть, Степан, ви одружилися з любові?» - Запитала Маша.

«Яка у нас у селі любов?» - Відповів Степан і посміхнувся. (А. Чехов)

«Řekni mi, Stepan, jste vdana za lasku?» - Na otazku, Masa.

«То, со jsme v obci lasky?» - Stepan odpovedel a usmal se. (A. Cechov)

Есть еще вопросительные предложения, образованные на основе невопросительных:

Интересная работа у вас. - Интересная работа у вас?

Zajimave zamestnani mate. - Zajimave praci, kterou jste?

Цікава робота у вас. - Цікава робота у вас?

Таким образом, вопросительные предложения в трех славянских языках представляют несомненный интерес для исследования. В вопросительных предложениях могут содержаться и пересекаться как значения вопроса, так и утверждающего сообщения, а также значения чрезвычайно разнообразных видов побуждения к действию и значения состояний.

Примечания

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., Советская энциклопедия, 1966, - стр. 84-85

² Агамирзян Н.В., Штейнберг Н.А. Вопрос как разновидность плана речи, определяющая выбор глагольных временных форм. // Анализ стилей зарубежной художественной литературы. Межвузовский сборник. Вып. 4. -СП.: СПГУ, 2005 – стр. 23

³ Арнольд И.В. Стилистика современного языка (стилистика декодирования). Л., Просвещение, 2001 - стр. 165

⁴ Жинкин Н.И. Вопрос и вопросительное предложение. // Вопросы языкознания № 3, 2005, - стр. 22-23

⁵ Лесная Г.М. Учебник украинского языка. Уровень А1. Часть I-М: МГИМО, 2009.

⁶ Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. – М: Высш. Школа., 2003 – С. 69-70.

⁷ Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. вузов/ А.Г.Широкова, П. Адамец, И. Влчек, Е. Р. Роговская. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1988. - 544 с.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО

Иван Грозный был одним из образованнейших людей своего времени. Это был поразительно талантливый человек. Казалось, ничто не затрудняло его в создании текста. Речь его текла совершенно свободно, соединяя высокое и низкое, просторечие с цитатами из Священного писания, перемешивая разные стили и жанры. Можно с полным правом утверждать, что разнообразие стиля Грозного полностью соответствует сыгранным им ролям и надетым личинам, столкновениям его диаметрально противоположных сторон характера: великого князя всея Руси, стремящегося стать царём, помазанника божием, отца подданным Иоанна, и безжалостного, хитроумного, «злобесного» Ивана Грозного, «игумена» собственного «монастыря», предводителя лютого воинства, играющего в свои страшные и кровавые игры.

Произведения Грозного принадлежат эпохе, когда индивидуальный стиль писателей еще не был развит и проявлялся очень слабо. Исключение составляет стиль произведений Грозного. Чем это можно объяснить? Индивидуальный стиль произведений Грозного есть прежде всего отражение его индивидуального поведения — властно заявленной им его жизненной позиции [2; 21]. Фактически, Грозный не осознает себя литератором: все его произведения носят сугубо деловой и политический характер, и тем не менее, имеют очень много черт истинных литературных произведений. Грозный пользуется многими стилистическими приемами, показывает собственную эрудицию, торжественность слога – но лишь для того, чтобы сильнее подействовать на собеседника, убедить его. Как только ему требуется – он медленно ломает все рамки этикета.

Источники неоднократно говорят о том, что Грозный действительно бранился. Брань, включаемая им в его сочинения, была простым перенесением в литературу его поведения в жизни. Характерно при этом, что, как это часто бывает, брань его была трафаретной, а бранные выражения часто повторяются [2, 22].

На основании одного только Первого послания Грозного Курбскому можно составить довольно полный список его излюбленных ругательств: *бес* [3, с. 14], *бесовский* [3, с. 28], *бесовское злохитрие* [3, с. 16], *бешеная собака* [3, с. 32], *злобесное умышление* [3, с. 48], *злобесовские советники* [3, с. 69], *злобесное хотение* [3, с. 45], *злобесовский*

[3, с. 30], *злбесный разум* [3, с. 24], *окаянный, паче кала смердяй* [3, с. 11], *пес* [3, с. 12], *пес смердящий* [3, с. 53], *прокаженный* [3, с. 41], *псволаяние* [3, с. 34], *собака* [3, с. 31], *собацкий* [3, с. 53], *собацкое умышление* [3, с. 59], *собацкое собрание* [3, с. 66], *совесть прокаженная* [3, с. 17] и пр. Многие из этих выражений встречаются и в других посланиях Грозного, например в его Послании в Кирилло-Белозерский монастырь: *окаянный* [4, с. 162], *скверный* [4, с. 162], *пес смердящий* [4, с. 181], *пес злбесный* [4, с. 188], *бес* [4, с. 168] и др. В целом ругательства составляют в языке Грозного наиболее устойчивую и характерную для его языка лексическую группу, которая находится в кругу типичных для христианства асакральных вещей – *пес, собака, бес, скверна, проказа, зло*. Однако имеются и «дополнительные» инвективы: *батожник* [3, с. 11], *бедник* [3, с. 56], *упырь* [4, с. 175], *дурак* [4, с. 175], но все они употреблены в переносном смысле по отношению к противникам Грозного и имеют резко отрицательную эмоциональную направленность.

В посланиях, особенно написанных на «лай» противников, Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях. «Ядовитые словесы» со «многую яростию и лютоостию» как бы наслаиваются одно на другое и с дополнительными эпитетами и сравнениями повторяются для придания тексту еще более «кусательного» смысла [1, 261]. Слово *бес* привлекается Грозным обычно для характеристики «государевых изменников» (Андрей Курбский, Иоанн Шереметев, Хабаров). Его излюбленный прием – использование сложных прилагательных, состоящих из слов *зло* и *бес*: *злбесный, злбесовский*. Многократно употребляются Грозным и слово *собака*, и различные словообразования, с ним связанные. Слово *собака* в значении ‘изменник’ перешло в литературу из устного эпоса, значительно дальше от просторечия и фольклора слово *пес* в иносказательном смысле ‘дурной человек’, встречающееся и в литературных памятниках предшествовавшего времени. Слово это, по-видимому, не имело столь распространенного иносказательного значения и для придания желанного смысла употреблялось чаще вместе с эмоционально-бранным эпитетом.

Стиль Грозного сохранял следы как бы устного мышления. Он писал, как говорил. Возможно, он диктовал свои послания. Грозный ведет себя в своих посланиях совершенно так, как в жизни. Резко выраженные особенности стиля Грозного, его эмоциональность и возбудимость, резкие переходы от пышной церковнославянской речи к грубому просторечию идут не столько от усвоенной им литературной

школы, литературной традиции, сколько от его характера и являются частью его поведения. Они несут в себе не столько элементы литературной традиции, сколько традиции скоморошества. В его посланиях отчётливо слышится голос грозного царя с его многочисленными вопросами: *«отдуху нет, таки Собакин и Шереметев! А я им отец ли духовный, или начальник? Но доколе молвы и шептания...? И чесо ради? – злобесного ради пса Василья Собакина... Или бесова сына Иоанна Шереметева? Или дурака для и упиря Хабарова?»* [4, с. 175]. Чеканная отповедь нашкодившим чернецам, которые *живут хульно и проклято*, и поэтому *погани поношают* [4, с. 185], заканчивается нежеланием царя заниматься монастырскими *безлепцами*, в том числе и теми, которые он сам видел – *по четкам матерны лают* [4, с. 194]. Но Иоанн Грозный делает последнее предупреждение и велит писание своё *по слогням разуметь* [4, с. 194].

Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый (как, например, в своем завещании 1572 года), мастер «кусательного» стиля, самодержец всея Руси, любивший игру в смирение, изображавший себя обиженным или принижённым, пренебрегавший многими литературными традициями ради единой цели: убедить и высмеять своего противника, – таков Грозный в своих произведениях. Однако с точки зрения современного носителя русского языка один из самых кровавых и неадекватных правителей России ругается, не так, как привыкли сейчас. Ругань его более убедительна, изошрённа, действенна и во многом литературна, и не только потому, что привычная для нас «чёртова дюжина» срамных слов не была тогда в ходу, но и прежде всего потому, что опирается на устную (во многом скоромошью), и книжную (чаще всего христианскую) традицию и сдобривается языковым талантом противоречивого Иоанна IV Грозного.

Литература

1. Шмидт С. О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. XIV. – С. 261–264.
2. Лихачев, Д. С. Смех как мировоззрение. – Л.: Наука, 1984. – С. 7–25
3. Первое послание Курбскому // Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье, под ред. В.П. Андриановой-Перетц (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – С. 162–194.
4. Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь // Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье, под ред. В.П. Андриановой-Перетц (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – С. 162–194.

Катермина В. В. (Краснодар)

НОМИНАЦИОННЫЙ РЯД ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А.С.ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Сущность номинации заключается в том, что языковой знак репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека, абстракцию, отображающую диалектическое противоречие единичного и общего в реальных предметах и явлениях.

Как утверждает современная лингвистика, номинация есть не что иное, как языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов (Колшанский 1976, 19). В акте номинации получают название лишь те реальные или фиктивные объекты, на которые направлена деятельность человека. Сами объекты могут принадлежать миру внешнему и миру внутреннему, они могут составлять равно принадлежность мира действительного и мира вымышленного, но название дается «остановленной» мысли об объекте. Следует подчеркнуть, что в любом случае акт номинации представляет собой речемыслительный акт, из протекания которого не может быть выключено промежуточное звено: когнитивное, отражательное, концептуально-логическое или образное, но деятельностное, то есть свидетельствующее о включенности подлежащего наречению объекта (или совокупности объектов) в деятельность и жизнь человека.

Наименование лица, как свидетельствует анализ его семантики и функционирования, занимает особое положение в системе языка, так как оно номинирует субъект языкового общения (Катермина 2005, 311).

Номинация может рассматриваться как база для проникновения в языковое национально-культурное сознание народа, как отражение ментальных особенностей развития языковой личности.

В данной статье нами будет рассмотрен номинационный ряд двух главных героев повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка» Петра Гринёва и Емельяна Пугачёва.

Анализ материала позволил выявить тот факт, что при номинации Гринёва большое внимание уделяется обращению: *сударь, барин, ваше благородие, батюшка, господин прапорщик.*

– *Что это, сударь, с тобою сделалось? – спросил он (Савельич) жалким голосом.*

– *Барин, не прикажешь ли воротиться? (ямщик).*

– *Ваше благородие, сделайте мне такую милость, – прикажите поднести стакан вина... (Пугачев).*

Следует отметить, что обращения можно квалифицировать как номинации социального статуса: все они показывают высокое положение главного героя и уважительное отношение к нему со стороны остальных людей.

Тенденция к номинациям типа *батюшка, мой батюшка* наблюдается как со стороны слуг и людей, занимающих более низкое социальное положение, так и со стороны любимой женщины, когда ей необходима его помощь:

– *Батюшка Петр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня бедную.*

В вышеприведенном примере подобная номинация характеризует ласково-фамильярное отношение к собеседнику (ср. *батюшка* – З. вообще форма ласково-фамильярного обращения к собеседнику [Ушаков, Т. 1, С. 95]).

Необходимо подчеркнуть тот факт, что данные обращения позволяют читателю приблизиться к эпохе А.С.Пушкина, почувствовать дух данного времени:

Ваше благородие – формула обращения (*благородие* – дореволюц. в соединении с местоим. *ваше, его, ее, их* – титулование, которое было присвоено невысоким чинам гражданской и военной службы (до штабс-капитана и титулярного советника включительно) [Ушаков, Т. 1, С. 150].

– *Здесь, ваше благородие, – отвечал мне голос сверху.*

Сударь – устар. господин (употр. преимущ. как вежливое, учтивое, иногда ирон., обращение к лицу из господствующих классов, а также между разными в социальном отношении людьми из интеллигентской, дворянской семьи) [Ушаков, Т. 4, С. 579].

– *Что ты это, сударь? – прервал меня Савельич. – Чтоб я тебя пустил одного!*

Тот же самый процесс проявляется и при номинации социального статуса Гринева: *господин прапорщик*. Данное наименование позволяет нам погрузиться в события, происходящие вокруг.

Один раз в повести Петр Гринев указывает на свой социальный статус, подчеркивая свою верность императрице и следование кодексу чести:

– *Нет, – отвечал я с твердостью. – Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу.*

Сочетанием слова «природный, потомственный» с названием сословия (дворянство – высшее привилегированное сословие (существовавшее в России до революции и состоявшее из помещиков, их потомства и выслужившихся чиновников [Ушаков, Т. 1, С. 660] автор еще раз помогает нам более глубоко окунуться в описываемые им события.

Как показывает исследование, при номинации Гринева очень часто писатель употребляет и имена собственные: *Петруша, Петр, Петр Андреевич, Петр Андрешч*.

В использовании имен собственных также проявляется социальная природа. Так, Савельич обращается к Гриневу только как Петр Андреевич, подчеркивая, таким образом, социальный статус своего хозяина:

– *Эх, батюшка Петр Андрешч!* – отвечал он с глубоким вздохом.

Подобную номинацию можно увидеть и в следующем примере, когда Зурин, занимающий на социальной лестнице одинаковое положение, обращается в письме к Гриневу:

Любезный Петр Андреевич, пожалуйста пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл.

Также называет его и Маша в порыве отчаяния, когда его родители не дают им своего благословения:

– *Нет, Петр Андрешч,* – отвечала Маша, – *я не выйду за тебя без благословения твоих родителей.*

Отметим, что использование уменьшительно-ласкательной формы *Петруша* при номинации главного героя матерью указывает на ее любовь, материнские чувства, в то время как употребление формы имени *Петр* со стороны отца свидетельствует о его сдержанности:

– *Прощай, Петр! Служи верно, кому присягнешь...*

Таким образом, при номинации Петра Гринева главным образом раскрывается социальная значимость персонажа, его принадлежность к определенной социальной среде.

Номинационный ряд Емельяна Пугачева в повести выражен более ярко: наряду с указанием на его социальную принадлежность (*батюшка, государь*), превалируют наименования бранного характера (*вор и самозванец, мошенник, собачий сын, злодей, пьяница*) и нейтральная номинация (*мужичок, вожатый, брат*).

– *Каков мошенник!* – воскликнула комендантша.

– *А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.*

- Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!
– Послушай, мужичок, – сказал я ему.

Более подробная номинация языковой личности была уже рассмотрена нами в статье «Языковая личность Емельяна Пугачева в контексте художественных произведений» (см. Катермина 2011, 53-56), здесь нам бы хотелось привести слова Петра Гринева о Емельяне Пугачеве, свидетельствующие о неоднозначном видении данного персонажа А.С.Пушкиным:

– Слушай, – продолжал я, видя его доброе расположение. – Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнь мою раю бы я заплатил тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести.

Так, не зная точно как назвать Емельяна Пугачева, автор оставляет эту тему открытым, давая, таким образом, возможность каждому из нас решить этот вопрос для себя.

Литература

1. Катермина В.В. Национально-культурная специфика образа человека (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2005.
2. Катермина В.В. Языковая личность Емельяна Пугачева в контексте художественных произведений // «Русский бунт» на страницах повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка». Вторые научные Пушкинские чтения: сб. статей/ под ред. А.В. Федоровой. Оренбург, 2011. С. 53 – 56.
3. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 5–81.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1994.

СЛАВЯНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: PRO ET CONTRA

В XVIII веке, под влиянием как чисто лингвистических, так и экстралингвистических факторов, решалось «быть или не быть» славянизмам в русском литературном языке. Считается, что основоположником в деле нормализации и упорядочения русского литературного языка является М.В. Ломоносов, который создал свою стилистическую теорию, регламентировав то или иное употребление лексических богатств русского языка в зависимости от стилей и жанров. Не следует думать, однако, что стилистическая теория М.В. Ломоносова была единственной попыткой создать стилистическую модель, по которой русский литературный язык должен был приобрести свойства и качества языка национального в высшем своём проявлении. Многие писатели, литературные и общественные деятели в своей литературной, филологической и философской практике способствовали нормализации и складываю системы русского литературного языка национального периода.

Попытки создать свою стилистическую теорию преследовал один из виднейших представителей православной церкви того времени Феофан Прокопович. Так, стилистическая теория Феофана Прокоповича была изложена им в двух трактатах, написанных на латинском языке «*De arte poetica*» и «*De arte rhetorica*». Отношение Ф. Прокоповича к понятию «литературный язык» было сложным и неоднозначным, возможно, это было связано с тем, что родным его языком был украинский, но писал он преимущественно на церковнославянском языке и латыни. Все свои научные труды он писал на латыни, а художественные произведения – проповеди, речи, слова – на церковнославянском языке. Предпочтение Ф. Прокопович отдаёт церковнославянскому языку, но со временем он приходит к пониманию, что в современной ситуации необходимо было приспособить церковнославянский язык к изменяющимся потребностям общества. Так, В.В. Виноградов подчёркивает, что в произведениях Прокоповича, носящих проповеднический характер, «чрезвычайно ярко выражены симптомы «обмирщения» церковнославянского языка» [2; 41]

В литературном языке, по мнению Прокоповича, «выделяются две противоположные разновидности: речь художественная и речь практическая (повседневная)» [3; 96]. Причём художественной речи

присуще понятие украшенности, а практической – неукрашенности.

Проблема регулирования нормализации литературного языка всегда была центральным вопросом в лингвистических трудах В.К. Третьяковского. Поэтому принципы упорядочивания, кодификации литературного языка, применение этих принципов на практике, прежде всего в переводческой деятельности являются общими для многих деятелей науки и культуры того времени. В 1731 г. как приложение к Немецко-латинско-русскому словарю была издана краткая русская грамматика, озаглавленная *Anfangs-Grunde der russischen Sprache* («Элементы русской грамматики»), автором которой был В.Е. Адодуров. Эта грамматика была разработана, по мнению Б.А. Успенского, в соавторстве с В.К. Третьяковским и В.Н. Татищевым, с ними Адодуров был хорошо знаком. Всего лишь 45 страниц, этой грамматики, которая так и не была издана, была одной из первых попыток кодификации считавшегося когда-то разговорным и не требующим кодификации языка русского литературного языка. Языковая концепция В.Е. Адодурова и В.К. Третьяковского основывалась на сознательной ориентации на западноевропейскую языковую ситуацию и заключалась в стремлении перенести ее на русскую почву, т.е. создать здесь литературный язык того же типа, что и западноевропейские литературные языки. Следовательно, славянизмы резко противопоставлялись живой разговорной речи, застывшая норма церковнославянского языка отрицалась в пользу естественного употребления.

На разных этапах его творческого пути его взгляды относительно этой проблемы неоднократно менялись. Так, в начальный период своего творчества В.К. Третьяковский «связывал понятие образцовой литературной речи со старославянским языком» [3; 103], пытался не только писать на нём литературные произведения, но и разговаривать в бытовом общении. Дальнейшую свою литературную деятельность В.К. Третьяковский ведёт на началах отрицания церковнославянской письменно-книжной традиции, пытается создать литературный язык на одной только русской «природной» основе. Но вместо создания единой литературной нормы, В.К. Третьяковский создаёт образец своей индивидуальной нормы, он открывает индивидуально-авторский стиль, который, по сути, не был освоен писателями XVIII века, покончившими со средневековой моделью безликого писца – передатчика высшей истины, но погрузившимися в рамки классицистической, жёстко регламентированной литературы, не дававшей возможности авторам развить свой индивидуальный стиль.

В середине 40-х годов XVIII века В.К. Третьяковский вновь возвращается к высокой оценке церковнославянского наследия в русском литературном языке, именно ему он отводит роль нормализатора современного ему языка русской нации. Центральной категорией своей стилистической системы В.К. Третьяковский делает понятие хорошего вкуса, а выработка хорошего вкуса состоит в знании церковных книг, старославянского языка, от полученного образования и «доброто воспитания».

Для дальнейшего развития литературного языка некоторые положения стилистической теории В.К. Третьяковского имели не последнее значение. Это касается понятий нормы, употребления, индивидуально-авторского стиля, вкуса, последний из которых видоизменяется в воззрениях Н.М. Карамзина.

Подобно реформаторам 1730-х годов, Н.М. Карамзин стремится перенести на русскую почву западноевропейскую языковую ситуацию, т.е. организовать русский литературный язык по модели литературных образцов Западной Европы. «Новый слог» противопоставлялся старой книжной культуре, нормализация литературного языка стала прочно связываться с совершенствованием разговорной речи, ориентиром при этом образцом является разговорная речь просвещенного элитарного общества, источником обогащения русского языка становится французская речь. Карамзинисты развернули целую кампанию по борьбе со славянизмами, которые, по их мнению, тормозили развитие русского литературного языка. Однако зачастую славянизмы, оторванные от своего контекста, встраивались в систему бытового, разговорного языка и подвергались переосмыслению. Такова история слова *влияние*, которое в церковнославянском языке имело первоначальное прямое значение, соотносимое со словом *вливать*. Авторство переносного значения *внушение, вложение, вселение* приписывают Н.М. Карамзину, или же оно является калькой от немецкого *Auswirkung*, что опять же говорит, о переосмыслении, или «метафоризации», по терминологии Е.С. Копорской, значения славянизма.

Программа А.С. Шишкова в некоторых своих установках напоминает выступления зрелого В.К. Третьяковского. Как и Третьяковский, Шишков и его сторонники исходят из признания специфики русской языковой ситуации, причём французский литературный язык, по А.С. Шишкову, беднее русского, т.к. в нём нет высокого, т.е. славянизированного слога. Русский литературный язык должен ориентироваться на церковнославянский и, вместе с тем, должен быть

очищен от иноязычных элементов, поэтому последователи А.С. Шишкова, объединённые под названием «Беседа любителей русского слова», создают неологизмы, призванные заменить заимствованные слова, не имеющие эквивалентов в русском языке.

А.С. Пушкин полностью освобождает русский литературный язык от тех крайностей, полярных установок, которые свойственны как «архаистам», так и «новаторам». В своём зрелом творчестве А.С. Пушкин так же далёк от отрицательного отношения к славянизмам, характерного для карамзинистов, как и от консервативного пуризма их противников. Обе разнородные языковые стихии сближаются в его творчестве, органически вливаясь в общее русло русского литературного языка.

Таким образом, попытки упорядочения отношений двух разнородных языковых стихий предпринимались на протяжении всего периода складывания литературного языка русской нации, завершившись только в синтезирующем творчестве А.С. Пушкина, который стремился использовать ярко выраженные славянизмы в стилистическом плане. В результате рассмотренных выше процессов современный русский литературный язык характеризуется органическим сплавом церковнославянских и русских по своему происхождению элементов, чему немало способствовало долгое совместное существование церковнославянского и русского языков, так как «многовековое накопление текстов также провоцировало наложение гетерогенности и гетерохромности» [1; 156]. Эти элементы сосуществуют в языке, иногда образуя соотносительные пары, что создает особые стилистические и семантические возможности, отсутствующие в других языках. При этом слова церковнославянского происхождения, как правило, несут более широкое, абстрактное, возвышенное значение и используются как стилистически маркированные единицы.

Литература

1. Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В.Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис: Монография. – М.: Издательство «Спутник+», 2013 г.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1982.
3. Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трёх стилей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
4. Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. – М.: Наука, 1988.
5. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). – М.: «Гнозис», 1994.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СТАРОСЛАВЯНИЗМОВ В РУССКИХ БЫЛИНАХ

Фольклор как наддиалектная форма языка стоит над диалектами, сочетает разнодиалектные признаки и характеризуется особым лексическим составом, специальной фразеологией, чуждыми разговорной речи синтаксическими конструкциями, а также шаблонами и формулами, то есть определённым уровнем обработанности языка.

До появления литературного языка язык устного поэтического творчества занимает высшую позицию в иерархии парадигмы языка. Ограничиваясь сферой словесного искусства, народно-поэтический язык сохраняет связь с тем или иным диалектным ареалом, что реализуется прежде всего через сказителей. Однако диалектные черты ограничиваются обработанностью языка фольклора, выражающейся в сосуществовании архаичной лексики и грамматических форм с более поздними единицами; наличием определённого стилистического стандарта, унаследованного из традиций прошлого; особой функции отдельных выразительно-изобразительных средств (например, постоянного эпитета); влиянием стихотворного размера на отбор лексических единиц и вариантов грамматических форм. Считается, что данная наддиалектная форма языка, как, впрочем, и другие, за исключением литературного языка, обладает гомогенностью, то есть неприятием чуждых по происхождению элементов.

Однако, судя по исследованиям [Бекасова 1991; 1998; 1999; 2010 а), б); 2011], в текстах русского фольклора имеется ряд элементов южнославянского происхождения, которые широко представлены в русском литературном языке. В первую очередь это касается стилистически и семантически различающихся пар типа *порох – прах, порожний – праздный, волость – власть*,

Уже с момента первых записей былинного эпоса стало очевидно наличие неполногласных лексем, которые нельзя объяснить ни ошибками тех, кто записывал, ни оговорками сказителей [см.: Бекасова а), 2010, с. 123–130; Бекасова б), 2010].

Неполногласие было реальностью языка былин, в частности, об этом свидетельствуют наши исследования текстов наиболее значимого и распространённого былинного сюжета «Илья Муромец и Соловей Разбойник». Анализ соотношения полногласной и неполноглас-

ной лексики в 8 вариантах данной былины, пропетой сказителями на разных территориях и в разное время (сборники Кирши Данилова (КД) и Онежских былин, записанных А.Ф. Гильфердингом (ОБ), показывает, что практически все полноценные лексемы представлены в коррелирующем виде, но с разной степенью предпочтительности того или иного коррелята. Исключение представляет только приставка-предлог *через*, что лишь подчёркивает значимость реализации неполногласных, как правило, дублетов, являющихся маркированными и выполняющих, по всей видимости, особую поэтическую функцию [подробнее см.: Шапилова 2010]. Гетерогенность элементов настолько высока, что они, как правило, выступают в паре. При этом наибольший интерес представляют морфологические дублеты типа *город/град*, *молод/млад*, *голова/глава*, *золото/злато*, см. таблицу 1:

Таблица 1

Соотношение лексем с полногласием и неполногласием
(в процентах)

Корни	КД	ОБ
-город-	60	51
-град-	40	49
-молод-	92	97
-млад-	8	3
-голова-	100	93
-глав-	0	7
-золот-	100	52
-злат-	0	48
-серед-	0	67
-сред-	0	33
-через-	100	100
-чрез-	0	0

Однако даже среди указанных пар выделяется функционирование корнесловов *город/град*, что определяет необходимость исследования особенностей отбора данных лексем в структуре былинного текста.

Следует подчеркнуть, что все сказители (Кирша Данилов (или сказитель, которого он записывал), Феопанов Иван; Сарафанов Андрей Васильевич; Никитин, Федор; Федулов Павел Антонович; Мешников Петр Яковлевич; Калинин Петр Лукич; Дьяков Александр),

независимо от возраста, опыта и таланта, используют полногласие и неполногласие в указанных корнесловах, при этом могли их употребить в пределах находящихся рядом контекстах типа: *Да поехал ко городу ко Киеву Поспеть к обедне ко Христовской* [КД 80, 81] – *Приехал он во Киев град* [КД 82]; *Ай ко славному ко городу ко Киеву* [ОБ 18] – *Подъезжает тут он под Чернигов град* [ОБ 18].

Типична для общих мест былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник» формула распределения гетерогенных дублетов *город + топоним / топоним + град* (обычно в конце строки), ср.: *Как из (с)лавного города из Мурома* [КД 1] – *Не вози соловья во Киев-град!* [КД 95]; *Того ли города он Муромля* [ОБ 1] – *Ай во стольный во славный во Киев град* [ОБ 6].

Такие же разночтения наблюдаются и в тексте былины «Илья Муромец и Калин царь», исполненной выдающимся сказителем онежских былин Т.Г. Рябининым, однако неполногласная огласовка *град* здесь встречается в три раза чаще, чем соответствующий полногласный вариант. Такое преобладание южнославянского по происхождению рефлекса праславянского сочетания, в целом не свойственное былинам, наблюдается на фоне и количественного и качественного предпочтения полногласных сочетаний в тексте указанной былины, что требует особого исследования причин и условий выбора полногласных и неполногласных сочетаний в указанной паре.

На первый взгляд в тексте былины «Илья Муромец и Калин царь» Т.Г. Рябинина наблюдается та же типичная формула распределения гетерогенных дублетов *город + топоним* (обычно с двойными предлогами) / *топоним + град* (обычно в конце строки), ср.:

По всему-то *городу* по Киеву [здесь и далее ссылки на Р] (25);

Во твоём во *городе* во Киеву (25);

Да й наставить по всему-то *городу* по Киеву (26);

И доехал он из *города* из Киева (28) –

Мог бы постоять один за Киев *град* (24);

Обошел собака Калин царь наш Киев *град* (27);

И постой-ко ты за славный Киев *град* (27) и под.

Однако анализ версификационных особенностей строк былины сказителя Т.Г. Рябинина показывает, что, несмотря на разброс в количестве слогов – от 9 до 16, типичным является «русский силлабический 13-сложник» (М.Б. Гаспаров) с двумя конечными безударными слогами, который достаточно редко разрывается 11-сложникам (около 15%) с двумя конечными безударными слогами или редким для

былин конечным ударным слогом.

По мнению Н.С. Трубецкого, именно количество слогов первоначально играло решающую роль в метрике былины [Трубецкой 1987, 356]. Однако после падения редуцированных, когда произошла перестройка слогов, в том числе и их сокращение (XII–XIII вв.), появилась необходимость в определённой степени сохранить музыкальную фразу былины за счёт осложнения «совершенно ненужными частицами и словечками» [там же]. Видимо тогда особо востребованными стали полногласные и неполногласные корнесловы типа *город/град, молод/млад*, являющиеся полными дублетами, но различающиеся только гласным, что в версификации ещё со времён Аристотеля было особо значимым.

Сочетания *Киев град* и *город Киев* различались не только одним слогом, что было важно не только для чёткой выдержки 13 или – реже – 11 строк, но и, в крайнем случае, обеспечивало соблюдение минимальных или максимальных рамок строки, например:

И воспылал-то тут собака Калин царь на Киев *град* (16 слогов),
И хотит ён розорить да стольний Киев *град* (13 слогов) (24).

По всему-то *городу* по Киеву (11 слогов) (25);

И доехал он из *города* из Киева (13 слогов) (28).

Чаще всего ударный неполногласный корнеслов заканчивает 11-сложник, при этом среди достаточно ограниченного числа конечных ударных слов (*коня, слова, себя, царь, мог* и др.) в 29% всех случаев встречается *град*. Его замена на полногласный эквивалент привели бы к 12-сложной строке, что в данной былине не встречается, и хорейской клаузуле (предпоследнему ударному слогу), что отчётливо избегается на протяжении всего текста былины.

Как утверждал Н.С. Трубецкой, после падения редуцированных, произошла «реформа версификации русской песни и былины», выразившаяся в том, что на смену неизменности безударных слогов в строке пришёл «новый метр с постоянным числом ударений и переменным числом слогов» [Трубецкой 1987, 356]. При этом «собственно былинный стих» начинался с двусложной анакрузой и заканчивался двусложной клаузулой, а строка содержала 3 главных ударения [там же], при этом ритм и рифма нередко задаётся равным количеством слогов между ударными, повтором слогов, слов или словосочетаний, например:

Да смотри, что в *грамоте* написано (11 слогов) ,
Да гляди, что в *грамоте* да напечатано (13 слогов);

Очищай-ко ты *все* улички стрелецкии (13 слогов),
Все великие дворы да княженецкии (13 слогов) (25);

Подходи-ко ты *ко* столику к дубовому,
Становись-ко супротив князя Владымира,
Полагай-тко грамоту на золот стол,
Говори-тко князю ты Владымиру (25) и др.

Запись А.Ф. Гильфердинга былины «Илья Муромец и Калин царь» в исполнении Т.Г. Рябинина наглядно показывает избегание ударения на предпоследнем слоге за счёт его искусственного переноса. Искусственность подобного переноса ударения подтверждается акцентологическими конечными вариациями, обусловленными сохранением двусложной клаузулы, ср.:

Хорошо держал моего коня ты богатырского! (27) –
В том белом шатри двенадцать-то богатырей (29),
И у него есте сильные богатыри (32)

Версификационные причины отбора полногласия и неполногласия в паре *город/град* также подтверждаются единственным случаем совмещения морфонологических дублетов в контактирующих фразах:

А й под тот под славный стольный Киев *град*. (11 строк)

Как под нашим-то под *городом* под Киевом (13 строк) (29), – где наблюдаются чёткие предпочтения в построении «некоей музыкальной схемы» «собственно былинного стиха (то есть трёхударного стиха, не допускающего хореических клаузул)» [Трубецкой 1987, 353].

В связи с этим версификационно могут быть объяснены и случаи отступлений от указанной закономерности сочетания генетически соотносительных корнесловов с топонимом, встреченные у известного онежского сказителя Федулова Павла Антоновича:

Через то ли *через град* *через* Черниговский (13 слогов) [ОБ 6],

Уж как в том ли *гради* во Чернигови (11 слогов) [ОБ 28].

Уж он едет *через град* *через* Черниговский (13 слогов) [ОБ 27].

С одной стороны, в этих случаях наблюдается 4-сложный топоним с двумя последними безударными слогами, что позволяет использовать его в конце строки, с другой стороны, типичные 13-сложники с 11-сложником, которые будут разрушены полногласным дублетом. Однако в случае реализации топонима без окончания и суффиксов, нарушается двухсложная клаузула и неполногласная форма становится востребованной:

Подъезжает тут он под Чернигов *град* [ОБ 18].

Всё это доказывает первичность версификационных причин и вторичность выбора полногласных и неполногласных лексем в зависимости от места сочетания с топонимом, что наблюдается в памятниках древнерусской письменности, где не было музыкальной организации фразы. Неполногласие таким образом пополнило арсенал поэтических средств и стало использоваться как версификационное средство там, где язык готов был жертвовать гласным для сохранения былинного стиха.

Функционирования дублетных форм типа *город/град* в структуре былинного текста характеризуется не только гетерохронностью, но и, как свидетельствуют наши исследования, специфической, можно сказать, симбиозной гетерогенностью.

Лексикализованное чужеродное для восточных славян фонетическое явление – неполногласие – оказалось востребованным в арсенале поэтических средств былинного эпоса, при этом на разных территориях – и на Урале, и на Онеге – наблюдаются одинаковые способы введения генетически разнообразных лексем.

Источники

КД – Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подг. изд. А. П. Евгеньевой, Б. Н. Путилова. – М.; Л., 1958.

ОБ – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. – Т. III / подгот. текста и комментарий А.И. Никифорова и Г.С. Виноградова. М.; Л., 1951.

Р – Илья Муромец и Калин царь // «Гой еси вы, добры молодцы». Русское народно-поэтическое творчество. – М.: Молодая гвардия, 1979. – С. 24–37.

Литература

Бекасова Е.Н. а) Генетический фон древнерусского текста: монография. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 208 С.

Бекасова Е.Н. б) О закономерностях генетической организации летописного и былинного текстов // Русский язык и литература в школе и вузе: проблемы изучения и преподавания: [сб. науч. тр.]. – Горловка: Изд-во ГПШИИЯ, 2010. – С. 14–20. Бекасова Е.Н. К проблеме функционирования генетически соотносительных элементов в языке русского фольклора / Е. Н. Бекасова // Русский фольклор: Проблемы изучения и преподавания: материалы межрег. науч.-практ. конф. – Тамбов, 1991. – Ч. 3. – С. 109–112.

Бекасова Е.Н. Генетический фон фольклорного текста / Е. Н. Бекасова // Язык. Система. Личность: материалы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23–25 апр. 1998 г.). – Екатеринбург, 1998. – С. 22–24.

Бекасова Е.Н. Генетический фон фольклорного текста / Е. Н. Бекасова // Язык. Система. Личность: сб. науч. тр. (Екатеринбург, 24–26 апр. 1999 г.). – Екатеринбург, 1999. – С. 229–235.

Бекасова Е.Н. К вопросу о статусе образований типа *прохлажатися* / Е. Н. Бекасова // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 25–26 февр. 2011 г.: в 2 ч. – Челябинск, 2011. – Ч. I. – С. 210–213.

Виноградов В.В. а) Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1987. – С. 10–64.

Виноградов В.В. б) Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1987. – С. 65–151.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – 668 с.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Около 10000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1999. – 843.

Трубецкой Н.С. К вопросу о стихе русских былин // Избранные труды по филологии / Составление Виноградов В.А. и Нерознак В.П. – М.: Прогресс, 1987. – С. 352–359.

Шапилова Е.А. Генетическая характеристика языкового пространства былинного текста // Языковые измерения: пространство, время, концепт / Материалы IV Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 2 июля 2010 года. – Т. I. – М.: Книга и бизнес, 2010. – 663–670.

ЯЗЫК ПРАВОСЛАВИЯ В ВОСПРИЯТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

В России XVII век ознаменовался широким экспериментом государственного переустройства, прежде всего в сфере религиозной, закончившимся одной из самых трагических страниц русской истории – расколом русской православной церкви и разразившейся вслед за этим гражданской войной, связанной с преследованием старообрядцев. Однако в свою очередь все изменения в области религии начинались – и в целом закончились – в области лингвистической [Бекасова 2001 а); 2010; 2011 б)], что наглядно показывает, с одной стороны, неразрывную связь языка и общества, а с другой – все разрушительные последствия, когда невежественные и напористые властолюбцы вторгаются в такую – на первый взгляд понятную и податливую – субстанцию, как язык.

Слепая напористость «двух рогов антихриста» – патриарха Никона и царя Алексея Михайловича – коснулась прежде всего церковного обряда, укоренившегося в традициях русского общества. Тесная связь религии с письменностью в этом случае сыграла свою роковую роль, так как церковная реформа начиналась на Печатном дворе, где происходило, по мнению светских и церковных властей, исправление, а по мнению старообрядцев и большинства народа, искривление веры. Правка книг насильно вмешалась в церковную, а для того времени и в обыденную жизнь.

Трагическим событиям – падению Соловецкого монастыря, сожжению идеологов старообрядчества и вспыхнувшей эпидемии саможжений, где по некоторым подсчетам погибло более 20000 человек, – предшествовала длительная и бурная дискуссия сторонников реформатора Никона и ревнителей древнего благочестия.

Интуитивно или сознательно светская власть жонглировала словами, и именно со слов и начинается раскол. Являясь в основном яркими личностями, защитники древнего благочестия, как это часто бывает в русском обществе, были недостаточно сплочёнными и нередко вступали в полемику и друг с другом. В частности, достаточно известны расхождения во взглядах «пустозерских сидельцев» – протопопа Аввакума и дьякона Федора Иванова, – ссора Игнатия Соловецкого со своею «братию» и под.

Литературная манера признанных духовных руководителей старообрядческого движения также существенно отличалась [Бекасова 2001 б),]. Данное обстоятельство является важным в плане того, что писатели-староверы отстаивали дониконовскую письменность, то есть религиозные, идеологические и политические аспекты церковной реформы в конечном итоге упирались в языковые проблемы. Все это дает основание определить изменения не только церковнославянского языка в период его кодификации в печатных текстах, но и русского литературного языка, на который в данный период было велико влияние сакральных текстов.

В связи с этим нами был предпринят анализ челобитной царю Федору Алексеевичу выдающегося идеолога старообрядчества – протопопа Аввакума, составленной, видимо, вскоре после вступления Федора Алексеевича на престол после смерти его отца 30 января 1676 года.

Главное событие для староверов уже произошло – один из «рогов антихриста» умер, о чем и сообщает его сыну Аввакум: *«Бог судит между мною и царем Алексеем, в муках он сидит, слышал я от Спаса; то ему за свою правду»* (Ав., 146), – что в дальнейшем стало причиной резкого ужесточения режима пустозерских узников.

Стилистически резко представлена не только смерть, но и оценка деятельности царя Алексея Михайловича: *«иноземцы-то что знают? Что велено им, то и творили, своего царя Константина, потеряв безверием, предали турку, да и моего Алексея в безумии поддерживали»* (Ав., с. 146).

Для Аввакума важно теперь и отпадение «первого рога антихриста» – патриарха Никона – победителя святой веры, поэтому сразу же после уничижительных фраз о себе, челобитчике, следует совет «Алексеевичу, дитятке красному, церковному»: *«А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во один час. Не оскверния бы рук своих, но и освятил, чаю.... Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никоняян»*. (Ав., 146).

Для идеологов старообрядчества воцарение Федора Алексеевича – надежда на избавление от последствий церковной реформы, на перемену государственной политики в отношении к приверженцам «древнего благочестия» от всяческих «лют» (Ав. 146).

Челобитная Аввакума реальна в каждой строке и проникнута его самобытной личностью. Вначале Аввакум выстраивает текст по кон-

трасту: официальные, сопровождающиеся многочисленными цитатами из священных книг обращения к молодому царю, на которого Аввакум ещё возлагает надежды на восстановление прежнего благочестия, идут параллельно с уничтожением «челобитчика»: «*свето-светило*», «*о тебе люди божия расточенныя радуются*», «*отрасль царская*» – «*ей, пес есмь аз, но желаю крупицы твоея милости*», «*ты помазан елеом радости, а аз обложен узами железными; ты, государь, царствуешь, а аз в юдоли плачевной плачюся*» (Ав., 145). Но при этом Аввакум настаивает на своем праве проповедовать «*сыну Давыдову*», чтоб услышал молитву его «*не во устнех льстивых*», ибо только Федор Алексеевич «*един нашему спасению повинен. Аще не ты по господне без, кто нам поможет?*» (Ав., 146).

Однако здесь появляются и другие адресаты – князь Юрий Алексеевич Долгорукий, опекун юного царя, которого уже благословляет опальный протопоп: «*Помнишь, и дважды благослови тя да и ныне так же*» (Ав., 146). Постоянное напоминание этим «верхним» людям о личных встречах – «*князь Юрий Алексеевич, помнишь, ты мне жаловал и говорил... Прости, батюшко Якимушко! Спаси бы за квас, егда напоил мя жаждуща, егда аз с кобелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми*» (Ав., 146) – даёт Аввакуму право поучать сановников, которых «*заслепил диявол*», а они, «*отеческое откиня, странное богоборство возлюбиха, извратишася*» (Ав., 147). В этой части в письме проявляется просторечная стихия, позволяющая не только оттенить высокую духовность и сакральность момента, но и показать неразрывно связанную с ним обыденность [Бекасова 2011 а)].

Извиняясь, если в чем «*согрубил тебе, свету*», Аввакум настаивает на своем – «*не я своим умыслом, скверный, затеваю, ни, ни, никако же, «но время открыет»* – «*имей уши слышати, да слышит!*» (Ав., 147). Здесь и намек на божественный промысел – скоропостижную мучительную смерть и муки в аду Алексея Михайловича, о чем узнал Аввакум от самого Спаса, и уверенность, что его слова сбудутся, «*яко чаша в руце господни*» (Ав., 147). Дерзость Аввакума, судя по всему, была тут же оценена царской властью: Аввакум был предан огню – небывалой на Руси казни, пришедшей вместе в иноземными идеологиями раскола.

Челобитные видного ревнителя древнего благочестия наглядно показывают различные стилистические манеры в их языковом воплощении – от знаменитого «вяканья» Аввакума до высокого стиля текстов Священного писания.

Источники

Ав. – Челобитная царю Федору Алексеевичу // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Иркутск, 1979. – С. 145 – 147.

Литература

Бекасова Е.Н. а) О некоторых аспектах реформы церковнославянского языка в XVII в. // Язык и образование: сб. науч. тр. – Великий Новгород, 2001. – С. 12.

Бекасова Е.Н. а) Просторечие как феномен церковных распрей // Русская устная речь: материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологического корпусов» (Саратов, СГУ, 15–17 ноября 2010 г.). – Саратов: ИЦ «Наука», 2011. – С. 13 – 15.

Бекасова Е.Н. б) Синдром «единый аз» и творчество старообрядцев: V Житниковские чтения. Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте (Челябинск, 28–29 мая 2001 г.). – Челябинск, 2001. – С. 116–122.

Бекасова Е.Н. б) Уроки истории: «Великий раздор» как результат книжно-обрядовых исправлений в XVII в. // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2011. – С. 216–223.

Бекасова Е.Н. Языковая политика: уроки истории // Диалог культур – 2010: наука в обществе знания: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2010– С. 343–347.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ДУХОВНОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Душа подвергается сильнейшему соблазну либо отречься от всякой святости, либо с угрюмым упорством вцепиться в обломки гбнущего старого здания жизни и с холодной ненавистью отвернуться от всего мира и замкнуться в себя.

С.Л. Франк [Франк 1992: 127]

Каждая эпоха пронизана особыми духовными интуициями, которые определяют направление духовного развития общества, его интеллектуальную составляющую. Современный человек остро ощутил бездуховность своей эпохи, утрату исходных положительных установок духовности, смысла жизни и основ веры. К определению понятия *духовность* в науке нет единого мнения. Понятие *духовность* всегда имело в философии важное значение, и играет выдающуюся роль в ключевых проблемах: человек, его место и предназначение в мире, смысл его бытия, культура, общественная жизнь.

Духовное пронизывает все формы социальной жизни, обогащая и принося высший смысл, нравственность, чувство любви, понимание свободы в политику, в национальные и межнациональные отношения, в правовую практику, в труд и хозяйство. Таким образом, *духовность* складывается из явлений, которые не ограничены лишь рамками искусства, религии, науки и т.п., но затрагивают все аспекты жизнедеятельности общества, социальных групп, конкретного человека [Ильин 1993: 45].

К сфере духовности относится и национальная идея, представление народа о самом себе, его менталитет, а значит и русский язык, который является исторической памятью, воплощённой в слове. Совокупность слов в русском языке, образующих определенное понятие в широком смысле образует семантическое поле.

Семантическое поле – это термин применяется в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим (интегральным) семантическим признаком. Первоначально в роли таких лексических единиц рассматривали еди-

ницы лексического уровня – слова, позже в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающих также словосочетания и предложения.

Примером минимального семантического поля парадигматического типа может служить синонимическая группа, например некоторая группа существительных или глаголов. Общий семантический признак, объединяющий элементы конкретного семантического поля, в других семантических полях того же языка может выступать как дифференциальный.

Для выявления и описания семантических полей нередко используются методы компонентного анализа и ассоциативного эксперимента. Группы слов, полученные в результате ассоциативного эксперимента, носят название ассоциативных полей.

Русский литературный язык постоянно претерпевает социальные, психологические и структурные изменения, что не всегда благоприятно сказывается на его семантике, а значит, изменяется и лексико-семантическое поле в русском языке [Колесов 1999: 78]. Словарный запас русского языка может обогащаться разными способами, один из самых распространенных – заимствование слов из других языков, которые в свою очередь могут постепенно вытеснить традиционные слова, то есть сместить ментальные характеристики русского слова в область:

- а) субъективно окрашенной;
- б) обобщенной;
- в) семантически неопределенной семантики.

Например: *уважаемый – респектабельный – респект и уважуха; милосердие – благотворительность – меценатство – спонсорство; торжество – фестиваль – пати; честь – престиж; терпимость – толерантность; соборность – коллектив; любовь – секс.*

Данные группы слов образуют лексико-семантическое поле в современном русском языке, т.к. они составляют синонимическую группу, в основе которой лежит общий семантический признак. Для того чтобы проследить за формированием ядра лексико-семантического поля в русском языке, мы использовали концептуальный анализ, который включал в себя ряд вполне определённых способов, направленных на выявление и описание отдельных признаков лексико-семантического поля:

а) системный способ, состоящий в сравнении значения слова со значениями других слов, содержательно близких ему (анализ сино-

нимов, которые представляют собой множественность средств выражения одного и того же содержания);

б) способ анализа и сопоставления словарных дефиниций.

Материал нашего исследования выстраивался на основе данных различных словарей. Они представлены следующими типами: а) толковые словари: Д.Н. Ушакова, В.И. Даля, Н.Ю. Шведовой, Т.Ф. Ефремовой; б) этимологические словари: П.Я. Черных, М. Фасмер; в) исторические словари индоевропейских языков: «Словарь старославянского языка», «Словарь русского языка XVIII века»; в) «Словарь синонимов русского языка» З.Е. Александровой, «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньева; г) «Философский энциклопедический словарь» под редакцией Е.Ф. Губского.

Для того чтобы проследить за изменением ядра лексико-семантического поля в русском языке, нами было проведено анкетирование студентов Бузулукского колледжа промышленности и транспорта. Респондентам необходимо было дать определения словам и указать частотность употребления слова в речи (от одного до трёх) и слово-доминант, которое, по их мнению, является главенствующим в данной цепи. 91% (48 студентов) справились с заданием. Респонденты указали лексическое значение слов и частоту употребления. Однако участники анкетирования не осознают семантического различия между словами и считают их синонимами, а значит, они не видят семантических особенностей исконно русских слов и заимствований. Важно отметить, из 56 респондентов 45 (88%) указали, что в речи они используют чаще иноязычную лексику, а такие слова, как *соборность*, *уважаемый*, *милосердие* респонденты не употребляют. Большинство участников отметили, что слово-доминант в каждой из цепочек слов является заимствованное. Своеобразие данной синонимии состоит в том, что доминанта, на основе которой строится синонимичный ряд, всегда восходит к какому-то специфически народному образу или представлению, которое создавалось в течение столетий, отражая развитие национальной культуры. Носитель современного русского языка свободен в выборе слов и форм, он обязан умело пользоваться обилием лексических вариантов, для того чтобы сохранить красоту и семантическое богатство русского литературного языка, например, *терпимость – толерантность – снисходительность – мягкость – нетребовательность – невзыскательность – либеральность* [Александрова 1975: 239-240]. Однако в определённой коммуникации носитель языка должен избирать единственно нужный и верный вариант, что-

бы сохранить практическую и семантическую значимость слов. Принятие огромного количества заимствованных слов как своего рода эталонного стандарта в формально организованном узусе приводит к созданию сложной сети однозначно неопределённых терминов, которые постепенно могут вытеснить традиционные слова, разрушая ядро лексико-семантического поля «духовность» в русском языке.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под редакцией Л.А. Чешко. – М., 1975.
2. Ильин И.А. Философия как духовное делание. Русская философия. Конец XIX – начало XX века: антология. – СПб., 1993.
3. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. – СПб, 1999.
4. Франк С.Л. Крушение кумиров. В кн.: Духовные основы общества. – М., 1992

МОЛЧАНИЕ КАК СПОСОБ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

В произведениях устного народного творчества хранятся несметные богатства человеческой мысли. Особенно ценны в этом отношении народные пословицы, содержащие в себе накопленный народом жизненный опыт, его многовековые наблюдения. Пословица всегда обращена к человеку с целью поучения. Использование нужной пословицы в соответствующей ситуации оказывает немедленный, сильный эффект на слушающего.

Речевой этикет занимает одно из основных мест в тематическом поле пословиц. Разные этносы значительно различаются между собой характером речевого этикета, однако существуют общие правила, которые свойственны любому народу.

Речь - это не только то, что произносится, но всегда и то, что понимается. Она исконно предполагает как своего отправителя (Говорящего), так и своего получателя (слушающего) (Абелева, 2004: 105), каждый из которых решает свои задачи в процессе коммуникации. В процессе коммуникативного взаимодействия часто приходится осуществлять выбор между молчанием и говорением, который определяет дальнейшее развитие беседы, успешность достижения коммуникативной цели. В процессе коммуникации молчание возникает и существует. Молчание связано с отсутствием звуков, тишиной в процессе коммуникации оно обычно имплицитно подразумевает отсутствие речевой деятельности, словесной реакции одного из собеседников. В зависимости от контекста молчание может быть приравнено к речевому акту или форме поведения и поступку – антидействию или противодействию.

Для этого вида вербального поведения свойственна красноречивость и многозначность. Молчание может быть вызвано различными причинами и вносить различные смыслы. Выбор данного способа речевого поведения в процессе общения может быть обусловлен нерешительностью, несобранностью или же желанием собеседника отстраниться от речевого взаимодействия. Человек молчит, когда думает, осмысливает услышанную информацию. Молчание может выражать согласие, а также неодобрение, равнодушие, безразличие. Оно в зависимости от ситуации и мотива общения может быть положитель-

ным или отрицательным. (Арутюнова, 2000:417). Выбор молчания или говорения, как способов речевого поведения в процессе коммуникативного взаимодействия, должен основываться на особенностях речевой ситуации, в которой они могут быть уместными или неуместными.

В русских пословицах к молчанию наблюдается двойственное отношение.

Так, например, с одной стороны, оно оценивается как наиболее верный способ речевого поведения, не являющийся ущербным, с другой стороны, в определенных речевых ситуациях оно считается неприемлемым и подчеркивается его безрезультатность. В фольклорных текстах этот вид речевого поведения рассматривается как наиболее верный и благоприятный для коммуникативного взаимодействия.

Русские паремии указывают на ценность молчания. Рассматривая молчание в качестве положительного вида речевой деятельности, русские пословицы провозглашают его преимущество перед говорением и соотносят с драгоценным металлом – золотом, говорение при этом соотносится с менее ценным металлом – серебром, например: *Слово - серебро, молчание - золото.*

Словом можно обидеть, оклеветать, т.е. необдуманное высказывание может привести к нежелательным последствиям, нанести ущерб, как окружающим, так и самому говорящему. Ценность молчания объясняется тем, что оно не способно причинить вред, как сказанное невпопад слово, напротив, в определенных случаях способствует прекращению напряженных конфликтных ситуаций, предотвращает совершение ошибок: *Молчанкой никого не обидишь.*

Молчание предстает некоей преградой в процессе конфликтных ситуаций, препятствующей их дальнейшему развитию. Если один из участников ссоры замолчит, то и другой будет вынужден остановиться, тогда, как словесная перепалка приводит к усугублению ситуации конфликта: *Кстати промолчать, что большое слово сказать.* Ответное молчание на реплики, призывающие к ссоре, означает желание прекратить разговор во избежание нежелательных последствий или изменить его направленность. Русские пословицы указывают на преимущество молчания, противопоставляя его таким типам речевого поведения, как ворчание, ругань, ложь: *Лучше отмолчаться, чем огрызаться; Доброе молчание лучше пустого болтанья.*

В русском пословичном фонде молчание выступает как характерная черта мудрого человека. Не каждый человек способен сдержи-

вать себя и молчать: *Болтливому молчание в тягость*. Молчание требует некоторого приложения усилий, поскольку человеку больше свойственно говорение, нежели молчание, поэтому оно атрибутируется мудрому человеку, которому чужды излишняя болтливость, бессмысленные разговоры: *Говорит хорошо, а замолчит - еще лучше*.

Однако молчание может быть обманчивым, оно в то же время может скрывать за собой глупого человека: *В людях - молчком, дома - на деревне слышать*.

Кроме этого, в русских поговорках восхваляется умение поддерживать беседу, способность обмениваться мыслями, а молчание, напротив, выступает в качестве неуместной формы поведения и получает негативную оценку.

В процессе коммуникации важна активность собеседников, каждый должен быть готовым выразить свою ответную реакцию на высказывания партнера: Не молчи, когда нужно говорить. В контексте диалога молчание принимается как отклонение от нормы. Оно препятствует развитию беседы, поддержанию разговора, приводит к его прекращению: *Тихое молчание никому не ответ*. Нелепо выглядит ситуация, когда один говорит, а другой все время отмалчивается: *Кто молчит, тот соглашается*. В таких случаях молчание вносит дисгармонию в межличностные отношения собеседников, вызывает недоверие друг к другу и приводит к разрыву коммуникативного процесса.

Молчание в процессе речевого взаимодействия может быть обусловлено отсутствием общих интересов собеседников, трудностями в поисках общего языка, отсутствием коммуникативных умений. Образно и иронично изображены в пословицах речевые ситуации, где собеседники затрудняются в выборе темы разговора, нахождения общего языка и вынуждены молчать в течение всего совместного времяпрепровождения: *Сошлись кой о чем помолчать*.

Молчание может выступить как неплодотворный вид речевой деятельности, задерживающий развитие деятельности: *Молчанием город не возьмешь*.

В русских пословицах можно найти яркие, а иногда с присутствием отрицательной ноты характеристики молчаливому человеку, где молчаливый «собеседник» соотносится с зоонимом устрица: *Разговорчив, как устрица*. Здесь хоть и не явно, но все же прослеживается неприятие молчаливости, выступающей в данном случае в качестве основной черты характера человека, которому свойственно отмалчиваться независимо от ситуации общения. С таким человеком трудно

вступать в контакт, находить общий язык и поддерживать разговор.

Таким образом, в пословицах присутствуют регулятивные элементы: нравственные нормы, идеалы, обычаи, традиции, которые в совокупности составляют социальные нормы и правила поведения. Эти правила выносятся из общественного, культурного опыта народа. Соблюдение описываемых норм является непременным условием для сохранения целостности общества.

Литература

1. Абелева, И. Ю. Речь о речи. Коммуниативная система человека/ И. Ю. Абелева. - М.: Логос, 2004. - 304с.
2. Арутюнова, Н. Д. Феномен молчания контексты употребления/Н.Д. Арутюнова//Язык о языке: сборник статей. - М.: Языки русской культуры, 2000. - с. 417-437.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т.1. / Вступ. Слово М. Шолохова. - М.: Худож. лит., 1984.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т.2. / Послесл. В. Аникина. - М.: Худож. лит., 1984.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. - М., 1979.
6. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. - М.: Изд-во «Русский язык», 2000. - 535 с.

ДУХОВНОСТЬ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Являясь неотъемлемой частью художественной литературы, детская литература служит важнейшим каналом воспроизводства духовности человечества. Потребность в детской литературе, служащей как воспитательным, так и нравственным целям, была осмыслена довольно давно. Ещё русский просветитель XVIII века Н.И.Новиков в своем трактате «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия» теоретически обосновывал основные задачи детской литературы. По его мнению, детские книги должны обучать «чувствовать справедливо», «упражнять» детей «в употреблении чувств», развивать «разум и сердце», а также соответствовать требованиям «образования разума» и «обогащения познания», одновременно являясь занимательными и «приятными», чтобы юные читатели «полюбили свою пользу».

Детская литература совместно с педагогикой должна выполнять задачу воспитания детей «счастливыми людьми и полезными гражданами». Это неоднократно подчёркивается Н.И. Новиковым. Создание детской литературы совершалось с участием классиков русской литературы, создавших золотой фонд художественной литературы для детей.

В России литература для детей стала выделяться как особая область в XVI-XVII веке в виде потешных листов, азбук и букварей. Наряду с этим существовала богатейшая фольклорная традиция сказок, былин, песен, которые, не являясь исключительно ориентированными на детскую аудиторию, интенсивно ею потреблялись, существуя долгое время в устных формах. Всё это совместно с моралистической литературой, беллетристикой и различными пересказами библейских и евангельских сюжетов составляло круг чтения ребёнка XVII – конца XVIII века.

Вторая половина XIX века – интереснейший период в истории русской детской литературы, время её формирования и расцвета. В это же время впервые происходит разграничение литературы собственно детской и литературы образовательной. Этот период необыкновенно плодотворный для русской литературы в целом и, в частности, для литературы для детей и о детях. Это период, когда в литературе одновременно работают такие писатели, как К.Д. Ушинский, Л.Н.Толстой,

В.Г. Короленко, А.П. Чехов, А.И. Куприн, Д.В. Григорович, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.М. Гаршин и Ф.М. Достоевский.

В XIX веке русская детская литература перешагнула на новую ступень своего развития и тогда же начала формировать свой золотой фонд, насчитывающий сотни названий художественных произведений.

Принцип формирования и разграничения текстов детской и “взрослой” литератур меняется от эпохи к эпохе и, расширяясь, захватывает часть произведений, которые раньше относились к области литературы взрослой. Можно даже сформулировать закон, согласно которому часть “взрослых” произведений пограничных жанров, а именно авантюрных, приключенческих, художественно-документальных и ряда текстов, относящихся к фольклору и эпосу, постепенно переходят в детскую литературу.

Повести о детстве появились в определенную историческую эпоху, когда остро назрели социально-исторические противоречия, непосредственно вызвавшие реформу 1861 г. Важным представляется тот факт, что Л.Н. Толстой, С.Т. Аксаков, П.А. Кулиш, А.Я. Панаева выступили в роли своеобразных летописцев уходящей в прошлое эпохи, сохраняя память о традиционной культуре, национальном быте, семейном укладе определенных социальных слоев общества (дворянства, разночинной богемной среды). Так, в книгах «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» Аксаков бросил прощальный взгляд на эпоху XVIII века, запечатлев быт провинциального дворянства. Толстой в «Детстве» изобразил уклад усадебной дворянской жизни начала XIX века. Изображая детство, писатели осмысливали уходящую историческую эпоху, подвели определенные итоги (возможно, даже не ставя перед собой такой задачи). И это имело объяснение: предреформенное время провоцировало людей на осмысление пройденного исторического этапа, вызывало желание сквозь прошлое «прозреть», понять будущее.

Отметим наиболее характерные из них. Рассказ о жизни маленького героя писателя, как правило, выстраивают на основе своих личных впечатлений и воспоминаний (автобиографическая основа повестей о детстве). Но все эти произведения не укладываются в рамки строго документальной литературы: как показало сопоставление текстов с биографическими сведениями о жизни писателей, часто не менее важную роль в повестях играет вымысел, поэтому целесообразнее было бы обозначить произведения Толстого, Гарина-Михайловского, Кулиша, Панаевой и Аксакова не как автобиографические, а как художественно-автобиографические тексты.

Сегодня много говорится о бездуховности современной молодежи. Виновными в этом считают компьютеры, телевидение, мобильные телефоны. Однако нельзя забывать, что эти изобретения сами по себе не могут принести вреда человеку. Большую роль в формировании характера и развития личности играет умение грамотно использовать данные достижения научной и технической мысли. И сформировать такое отношение к телевизору, компьютеру, мобильному телефону должна семья.

Чтобы легче было выполнять такое непростое задание, необходимо вернуться к истокам человеческого разума – к книге. Надо научить детей читать и художественную, и научно-популярную литературу, размышлять о прочитанном. Только так можно сделать современное поколение высокоинтеллектуальным и духовным.

Главной особенностью детской литературы, дающей ей право считаться самостоятельной областью словесного искусства, является органическое слияние законов искусства и педагогических требований. При этом под педагогическими требованиями понимается учет возрастных особенностей, интересов и познавательных возможностей детей.

Искусство является особой формой «практически-духовного» освоения мира. Литература «орудие познания жизни». Детская литература раздвигает перед юными читателями границы этого мира и тем самым помогает осваивать его. Она обогащает духовно, способствует самопознанию и самосовершенствованию, помогает понять свое предназначение, ориентироваться в мире.

Человек — главное чудо света, и об этом увлекательно, интересно и с любовью рассказывает известный детский писатель и художник Георгий Юдин. Ребёнок узнает, откуда берутся дети, зачем он ест, дышит, зачем нужна кровь и, главное, о своих необыкновенных духовных и физических возможностях.

Г. Юдин ощущает себя наследником древнерусской и фольклорной традиции, использует в прозе приемы, заимствованные из таких жанров, как притча, жития, хождения, сказ, опирается на художественный опыт Н. Лескова («Левшу» которого когда-то блистательно проиллюстрировал). Наиболее популярный прием в современной прозе для семейного чтения — исповедальность, повествование от первого лица, от имени ребенка, помогающее ненавязчиво объяснить юному существу мотивы того или иного поведения родителей, в другом случае предлагается модель полного, безусловного взаимопони-

мания в рамках одной семьи (познавательная книга Г. Юдина о том, как устроено человеческое тело – «Главное чудо света», построенная как диалог отца с сыном).

Современный ребенок осваивает духовное пространство в условиях напряженной идеологической борьбы различных систем ценностей, и важно, на наш взгляд, не втягивая его в эту борьбу, деликатно и осторожно научиться его самостоятельно ориентироваться в сложном современном мире. И лучше всего здесь работает опять-таки сказка. В последнее десятилетие современный жанр сказки как более интересное чтение в кругу семьи доказал способность стремительно меняться и развиваться, откликаясь на духовные и интеллектуальные потребности времени.

На смену познавательной сказке приходит сказка обучающая. Такое уже случилось в истории европейской детской литературы - бессмертная книга Сельмы Лагерлеф «Путешествие Нильса с дикими гусями» задумана автором как учебник географии. Потому так часто переиздают «Букваренок» Георгия Юдина, впервые вырвавшийся из пут цензуры в 1980 г. и построенный на забавных сказочных миниатюрах, в которых в шутовском игровом контексте все время повторяется буква, запоминаемая малышом – ведь это сказочный самоучитель чтения для самых маленьких.

Попытались русские писатели возродить и полузабытый жанр отечественной православной сказки. Признанным лидером этого направления в последние десятилетия стал Георгий Юдин, автор православной сказочной повести «Птица Сирий и всадник на белом коне» (М., «Детская литература», 1987), сборников православных сказок «Муромское чудо» (М., Эллис Дак, 1995), «Нечаянная радость» (М., «Детская литература», 1998), «Тридцать лет и три года» (М., храм вмч Георгия Победоносца в Старых Лучниках, 1998). Владимир Крупин так оценил эти книги Георгия Юдина: «Зная, что всякое дарование дается для того, чтобы употребить его во славу Божию, Георгий Юдин всю жизнь пишет и рисует одну тему, одну свою любовь - Православную Россию. В его книгах, как живые, беседуют с нами святые подвижники веры Христовой, мученики и мученицы, проходят по страницам отблески событий русской истории...». Включенные в круг школьного чтения названные книги современных писателей способны реально помочь юному человеку выстроить достойную систему нравственных координат, отвечающую лучшим традициям отечественной культуры [1].

Значение же духовного воспитания, значение православной детской книги трудно переоценить. Они говорят о самых важных, непреходящих ценностях человеческой жизни: вере, Отечестве, долге, чести, любви, семье и национальных традициях, без которых мы не будем великим народом, а постепенно превратимся в толпу озлобленных людей, вынужденных жить на одной территории. Старец Паисий считал духовное образование превыше всех знаний: «Сегодня человека доводят до одурения. Бедных детей то с одной, то с другой стороны атакуют разными теориями, в их душах возникает страх, тяжесть, и они находят выход в наркотиках и развлечениях. Но эти мирские развлечения лишь усугубляют душевную тяжесть. ...И дома родители – тот занят одним, этот другим, где ребенку найти любовь? Дети чувствуют пустоту и страдают. ... Сначала нужно позаботиться заложить в детях основу, а потом уже всё остальное – образование и прочее. ... Маленьким детям чтение Житий святых приносит огромную пользу. По своей простоте они имеют большую веру и таким образом приобретают добрые навыки. Тот, чья духовная жизнь начинается с малых лет, еще с начальной школы, – самый счастливый человек, потому что у него вырабатываются хорошие привычки, и он продолжает им следовать». [2] Георгий Николаевич не только писатель, но и заслуженный художник России, внесенный в почетный список Ганса Христиана Андерсена и награжденный несколькими международными премиями. Поэтому во всех своих авторских книгах он выступает и как иллюстратор, и как дизайнер, и как фотограф.

Очень интересное интервью с Георгием Николаевичем было опубликовано в журнале «Художник и писатель детской книги». Основным лейтмотивом его выступления могут быть слова о том, что без Бога в жизни человек остается одиноким, и так важно не только для каждого, но и для всего русского народа, обрести связь со своим духовным прошлым и наследием в образе православной культуры. «Религиозная, в частности православная, книга, как свеча, освещает истинный путь, по которому следует идти, чтобы оставаться чистым, честным, порядочным, духовно богатым человеком. Мой любимый афонский старец Паисий говорил: «Возьмите столб и закопайте его в землю. Через несколько лет он сгниёт. А если вы пропитаете его олифой, с ним ничего не случится. Так и дети, как можно раньше должны получить духовную пропитку, как можно раньше начать читать духовные книги». А книги эти, добавлю, и по изложению содержания, и по внешнему облику должны соответствовать своему назначению».

На вопрос «Что же может служить ориентиром для православного художника?» Юдин ответил: «Ребёнок живёт в счастливом, гармоничном мире. Именно поэтому он часто смеётся, улыбается. Ему кажется, что все его любят, так же, как он сам всех любит. Художник должен пронести это дорогое для души чувство через всю свою жизнь. Если ты не живёшь в ладу с собой и окружающим миром – как ни старайся, это проявится в твоём творчестве. Мне кажется, людям, сомневающимся в существовании Творца и таинственного, незримого Его мира, лучше не браться за иллюстрирование детской религиозной литературы. Рисовать её, не веря, нельзя.»[3]

Настоящий детский поэт, сказочник – всегда рискующий канатоходец. Он идет по тонкому волшебному канату над бытом и мелочами повседневной жизни, он устремлен к небу Правды, Поэзии, Добра и держит в руках множество серебряных ниточек, связывающих его с детскими душами.

Литература

1. Юдин Г.Н. Нечаянная радость. М., “Детская литература”, 1998.
2. Журнал «Лампада» 2007 г., № 52 Православная педагогика. Духовная полянка детской книги.
3. Журнал «Художник и писатель детской книги». №10.

СЕКЦИЯ 2
ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Попова В. И. (Оренбург)

КОММУНИКАТИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ
БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ БИЛИНГИЗМА

Глобализация в области образования означает интеграцию образовательных стратегий, создание и укрепление единого образовательного пространства, в котором знания выступают в качестве объединяющего фактора, способствующего взаимодействию, консолидации и координации других процессов. В сложившихся условиях возникает необходимость поиска новых путей формирования личности будущего учителя, выработку умений свободно ориентироваться в условиях социокультурной динамики российского общества и мировой интеграции, личности, способной корректировать свое поведение на основе осмысления культурных и языковых кодов.

Поскольку в структуре российской образовательной системы имеется особый тип учебных заведений, характеризующихся такими отличительными чертами, как билингвальностью (в ряде случаев полилингвальностью) и бикультурностью (поликультурностью), то никак нельзя говорить об унифицированной модели обучения школьников русскому языку. В этой связи особенности полиэтнического и моноэтнического состава обучаемых предполагают подготовку студента-филолога на разновариантной основе, с конечным высоким показателем поликультурных знаний и коммуникативной толерантности.

Опора на поликультурную основу (поликультурное просвещение), изучение предметов этноцикла, а также учебных дисциплин блока «Культура мира», «Регионоведение», «Россиеведение», представляющих возможность познания родной культуры и культур других народов, предполагает расширение взаимодействия участников коммуникации.

Следует учитывать, что современные тенденции развития общеобразовательной школы в России в полной мере находят свое отражение в подготовке учащихся школ с русским (неродным) и родным (нерусским) языками обучения по предмету «Русский язык». Понятие «национальная школа», объединяющее имеющиеся на сегодняшний день типы школ, может быть, не является нормативным, но используется в современной социолингвистической ситуации для обозначения в структуре российской образовательной системы особого типа учебных заведений, характеризующихся двумя отличительными чертами: билингвальностью (в ряде случаев полилингвальностью) и бикультурностью (поликультурностью).

Характеризуя данный тип школ, мы исходим из того, что в последние десятилетия доминирующие позиции в методике преподавания русского языка получил коммуникативно-ориентированный подход, который адаптирован в условиях разнообразных типов учебных заведений, в том числе школ с русским (неродным) и родным (нерусским) языками обучения. Понятие «коммуникативность» трактуется по-разному в психологии, психолингвистике, дидактике и методике. В частности, методика русского языка рассматривает развитие речи школьника в свете теории речевой деятельности, что предполагает наличие умений правильно и быстро ориентироваться в условиях общения, правильно планировать свою речь, находить адекватные языковые средства для передачи мысли и обеспечивать обратную связь.

Принято говорить о коммуникативной компетенции как одной из характеристик языковой личности, как индивидуальной способности человека организовать свою речевую деятельность, используя языковые средства в соответствии с конкретной ситуацией. Как показывает практика, учащиеся, оканчивающие школу, не в достаточной степени владеют навыками коммуникации, что объясняется несколькими причинами: традиционное использование средств обучения в работе по формированию коммуникативных умений, слабое использование речевых ситуаций, стимулирующих речевую активность школьников, подбор дидактического материала зачастую лишь узко регионального пользования, неподготовленность учителя к коммуникации в многонациональном социуме.

Динамические изменения жизни современного общества обнаруживают важное направление его развития: расширение диапазона предметно-пространственных связей личности, основывающихся на таких базовых принципах, как научиться жить, научиться познавать,

научиться делать, научиться жить вместе. При этом образование, обеспечивающее доступ к знаниям для всех, призвано сыграть вполне определенную роль в решении универсальной задачи: помочь понять мир и понять другого, с тем, чтобы лучше понять самого себя.

Подготовка студента гуманитарного профиля представляет собой процесс познания языков современных средств коммуникации, освоение которых позволяет личности ориентироваться в мире, познавать окружающую действительность, проявлять толерантность к другим народам и культурам в практико-ориентированной деятельности со школьниками в проекции на взаимодействие с представителями разных национальностей и культур.

Цели и задачи коммуникативной деятельности формируются под влиянием необходимости передать или получить конкретное сообщение. Информационно-коммуникативные отношения связаны с информационным запросом и реакцией на полученное сообщение, при этом результатом коммуникативного акта (передачи и приема информационного сообщения) является понимание смысла переданного сообщения. Важен ценностно-смысловой аспект коммуникации, который состоит в определении роли и значения человека, признании его в качестве важнейшей общественной ценности. Введение ценностной компоненты в содержание образования означает создание условий для «присвоения» личностью универсальных гуманистических ценностей: Человек, Цивилизация, Отечество, Мир, Традиции, Новации. В диалоге культур школьник - не только субъект культуры, но и личность, вступающая в общение с автором текста культуры. Задача учителя - организовать интерпретацию текста и инициировать ценностно-смысловую коммуникацию как взаимное вслушивание учителя и школьника, чтобы понять себя – *самоосвоение*, понять мир – *мироосвоение*. Работа со смыслами, размышления над понятиями Человек, Жизнь, Отечество, Мир позволяет школьнику пережить информацию как событие.

Коммуникативная толерантность – это моральное качество личности, характеристика отношения личности к Другому, показывающая степень переносимости иного рода взглядов, нравов, привычек, поступков участников взаимодействия независимо от их национальной либо культурной принадлежности. Коммуникативная толерантность собирательна, в ней отражаются факторы судьбы и воспитания, опыт общения, общая и коммуникативная культура, потребности, интересы, темперамент, эмоциональный стереотип поведения. С

ней согласуются и составляют некий психологический ансамбль другие качества индивида - нравственные, характерологические и интеллектуальные.

Коммуникативная толерантность выражается в стремлении достичь согласования разнородных интересов и мнений преимущественно методами разъяснения и убеждения.

В умениях учителя «приспособиться» к ученику как к речевому партнеру, побудить его к речевой активности и проявляется профессионально значимая способность педагога к речевому взаимодействию. Она может быть спонтанной и подготовленной, кратковременной и долговременной.

Познание полиэтничного своеобразия родного края, изучение взаимовлияния языков региона предполагает отношение к Себе и Другому как к несравненной единичности, очевидной для всех непохожести, что является развернутым нравственным качеством, проявляющимся в доброте, доброжелательности, чуткости, вежливости, великодушии, добросовестности, ответственности во взаимодействии с окружающими людьми и в коммуникативной толерантности.

Достижение сбалансированности взаимодействия представителей разных культур возможно на основе использования новых концептуальных подходов к формированию коммуникативной толерантности студентов в единстве информационного, социально-поведенческого, этического и мировоззренческого компонентов личности. Коммуникативная толерантность проявляется в совокупность действий личности, отражающих способность понимать общее и различное между родной и инофонной культурой, переключаться с одной культуры на другую в целях приобретения разнообразного поведенческого репертуара, выбирать стратегию осмысленных речевых действий при встрече с другими позициями, мнениями на основе общекультурных и национально-специфических ценностей.

Таким образом, образовательный ресурс подготовки будущего учителя – поисковый и заключается в разработке поликультурных моделей взаимодействия, отражающих коммуникативную компетенцию участников образовательного процесса. Особенность взращивания «собственно человеческого в человеке» происходит на основе гармонизации таких аспектов, как восхождение к ценностям; восхождение к культуре; восхождение к себе; восхождение к другому. Соотношение языка – культуры – человека – этноса актуализирует гуманитарно-антропоцентрическую парадигму знаний.

Потребовались адекватные образовательному ресурсу формы аудиторной и внеаудиторной деятельности студента: 1) интегрированные по содержанию занятия, демонстрирующие междисциплинарные связи различных наук; 2) занятия, отражающие современные тенденции общественной практики; 3) занятия, имитирующие публичные формы общения; 4) занятия с использованием игры; 5) занятия в форме соревнований.

Так определились ожидаемые результаты коммуникативной толерантности будущего учителя: мотивирующая (удовлетворенность деятельностью); интегрирующая (интеграция различных областей знаний); накопительная (углубление знаний); коммуникативная (расширение языкового репертуара личности); практико-ориентированная (овладение навыками разнообразных способов коммуникативной деятельности).

Анализ современных реалий в социальной и педагогической действительности приводит к убеждению, что современная социокультурная ситуация характеризуется востребованностью решения проблемы развития коммуникативной толерантности будущего педагога. При этом удовлетворение образовательных потребностей школьника возможно лишь в условиях новой мыслительной парадигмы, в которой развивающее, созидательное образование осмысливается как действие растущего человека.

Поликультурная стратегия коммуникации состоит в том, чтобы выпускник вуза научился вступать в контакт с окружающими людьми, поддерживать этот контакт; идентифицировать эмоции другого человека (создание атмосферы доверия); резюмировать (укрепление доверия в межличностных отношениях); проявлять способность к пониманию и интерпретации смысла инокультурных ситуативных действий на основе осознания общих и различных признаков культур.

Литература

1. Быстрова Е.А. Русский язык в полиэтнической школе. Особенности и задачи. – Рус. язык в национальной школе, №2, 2009. – с. 4-11.
2. Дейкина А.Д. Воспитание национального самосознания при обучении русскому языку // Рус. язык в школе – 1993 - №5.
3. Попова В. И. Регионоведение: учебно-методическое пособие. Оренбург: Оренбург, 2007. 56 с. (Допущено министерством образования Оренбургской области в качестве учебно-методического пособия).
4. Попова В.И. Внеаудиторная деятельность студента в системе лингвистического образования/В.И. Попова; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агенство

по образованию, Оренб. гос. пед. ун-т. _ Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. – 352 с.

5. Попова В. И. Поликультурная составляющая элективного курса «Регионоведение» для старшеклассников / В. И. Попова // Русский язык в национальной школе. 2009. № 2. С. 25–29.

6. Попова В.И. Гуманитарно-педагогические технологии современного образования: концептуальные подходы, разработка и апробация : монография / составит. и науч.ред. проф. В.И. Попова; Мин-во образования и науки Рос. Федерации ; Орен. гос. пед. ун-т. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. – 284 с.

7. Слостенин В.А. Антропологический подход в педагогическом образовании: (Ист. аспект: К.Д. Ушинский и его последователи) – Нар. образование. – 1994.- №9-10.- с. 124-126.

6. Якимов П.А. Формирование поликультурной грамотности старшеклассника в контексте гуманитарного образования. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 128 с.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Процессы преобразования в социально-экономической и духовно-нравственной сферах жизни российского общества обострили потребность в формировании нравственной готовности студента вуза, определяющей его отношение к педагогической деятельности, направленной на преобразование личности, формирование нравственного облика школьника.

Студенческий возраст характеризуется существенными изменениями в мотивационной сфере личности, стремлением к самостоятельному участию в жизни общества и государства. В этой связи приоритетным становится обновление содержания образования, приближение студента к истинному пониманию нравственной готовности как базиса формирования личности, её отношений с людьми. Для педагогического сообщества особенно важным становится проектирование и оценка своих жизненных и профессиональных перспектив, включение подрастающего поколения в реализацию личностной стратегии на основе нравственных норм.

В этой связи приоритетным становится обновление содержания воспитательного взаимодействия взрослых и детей, их приближения к истинному пониманию категорий этики (совесть, честь, добро, зло, истина, правда, ложь, надежда, вера). Нравственные нормы, получившие обоснование в виде идеалов добра, зла, должного, отражают нравственные отношения педагога с окружающими людьми в ходе его профессиональной деятельности. Исходя из этого, критерии и показатели культуры человека будут обозначаться в ракурсе реального отношения самого субъекта к этим человеческим категориям и практического их применения в собственной жизни.

В этой связи нравственная готовность к профессиональной деятельности выступает как единство нравственного сознания (норм, принципов, понятий, ценностей), нравственных отношений (к обществу, коллективу, окружающим, друг к другу, к самому себе), нравственной практики (поведение, поступки). При этом нравственную готовность личности к профессиональной деятельности характеризует прежде всего субъективное отношение человека к моральным нор-

мам современного общества и готовность или неготовность их практически выполнять. (8).

Нравственную готовность студента к профессиональной деятельности следует определять как личностное качество, характеризующееся устойчивостью нравственных мотивов, отражающих характер нравственных поступков; действенностью нравственно-этических знаний, определяющих отношение к окружающим людям и самому себе; обоснованностью способов осуществления профессиональных действий, обеспечивающих нравственно осознанное отношение к педагогической деятельности.

Реализация основных направлений государственной политики в области образования, представленных в нормативных документах (Законы РФ «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», программы развития высшего и среднего профессионального образования, Проект Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»), требует расширения сети новых типов образовательных учреждений, разработки и использования новых учебных программ, технологий, методик, направленных на развитие субъектных свойств личности. Решение этих задач во многом зависит от педагога, формирующего ценностное отношение к миру, людям и самому себе на основе нравственных норм в условиях многонационального социума.

Следует исходить из того, что в Законе РФ «Об образовании» образование рассматривается как целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения обучающимися определенных государственных образовательных уровней — цензов. Под образовательным процессом понимается совокупность учебно-воспитательного и самообразовательного процессов, направленных на решение задач образования, воспитания и развития личности в соответствии с государственным образовательным стандартом (7).

Выделение внутри образовательного процесса двух компонентов, обучения и воспитания, позволяет определить как общее, так и особенное. Общность процессов обучения и воспитания в образовательном процессе заключается в том, что процесс обучения осуществляет функцию воспитания, а процесс воспитания невозможен без обучения воспитуемых. Оба процесса влияют на сознание, поведение, эмоции личности и ведут к ее развитию.

В условиях многонационального социума, когда развиваются

и взаимодействуют представители разных национальностей, сущность педагогической деятельности определяется направленностью на осознание специфики и свойств процессов обучения и воспитания детей разных национальностей. В этих условиях содержание обучения составляют научные знания о глобализирующемся мире, при этом содержанием воспитания становится не только познание норм, правил, ценностей, идеалов, а поликультурное взаимодействие представителей разных национальностей (11).

Таким образом, основные свойства образовательного процесса заключаются в двусторонности взаимодействия учителя и ученика, направленности всего процесса на всестороннее и гармоничное развитие личности, единстве содержательной и процессуальной (технологической) сторон, взаимосвязи всех структурных элементов: цели — содержания образования и средств достижения образовательных задач — результата образования — поликультурной толерантности.

В этой связи особого внимания на современном этапе развития образовательных систем заслуживает проблема качественного изменения поля профессиональной деятельности современного учителя в многонациональном социуме и актуализации такой профессионально значимой функции, как нравственное воспитание школьника. Педагог должен уметь проектировать не только сам процесс, но и его результаты, условия, перспективы развития личности школьника.

Подготовка школьника к жизнедеятельности в новых условиях должна способствовать развитию взаимопонимания между людьми, различными этническими, социальными, культурными и религиозными группами, а также суверенными нациями. Это неперемнное условие существования и развития современной цивилизации в условиях демократии.

Поликультурное образование как социально-педагогическое явление XXI века отражается в научном языке по-разному: «мультикультурное образование» (Я. Пэй, Р. Люсиер), «мультиэтническое образование» (Дж. Бэнкс), «поликультурное воспитание» (Н. В. Бордовская, А. А. Реан), «многокультурное образование» (Г. Д. Дмитриев). Каждое из этих понятий восходит к идее, связанной с обеспечением взаимодействия культур в образовательном процессе, направленном на приобщение молодого поколения к культурным достижениям всего человечества. В целом под поликультурным образованием понимается «образование, включающее в себя приобщение подрастающего поколения к этнической, национальной и мировой культуре,

развитие на этой основе планетарного сознания, формирование готовности и умения жить в многонациональной среде» (3, с. 323).

В настоящий момент педагогическая наука выработала ряд важных характеристик поликультурного образования. Основные тенденции в развитии мультикультурного образования в США: 1) социальная направленность образования, универсальность и равенство; 2) соответственность американского образования с мировыми педагогическими концепциями; 3) признание культурных и этнических особенностей, связанных с происхождением учащегося; 4) проблемы подобия и различия между этническими группами; 5) обоснование и решение современных социальных и политических проблем с позиций человека, его индивидуальности и неповторимости. Педагоги Западной Европы видят в поликультурном воспитании выход из кризиса в межэтнических отношениях; они называют такие направления поликультурного воспитания: 1) воспитание адресуется ко всем школьникам — и к выходцам из этнического меньшинства, и к выходцам из этнического большинства; 2) воспитание направлено на изменение содержания и методов образования, в результате чего поликультурность становится ведущим педагогическим принципом; 3) воспитание отражает подвижную культурную среду, включающую мигрантскую и доминирующую; 4) воспитание сосредоточено на взаимопонимании и культурном обмене, преодолении барьеров в культурном отчуждении (5, с. 101–125).

Педагогическая сущность поликультурного образования для России — явление достаточно новое, но уже нашедшее свое место в педагогических исследованиях. Так, Г. Д. Дмитриев многокультурное образование рассматривает как возможность противостояния расизму, предубеждениям, ксенофобии, предвзятости, этноцентризму, ненависти, основанной на культурных различиях (6, с. 103). Принципы организации поликультурного образовательного процесса рассматриваются Г. В. Палаткиной в аспекте формирования межнациональной и межконфессиональной толерантности, принципов мультикультурного образования в полиэтническом регионе (9).

Формирование нравственной готовности студента к профессиональной деятельности в многонациональном социуме возможно на основе решения следующих задач: 1) глубокого и всестороннего изучения собственной культуры; 2) формирования представлений о многообразии мировых культур и культур народов России, воспитания уважительного отношения к культурным различиям; 3) развития на-

выков взаимодействия с носителями других культурных ценностей, гуманного межнационального общения (2, с. 95).

Поликультурный аспект образовательного процесса предусматривает создание условий для развёртывания сущностных сил личности, раскрытия универсальных способностей как основы индивидуализации. Личностный компонент поликультурного образовательного процесса обеспечивает человеку познание себя, овладение способами самосовершенствования, нравственного самоопределения, что является базисом формирования нравственной готовности студента к профессиональной деятельности.

Наиболее полное понимание процесса формирования нравственной готовности студента к профессиональной деятельности раскрывают следующие его функции: 1) целеобразующая (определяет сущность формирования нравственной готовности студента к профессиональной деятельности); 2) рефлексивная (обеспечивает глубокий и обобщающий характер знаний, позволяет постичь сущность профессиональной деятельности в ее нравственных характеристиках); 3) коммуникативная (обеспечивает целостную оценку самого себя как профессионала, владеющего всеми видами речевой деятельности); 4) прогностическая (обеспечивает активизацию познавательной, интеллектуальной деятельности личности, действенное отношение к окружающему миру и к самому себе в нравственно ориентированном ключе).

Таким образом, стратегия формирования нравственной готовности будущего учителя в многонациональном социуме состоит в том, чтобы традиционная парадигма образования дополнилась гуманитарными представлениями об осознании себя, своих нравственных чувств и смыслов существования в процессе поликультурного взаимодействия. Осмысливая опыт поколений, наделяя собственными смыслами нормы и ценности, человек приобретает свою качественную определенность, неповторимость, устойчивость. Осознавая свой нравственный смысл педагогической деятельности, студент формирует свою субъектность как определяющую меру свободы личности, ее гуманности, духовности, жизнотворчества, как ядро человеческой культуры.

Литература

1. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина, А. А. Сусоколов. — М. : Аспект-Пресс, 1999. — 271 с.
2. Белогуров, А. Ю. Проблемы развития этнорегиональных образовательных систем / А. Ю. Белогуров // Педагогика. — 2003. — № 1. — С. 98–104.
3. Борисенков, В. П. Поликультурное образовательное пространство России: исто-

рия, теория, основы проектирования / В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко, А. Я. Данилюк. — М. : ООО «Педагогика», 2006. — 464 с.

4. Борытко, Н. М. Этическое воспитание. Вып. 7 / Н. М. Борытко. — Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2006. — 32 с.

5. Джуринский, А. Н. Концепции и реалии мультикультурного воспитания: сравнительное исследование / А. Н. Джуринский. — М. : Academia, 2008. — 304 с.

6. Дмитриев, Г. Д. Многокультурное образование / Г. Д. Дмитриев. — М. : Народное образование, 1999. — 208 с.

7. Закон РФ «Об образовании». ФЗ РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». — М. : Юркнига, 2007. — 10 с.

8. Зосимовский, А. В. Критерии нравственной воспитанности / А. В. Зосимовский // Педагогика. — 1992. — № 11–12. — С. 22–26.

9. Палаткина, Г. В. Мультикультурное образование в полиэтническом пространстве / Г. В. Палаткина. — Астрахань : Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2001. — 167 с.

10. Попова, В. И. Регионоведение : учебно-метод. пособие / В. И. Попова. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007. — 56 с.

11. Якимов, П. А. Организация поликультурной деятельности школьников в образовательном учреждении : учеб. пособие / П. А. Якимов. ? Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006. — 60 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПЕДАГОГА В РЕГИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Процессы, происходящие в современном мировом сообществе, изменили взгляд на роль и место образования в нем, обусловили переход на двухуровневую систему высшего образования, которая, несомненно, влечет за собой совершенствование образовательной парадигмы в целом. Решение проблемы профессионального самосовершенствования педагога в региональном образовательном пространстве является одной из наиболее значимых тенденций отечественного образования.

Включенность российского образования в общеевропейские структуры способствует повышению его собственной эффективности посредством самообразовательной деятельности субъектов обучения, достижению равноправного положения российских учебных заведений и российских граждан в мировом сообществе, укреплению позиций на мировом рынке образовательных услуг.

В общегосударственные задачи высшей школы входит подготовка высокообразованных, компетентных специалистов с развитым индивидуальным стилем самообразовательной и профессиональной деятельности и такой системой компетенций, которая позволила бы им эффективно реализовать свой интеллектуальный потенциал в условиях рыночной экономики, обеспечивая решение профессиональных задач на высоком уровне успешности. Для системы высшего образования, выстраивающейся в русле многоуровневости, вышеназванные компоненты выступают в качестве исходных задач организации обучения и процесса профессиональной подготовки студентов на деятельностно-компетентностной основе.

В заявленном ключе особую значимость приобретает система подготовки и переподготовки педагогических кадров в послевузовский период. При этом необходимо учитывать, что новая модель развития образования связана со сменой образовательных парадигм, переносащих акценты с образовательной деятельности на самообразовательную.

Самообразование как особый вид деятельности педагога является велением времени и указывает на необходимость связи образования и самообразования на основе деятельностно-компетентностного подхода. В результате основным итогом новой образовательной страте-

гии становится не только система знаний, умений и навыков, но и набор ключевых компетенций в интеллектуальной, общественно-политической, коммуникационной, информационной и прочих сферах. (4)

С точки зрения деятельностно-компетентного подхода содержание образования – это система образовательных компетентностей, представляющих собой комплексную процедуру, которая интегрирует совокупность взаимосвязанных смысловых ориентаций, компетенций для эффективного решения личностно-значимых и социально-актуальных проблем в определенных сферах культуры и видах деятельности. Позитивный потенциал деятельностно-компетентного подхода заключается в том, что он не отрицает перспективный и до конца не воплощенный культурологический подход к содержанию образования, а актуализирует прагматический аспект того, что у будущего педагога должно быть сформировано и развито.

Формирование навыков самообразовательной деятельности педагога возможно, если уже в годы обучения в вузе студент включался в такие виды учебной деятельности, которые моделировали бы условия высокоэффективной профессиональной деятельности, соответствующей уровню европейского стандарта.

Следует исходить из того, что бакалавриат является своеобразным трамплином формирования самообразовательной деятельности в магистратуре. Магистратура к широкой фундаментальной подготовке добавляет углубленную подготовку к самообразовательной деятельности студента. Немаловажным является научно-методическое обеспечение процесса формирования самообразовательной деятельности студента в условиях многоуровневого высшего образования на основе деятельностно-компетентного подхода как специфического вида деятельности, а также создание условий для реализации педагогического проекта в будущей профессиональной деятельности (в практике работы образовательного учреждения), направленного на решение актуальной педагогической проблемы.

Самообразовательная деятельность педагога имеет свою специфику и включает: методологическую, основанную на интеграции мировоззренческого, философского, компетентного подходов; теоретико-практическую, представляющую структурно-содержательные, функциональные и критериально-оценочные характеристики самообразовательной деятельности субъекта образовательного пространства региона.

Мы исходим из того, что понятие пространства в последнее время вошло во многие сферы социальной жизни людей: речь идет о еди-

ном экономическом, политическом, культурном, информационном, образовательном пространствах. Синонимом пространства в филологии выступает категория «поля»: поле значений, поле ценностей и поле смыслов.

В окружающем человека мире объективно существует особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, - поле значений. Оно отражено в образовательных стандартах, учебных планах и программах. Организуя деятельность в соответствии с полем значений, люди тем самым непрерывно подтверждают реальность его существования; норм и правил.

Понятие значения устанавливает, что сознание развивается внутри некоторого культурного целого, где исторически кристаллизован опыт общения, мировосприятия, деятельности, который индивиду надо построить (1). При этом поле значений кажется столь естественным, изначально присущим к натуральным свойствам окружающих объектов, что его замечают чаще всего тогда, когда оказываются в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни. Тогда и открывается различие в образе мира человека разных культур. Например, различия в профессиональном самосознании представителей разных профессий, их ценностных ориентациях, которое обозначают как поле ценностей.

Учтены позиции В. Франкла, «быть человеком означает быть обращенным к смыслу, требующему осуществления, и ценностям, требующим реализации» (6). В этом выражении обнаруживается поле смыслов, в котором живет человек. Выделен ряд свойств смысловых образований, их отличий от поля значений или ценностей:

- смысловые образования существуют не только в осознаваемой, но часто и в неосознаваемой форме, образуя, по выражению Л. С. Выготского, «утаенный» план сознания;

- смысловые образования не поддаются прямому произвольному контролю и чисто словесным, вербальным воздействиям;

- смыслы не существуют сами по себе, как мир значений, культуры, который может быть отторгнут от нас и представляет собой нечто объективное;

- смысловые образования не могут быть исследованы вне их деятельностного, жизненного контекста, т.е. педагога должны интересоваться акты поведения (1).

В этой связи важны: создание образа, эскиза будущего, той перспективы развития личности, которая не вытекает прямо из наличной,

настоящей ситуации, и создание внеситуативной, относительно самостоятельной психологической опоры оценивания и регулирования педагогической деятельности. Смысловой уровень регуляции, таким образом, не предписывает готовых рецептов поступкам, но дает общие принципы, которые в разных ситуациях могут быть реализованы внешне разными, но едиными по внутренней (нравственной) сути действиям.

Образовательное пространство - соответствующее в социуме «место», где субъективно задаются множества отношений и связей, где осуществляются специальные деятельности различных систем (государственных, общественных и смешанных) по развитию индивида и его социализации.

В условиях многонационального социума Оренбуржья самообразовательная деятельность педагога направлена на познание языковой ситуации региона, особенностей взаимодействия представителей разных национальностей, осознание специфики и свойств процессов обучения и воспитания детей разных национальностей. Особую значимость приобретает работа над собой в аспекте развития и созидания не только самого себя, но и всех субъектов образовательно-развивающей среды. Развивающее, созидательное образование важно осмыслить как «действие» растущего человека внутри специально организованной воспитывающей, обучающей, развивающей среды, которая вызвала бы к активности субъектов образования.

Таким образом, гуманитарное знание занимает все более значительное место в программах повышения квалификации специалистов любого профиля. Следствием процессов, происходящих в науке и культуре, стало интенсивное развитие синтетического гуманитарного знания. Самообразовательную деятельность педагога в этих условиях следует рассматривать как «вхождение» в культуру на новом уровне познания.

Литература

1. Борытко Н.М. Педагог в пространствах современного воспитания: Монография / Науч. ред. Н.К. Сергеев. Волгоград: Перемена, 2001. – 214 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры. М., Воронеж, 1996. 510 с.
3. Гуманитарно-педагогические технологии современного образования: концептуальные подходы, разработка и апробация : монография / составит. и науч. ред. проф. В.И. Попова; Мин-во образования и науки Рос. Федерации; Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – 284 с.
4. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов н/Д., 1997. 477 с.
5. Зинченко В.П. О целях и ценностях образования // Педагогика. 1997. №5.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВОСПИТАННИКОВ СРЕДСТВАМИ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Качественные изменения в российском образовании, придание особой роли в обновляющемся образовательном процессе русскому языку и русской литературе как предметам изучения и как явлениям национальной культуры, способствуют формированию культуроведческой компетенции воспитанников кадетского училища.

Одной из значимых тенденций развития отечественного образования стала его гуманитаризация, что отражает ценности и ориентиры современной культуры. В этой связи востребованными становятся гуманитарные технологии воплощающие в себе методы, приемы, последовательность процедур, связанных с активизацией гуманитарного знания, позволяющего человеку понять себя и других, наладить взаимодействие с другими людьми.

В условиях нетрадиционных учебных заведений роль русского языка становится значительно шире предмета обучения, поскольку в контексте культуроведческого подхода родной язык может и должен восприниматься как особое национальное явление, воплощающее историческую и эстетическую память народа, источник знаний в разных областях общечеловеческой и национальной культуры.

Культуроведческий подход в обучении русскому языку, о котором пишут такие ученые, как А.Д. Дейкина и Л.А. Ходякова, востребован на современном этапе развития образования. Реализация данного подхода воспринимается как «усвоение в процессе изучения языка жизненного опыта народа, его культуры (национальных традиций, религии, нравственно-эстетических ценностей, искусства) и духовно-эстетическое воздействие на мысли, чувства, поведение, поступки обучаемых» (Л.А. Ходякова).

Основной единицей изучения русского языка в условиях реализации культуроведческого подхода является текст. Работа над связным текстом позволяет органично сочетать воспитательный, обучающий и развивающий аспекты: разные виды текстов (исторические, краеведческие, художественные) помогают сделать уроки русского языка интегрированными по содержанию. Развивая идею приобщения воспитанников к культурному наследию

нации, необходимо реализовывать ее экстралингвистическим путем, то есть через расширение дидактической базы уроков, путем отбора или составления текстов, отражающих особенности и факты русской культуры, чаще всего - факты культуры родного края.

Формирование культуроведческой компетенции воспитанников является основополагающим направлением в процессе изучения орфографии, в частности, наряду с коммуникативной и лингвистической компетенциями. При этом текстоцентрический подход остается основополагающим в сочетании с культуроведческим подходом. Отсюда - цели обучения русскому языку не должны ограничиваться формированием и совершенствованием у воспитанников познавательных, классификационных и аналитических умений, которые обеспечивает лингвистическая компетенция, или коммуникативных умений и навыков, которые являются прерогативой коммуникативной компетенции. Именно культуроведческая компетенция является средством постижения языка как одного из звеньев национальной истории и культуры своего народа, осознания самобытности и уникальности традиций и обычаев русских людей, их существенной роли в формировании личности подрастающего поколения. На этот факт указывает Е.А Быстрова, которая считает, что культуроведческая компетенция ставит своей целью «познание стереотипов поведения, этикета и реалий, характерных для жизни своего народа с целью выделения особенностей, свойственных родному языку», а также через культуроведческую компетенцию реализуется культуроносная (кумулятивная) функция языка.

Использование текстового материала при изучении орфографии, который занимает существенное место в формировании культуроведческой компетенции воспитанников, позволяет решить не только правописно-орфографические задачи, но и нравственные. Текст в контексте культуроведческой компетенции является не только материалом для упражнений и разборов, но и средством духовного и эстетического воспитания и обучения речевому общению учащихся. Приведем пример:

1. Прочитайте текст и определите стиль речи.
2. Выделите графически прилагательные и объясните правописание *н* и *ни* в суффиксах.

*В низинных долинах, где естественное понижение местности способствовало повышенному накоплению влаги, в тех же срединных и северных зонах области немало березняка, осинника, дубовых рощиц, ольховых **колков**. Это аренные, естественные, настоящие донские леса. (Г.С.Колесников).*

Дополнительные вопросы: как вы понимаете значение выделенного слова?

Как вы думаете, насколько природа северных лесов отличается от лесов Центральной и Южной России? Постарайтесь описать природу северных лесов.

Еще одним направлением в решении проблемы формирования культуроведческой компетенции является познание культуры русского народа в диалоге культур, то есть «осознание самобытности, уникальности русского языка, его богатства на фоне сопоставления с другими культурами и языками». В данном случае термин «диалог» употребляется в значении дидактического термина. Этот термин обозначает «направленно моделируемый в учебных целях процесс встречи двух культур и на ее основе процесс осознания их общности и своеобразия, глубокого познания своей культуры и проникновения в инациональную». Такой диалог не только обеспечивает соизучение орфографии языка и народной культуры, но и готовит учащихся к возможному диалогу в межкультурной коммуникации.

Формируя культуроведческую компетенцию воспитанников на уроках русского языка, не стоит забывать о существенной роли этимологического анализа. Данный прием поможет не только поддержать интерес к русскому языку, осознать взаимосвязь языка и истории народа, но и повысить орфографическую грамотность, обогатить словарный запас воспитанников, расширить их кругозор. Кроме того, необходимо учитывать психолого-педагогическую составляющую обучения языку - неистребимое желание проникнуть в тайну рождения слова, особенностей его использования в разных жизненных ситуациях.

Рассмотрим примеры изучения культуроведческих тем попутно с языковыми.

Класс	Языковая тема	Культуроведческая тема	Содержание, основные термины и понятия культуроведческой направленности
5	Письмо «Я Вам пишу»	Эпистолярный жанр	Содержание, основные термины и понятия культуроведческой

Класс	Языковая тема	Культуроведческая тема	Содержание, основные термины и понятия культуроведческой направленности
		зеркало души автора и эпохи	направленности Специфика эпистолярного жанра: содержание и стиль письма, структура, его оформление, о чем «говорят» письма История письма
5	Описание предмета «И светла от берез Россия»	Береза - символ нашей Родины	Береза как один из национальных символов русского народа
5	Диалог	Этикет телефонного разговора	Формулы речевого этикета в телефонном разговоре
5	Сочинение-рассуждение «Дни недели рассказывают о себе»	Неделя - от слова «не делать». О чем говорят названия дней недели	Смысл названий слова «неделя» и дней недели, их взаимосвязь
6	Описание помещения	Русский дом: жизнь и судьба	Роль дома, его устройство и образ жизни в русской культурной традиции
6	Составление устного публичного высказывания о происхождении имен «Что в имени тебе моем?» А.С.Пушкин	История русских имен	Имена собственно русские и заимствованные, христианские, «по святцам», изменения русских имен на протяжении истории
6	Устное публичное высказывание о произведении народного промысла «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»	Матрешка - символ русского характера	Национальная игрушка, соединение в ней базовых русских ценностей: материнства, семьи, единства, душевного тепла, покровительств, заботы о близких Русские народные промыслы

7	Речевое общение Умение общаться как важная часть культуры человека	Требования этики, эстетики и традиции как основа культурного общения.	Вежливость как качество личности, в основе которого лежит чувство собственного достоинства и чуткого отношения к другим Этимология слова «вежа». Различные оттенки воспитанности (корректность, любезность, деликатность), их функции в общении Тактичность как компонент культуры общения
7	Нормы речевого поведения в типичных ситуациях общения	Этичность речевого общения	Приличия, определяющие формы приветствия; использование форм благодарности, извинения; правила знакомства и представления Формулы проявления и выражения внимательности, любезности в традициях народов нашей страны и мира Выбор и организация языковых средств в соответствии со сферой, ситуацией и условиями речевого общения как необходимое условие достижения этичности речевого общения

Таким образом, культуроведческие темы по русскому языку, с одной стороны, способствуют формированию культуроведческой компетенции воспитанников, с другой – привлекают внимание воспитанников к прецедентным высказываниям, отражающим определенную эпоху. Социо- и этнокультурное направление, реализованное в данных культуроведческих темах по русскому языку, дополняет и наполняет новым смыслом общие цели обучения родному языку, в частности осознание специфических особенностей русского языка, расширение знаний воспитанников об истории, культуре своей страны.

Культуроведческий подход в методике преподавания русского языка приобретает особое значение, поскольку современное образование рассматривается как важнейший компонент культуры и основ-

ной канал ее передачи подрастающему поколению. С помощью образования происходит становление личности молодого человека как носителя и творца культуры. Именно поэтому перед учителем русского языка и литературы стоит задача формирования культуроведческой компетенции воспитанников.

Особую значимость приобретают методы и приемы передачи культурной информации, которые вызывают интерес воспитанников к изучаемому материалу, а не отторжение. Ведь главная задача преподавания русского языка – научить воспитанников осваивать и «переживать» слово в соответствии с его духовным содержанием, воспитывать бережное отношение к слову, к русской классической литературе как искусству слова, сокровищнице духовных ценностей.

Литература

1. Бесков И.А. Как возможно творческое мышление. – М., 1993.
2. Библер В.С. Мышление как творчество. – М., 2005.
3. Быстрова Е.А. Культуроведческая функция русского языка в системе его преподавания. //Обучение русскому языку в школе. - М.: Дрофа, 2004.
4. Быстрова Е.А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках //Обучение русскому языку в школе.- М.: Дрофа, 2004.
5. Выготский Л.С. редыстория развития письменной речи //Психология развития человека. - М.: Смысл, 2003.
6. Доманский В. А. Литература и культура: Культуроведческий подход к изучению словесности в школе: Учеб. Пособие. М.: Флинта, 2002.
7. Дейкина А. Д. Обучение и воспитание на уроках русского языка. М.: Просвещение, 1990.
8. Князев Е.Н. Курдюмова С.П. Начала нелинейного мышления. //ОНС . - 2006. - №4.
9. Леонтьева В.И. Образование как феномен культуротворчества. - М.: Социс, 2005. -№ 1.
10. Львова С.И. Школьный курс русского языка в контексте современного целенаправленного. //Русская словесность, 2004. - №3.
11. Ходякова Л.А. Культуроведческий подход в преподавании русского языка// РЯШ, 2003 - №3.
12. Якушева С.Д. Культурологические аспекты эстетического воспитания. //Проблемы теории и истории культуры: сборник научных трудов. Выпуск 3/науч. ред. Н.М. Мышьякова; Мин-во образования и науки РФ, Оренбургский гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006.

СЕКЦИЯ 3.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ
ДУХОВНОСТИ

Дмитриева Н. М. (Оренбург)

**ЭТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА КОНЦЕПТОВ
«ТВОРЧЕСТВО» И «ЧУДОТВОРСТВО»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Концепты «творчество» и «чудотворство» занимают одно из центральных положений в русской языковой картине мира. Практически все, кто писал об особенностях картины мира русских, о своеобразии русского национального характера, указывают в качестве доминирующего концепта – религиозность (Бердяев Н., Булгаков С., Воробьев В., Лихачев Д. и др.)¹. Концепты же «творчество» и «чудотворство» входят в центральное поле указанной доминанты.

Они не просто однокоренные, они близки концептуально, так как и то, и другое – свойство Бога. Творец, сотворение мира – основные понятия христианства. Само сотворение мира предстает как чудо, причем не только в наивной, но и в научной картинах мира. Христианство основано на вере в чудо: в чудо Рождества Бога, Его спасительной жертвы и Воскресения. В тропаре Рождественской службы встречаем фразу, объединяющую эти два божественных свойства: «Ты еси Бог творяй чудеса» – Ты Бог, творящий чудеса. О чудесах, сотворенных Богом, рассказывает и Ветхий и Новый Заветы. О чудесах рассказывается в Деяниях Апостолов, в житиях святых. Признак святости – совершаемые по молитвам святых чудеса, чудотворство. Но чудеса всегда совершаются Богом. Более того, каждый христианин верит, что Бог может совершить чудо (исцеления, вразумления, покаяния) и по его просьбе, при заступничестве святых.

Созданный Богом человек в религиозных представлениях, а значит, в русской языковой картине мира, подобен Богу не только тем, что наделен свободной волей, но и способностью творить. И если чудотворство свойственно только Богу и святым Его, то способностью к творчеству наделен любой человек.

Связь чуда, чудотворства и творчества видна в очень серьезном отношении церкви к идентификации чуда: чтобы не было поклонения твари вместо творца, далеко не сразу и не всякое чудо признается таковым.

В христианстве считается, что чудо – это не просто нарушение законов природы, а такое нарушение, которое имеет некую цель. Бог промыслительно участвует в делах людей, давая им знаки, «знамения», направляющие их ко спасению. В Евангелии слово «чудеса» очень часто употребляется вместе со словом «знамения», показывая тем самым, что чудесные действия имеют символическое значение, ибо чудеса совершаются Богом не ради их самих, а в целях научения людей чему-либо.

Именно эта религиозная основа понимания творчества, чуда и чудотворства составляет этическую нагрузку концептов. Под этической нагрузкой (языковой этичностью) мы понимаем концептуальные этические представления, выраженные во внутренней структуре слова, являющиеся основой, стержнем духовно-нравственного развития, изначальным кодом, по которому строится картина мира, вырабатывается мировоззренческая позиция и, соответственно, модель поведения отдельной личности и всего общества носителей языка. Языковая этичность или этическая наполненность слов-концептов безусловно выше, чем в обычной лексике и даже в словах высокого стиля. Именно она позволяет сохранять этические ментальные представления на протяжении длительного времени².

Творить, по данным словаря В.И. Даля³, – давать бытие, сотворять, созидать, создавать, производить, рождать. Творить умом – созидать научно или художественно. Производить, делать, исполнять, чинить. Творение – все созданное, сотворенное; создание, тварь. Творитель бед, добра, чудес. Творчество – творение, сотворение, созидание. Во всех определениях прослеживается этический смысл концепта, его связь с Творцом мира. В Толковом словаре русского языка Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю.⁴ творчество определяется вне указанного контекста: «создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей». Глагол «творить» в первом значении «творчески создавать», во втором – «делать, совершать»; творение – произведение, результат творчества; творец – во-первых, человек, который создает что-либо творчески, и только во втором значении – Бог как создатель мира.

Значительных расхождений в определениях слова-концепта «чудо» не наблюдается. В словарях указываются следующие значения: 1) явление, вызванное вмешательством божественной силы, а также вообще нечто небывалое; 2) нечто поразительное, удивляющее

своей необычайностью; 3) чудо в значении сказуемого: удивительно, поразительно хорош; 4) в сочетании с другими существительными означает: необыкновенный, выдающийся среди себе подобных; 5) чудеса – выражение крайнего удивления, недоверия. Отметим, что в исследовательских работах о чуде не совпадают центральная и периферийная зоны концепта. Так, например, Абышева Е.М. утверждает, что ядро концепта составляет сема «божественное явление», остальные значения располагаются на периферии⁵, Анохина С.А., напротив, высказывает мысль о том, что все значения слова «чудо», соотносимого с концептом «Чудо» составляют ядерную зону, а его синонимы – околядерную⁶. Причем, исследователь утверждает, что доминантой концепта выступает семема «нечто удивительное», так как она встречается во всех значениях слова «чудо» и в его синонимах. Однако, если рассматривать концепт «Чудо» с точки зрения его этической наполненности, ядерным, доминантным значением в поле концепта следует признать «божественное явление», «явление, вызванное вмешательством божественной силы, а также вообще нечто небывалое», а остальные значения включают эту ядерную сему во внутреннюю структуру. Чудо как проявление божественной силы удивительно, так как нарушаются законы природы, неожиданно, так как совершается против обыкновения. Лега В.П. пишет о трех свойствах чудесного: о редкости чудесного события (*феноменологическое* свойство чуда), из чего следует удивительность чуда, о необычности чуда, которое обращает на себя внимание человека, удивляет, поражает его, вводит в состояние недоумения (*психологическое* свойство), что обусловило восприятие чуда, его понимание как чего-то необыкновенного, и о том, что чудо нарушает привычный ход событий, и очень часто нарушает даже, казалось бы, незыблемые законы природы (*сущностное* свойство чуда), что свидетельствует о божественной природе чуда⁷.

Концептуальность слова подчеркивает достаточно широкий круг однокоренных лексем: *чудак, чудаковатый, чудаческий, чудачество, удачить, чудесить, чудесный, чудик, чудила, чудинка, чудить, чудиться, чудной, чудный, чудовище, чудовищный, чудодей, чудодейственный, чудом, чудотворец, чудотворный*. Интересно, что слова с корнем «чудо» имеют как положительную (чудо, чудесный, чудотворец), так и отрицательную коннотации (чудище, чудовище, чудовищный). Причем последнее связано с характерным для русской языковой картины мира представлением о «золотой середине», «царском пути», о необходимой мере в том числе и в удивительном, чудес-

ном. Если же мера превышает, то чудесное становится чудовищным – 1) вызывающим чувство ужаса; 2) необычным по своим отрицательным качествам; 3) крайне большим, весьма значительным – и начинает восприниматься как отрицательное⁸. Анализ концепта «чудо» еще раз подтверждает основную этическую нагрузку производного концепта «чудотворство», а именно ядерное значение «свойство Бога». Употребление же слова по отношению к обычным людям, совершающим нечто поразительное, достойное удивления, указанное в словаре СИ. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, встречается крайне редко⁹.

Очень ярко этическая нагрузка концептов «творчество» и «чудотворство» представлена в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»¹⁰. Прямо, в своей этической наполненности, концепт «чудо» встречается в рассуждениях о чуде рождения Богомладенца: «...девушка – обыкновенность, на которую древний мир не обратил бы внимания, – тайно и втихомолку дает жизнь младенцу, производит на свет *жизнь, чудо жизни, жизнь всех, «Живота всех», как потом его называют*»; «Девушка рождает не в силу необходимости, а *чудом*, по вдохновению. Это то самое вдохновение, на котором Евангелие, (...), хочет построить *жизнь*, наперекор всякому принуждению». Но в большей степени этот концепт в своем ядерном значении проявляется в стихах. «Рождественская звезда» посвящена чуду рождения Спасителя. Кроме того, концепт в стихотворении выражен вербально: «Пойдемте со всеми, поклонимся чуду, – / Сказали они, запахнув кожихи». Следующее стихотворение, раскрывающее ядро анализируемого концепта, «Чудо»: «Но чудо есть *чудо*, и *чудо есть Бог*». Далее, в стихотворении «Дурные дни», чудо предстает, прежде всего как божественное явление, деяние Бога: И брачное пиршество в Кане, / И *чуду* дивящийся стол, / И море, которым в тумане / Он к лодке, как по суху, шел».

В «Гефсиманском саду» концепт вербализуется в лексеме «чудотворство», от которого отказывается Христос: «Он отказался без противоборства, / Как от вещей, полученных взаймы, / От всемогущества и *чудотворства*, / И был теперь, как смертные, как мы». Чудотворство, способность творить чудеса, присуща, Богу, но, в понимании Б. Пастернака, отражающем ментальные представления русской языковой картины мира, *чудотворство* близко *творчеству*, а творить могут и люди, как существа, созданные по Его подобию.

Творчество у Пастернака всегда оценивается положительно. В этом приобщении человека к божественному свойству он видит смысл жизни, о чем хорошо сказано в стихотворении «Август»: «Прощай, раз-

мах крыла расправленный, \ Полета вольное упорство, / И образ мира, в слове явленный, / И *творчество*, и *чудотворство*». Причем, лексема «творчество» также концептуальна, и в романе герой Пастернака, размышляя над творчеством, выводит целый ряд ассоциаций: «В размышлениях доктора Дарвин встречался с Шеллингом, а пролетевшая бабочка с современной живописью, с импрессионистическим искусством. Он думал о *творении, твари, творчестве и притворстве*».

Таким образом, концепты «творчество» и «чудотворство», включенные в поле доминантного для русской языковой картины мира концепта «религиозность», обладают высокой этической нагрузкой как свойства Бога-Творца, одним из которых, а именно способностью создавать, творчеством наделен созданный по образу и подобию Бога человек.

Именно этическая нагрузка концептов выступает стержнем духовно-нравственного развития, изначальным кодом, по которому строится картина мира, вырабатывается мировоззренческая позиция носителей языка. Оставаясь частью внутренней структуры слова, она позволяет сохранять этические ментальные представления на протяжении столетий, несмотря на изменения в понимании и употреблении слов. Одним из ярких примеров реализации этической нагрузки указанных концептов служит роман Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Примечания

¹ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Сост.и комментарии В.В.Сапова. – М.: Канон плюс, ОН «Реабилитация», 1999. – 464 с.; Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. – М.: Терра: Ассоциация совместных предприятий международных объединений и организаций, 1991. – 413 с.; Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331с.

² Дмитриева Н.М. Влияние этически значимой лексики на формирование картины мира // Филологические чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. – Оренбург: ФГБОУ ВПО «ОГИМ», 2011. – С. 287-291.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1999.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

⁵ Абышева Е.М. Концептуальные инверсии: концепт «Чудо» (по материалам русских и ирландских пословиц, поговорок и сказок): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Тюмень, 2008.

⁶ Анохина Лексикографические источники как материал исследования семантических связей вербализаторов концепта «Чудо» // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск, Новосибирск, 2009. – С. 136 – 139.

⁷ Лега В.П. Проблема уда с точки зрения современного научного и христианского мировоззрения // <http://www.bogoslov.ru>

⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч.

⁹ Там же.

¹⁰ Пастернак Б. Доктор Живаго: Роман / Вступительная статья Е. Пастернака. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2002. – 496 с.

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ БЛОКА И МАНДЕЛЬШТАМА: БИБЛЕЙСКИЙ АСПЕКТ

Идея сопоставить образ времени в творчестве Блока и Мандельштама возникла не случайно. Проблема человека во времени и пространстве на рубеже XIX – XX-го веков была актуальной. Блок и Мандельштам – яркие представители двух главных поэтических школ: символизма и акмеизма выдвинули тезис о времени, как о категории больше не существующей. Насколько схожи и различны их взгляды, происходила ли динамика в семантической наполняемости образа времени – вопросы, необходимые для дальнейшего осознания преемственности школ и их индивидуальности.

Специфика художественного образа времени в творчестве А. Блока была рассмотрена в работах Л.Г. Кихней, Д.Е. Максимова, З.Г. Минц и др.

Смысловое построение художественного образа времени в поэтической системе Мандельштама подробно исследовано Л.Г. Пановой в статье «Пространство и время в поэтическом языке О. Мандельштама». Достаточно полно проанализирован пространственный и временно-й словарь поэта и сделано интересное наблюдение: «Мандельштам – друг пространства и враг времени», «пространство даёт-ся в терминах домашнего, родного, тогда как за временем закрепляется значение враждебного и гибельного»¹. Однако структура времени в творчестве поэта гораздо сложнее, если посмотреть на проблему в библейском аспекте, учитывая известную обращённость поэта к Логосу.

Категория времени в творчестве Блока неразрывно связана с пространством. Для поэтической модели Блока характерно циклическое (или круговое) время. З.Г. Минц в работе «Поэтика Блока» утверждает, что «одна из центральных по существу тем блоковской лирики – тема разрывания пространств, тема размыкания круга»². Исследователь анализирует структуру круга, выделяя его уровни.

Действительно, образ круга в лирике Блока семантически ёмкий и многоплановый. Семантика *круга* в лирике поэта была динамичной, «обрастающей» новыми смыслами, меняющейся от фонового окружения и внутреннего ощущения поэта. Ощущение свободы (открытого пространства) / замкнутости (закрытого простран-

ства) – вопрос внутриличностный и, одновременно, внешний. Пристальное внимание Блока к *круговому* течению пространства и времени объяснялось желанием понять смысл пространства бытия / небытия (для человеческого разума вопрос почти неразрешимый). Скорее всего, поэт впервые задумался над ходом времени, местом человека на земле, читая текст Библии (в частности, книгу Екклесиаста). На обращение Блока к библейскому тексту книги Екклесиаста указывает как название стихотворения («Екклесиаст», 1902), так и устойчивые, заимствованные поэтом из Библии образы ветра, круга, кружения, часто становящиеся в поэтической системе Блока символами вечности.

В ходе текстуального анализа лирики Блока нами было установлено, что в основе мировоззрения поэта – представление о «круговом» времени, когда через определённый временной промежуток (Великий год) повторяется всё то же самое и «нет ничего нового под солнцем» (Еккл.1; 9).

Погибло всё. Палящее светило
По-прежнему вершит годов круговорот
Под холмами тоскливая могила
О прежнем бытии прекрасном вопиёт.

.....
Минует ночь, проснётся долгий день –
Опять взойдёт в своём палящем зное
Светило дня, светило огневое,
И будет жечь тоскующую сень.
(«Погибло всё. Палящее светило...», 1900).

Рассмотрим также те примеры из творчества Блока, в которых категория времени является доминирующей: «Уже на всём – *годов печать, / Седых времён* прикосновенье»³; «Вознесясь стезёю бледной / В *золотое без конца*»; «Мой час молитвенный недолог – / Заутра обуяет сон. / Ещё звенит в душе осколок / *Былых и будущих времён*»; «Что мгновенные бессилья? / *Время – лёгкий дым* / И опять, в безумной смене / Рассекая твердь, / *Встретим новый вихрь видений*, / Встретим жизнь и смерть»; «Скоро день глубоко отступил, / В небе дальнем расставивший зори. / *А незримый поток шелестел*, / *Проливаясь* в наш город, как в море. / *Затопили нас волны времён*, / И была наша участь – мгновенна».

Если переложить поэтические фрагменты на рационально-логический язык, то выделяется следующая семантика *времени*:

1. На всём земном – печать тления, прошлого, старости.
2. «Золотое без конца» – образ Вечности в лирике поэта.
3. Совмещение времён, связь с Вечностью возможна в молитве.
4. Земное время – быстротечно и призрачно («шелестящий поток»).
5. Время – закономерная череда сменяющих друг друга событий: жизнь / смерть.

Таким образом, категория времени в поэтике Блока символизирует постоянное умирание, уничтожение земного бытия и «возвращение на круги своя».

В творчестве Мандельштама категория времени реализуется через образы-символы семантически ёмкие и многоплановые. Рассмотрим лирику поэта до 1921 года. Ограниченность периода объясняется причинами закономерными для жизни поэта и самой истории литературы.

1921 год – год смерти Блока и Гумилёва. Мандельштам после вести о расстреле Гумилёва пишет стихотворение: «Умывался ночью на дворе...» (1921). С этого момента, по мнению М. Гаспарова, начинается новый этап в творчестве Мандельштама. «На смену словам изящным и античным приходят слова основоположные, простые и тяжёлые: соль, совесть, холст, правда, земля, вода, беда, смерть»⁴.

Проанализируем выбранные нами поэтические фрагменты, где доминирует категория времени: «Я вижу дурной сон / За мигом летит миг»⁵; «Образ твой мучительный и зыбкий, / Я не мог в тумане осязать. / «Господи!» – сказал я по ошибке, / Сам того не думая сказать. / *Божье имя*, как большая птица, *Вылетело* из моей груди. / Впереди густой туман клубится, / И пустая клетка позади»; «Не любим рая, не боимся ада, / И в полдень матовый *горим, как свечи*»; «И храм, как *корабль* огромный, / *Несётся в пучине веков*, / И парус духа бездомный / Все ветры изведать готов»; Богослужения торжественный зенит, / Свет в круглой храмине под куполом в июле, / Чтоб полной грудью мы *вне времени* вздохнули / О луговине той, *где время не бежит*.

Устойчивый повтор слова «время» в лирике Мандельштама позволяет прочитать разрозненные фрагменты как единый поэтический текст, в котором можно выделить следующие смыслы:

1. Прохождение «мига» земной жизни страшит, как дурной сон.
2. Слово имеет тайну непреложного воплощения.
3. Жизнь человека как свеча. Полдень – жаркое время, зрелое время человеческой жизни – образ быстро горящей свечи, скоротечного времени.
4. Корабль – символ церкви. «Пучина веков» – время, уходящее в вечность.
5. Земное время способно остановиться перед силой Вечности.

В свете всего сказанного, в поэзии Мандельштама *время* – не менее сложный по своей структуре образ, символизирующий разрушение. Земное время, находящееся перед «лицом» Вечности теряет свою силу либо останавливается. Важно, однако, что время в лирике Мандельштама, как и в лирике Блока всегда имеет вектор Вечности.

Помимо поэтических текстов интересна семантическая наполняемость образа времени в теоретических работах: А. Блока «Безвременье» (1906) и О. Мандельштама «Утро акмеизма» (1913), «Скрябин и христианство» (1915), «О природе слова» (1922). Анализируя статьи Блока и Мандельштама о современном состоянии общества, литературной и религиозно-философской мысли в нём, мы сделали наблюдение, что мировоззренческие системы поэтов объединяет общий тезис об *отсутствии времени*.

В статье «Безвременье» (1906) Блок произносит известную фразу: «Времени больше нет. Двери открыты на выюжную площадь»⁶. Гораздо позже, вслед за Блоком Мандельштам в работе «Скрябин и христианство» (1915) восклицает: «Времени нет!»⁷. Насколько сходны и различны высказывания поэтов можно окончательно выяснить, рассмотрев семантическую наполняемость слова *время* в их теоретических работах.

В монографии «Александр Блок. Личность и творчество» Л.К. Долгополов касается темы образа остановившегося времени в лирике А. Блока. «Образ остановившегося времени, угнетая сознание, реализуется им в самых разных аспектах – от философско-символического до конкретно-зрительного»⁸.

Рассматривая статью Блока «Безвременье», Л.К. Долгополов приводит фрагмент статьи поэта из первой части «Очаг»: «... Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет. Двери открыты на выюжную площадь»⁹.

Однако интересен генезис образа остановившегося времени. Важно, что статья Блока начиналась ещё одной имеющей большое значение фразой: «Был на свете самый чистый и светлый праздник. <...> Праздник Рождества был светел в русских семьях, как ёлочные свечки, и чист, как смола»¹⁰.

Во второй части работы Блока «С площади на луг зелёный» не менее интересен образ времени, где поэт, анализируя современную действительность, которая «проходит в красном свете»: продажные женщины рынка, испытые лица, бездомность, говорит о вечном, об «обнищавшей душе человеческой». Возникает неизбежный, устойчивый, любимый образ Блока: круга, «вечного круженья».

Фраза А. Блока «Времени больше нет» – своеобразный лейт-мотив, проходящий через всю статью поэта. Лубочные застывшие картины русской жизни страшны. Русская действительность жутка своей мертвенностью, отсутствием какого-либо движения («не к чему стремиться, всё уже достигнуто»). Дальше – хуже: «Это бесцельное стремление всадника на усталом коне, заблудившегося ночью среди болот. Баюкает мерная поступь коня, и конь свершает круги; и, неизменно возвращаясь на то же место, всадник не знает об этом, потому что нет сил различить однообразную поверхность болота»¹¹.

Так, в творчестве Блока появляется изображение картин «дурной бесконечности»: вечного, бесцельного кружения.

В статье Мандельштама «О природе слова» можно найти объяснение этому выражению: «... бесконечная цепь явлений, без начала и конца, есть именно дурная бесконечность, ничего не говорящая уму»¹².

Несколькими годами раньше в статье «Скрябин и христианство» Мандельштам воскликнет: «Времени нет!».

Сердцевиной времени Мандельштам называет вечность, условием пребывания в ней он называет праведность (святость). Мандельштам «борется» с «дурной бесконечностью»: «Христианский мир организм, живое тело. Ткани нашего мира обновляются смертью. Приходится бороться с варварством новой жизни – потому что в ней, цветущей, не побеждена смерть»¹³.

Если доминирующим образом в лирике и прозе Блока является образ остановившегося времени, то в лирике и прозе Мандельштама – образ времени повернувшего вспять, (*обратно*). Поэтом делается неожиданное открытие: «*Время может идти обратно*: весь ход новейшей истории, которая со страшной силой повернула от христианства к буддизму и теософии, свидетельствует об этом»¹⁴.

«Время может идти обратно» – говорит и Блок в стихотворении: «На небе зарево. Глухая ночь мертва...» (1900). Приведём его полностью.

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вокруг меня лесных деревьев громада,
Но явственно доносится молва
Далёкого, неведомого града.

Ты различишь домов тяжёлый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И тёмные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

Фраза А. Блока «И бытия возвратное движенье», говорит о возможном сосуществовании времён и пространств – теме, которую позже разовьёт Н. Гумилёв в стихотворении «Заблудившийся трамвай» (1919).

Таким образом, обращение поэтов к категории времени – не что иное, как осознание нарушения его привычного хода, попытка увидеть себя в свете Вечности. В основе отрицания времени лежит сомнение в правильном ходе происходящих событий в окружающей их действительности. Однако Вечность в славяно-русской традиции неизбежно ассоциировалась со Христом.

В поэзии Блока и его теоретических работах вольно или невольно «бессознательно» (по выражению самого поэта) указываются причины установившегося безвременья и пустоты. Так, в статье «Безвременье» поэт говорит о том, что истина перестала быть для общества истиною, что праздник Рождества для многих лишь форма, обрядовость, что истинные чувства заменило лицемерие.

Для Блока времени нет, потому что поэт чувствует духовный Апокалипсис земной русской действительности и, поэтому задумывается над категориями инобытия.

В поэтике Мандельштама образу Христа возвращена роль центрального культурного символа, поэтому поэт со свойственной ему

категоричностью высказывается ещё яснее: нет христианства – нет привычного течения времени. Так, в творчестве поэтов возникают образы остановившегося и повернувшего вспять времени, «дурной бесконечности».

Примечания

¹ Панова Л.Г. Пространство и время в поэтическом языке О. Мандельштама / Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1996. Т. 55. № 4. – С.29 – 41. – С. 41.

² Минц З.Г. Поэтика Блока. – С. – Петербург: Искусство - СПб, 1999. – 727 с. – С. 448.

³ Здесь и далее цитируется по Блок А. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905 – 1921. – Л.: Художественная литература, 1982.

⁴ Мандельштам О.Э. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. Стихи и проза 1906-1921.– М.: Арт - Бизнес - Центр, 1999. – С. 366. – С. 36.

⁵ Здесь и далее цит. по Мандельштам О.Э. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. Стихи и проза 1906-1921.– М.: Арт - Бизнес - Центр, 1999. – С. 366.

⁶ Долгополов Л. Александр Блок. Личность и творчество. – Л.: Наука, 1980. – 224 с. – С. 25.

⁷ Минц З.Г. Поэтика Блока. – С. – Петербург: Искусство - СПб, 1999. – 727 с. – С. 202.

⁸ Долгополов Л. Александр Блок. Личность и творчество. – Л.: Наука, 1980. – 224 с. – С. 145.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Мандельштам О.Э. Собр. соч. в 4-х т. Т.2. Стихи и проза 1921- 1929. – М.: Арт - Бизнес - Центр, 1993. – 702 с. – С. 218.

¹³ Там же. С. 205.

¹⁴ Там же. С. 180.

БИБЛИЯ В ИЗДАНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Библия – древнейшая книга человечества - воспринимается и как культовый, и как литературный памятник. Современный читатель, обращаясь к Библии, не только приобретает знания по истории и культуре народов Древнего мира, узнает о жизни и учении Иисуса Христа, о его добровольной жертве ради нравственного спасения Человечества, но находит ответы на самые трудные вопросы, которые жизнь ставит перед ним.

Читать Библию сложно даже взрослому человеку, обладающему значительным читательским и культурным опытом. Библия, с ее образным, метафорическим языком притчи, недоступна читателю-ребенку. И сегодня мы можем только сожалеть об утраченной традиции семейного чтения этой книги, когда ребенок перенимал нравственный опыт человечества под непосредственным руководством самых близких ему людей. Как заметил А. Павловский, Библия представляет собой особое сложное – многосоставное и разнообразное по содержанию – произведение, требующее вдумчивой работы мысли. Вспомним слова о Библии Л.Н. Толстого: «Мне кажется, что книга детства рода человеческого всегда будет лучшей книгой детства всякого человека. Заменить эту книгу мне кажется невозможным... Я не знаю произведения, которое бы соединяло в себе в столь сжатой поэтической форме все те стороны человеческой мысли, которые соединяет в себе Библия. Кто не плакал над историей Иосифа и встречей его с братьями, кто с замиранием сердца не рассказывал историю связанного и остриженного Самсона, который сам гибнет, казня врагов, под развалинами разрушенного дворца, и еще сотни других впечатлений, которыми мы воспитаны, как молоком матери?» (1, с.12). Не случайно в созданной им школе для крестьянских детей Библии с ее высоким нравственным потенциалом для растущего человека Львом Толстым будет отведено особое место. Желая передать детям учение Христа так, чтобы оно было понятно им и имело бы влияние на их жизнь, по его собственному признанию, Толстой рассказывал им своими словами те места из четырех Евангелий, которые казались самыми понятными, доступными детям и, вместе с тем, «самыми нужными для нравственного руководства в жизни» (цит. по изд. 2, с. 4). Позже, в 1908 году, им была опубликована книга «Учение Христа, изложенное

для детей», в которой каждая из притч, пересказанных писателем, сопровождается вопросами и комментариями, обращенными к юным читателям с целью «приложения в жизни вечных истин этого учения», следуя которым они смогут сохранить в себе Человека (2, с. 4). Книга Толстого открывается переложением Первого послания Иоанна, обращенного и к юным читателям: «Иисус Христос своим учением открыл людям то, что дух Божий живет в каждом человеке. По учению Иисуса Христа, все бедствия людей от того, что они жизнь свою полагают в теле своем, а не в духе Божиим. От того они враждуют друг с другом, от этого мучаются душой, от этого боятся смерти. Дух Божий – это Любовь. И любовь живет в душе каждого человека. Полагай люди жизнь свою в духе Божиим – в любви, и не будет ни вражды, ни душевных мучений, ни страха смерти. Все люди желают себе добра. Учение Христа открывает людям то, что добро это дано им любовью и что все люди могут иметь это благо. От этого и учение Христа называется Евангелием. Ев – значит благое, ангелион – значит весть, - благая весть» (2, с.5).

Однако задолго до опыта адаптации для детей Нового Завета Л.Н. Толстого первая попытка переложить Учение Христа для детского чтения в России была предпринята детской писательницей Анной Зонтаг в 1830-м году. В 1899 году выходят в свет Ветхий Завет и Новый Завет в рассказах для детей священника П.Н. Воздвиженского под названием «Моя первая священная история», в Предисловии к которой автор пишет: «Душа детская легко увлекается хорошими примерами; детское сердце чутко к великим подвигам. А где же найдется больше таких примеров, где встретится больше таких подвигов, как не в Священной Истории? Поэтому первыми рассказами для детей, начинающих понимать, должны быть рассказы из Священного Писания, первую книгою в руках научившегося читать ребенка должна быть Священная История. Но давая в руки ребенка подобную книгу, необходимо заботиться, чтобы он мог ее понять всю, чтобы она была приспособлена к его пониманию, к его возрасту» (3, без указ. стр.) Стремясь живо и доходчиво донести до самых маленьких читателей содержание библейского источника, автор будит их воображение, мысли, чувства. Вот как начинается притча о сотворении мира: «Над нами без границ раскинулось синее небо. На нем, как огненный шар, сияет солнце и дает нам тепло и свет. Ночью на смену солнышку выплывает луна, а вокруг, как детки около мамы, много-много звездочек. Словно ясные глазки, мигают они в высоте и, как золотые фо-

нарики, освещают небесный купол. На земле растут леса и сады, трава и красивые цветочки. Всюду по земле живут звери и животные, и лошадки, и овечки и зайчики, и много других. В воздухе порхают птички и насекомые... Откуда же все это явилось? Было время, когда ничего этого не было. Не было ни дней, ни ночей, ни солнца, ни земли, ни всего, что есть на них. Жил тогда Один Господь, потому что он вечен, то есть не имеет ни начала, ни конца своего бытия, но всегда был, есть и будет. И вот Он-то, по своей доброте, в шесть дней из ничего сотворил все, чем мы любимся» (3, с.1-2).

В конце XIX века выходит в свет одна из наиболее популярных и переиздаваемых в России книга «Священная история в простых рассказах для чтения в школе и дома», составленная протоиреем А. Соколовым, которая ориентирована на средний и старший возраст. Так писатели, священнослужители становятся для ребенка своеобразным проводником в мир древнейших преданий и легенд, проводником, который не просто помогает освоить сумму нравственных законов Ветхого и Нового Заветов, но и почувствовать поэзию, которой дышат древнейшие сказания человечества. Следует отметить еще одно дореволюционное издание, обращенное к детям, С.Н. Горбовой «Главнейшие события Нового Завета в картинках с кратким пояснительным текстом для самых маленьких детей» (1900).

Примечательно, что в 1916 году К.И. Чуковский, А.М. Горький и художник Л. Фейнберг задумали сборник «Библейские легенды и мифы». Горький называл Библию одной из величайших книг человечества и советовал писателям учиться простоте и выразительности библейского слога. Однако эту затею осуществить не удалось по вполне известным причинам. Целые поколения людей слышали, а порой и читали упоминания о Всемирном потопе, Вавилонской башне, Валаамовой ослице, Каине и Авеле, о суде Соломона, но не знали, почему эти слова «живут» и что они значат, перестали понимать сюжеты многих живописных полотен, классических произведений поэзии и прозы, основанных на библейских мотивах. Однако К.И. Чуковский не терял надежды создать такую книгу для детей, где через сказочно-библейский сюжет они бы ощутили величие личности Самсона, узнали о юном Давиде, восставшем против непобедимого великана Голиафа, о Всемирном потопе, о первых людях Адаме и Еве и судьбе их сыновей Авеле и Каине, но при этом сохранить простой и безыскусственный стиль величавого подлинника и его нравственную основу. И только в 1991 году книга была напечатана под названием

«Вавилонская башня и другие библейские предания». Вот как заканчивается притча «Каин и Авель» в этом издании: «Каин, где твой брат Авель? И почудилось Каину – это весь мир кричит ему вослед. «Где твой брат Авель?» - раздался могучий голос Бога. – Разве я сторож брату своему? – дерзко ответил Каин. Понял Каин, что хоть никого и не было, когда он убил Авеля, да весь мир был. И возненавидели люди Каина за то, что он запятнал землю кровью. И прокляли его. И его имя. С тех пор прошло много-много веков. Много звезд угасло. Люди рождались, жили и умирали. Менялись обычаи. Забывались сказки. Но до сих пор про злого, завистливого человека говорят: Каин. Или еще: окаянный». (4, с.12).

В 1990-2000-е годы необходимость перевода и адаптации Библии на современный язык, в том числе и на язык, понятный детям, набирает силу и становится особенно актуальной. Поэтому появляются все новые варианты детских Библий и детских Евангелий, созданные и писателями, и педагогами, и священниками, и Российским Библейским обществом. Наиболее значительные из них, на наш взгляд, книги А. Меня «Свет Миру», М.А. Кучерской «Евангельская история для детей», Н.В. Давыдовой «Евангелие в пересказе для детей», «Евангелие и молитвослов для детей» В. Чугунова, «Евангельские истории» в изложении Ю. Табака, «Библия для детей» И. Полянской, «Библия для детей. Ветхий и Новый Заветы» Н.В. Астаховой и другие.

Библия в изданиях для детей, как показал проведенный нами анализ, представлена отдельными притчами и преданиями из Ветхого Завета и Нового Завета, в которых авторы стремились не только передать их содержание, но и сохранить «душу» Библии как уникального литературного памятника, с детских лет приобщающего юных граждан к вечным нравственным ценностям, помогающего сохранить человеческое в человеке.

Примечания

1. Толстой Л.Н. Религия и нравственность / Л.Н. Толстой // Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М., 1993. Т.39. – С.3-26.
2. Толстой Лев. Учение Христа / Лев Толстой. – Пермь: Пермская книга, 1994. – 142 с.
3. Воздвиженский П.Н. Моя первая священная история в рассказах для детей / П.Н. Воздвиженский. – СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1889. – 102 с.
4. Вавилонская башня и другие библейские предания / под общ. ред. К. Чуковского. – М.: Горизонт, 1991. – 159 с.

ПРИТЧА В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ

Создавая свои прозаические произведения, В.И. Даль чаще всего обращался к таким жанрам, как очерк, рассказ, повесть. Известны его «Бедовик», «восточные повести» «Бикей и Мауляна», «Майна», физиологические очерки «Уральский казак», «Денщик», рассказы «Европа и Азия», «Башкирская русалка» и др.

Учеными давно отмечено, что во многих произведениях писателя повествование ведётся от лица бывалого человека. К образу «бывалого» рассказчика Даль прибегает и в своих притчах, жанру, настолько заинтересовавшему писателя, что он даже посвятил ему отдельную статью «Басни, притчи и сказки». Возможно, притча привлекла внимание В. Даля, автора многих сказок, тем, что, этот жанр характерен не только для литературного, но и для фольклорного творчества. Кроме того, Далю важны были такие свойства притчи, как философичность и экспрессивность, тяготение к дидактике и аллегоризму, возможности передать непосредственность и проникновенность авторских интонаций.

Следует отметить, что в некоторых произведениях Даль даже сам подчеркивает, например, *притчевость* сюжета. Так миниатюра «Об очках» начинается с рассуждений автора о разнообразии притч, связанных с очками. Рассказчик вспоминает притчу о том, «как мартышка низала очки на хвост и сажала их на затылок... однако грамота мартышке не далась...», далее подчёркивается, что есть и другая притча: «как безграмотному мужику хотелось в пономари и стал он покупать на ярмарке у проезжего немца очки на выбор», так как слышал, что «у немца на всё *струмент* есть, и видел сам, что люди в очках читают».

Рассказчик проводит своеобразный анализ притч об очках: «И эта притча хороша, и она годится. А вот есть ещё третья притча про очки, так уже она, по-нашему, никуда не годится, хоть брось. Нашелся, сказывают, где-то прасол, который придумал торговать очками и навязывал очки всякому, и зрячему, и слепому — без разбору.

Заканчивается произведение, как и принято в притчах, религиозно-нравственным выводом о том, что очки есть разные, но мы их что-то не любим, «а глядим просто и прямо своими глазами, доколе они здоровы; так по крайности знаешь, что видишь, и видишь всё таким, каково оно есть, а жмуримся иногда только от пыли, чтобы кто-нибудь не пустил её в глаза, да щуримся от солнышка, коли нет сил на

него глядеть — и дивуемся только, отколе берётся блеск его, и хвалим, и славословим Господа».

Произведение «Об очках» явно написано в жанре притчи, в нем нет развитого сюжетного движения, а сопоставляются разные притчи на одну и ту же тему и предложены размышления *бывалого* рассказчика, передающие народную мудрость моралистического плана.

В подобном же плане написано и произведение «О котях и козле», где тоже нет развитого сюжета, а есть размышления «о родном, о народном, о своём, свойском, доморощенном, отечественном, русском»... Как и в предыдущем произведении, Даль нам устами *бывалого* рассказчика предлагает различные мнения: «Один говорит: Мы, вишь, всех лучше и всех краше, а прочий, иной, заморский люд нам и в накопыльники не годится... Другой говорит: «Свое, стало быть, оно и родное и родимое, оно ж и народное, оно и душу шевелит, и против сердца, под ложкой колышется, кричи только «ой» да «ох» да всплескивай руками, так и поймёшь всё это и полюбишь, не расстанешься».

Рассказчик иронично комментирует эти точки зрения: «А погляди, что все они, советники наши, сами делают, так концов с концами и не сведёшь. Кто бранит наповал всё заморское, тот сам первый оттуда всё и таскает — только разве наизнанку иногда выворачивает. Кто бранит своё, тот, глядь, либо тут, либо там, промеж французского да немецкого языка своего и вщемит, словно волчий хвост в лещёдку, что-нибудь свойское — так, ради пестроты и смеху.» Нравоучительный вывод же звучит иносказательно: «Я бы думал так: поменьше молоть да побольше молотить, а где ещё не засеяно — пахать да сеять...».

Но автору кажется, что этого мало, и он предлагает ещё *образный* вывод:

«Так я, на того козла глядя, не взыщите с меня, подумал вот что: ты, приятель, чванишься никак тем, что от тебя несёт псиной, а что на тебе есть дорогой подшёрсток, пух, какому, сказывают, и цены нет, - так этого ты не знаешь, и нужды тебе до этого мало».

В сборник «Солдатские досуги», предназначенный для читателей из народа, В.И. Даль включает ряд притч, вводя жанр в название произведения: «Притча о Дятле», «Притча о дубовой бочке», «Притча о Вороне». Эти притчи различаются по проблемам, поставленным писателем. Можно выделить социально-философские притчи, социально-нравственные, нравственно-психологические.

«Притча о Дятле» свидетельствует о хорошем знании В.И. Далем человеческой природы, психологии людей. Нравоучение в этой прит-

че дано в самом начале: «Каяться и зарекаться хорошо, коли помнишь слово свое и зарок, и, сделав раз худо, станешь вперёд от худа бегать, а коли клятва твоя и божба крепка только до вечера, а с утра опять принимаешься за то же — так и в добром слове твоём добра мало». После нравоучения следует рассказ о Дятле, который день-деньской стучит носом своим в дерево, выясняя, где «гниль, где червоточина, где подстой, где дрябло, где дупло, а где живое место». К вечеру у краснолобого голова так разболелась, словно лоб обручем железным обложило, не в силу было терпеть. И говорит Дятел, что не будет больше долбить попусту, ибо что в этом проку. Но, как пишет автор: «Закался и зарекся наш Дятел, а на утро ни свет ни заря, как только пташки по лесу проснулись да защебетали, Дятел наш опять пошел долбить и барабанить по сухостойным пням».

Заканчивает Даль притчу четверостишием:

И крута гора, да забывчива;
И лиха беда, да сбывчива,
Кто лжет, тот и заклинается,
Кто пьёт, тот и зарекается.

В «Притче о Вороне» действующие лица тоже птицы. Автор, ссылаясь на сказки и притчи, рисует сценку из жизни птичьего царства, где, естественно, правит Орел. Читателям предлагается представить такую систему подчинения: Орел — голова, начальник, при нем волостным писарем Сорокопул, остальные же птицы на посылках поочерёдно. Автор выбирает эпизод, когда на службе у Орла была Ворона. Орел после сытной еды захотел послушать хороших песен, позвал рассыльного, то есть Ворону (к тому времени подошла её очередь служить на посылках), и приказал ей: «...позови ко мне скорешенько что ни на есть лучшего певчего, пусть он убаюкает меня меня, хочу послушать его, вздремнуть и наградить его». Читателю понятно, что Ворона должна позвать Соловья, Ворона же, заторопившись, было, исполнить приказание, «отлетев немножко, присела на сухое дерево, стала чистить нос и думать, какую птицу позвать. Думала, думала и надумала, что никому не спеть лучше родного детища её, воронёнка, и притащила его к орлу».

Далее рисуется комическая картинка, как вздрогнул вздремнувший Орел, когда вороненок стал усердно каркать. Иронию автора передают вопросы Орла:

-Это что за набат? Режут ли кого или караул кричат?

Ворона же, постукивая ножкой и сладко улыбаясь, «ждала большой похвалы и милости начальства», отвечая: «Это песенник, мой вну-

чок, уж лучше него и не сыскать, государь, по всему царству твоему».

Авторский вывод звучит кратко: «Всяк норовит своему, всяк сам для себя и краше и лучше».

Притча предлагает прежде всего социально-нравственную проблему, злободневную и для нашего времени, - злоупотребления служебным положением. Но произведение многозначно, автором затрагиваются и вопросы воспитания, взаимоотношений поколений.

В «Притче о дубовой бочке» для аллегории Далем выбран бытовой предмет.

Автором рассказана предыстория этого предмета: «Вырос в лесу, в зелёной дубраве дуб без малого в обхват толщиной, и стал он стареть, дряхлеть. Пришел хозяин, срубил его и отдал в руки мастеру. Мастер распилил дуб на доски, из досок наделал клёпки, собрал их, связал обручами, вставил по дну в уторы — и вышла бочка».

В произведении рассказывается, как хвалят хорошие люди мастера, сделавшего этот полезный и ценный, необходимый в хозяйстве предмет: «без бочки нельзя в хозяйстве, потому что нельзя жить без воды, а до неё не близко, ведрами не наносишься».

Но вот бочка треснула и рассыпалась. Автором это объясняется так: «хозяин ли недоглядел, сами ли клёпки промеж собой повздорили и вместе жить раздумали — не знаю, да только рассыпалась бочка вся врознь. Ребятишки обручи растаскали, пошли катать их по улицам да погонять хворостиной, клёпки, под ногами навалявшись, пошли то в печь, то под лавку — и о бочке этой помину не стало, ровно её на свете и не бывало.»

В.И. Даль, подчёркивая многозначность поднятого в произведении вопроса, объясняет смысл притчи так:

«В притче этой речь идёт вот к чему: дуб — это православный прадед твой; клёпки — вся его семья, и мал, и велик; обручи — честь и смирение и доброе согласие, которое держит и живит и питает односельчан; покуда держались обручами, а целая семья добрым согласием в одном кружке, то всё было хорошо и ладно, а как рассыпались клёпки врознь, как не стало доброго согласия в семье, так все и пропали по рознь, и слуху о них не стало».

Вывод же, нравоучение писателя таковы:

«Дружно не грузно, а врозь хоть брось; две головни и в чистом поле дымятся, а одна и на шестке гаснет».

Эта притча, затрагивающая проблемы социальные, политические, нравственные, особенно актуальна в наше сложное время.

БИБЛЕЙСКИЙ КОНЦЕПТ ЛЮБВИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ С.Т. АКСАКОВА «ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА»

Автором статьи анализируется библейский концепт любви в произведении С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука».

Читателю предлагается обзор произведения С.Т. Аксакова в сопоставлении с текстом Библии. Новым в исследовании является рассмотрение концепта в библейском аспекте.

Известно, что исследование того или иного концепта в художественной прозе даёт много материала для выводов об отношении художника слова к типичным константам русской культуры, в частности к концепту «любовь».

«Любовь» – фундаментальный культурный концепт, который занимает одно из центральных мест в русском языковом сознании.

О любви часто говорится в Библии, и это не случайно, ведь сама Библия – книга Любви, так как языком этой книги говорит сам Бог (по выражению П. Флоренского). Приведём примеры из Священного Писания: «...любовь покрывает все грехи» (Прит. 10:12); «и знамя его надо мною – любовь» (Песн. П. 2: 4); «...ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением» (Песн. П. 8: 6-7); «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (1 Пет. 4: 8); «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу свою: и мы должны полагать души свои за братьев» (1 Иоан. 3: 16); «...потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь; В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви» (1 Иоан. 4: 7-8, 18); «Любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его» (2 Иоан. 6); «Любовь да будет непритворна...» (Рим. 12: 9); «Любовь не делает ближнему зла...» (Рим. 13: 10); «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если

я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13: 1-3). «А теперь пре-
бывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1
Кор. 13: 13); «Плод же духа: любовь...» (Гал. 5: 22); «Более же всего
облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Кол.
3: 14); «Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпе-
ние Христово» (2 Фес. 3: 5); «Все у вас да будет с любовью» (1 Кор. 16:
14); «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, как Я возлюбил
вас» (Иоан. 13: 34); «...постоянно любите друг друга от чистого сердца»
(1 Петр. 1: 22); «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил
Церковь и предал Себя за Нее» (Еф. 5: 25; Кол. 3: 19); «Вы слышали,
что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю
вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благо-
творите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,
да будите сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу
Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на правед-
ных и неправедных. Ибо если вы будите любить любящих вас, какая
вам награда?» (Матф. 43: 46); «...станем любить не словом или языком,
но делом и истиною» (1 Иоан. 3:18); «Возлюбленные! Будем любить
друг друга...» (1 Иоан. 4: 7).

Библейская лексика, фрагменты описания церковно-бытовой
реальности, библейские тексты, знаемые наизусть и слышанные на служ-
бах, вплетены в ткань прозы С.Т. Аксакова, одним из частотных кон-
цептов которой в художественном мире писателя является любовь.

Известно, что лексическое понятие – это, прежде всего, набор
смысловых признаков, семантических долей (по выражению
Е.М. Верещагина). Вокруг каждого слова (особенно ключевого) скла-
дывается некоторое множество семантических долей, иногда и не име-
ющих к нему прямого отношения. Этот ореол вокруг основного ядра
(смысловой фон) мы и будем называть концептом.

Рассмотрим смысловые доли концепта «любовь» в тексте С.Т.
Аксакова «Детские года Багрова-внука» по главам, чтобы определить
полноту библейского смысла, вложенного автором в слово «любовь».

«Отрывочные воспоминания»: «Кормилица, **страстно** меня
любившая; сестрицу я **любил** сначала больше всех игрушек, больше
матери, и **любовь** эта выражалась **беспрестным желанием её ви-
деть и чувством жалости**; я очень **любил** запах сосновой и еловой
смолы, которую курили иногда в наших детских комнатах.

Выделяются следующие смысловые доли:

- любовь-страсть;
- любовь постоянная;
- любовь-жалость.

«Последовательные воспоминания»: Нянька наша была странная старуха, она была очень к нам привязана, и мы с сестрой очень её **любили**; Аничкова **не любили, а только уважали**; Он услышал как-то от моих родителей, что я мальчик прилежный и очень **люблю** читать книжки, но что читать нечего; Ежеминутная опасность потерять страстно **любимое** дитя и усилия сохранить его напрягали её нервы и придавали ей неестественные силы и как бы искусственную бодрость. Я стал плакать и тосковать, но мать умела как-то меня разуверить и успокоить. У меня сохранилось неясное, но самое приятное воспоминание о дороге, которую мой отец очень **любил**; его рассказы о ней и ещё более о Багрове, обещавшие множество новых, ещё неизвестных мне удовольствий, воспламенили мое ребячье воображение.

- уважение – не любовь;
- любовь-страсть.

«Дорога до Парашина»: «Нам помогал Ефрем Евсеев, очень добрый и **любивший** меня слуга; Я был изумлен, я чувствовал какое-то непонятное волнение и очень **полюбил** этих добрых людей, которые всех нас так **любят**; Отчего они нам рады и за что они нас **любят**? Отец как-то затруднялся удовлетворить всем моим вопросам, мать помогла ему, и мне отвечали, что в Парашино половина крестьян родовых багровских, и что им хорошо известно, что когда-нибудь они будут опять наши; что его они знают потому, что он ездил в Парашино с тетушкой, что **любят** его за то, что он им ничего худого не делал, и что по нем **любят** мою мать и меня, а потому и знают, как нас зовут.

- люди добрые любят всех;
- любят за то, что не делал плохого;
- любят, поэтому знают по имени.

«Парашино»: Отец улыбнулся и отвечал, что похоже на то; что он и прежде слышал об нём много нехорошего, но что он родня и **любимец** Михайлушки, а тетушка Прасковья во всём Михайлушке верит; Отец мой очень **любил** всякие воды.

- любовь земная.

«Дорога из Парашина в Багрово»: Отрывая вдруг человека от окружающей его среды, всё равно, **любезной** ему или даже неприятной...; Это хорошо, что ты мать **любишь**...; Он добрый, ты должен **любить** его...; Я отвечал, что **люблю** и, пожалуй, сейчас опять пойду к

нему; Я сейчас попросился гулять в сад вместе с сестрой; мать позволила, приказав не подходить к реке, чего именно я желал, потому что отец часто разговаривал со мной о своем **любезном** Бугуруслане, и мне хотелось посмотреть на него поближе.

- любовь-привычка;
- любовь к матери;
- любить необходимо;
- когда любят, находятся рядом.

«Пребывание в Багрове без отца и матери»: Она, например, не понимала, что нас **мало любят**, а я понимал это совершенно; оттого она была смелее и веселее меня и часто сама заговаривала с бабушкой, бабушкой и тёткой; её и **любили** за то гораздо больше, чем меня, особенно бабушка; Я очень это видел, но не завидовал милой сестрице, во-первых, потому, что очень **любил** её, и, во-вторых, потому, что у меня не было расположения к бабушке, и я чувствовал всегда невольный страх в его присутствии; самая **любимая** её игра была игра «в гости». Первая была Александра Степановна; она произвела на меня самое неприятное впечатление, а также и муж её, который, однако, нас с сестрой **очень любил**, часто сажал на колени и беспрестанно целовал; Вторая приехавшая тетушка была Акси́нья Степановна, крёстная моя мать; это была предобрая, нас **очень любила**, и очень ласкала, особенно без других; она даже привезла нам гостинца, изюма и черносливу, но отдала тихонько от всех и велела так есть, чтоб никто не видал; она пожурила няньку нашу за неопрятность в комнате и платье, приказала переменять чаще бельё и погрозила, что скажет Софье Николаевне, в каком виде нашла детей; мы очень обрадовались её ласковым речам и **очень её полюбили**; По ребячеству моему я подумал, что все нас **полюбили**. Впрочем, я и теперь думаю, что в эту последнюю неделю нашего пребывания в Багрове бабушка точно **полюбил** меня, и **полюбил** именно с той поры, когда сам увидел, что я горячо привязан к отцу; Одним словом, у нас с бабушкой образовалась такая связь и **любовь**, такие прямые сношения, что перед ними все отступили и не смели мешаться в них; Моя мать, при бабушке и при всех, очень горячо её благодарила за то, что она не оставила своего крестника и его сестры своими ласками и вниманием, и уверяла её, что, покуда жива, не забудет её родственной **любви**; Я совершенно поверил, что нас **очень полюбили**, и мне всех было жаль, особенно бабушку.

- любовь и зависть несовместимы;
- необходима как воздух, она неременное условие для осоз-

хания полноты жизни и радости бытия.

«Зима в Уфе»: С первого взгляда я **полюбил** обоих дядей; Они воспитывались в Москве, в университетском благородном пансионе, любили читать книжки и умели наизусть читать стихи; Я **любил** смотреть картинки, а рисование их казалось мне чем-то волшебным, сверхъестественным. ...увидел другие лица, услышал другие речи и голоса, когда увидел **любовь** к себе от дядей и от близких друзей моего отца и матери, увидел ласку и привет от всех наших знакомых; Я прежде о нём почти не знал; но мои дяди **любили** иногда заходить в столярную подразнить Михея и забавлялись тем, что он сердился, гонялся за ними с деревянным молотком, бранил их и даже иногда бивал, что доставляло им большое удовольствие и чему они от души хохотали; Мне хорошо известны и памятливы только те, которые бывали у нас почти ежедневно и которые, как видно, **очень любили** моего отца и мать и нас с сестрицей; Миндальное пирожное всегда готовила она сама, и смотреть на это приготовление было одним из **любимых** моих удовольствий; Из военных гостей я больше всех **любил** сначала Льва Николаевича Энгельгардта: по своему росту и дарованию он казался богатырем между другими и к тому же был хорош собою. Он **очень любил** меня, и я часто сиживал у него на коленях, с любопытством слушая его громозвучные военные рассказы и с благоговением посматривая на два креста, висевшие у него на груди. Он не так **любил** ездить по гостям, как другой мой дядя, меньшей его брат, которого все называли ветреником, и рисовал не только для меня маленькие картинки, но и для себя довольно большие картины, но удивительно, что Ксенофонт нравился мне не менее, а в последующие годы сделался моим **любимым** чтением; На этот раз моя **любезная** Сергеевка послужила к тому весьма действительным средством; я признавал себя виноватым перед маменькой и даже дяденькой, которого **очень любил**; «Верно, он меня **больше любит**, – подумал я...».

- когда любят, хотят быть рядом;
- любовь к людям – неперемное условие полноценной жизни;
- можно любить сильнее или слабее.

Таким образом, в произведении С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» концепт *любовь* близок к библейскому концепту *любовь*.

Внутреннее, духовное пространство прозы Аксакова наполнено глубоким чувством любви ко всему, что хранит детская память. Известный критик и литературовед Ю.И. Айхенвальд назвал память героя Аксакова «памятью сердца», указал на то, что он победил смерть

кроткой силой любви, любовного воспоминания. Интересна сакральная значимость эпитета «кроткая». В Посланиях к Коринфянам мы видим всё, что можно назвать «кроткой силой любви»: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует. Не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13: 4-8).

Любовь у Аксакова – это не просто способность любить, это личностное авторское начало, это особое видение, любование миром. Именно детское восприятие мира позволило автору иметь многогранность этого чувства. В Библии говорится: «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное» (Мф. 18:3).

Несмотря на то, что любовь в прозе С.Т. Аксакова имеет различные смысловые оттенки, большая часть из них восходит к библейскому тексту. В произведении «Детские года Багрова-внука» встречаются такие свойства любви, как *постоянство, необходимость любви ко всем людям, почитание родителей* (любовь к ним), которые часто встречаются и в Библии и являются неизменными составляющими истинного чувства.

Интересно, что любовь матушки к маленькому Аксакову по своей сути *земная* (для неё в прозе писателя характерно частотное слово *страсть*). Любовь к людям родным по крови всегда может быть только таковой, потому что она вполне закономерна, как закономерна любая *душевная* любовь. В ней нет того, что «побеждает естества чин». Может быть, поэтому в Библии сказано: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; И кто не берёт креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10: 37-38).

Подлинной любовью, близкой по своей полноте к библейской, можно назвать любовь Серёжи к природе и миру взрослых. Это не случайно, потому что мир воспринимается глазами ребёнка, сердце которого способно любить всей полнотой бытия. Любовь-жалость, которую испытывает главный герой к своей младшей сестре, в свято-отеческой традиции принято называть «жалением». Где любовь, там «жаление» и оказание чести и помощи немощным.

С лингвистической точки зрения интересно, что входящая в общий текст лексика, относящаяся к любви, обнаруживает в произ-

ведении Аксакова семантические связи, в большинстве своём восходящие к тексту Библии.

Литература

1. Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. Семейная хроника. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1991.
2. Библия. – М., 1992.
3. Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. – М.: Индрик, 2001.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
5. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – М.: Академический Проект, 2012.

Голованова Е.И. (Челябинск)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЛАВНОМ В СОВРЕМЕННОЙ ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ СТИХОВ СЕРГЕЯ БОРИСОВА)

В феврале 2012 года в культурной жизни Южного Урала произошло знаковое событие – состоялась первая церемония вручения литературной премии, учрежденной общественным движением «За возрождение Урала». В конкурсе приняли участие более 150 человек. Появление этой премии означает, что наш регион все отчетливее обретает свой уникальный культурный образ, самобытное лицо, вполне осознает свою культурную значимость в общероссийском пространстве.

Первую Южно-Уральскую литературную премию в номинации «Поэзия» получил челябинский поэт Сергей Борисов – за глубокое лирическое осмысление судьбы и времени в книге «Отчуждение, или Четыре книги о главном» [1].

В поэтическом сборнике Сергея Борисова представлено авторское понимание сегодняшней жизни, передано мироощущение человека современной эпохи – боль от разорванности мира, от утраты связи с прошлым, от одиночества и неприкаянности. Если попытаться определить жанр произведения, то это поэтическая публицистика или гражданственная лирика.

Книга состоит из четырех частей – четырех поэм, написанных в последние годы. Цифра «четыре» не случайна: поэт родился в сороковом году, 22 октября, и в этой «квадрированности» он видит знак сущего. Четыре – символ целостности (ср. четырехконечный крест, четыре первоэлемента, четыре стороны света, четыре стихии). Именно к целостности стремится автор от фрагментарности и эклектичности сегодняшнего мира.

Однако в символике числа 4 есть и обратная сторона – это не только целостность, но и исчерпанность. «Чётность» в русской национальной традиции означает конечность, замкнутость, статичность, ассоциируется со смертью. Не случайно автором передаются ощущения не просто «рубежности» эпохи, а эсхатологичности всего сущего.

В отличие от традиционного горизонтального – по Г. Гачеву – восприятия пространства национальным сознанием (образ пути, дороги) или мифологической трактовки пространства как круга, замк-

нутого космоса, поэт рисует пространство в виде *клетки*, в которой разворачивается человеческая жизнь. Этой метафорой он выражает свою жизненную и философскую концепцию: почти по Пастернаку – «вечности заложник у времени в плену». Границами пространства выступают стены, усиливающие ощущение остро переживаемой горожанином оторванности от живой природы.

Бытие, обитание современного человека замкнуто в квадрат. Окно – граница пространства, рядом с ним возникает самый напряженный, конфликтный участок, где максимально ослаблены связи со «своим» миром. Стоя у окна, автор размышляет о преходящем и вечном: *На сирые обрубки тополей Ложится снег и падают дожди...* Город предстает как замкнутое, спертое (*стены тесные*), неживое место. Ощущение человека, скованного квадратами улиц, дворов, квартир усиливается строками: *...по скучной панели скитанье и чахлый покой взаперти* (панельные квартиры, квартиры-клетки); *взгляд со старившихся чад* (о живущих в этих квартирах детях-стариках); *перегар асфальта* (восприятие городских реалий); *проточное счастье* (современный образ счастья в восприятии горожанина).

Две важнейшие темы книги – вечность и преходящее, быстротечное, сиюминутное время. Первая тема актуализирована в заглавиях поэм, стихотворений; в них «прочитываются» думы поэта о высоком, его стремление выйти на уровень философского обобщения бытия. Вероятно, этим объясняется обращение к библейскому контексту – через использование в заголовках старославянской по происхождению лексики: *Исход, Ипостась, Предубеждение, Воплощение, Наитие, Преткновение, Упование, Благо, Покаяние* и т.п.

В заголовках Сергей Борисов осуществляет попытку воскресить в памяти культуры высокие церковные жанры – *Житие, Исповедь, Покаяние*; в поисках законов бытия обращается к юридическим терминам – *Уложение, Вердикт, Преамбула*; стремясь гармонизировать художественное пространство текста, использует литературоведческие понятия *Пролог, Эпилог, Посткрипtum*. Во многих поэтических заголовках реализуется авторская интенция говорить о вечном – *Место, Время, Слово, Память...*

Четыре поэмы: «Прямая речь, или Книга откровений», «Стезя, или Книга знаков», «Исповедь, или Книга тайн», «Впредь, или Книга упований» – составляют своеобразный тетраэдр. Закольцованы и авторские определения этих поэтических форм: *идеалистическая поэма – драматическая поэма – трагическая поэма – утопическая*

поэма. Символический код композиции книги транслирует острое желание художника найти в сегодняшнем существовании человека божественный порядок и предложить читателям свой ключ к пониманию гармонии мира.

Вместе с тем на страницах книги Сергея Борисова разворачивается конфликт идеального духовного мира и мира людей, живущих по законам современной культуры. Автор ведет диалог о живом времени, «сбивчивом» и хрупком, стремясь передать его мятущуюся душу.

Обостренная потребность в гармонии пробуждает у поэта щемящую тоску по «щебету детства», где остались свобода, естественность и чистота помыслов. Урал ассоциируется у художника с местом, в котором ощущается «озерной заводи волна», где «хвоя и листва» струят «земные краски естества», где соседствует «веками меченый гранит» и «седые шумы камыша». «Помню и живу» – кредо художника.

Если XX век для Сергея Борисова – «век, разлинованный в клетку», то сменивший его XXI век усилил ощущение бессилия и безысходности: *Век грянул, прощельга и повеса*. Художник стремится запечатлеть «изменчивую суть» своего времени. «Пульса сбивчивая нить» проглядывает сквозь оценки состояния современной России, ее политической «элиты», сонма деятелей шоу-бизнеса:

*Разговоры разговаривать
Ради красного словца,
Как съестное переваривать,
Отрыгая без конца...*

Автор выступает не как сторонний наблюдатель, а как гражданин:

*Что, держава, глядишь исподлобья
На крошечные эти миры?..
По какому злосчастному праву
В злополучной невнятице снов
Ты украла надежду и славу
У своих дочерей и сынов?
Или мы нечестивые дети?*

В новое время вечный вопрос «быть или не быть?» в интерпретации художника звучит жестче: *Поэт иль вор?*

Наиболее ярко и емко художнику удалось передать ощущение разорванности времен, безъязыкость эпохи, потерю современниками чувства слова, а вместе с ним – и потерю смысла. «Ломкие края слова» – так характеризует поэт сегодняшнее состояние русского языка.

Изломанное, разбитое, готовое поранить душу и пронзить сердце: *Мне слово – только спусковой крючок.*

В поэтической ткани его произведений воспроизведена эклектика сознания человека нашего времени, где рядом оказывается высокое и низкое, уличное, площадное и внутреннее, потаенное: *Не в скрижалях, так в печенках; На этом замыганном свете Жизнь – оклик лукавый и только; Спустившийся сумрак дышал перегаром Асфальта, отменно нагретого за день.*

Словно услышав призыв А.И. Солженицына, прозвучавший в его «Русском словаре языкового расширения», Борисов использует лексику, неизвестную широкому читателю: *обочь, свычка, ржавь, прибыток, придумок, ржачь, вчуже, встреча, допрежь* и др.

В контексте произведений автора сталкивается просторечие (*Прибыток с ближнего слупить... Придумок заднего ума... и т.д.*) с классическим поэтическим слогом:

Когда предзимье сковывает грудь...

*И бедность милостью предстанет,
Когда познаешь нищету...*

*Стихи – кочевье помыслов и чувств,
Судьба – череда находок и потерь.*

Долг человека – оправдать ему отпущенное...

В целом, в книге стихов «Отчуждение, или Четыре книги о главном» перед нами предстает поэт, пронзительно и верно передавший состояние нашего современника – человека с мятущейся душой. Ему не чужда гражданская позиция, это думающий, размышляющий, рефлексирующий, страдающий сын своей страны; человек, обремененный знанием мировой литературы и культуры, что накладывает отпечаток на его порою усложненный поэтический язык.

Книга Сергея Борисова, безусловно, заслуживает внимания читателей и критиков как самостоятельный голос в полифонии мнений современной эпохи, как голос, созидающего своим творчеством мир.

Примечания

1. Борисов С.К. Отчуждение, или Четыре книги о главном. – Челябинск: Цицера, 2011.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ И МОТИВОВ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА И ЗАУРАЛЬЯ

Южный Урал на протяжении всей истории был территорией постоянного передвижения населения в разных направлениях: с юга на север, с запада на восток – из Приуралья в Зауралье и в обратном направлении. Согласно устоявшейся концепции истории заселения и освоения Урала и Сибири, горизонтальные внутренние связи «насельников» региона объединяли их в устойчивую целостность, чему в немалой степени способствовало сходство природной среды, ландшафта, а также довольно длительное сосуществование в рамках единого административного пространства. Потому представляется возможным говорить и о некоем общем культурном ареале, включающем территорию Южного Урала, Предуралья, Зауралья, в пределах которого существовали и существуют сходные тенденции.

В последние два десятилетия в региональной литературе все больше внимания уделяется вопросу осмысления роли православия и русской церкви в духовном пространстве России, связи христианских ценностей с основами традиционной культуры и этнического мирозерцания. Активно разрабатывается эта тема и писателями Урала и Зауралья – как русскими, так и этническими, пишущими на русском языке.

Устойчивый интерес к этой теме вызван многими причинами, одной из которых является процесс длительного взаимодействия культур. В ходе многочисленных миграций устанавливались определенные связи не только между славянскими народами, но и между переселенцами и коренными этносами. Одной из причин миграций местного населения за Урал было давление восточнославянского населения с запада, а с конца XIV в. – насильственная христианизация коренных народов, прежде всего финно-угров. Большая часть преданий коми об «убегающей чуди», а также русские источники варьируют мотив отторжения христианских ценностей этими этносами. Осевшие на юге Западной Сибири, они позже были оттеснены на север, куда проникли и православные миссионеры. Часть финно-угров вернулась в Приуралье, где вынуждена была жить в окружении христианизированных народов. Со временем аккультурационные и ассимиляцион-

ные процессы привели к серьезным изменениям на уровне внутренней структуры в культуре этих народов, в их сознании и мировоззрении, где православие оказалось тесно переплетено с языческими представлениями.

Эта смена культурных парадигм отражена в современной региональной литературе. В произведениях большинства русских и русскоязычных этнических писателей нет негативного отношения к христианской религии. Более того, они фиксируют слияние двух систем представлений о мире в единое целое, хотя противоречия еще дают о себе знать. Характерны в этом плане произведения А. Тарханова, подчеркивающего биполярность своего творчества. Общеизвестны его строки, приобретшие «знаковое» значение: «Христианин я и язычник, Меня крестили в Иртыше. И по судьбе своеобразной Две веры у меня в душе». Как подмечает исследователь, языческий, исконный пласт в стихах А. Тарханова носит более скрытый, глубинный характер, в связи с чем православное начало раскрывается ярче, приобретая всеобъемлющий смысл: «Православие как бы наслаивается на язычество. Языческое преодолевается православным» [1:50]. Такое восприятие влияния христианства характерно для большинства современных региональных писателей.

Тема вхождения «малых» этносов в состав российской государственности и возникающий в связи с этим конфликт «двух вер» оказались в поле зрения пермского писателя А. Иванова и крупного хантыйского прозаика Е. Айпина. Несмотря на то, что у Иванова основное внимание уделено идее русской государственности, а Айпин сосредоточен на религиозном аспекте проблемы (о чем говорит название романа), в позиции писателей много общего. В противостоянии «прежнего» и «нового» авторы на стороне изначального, корневого как более глубокого и человеческого. В романе Иванова «Сердце Пармы, или Чердынъ – княгиня гор» для пермского князька Михаила, главного героя романа, языческая Парма – родная земля, которую Москва принуждает его завоевать и «охристианить» ценой ссоры с соседями-вогулами. Много страниц у Иванова отведено самобытным картинам уральской природы и исторической жизни, даны историко-этнографические комментарии, подробно описаны реальные уральские реки – Кама, Сылва, Чусовая, Вишера, которые в романе наделены неповторимым характером, обликом, судьбой. Лучшие страницы романа Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» отведены истории Югорской земли, изображению хантыйского характера, почти этног-

рафическому описанию обрядов и обычаев, нравов, примет, верований, особенностям миропонимания. Опозитивирована в книге материальная культура народа: раскраска одежды и обуви, украшения; своеобразие орнамента и его символика («заячьи ушки», «ветка березы», «спинка соболя на две стороны»). Столь пристальное внимание к описанию традиционного уклада и природной среды объясняется стремлением писателей утвердить идею исконности и укорененности основ народной жизни, связанной с языческими представлениями. В этот «извечный» порядок вторгается иная вера, иной порядок вещей.

Близки авторы и в художественном раскрытии проблемы слияния двух религиозных систем, переплетения двух разных мировоззрений – православия и язычества. В романе Иванова этот вопрос решается прежде всего на сопоставлении двух пар героев: русского князя Михаила и шамана вогулов – с одной стороны, и епископа Ионы и вогульского вождя Асыки – с другой. Михаил близок по взглядам Верховному шаману, готовому смириться с вторжением в пармский мир христианского бога, потому что есть нечто большее – «изначальный порядок вещей», который вбирает в себя все верования. Главное желание Ионы – истребить этот самый «изначальный порядок», который воплощен для него в священной для вогулов Прокудливой березе. С позицией христианского епископа смыкается позиция Асыки, который считает, что «можно мириться с набегами врагов, но нельзя мириться с их богами». Михаил советует мансийским вождям принять православие, поскольку понимает, что бессмысленно воевать против жестокой государственной силы, поддерживаемой мощной религиозной системой. Новая религия и новая государственность принимаются вогулами, однако результат этого для личной судьбы князя пессимистичен. Сцена его гибели весьма символична, он словно растворяется в природе. Умирает князь под той самой Прокудливой березой, где соединились когда-то судьбы его, русича Михаила, и вогулки Тиче.

Идея взаимопроницаемости мира решается автором и на образе языческой Золотой Бабы, из-за которой в романе разворачиваются жестокие конфликты. Попутно заметим, что образ Золотой Богини встречается в повести Ю. Шесталова «Тайна богини Сорни-най» (в которой молодой рабочий ищет в тайге реликвию народа манси – Золотую Богиню), в очерке К. Носилова «Серебряная Баба» (о спрятанном главном идоле язычников – Золотой Бабе, с которой был сделан слиток из серебра) и других произведениях. «Не Баба это ника-

кая, а Богородица. Потому её язычники прячут», – рассказывает о языческом сокровище епископ Филофей. У другого героя, Калины, своя история: Золотая Баба, действительно, Богородица, слепленная из града, в нее уверовала и крестилась половина язычников в дальних странах, а другая половина в родную Парму вернулась и Богородицу из золота с собой унесла. Параллель Золотая Баба – Богородица проходит через весь роман как знак изначальной общности всех народов и верований и как трагический символ враждебности распавшихся осколков этой общности [2]. Михаил, глядя на свою возлюбленную Тиче, кормящую младенца, видит в ней Богоматерь – «но не ...бесплотную, излучающую печаль», а «языческую богоматерь – нагую, отважную, сильную, как волчица, которая, улыбаясь сама себе, кормит самого хищного волчонка в стае». Этот образ у Иванова многозначен, являет самые противоречивые ипостаси, соединяя человеческое (возлюбленная, мать) и божественное (языческая богиня, «бестелесная Богоматерь-Умиление»).

Еще более важную роль играет «богородичный» мотив в романе Айпина. Семантика образа Матери Детей в контексте заглавия книги приобретает мощный всечеловеческий масштаб. Икона Казанской Божьей Матери, висящая в остояцком чуме, спасает Матерь Детей от смерти и не утрачивает магической силы даже после того, как в нее попадает «красная пуля». Смысл самого образа Матери Детей – в силе любви, в подвиге спасения и защиты всех обездоленных и скорбящих. Приготовившись умереть, Матерь Детей увидела, как Главарь красных неожиданно стреляет в образ православной Божьей Матери и убегает. Семантика этой символической сцены (Богоматерь приняла пулю революционного фанатика и тем самым спасла язычницу и ее сына, хотя икона для Матери Детей была сначала чем-то чужеродным, посторонним) заключается в утверждении возможности соединения «своего» и «чужого», установлении общего для всех духовного порядка. Образ Матери Детей вырастает в ходе повествования до символа Матери всех людей и приобретает черты Богородицы Марии. Героиня Айпина подобна лику Божьей Матери на иконе в золотой оправе, особенно в сцене кормления младенца. В картине будущего, представляемого Матерью, ей чудится собственная фигура, заколдованная и заговоренная от красных пуль и смерти, как Божья Матерь. Только в восьмой главе называется реальное имя остоячки – Вера Саввишна, что придает образу конкретные, индивидуальные черты. Но в то же время само имя – Вера – также наполнено символическим смыслом.

Таким образом автор романа решает для себя и для своего народа вопрос о вере: защитница небесная помогает всему человечеству, будь то язычник или православный, точно так же, как «боги и богини» остяков помогают любому человеку.

В многозначном, многослойном образе Матери Детей в полной мере реализуется общечеловеческий и одновременно христианский архетип материнской силы, стойкости, самопожертвования. Этому образу сопутствуют и реалистические, и мифологические реминисценции, которые демонстрируют подвиг силы и способность к выживанию в экстремальных условиях. В смысловое поле этого архетипа входят, например, образы «Матери Человеческой» В. Закруткина и повести «В гнездышке одиноком» Т. Молдановой. Мария, героиня повести Закруткина, собирает вокруг себя и сохраняет все живое – не только своих детей и пришлых сирот, но и «чужого» немецкого сына, раненого солдата вермахта, и домашнее зверье, спасая их всех. Героиня Айпина, чтобы спасти последнего оставшегося в живых сына, идет на подвиг самопожертвования: когда пропадает молоко, она ранит ножом свою грудь, чтобы накормить младенца живой кровью (подобно сказочной птице Каре): «Так в романе возникает образ Матери в кровавых снегах, образ великой остяцкой Мадонны, исполненной безграничной любви к Сыну» [3:122].

Симптоматичным для определенного пласта современной прозы является книга прозы югорского писателя С. Козлова, названная по рассказу, напрямую связанному с православной тематикой и символикой, – «Ночь перед вечностью». Через все произведения сборника проходит христианская идея: люди разных судеб, разных характеров, разных целей находят успокоение в боге; церковь здесь – символ покоя, очищения души, приют для уставшего путника, источник сил.

Центральный рассказ – «Ночь перед вечностью» – попытка автора создать своего рода современную мифологию. Православного священника расстреливают семь раз, пули проходят мимо (не потому, что красноармейцы стреляют не по цели, а потому что отец Вениамин неуязвим для пуль, как и икона Богоматери у Айпина, как Христос у А. Блока – «от пули невредим»). И только после того, как митрополит Вениамин попросил Бога прекратить мучения бойцов, расстреливающих его (о чем умоляет священника один из красноармейцев), пуля наконец его настигает. Однако священник не боится смерти, поскольку умирает с именем Бога на устах: «С именем Господа ничего не бойся». Здесь налицо откровенная публицистическая заос-

тренность авторской позиции. Довольно прямолинейна и символика рассказа: красноармейцы – это овцы заблудшие, не ведающие что творят; отец Вениамин – это воплощение христианской идеи абсолютной Любви («он беззлобно посмотрел на своих убийц и как-то по-отечески взглянул на солдата», который попросил его обратиться к Богу с просьбой, чтобы пули попали в цель). Весьма символично и то, что бывший красноармеец Анисимов (тоже расстреливал священника) становится (в будущем) иеромонахом Вениамином.

Открытая публицистичность проявляется и в создании образов красных командиров – большевиков-безбожников. Концептуальный образ «кожаных курток», выведенный Б. Пильняком в «Голом годе» и широко представленный в советской литературе 20-х годов, в образной системе рассказа Козлова и романа Айпина получает предельно шаржированное воплощение. Главарям красных свойственны жестокость, вседозволенность, безнаказанность. Один из героев называет большевиков «существами страшнее зверя»; Мать воспринимает их как «нелюдей». Для характеристики «красных» используется соответствующая лексика: «взревел», «злобно прохрипел», «мертвые, без всякого выражения», «налившиеся кровью глазища»; они «смачно» жуют и глотают куски мяса; помощник главаря «лает», а не разговаривает. Эти герои напоминают мифологических мэнквов и напрямую сопряжены автором с темными, дьявольскими силами.

В романе устанавливается противоречивая связь с произведениями революционной эпохи, изображающими революцию в «метельном облике» («Двенадцать» А. Блока, «Голый год» Б. Пильняка), где показан разгул необузданных инстинктов, даны «хмельно пахнущие кровью» сцены. Автор ведет спор с образами, воспевающими революцию, меняет их ценностные смыслы: не «белый венчик» Иисуса, а Богоматерь «в кровавых снегах». Вместе с тем он активно использует художественно-изобразительные приемы революционной прозы, которые критик К. Локс определял как «натурреализм», «сплошное заливание отдельного человека хаосом сломанного быта», «реальное, граничащее с фантастикой» [4:84]. В романе Айпина подобный метод становится ведущим при создании образов «красных»: они пахнут кровью; у них «лиственничные дубины», «суковато-шершавые», чтобы вырывать «из тела наказуемого куски живого мяса»; у них в плену «в их застенках замучены, забиты, заживо заморожены, сожжены, растерзаны на части» многие остяки. Таким образом создается картина «земного ада».

В соответствующем плане выведен и образ командира красноармейцев у Козлова – Кожаного, который весьма схож с Сатаной, с «мелким бесом» революции. Кожаный – тот же персонаж, что и Главарь у Айпина: это комиссары «в чертовой коже». Кожаный – существо с железным характером, каменным сердцем, основным занятием которого является расстрел «контры» ради идеи мировой революции. Как и Вожак у Айпина, он «лает», используя в своей речи много бранных слов («Вы что, курвы, мать вашу! Глаза не продрали?.. Молчать!»). Такая откровенная идеологическая проявленность, установка на определенную мировоззренческую позицию во многом обусловлены характерными тенденциями современной прозы – усилением публицистической струи, связанной с обращением к трагическим событиям прошлого.

В ином ключе раскрывается христианская тема в романе ненецкой писательницы А. Неркаги «Молчащий», который многие критики называют Апокалипсисом современности. Писательница даёт трагическое видение гибели мира, в котором традиционная культура отказывается от вековых традиций, но не становится цивилизацией. Повествование в «Молчащем» развёртывается в обобщённо-символическом ключе, а потому важную роль здесь играют образы-символы: Игралище как базовая традиционная культурная реалья, воплощающая идею гармонии мира и общества, и Скопище (первоначальное название романа) как орудие современного распада и умирания жизни. «Грех разъединения» сделал современный мир царством содома и гоморры, превратил мир Игралища в смрадное Скопище. Разъединение людей достигло абсурда. Материальные интересы отодвинули то, что «превыше повседневных нужд». Грехопадение стало нормой «цивилизованного» мира. Символичен и образ Молчащего, необходимость которого остро ощущается в мире всеобщего грехопадения, в мире, где Правда стала ложью, а Добро – предметом осмеяния («не мечите бисер перед свиньями, не отдавайте своих святынь псам»).

Г. Ионин отмечает в произведении «непостижимо самобытный синтез» апокалипсических и евангелических мотивов [5:13]. С последними он связывает образ главного героя, «голгофника оплеванного» – Христа. «Скопийцы», совершив третью, самую страшную голгофу Молчащего, растерзав его тело в клочья, прозревают, склоняются перед ликом Христа и идут в искупительное пламя, павшее с неба. Так Неркаги утверждает христианскую идею о возможности спасения мира и человека через покаяние и искупление.

Однако следует отметить, что в романе одновременно проявляются и иные, нехристианские мотивы. Здесь явны следы зороастризма, где огонь считается очищающей силой, и языческих верований самодийцев и угров, согласно которым после Всемирного потопа воды наступит огненный потоп. Попытка слияния христианских и нехристианских представлений более откровенно явлена в новом романе мансийского писателя Ю. Шесталова «Откровение Крылатого Пастора». Автор своеобразно воплощает мысль одного из героев Иванова («Сердце Пармы») о существовании «изначального порядка вещей», вбирающего в себя все верования.

Уже название романа Шесталова отправляет к последней книге Нового Завета – «Откровению Иоанна Богослова». Но оно связано и с мансийским мифом (записанным А. Каннисто) о Крылатом и Ногастом Пасторе. Определение жаровой специфики книги (роман-камлание) также связано с языческими традициями. Роман передает образный поток шаманской импровизации. И раньше своеобразие стиля писателя связывали с фольклором, с культурой и поэтикой шаманства. Здесь же она явлена в полной мере.

Поток сознания камлающего героя синтезирует разные религиозные представления. Так, миф о сотворении мира в книге – результат наложения библейской и угорской мифологии: есть гагара, доставшая со дна океана щепотку земли; есть первые люди – Адам-Атя и Ева-Эви. Образ Сорни-най, Золотой Богини, ассоциируется с образом Богоматери (Богиня-Любовь, Богиня-Мать) и выступает в роли посредника между тьмой и светом, смертью и жизнью, ненавистью и любовью. Христианская история непорочного зачатия переплетена с мансийско-зороастрийскими мифами (рождение Мирсуснэхума). В тексте романа есть сближение образа Крылатого Пастора с ветхозаветным Яхве, а Мирсуснэхума – с Христом. Если первый карает за грехопадение, то второй высвобождает светлый дух – Ис, доставшийся от Отца – Ась. Автор «расшифровывает» имя Мирсуснэхума так: «Ис-Ась, Иисус, тень Отца, Спаситель».

В угорскую мифологию, по утверждению исследователей, Мирсуснэхум («За миром наблюдающий человек») пришел вместе с зороастрийским влиянием. У манси он Мировой Смотритель, младший сын Торума, Мутра, блюститель морали, защитник людей, всадник на белом коне, солнечный Спаситель. Но в книге Шесталова этот образ больше тяготеет к образу евангельского Христа. С образом Мирсуснэхума связаны и апокалиптические реминисценции: летает Мирсус-

нэхум в Крылатой лодке над землей, и в той лодке много «чудищ», среди которых есть роботы, «представители» современной цивилизации.

Исследователи давно отмечают в мировоззрении обских народов переплетение язычества, фетишизма, тотемизма с христианскими воззрениями. Это нашло отражение и в образе Крылатого Пастора, и уже в самом мифе, из которого он вышел. Шесталов усиливает христианское звучание образа. Крылатый и Ногастый – две ипостаси, два проявления одного существа, две души – крылатая и бегущая по земле. Обе ипостаси бессмертны, хотя и проходят через смерть. С евангельской темой связан глубинный мотив предназначения и подвига во имя людей. Автор сопоставляет себя с двумя образами – с Крылатым Пастором и Мирсуснэхумом. В отдельных моментах «мировой Хранитель» сливается с Крылатым Пастором, а его Откровение призвано спасти людей. Похороненный, Пастор-Мирсуснэхум воскресает. При этом возрождаются обе ипостаси: снова Ногастый Пастор бежит по земле вслед за Крылатым, а Мирсуснэхум предстает как ипостась каждого человека [6:16]. Но усиливая христианские реминисценции, Шесталов сохраняет и языческие черты в обрисовке персонажей. Так, например, образ Мирсуснэхума несет в себе черты медведя. В обско-угорской мифологии распространены сюжеты, где сын Небесного Владыки спускается на землю, превращается в медведя; «медвежьи» черты усматриваются в облике бога и прародителя людей Нумиторума и т.п. В тексте можно отметить реминисценции, связанные и со скандинавской мифологией (упоминание об асах).

Таким образом, можно вести речь о синтезе как минимум двух религиозных традиций в творчестве этнических русскоязычных писателей. Мировоззренческие комплексы, которые могут быть интерпретированы как следы христианского влияния, настолько полно вошли в глубины традиционной модели мира, что всецело получили статус компонентов «своей» культуры и перестали восприниматься как «чужое».

В целом трансформация христианских мотивов и образов в творчестве региональных писателей подчеркивает ориентацию на совместное существование различных традиций в рамках единой мировоззренческой системы, обогащенной духовно-культурными основами разных религий. Но доминантой здесь явно выступают ценностные ориентации русского православия.

Примечания

1. Каргаполов Е. П. Тропа язычника: об языческих мотивах в творчестве Андрея Тарханова // «Я вижу мир иным»: О творчестве писателей и поэтов Ханты–Манс. авт. округа: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. М.М. Рябий. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2001.– С. 50-71.– С. 50.
2. Ребель Г.М. «Пермское колдовство», или роман о парме Алексея Иванова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arkada-ivanov.ru>
3. Роговер Е., Нестерова С. Творчество Еремея Айпина. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – 140 с. – С.122.
4. Локс К. Современная проза. – Печать и революция, 1923, № 5, с.84-85. – С.84.
5. Ионин Г. Новый Шесталов // Ю. Шесталов. Избранное. М.: Советский писатель, 2007. – 144 с. – С.13.
6. Ионин Г. Там же. – С.16.

Мищерикова М.А. (Краснодар)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ

Бегство от реальности, так называемый эскейп, желание на некоторое время уйти от ежедневности и увлечься чем-то, поверив во что-то нереальное, так характерные нашему поколению и знакомые, вероятно, каждому из нас, обусловили популярность одной из самых больших ниш современной массовой культуры – фантастики. Само слово в данном контексте претендует на обозначение всего того многообразия жанров разных областей культуры (литературы, кинематографа, мультипликации, театра и т.д.), которое включает фэнтези, научную фантастику и их вариации. Все эти жанры, однако, восходят по своей сюжетобразующей линии к общему «предку», которым является фольклорная сказка. И хотя это родство не всегда очевидно, о нем можно догадаться по одному очевидному признаку – своеобразному культу нереальности, волшебства, фантастичности.

В свою очередь вопрос о происхождении самой сказки представляется гораздо более спорным и проблемным. Ученые-фольклористы, этнографы пытаются решить эту загадку с момента перехода языкознания на антропоцентричную парадигму, которая, собственно, и обусловила интерес к фольклору как отражению картины мира народа.

Вопрос происхождения сказки может быть решен с позиций разных подходов к поиску истоков этого фольклорного образования. Точка зрения К. Маркса, основывающаяся на предположении о том, что существует определенный способ производства, который обуславливает сказку, была опровергнута В. Я. Проппом. Он утверждал, что возникновение сказки связано вовсе не с производственным базисом, что сказку надо сравнивать с исторической действительностью прошлого и корни её искать тоже в истории. (Пропп 1986). Как свидетельствует изучаемый материал, проблема происхождения сказки как жанра по-разному трактуется исследователями, принадлежащими к разным школам, однако все они приходят к неопровержимой и непосредственной связи сказки и мифа.

Существует три варианта решения данного вопроса: сказка появилась раньше мифа, сказка появилась позже мифа и развилась из него, сказка и миф существовали параллельно. Существует ещё и ком-

промиссное решение: некоторые исследователи утверждают, что мифологические черты встречаются в сказке, однако не следует все объяснять мифологическим происхождением напрямую, ибо изменения, которые претерпел миф, не могут сводиться лишь к простой смене персонажей при сохранении прочих сюжетных черт неизменными. Развитие же сказки из мифа, или отпочкование сказки от мифа последовательно обоснованно В. Я. Проппом и Е. М. Мелетинским. При соединяясь к вышеприведенной точке зрения этих исследователей, сделаем вывод, что выделение сказки из сакральной субстанции мифов происходило там, где миф терял свою религиозную сущность. Построенные на общем принципе фантастичности, сказка и миф отличаются не по своей форме, а по своей социальной функции. (Пропп 1986). Рассматривая грань между мифом и сказкой, Е.М. Мелетинский показывает, какие признаки, не характерные для мифа, исследователи приписывают сказке и наоборот. Он выделяет самые коренные, специфические, необходимые черты для различения мифа и сказки, минимальный набор различительных признаков и его возможные варианты. Признаки представлены парами в оппозиции: ритуальность мифа – неритуальность сказки, сакральность мифа – несакральность сказки, достоверность мифа – недостоверность сказки (также абсолютная достоверность – достоверность относительная, допускающая выдумку), этнографически конкретный тип фантазии – условно-поэтический тип. Кроме того, о переходе от мифа к сказке свидетельствуют некоторые различия в содержании текстов, например, характеристика героя (мифический – немифический), время действия (сказочное, внеисторическое или мифическое – доисторическое), объект изображения (его коллективность – космичность или индивидуальность) (Мелетинский 1970). Получается, что сказка как бы «внедрила» миф в массовую культуру того времени, превратив религию в литературу.

Как следует из изложенного, бытие фольклорного текста в архаических традициях первоначально целиком определимо его ритуально-магической, сакральной и тесно связанной с ней коммуникативной функциями; именно эти функции, а не эстетические, дают ему право на воспроизведение. Подчеркнем, что это справедливо для фольклора и ранних сказочных образований. В ряде лингвистических исследований мы сталкиваемся с выводом, что в этих фольклорных текстах эстетический критерий, если он и существует, никак не проявляется и, вероятно, не осознается. Для сказки в процессе её становления

как жанра положение постепенно меняется, осуществляется переход к «классическим» традициям. Такова точка зрения Е. М. Мелетинского и работавших с ним исследователей: «Сказительское или певческое мастерство постепенно становится предметом некоторой рефлексии; подлежат обсуждению поэтические красоты текста; возникнув на почве ритуальности, повторы со временем начинают восприниматься как украшающий прием» (Мелетинский 1994, 102). Стоит также подчеркнуть, что сказка даже после длительной эволюции не потеряла прагматический характер, идущий от её мифологических истоков.

Сама по себе эволюция, развитие сказки как жанра, проходила под влиянием двух процессов, взаимодействие которых определило её природу и обусловило то, что сказка в принципе, независимо от места и времени её создания, имеет общие черты одновременно с национальными, локальными особенностями. Оба процесса существенны в момент исполнения сказки, действуя как единое целое. С одной стороны это следование народно-поэтическим традициям, с другой – отступление от них и импровизация, обусловленная обстоятельствами и определенными целями. Чтобы раскрыть понятие импровизации сказки, следует сказать несколько слов о цели этого феномена. В первых рядах обычно называется стремление заинтересовать слушателей, учитывая их склонности и особенности вызвать у них живой интерес именно тем, что им близко. Другая цель – авторизировать текст, сотворить его часть самостоятельно, внося в него личностные черты, собственное видение мира. В результате в сказке реализуется авторская позиция, его мировоззрение, его точка зрения на то, о чем он сообщает. Со временем эти два процесса приводят к более частотному введению в сказочный текст аксиологических высказываний, фольклорных афоризмов, паремий, рифмовок, фразеологических единиц. В качестве средств выразительности в сказку вводятся риторические вопросы, слова и выражения, активизирующие внимание слушателя. В связи с необходимостью проследить развитие не только средств выражения, но и самих сюжетов сказки, представляется необходимым вернуться к начальному этапу её развития, не отходя от концепции её исторического прошлого. Однако рассмотрение истории как непосредственного и прямого прототипа фольклорных сюжетов чревато ошибочным пониманием происхождения образов и мотивов сказки. Такое чисто эмпирическое рассмотрение проблемы, считает В. Я. Пропп, приводит нас к поиску реальных крылатых змеев или крылатых коней в истории и к убеждению, что сказка сохранила

воспоминание о них, что в корне неверно (Пропп 1986). Чтобы разобраться в этом вопросе, приведем ещё один пример: Баба Яга, которая собирается съесть героя, вовсе не является сказочным отражением каннибализма. Этот образ рождается из многих прошедших через время коллективных ассоциаций, из мыслительной деятельности, перекодирующей бытовые образы в образы абстрактные. В.Я. Пропп предлагает следующую трактовку: Баба Яга – охранительница входа в тридесятое царство и вместе с тем существо, связанное с миром живых и с миром мертвых. Свидетельств этому в текстах сказок можно найти достаточное количество: во-первых, в герое она узнает живого и не хочет его пропустить, предупреждает его об опасностях. Во-вторых, Ивана она узнает как живого по запаху. В-третьих, часто яга изображается слепой – ведь мертвые не могут видеть живых. Кроме того, в описании Яги встречается такая характеристика: «нос в потолок врос». Мы понимаем, что не Яга большая, а избушка маленькая, и это явно напоминает гроб. Кроме того, Баба Яга стандартно предлагает напоить-накормить героя, а ведь ещё с давних времен мотив принятия пищи загробного мира был очень важным.

Получается, что фольклорная традиция создает как бы свой мир, не имеющий прямых аналогий в действительности. Мир этот измышлен коллективной фантазией, он представляет собой преобразованную действительность. Как бы ни была сложна связь сказочной реальности и реальности подлинной, она существует и отражает не просто и не только нечто общечеловеческое, но и особенности бытия и мышления определенного народа. Эстетическая, или функциональная природа фольклора как раз связана с тем, что ему не свойственно воспроизведение жизни в её натуральных проявлениях. Отношения с действительностью происходят опосредованно: сферы жизни, в которых уже сами по себе накоплены первичные обобщения, знаковые системы, предоставляют основной материал для жанров, мотивов, сюжетных ситуаций, образов, дающих затем жизнь все новым и новым темам, сюжетам, персонажам, языку. В основном эти сферы – традиционные этносоциальные институты, такие как семья, обычаи, обряды, нормы быта. Фольклорное творчество вбирает богатый мир этнографической действительности, подвергая его перекодировке.

Происхождение сказки от мифа и связанные с этим многослойность и импликации становятся основным критерием для определения сказочного жанра как такового. Особенно ярко эти факторы проявляются в композиционных особенностях, включая типичные ска-

зочные зачины и концовки. Е.М. Мелетинский с соавторами утверждают: «Установка на вымысел ярко проявляется в зачинах и концовках... концовки (часто с помощью применения категории невозможного) намекают на то, что сказка – небылица» (Мелетинский 2001, 14).

В то же время, существует мнение, что некоторые концовки несут ещё и другую нагрузку, что пытается доказать Д. Антонов. Он полагает, что эти концовки сами по себе есть структурные построения, развивающиеся по «мифологическим моделям, присутствующим в сказке» (Антонов 2010, 10). Исследователь делит прибауточные концовки на «вариант неудачного пути» и «вариант удачного пути», причем обе разновидности зиждутся на путешествии в загробный мир: рассказчик был там, где творилась сказка – не в нашем мире; он пересказывает все слушателям, приводя в качестве доказательства факт: «И я там был...» Разница между двумя вариантами в том, что при неудачном пути рассказчик не вошел в мир мертвых (отказ или невозможность попробовать пищу – «По усам текло, да в рот не попало», «кому подносили ковшом, а мне решетом»), а во втором – перешел границу дважды: туда и обратно («Мы вверх пошли – простоквашу нашли, а сказку нашей правдой сочли. Мы вниз вернулись, в сыворотку окунулись, а сказка наша небылицей обернулась») (Антонов 2010).

Таким образом, сказка является результатом эволюции сакральных текстов и промежуточным, центральным пунктом развития фантастических жанров, что проявляется в сказочном повествовании как на уровне сюжета, так и на уровне стилистики и композиции, которые очень важны, потому что связаны с мифологическим прошлым и ритуальной подоплекой сказки.

Примечания

1. Антонов Д. Концовки волшебных сказок: попытка прочтения [Электронный ресурс]/ Опубликовано Ола Боровик. 2010-10-11. Режим доступа: <http://svarga.name/node/92Д>.
2. Мелетинский Е.М. Миф и сказка. М., 1970.
3. Мелетинский Е.М. Статус слова и понятие жанра в фольклоре. М., 1994.
4. Мелетинский Е.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Традиция – текст – фольклор. Типология и семиотика. М., 2001.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986.

ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ И ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В НАЗВАНИЯХ ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ОРЕНБУРГА

Внимание лингвистов к проблеме заимствованной лексики никогда не ослабевало. Выступление А.С. Шишкова против нового слога имело, отчасти, то практическое значение, что заставило литераторов начала XVIII века несколько строже отбирать слова западноевропейского происхождения для употребления в литературе. В «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» Шишков резко выступил против тех, кто, по его словам, «заражен неисцелимою и лишаяущею всякого рассудка страстию к французскому языку».¹ К таковым им причислялись не только литераторы сентименталистского направления, главой которых тогда был Н.М. Карамзин и которые задалась целью усвоить западную словесность, по преимуществу французскую, создав в литературе сентиментальный «новый слог», но и значительная часть русского высшего дворянского общества, которая была полностью или частично сориентирована на французские культурно-поведенческие модели. Галломания являлась тяжелой духовной болезнью, поразившей русское общество. Противники Шишкова приписывали ему мысль о полной недопустимости каких-либо заимствований из других языков. На деле он не отвергал в принципе самой возможности языковых влияний. Его взгляды на эту проблему выражались следующей формулой: «Кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда российским названиям там, где как чужое, так и свое название с равной ясностию употреблены быть могут».

Также против заимствований выступали М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков и Н.И. Новиков. Еще в 1759 году Сумароков выдвинул положение: «Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка... На что же нам чужие слова вводить, когда мы по естеству и по примеру предков наших из первоначальных слов довольно произвести можем?»

Современные лингвисты в своих работах пишут о том, что «любой язык, видимо, нуждается в некотором количестве заимствований, называющих реалии иноязычной культуры. В русском языке есть не-

большие пласты широкоизвестных слов, передающих национальный колорит конкретной страны или региона. Наряду с нормативными и художественными функциями часть таких слов используется для создания и сохранения стереотипных представлений о сущности того или иного народа...»².

Употребление иноязычной лексики, по мнению Л.И. Рахмановой и В.Н. Суздальцевой, обусловлено, как правило:

- 1) необходимостью обозначить явление, несвойственное для русской действительности (тарантелла, самурай, кимоно);
- 2) влиянием, которое оказывает в данное время культура какой-либо страны на нашу жизнь, и диктуется мода на иностранные слова (people, boyfriend, hi);
- 3) желанием украсить свою речь, продемонстрировать знания иностранных языков (ok, security, reception);
- 4) иногда по отношению к реалиям русской действительности, для того чтобы выделить, подчеркнуть какие-либо нюансы смысла русского слова (каста);
- 5) однословностью (инаугурация – торжественное вступление в должность высшего государственного должностного лица).³

Следует разграничить понятия «заимствованной» и «иноязычной» лексики. Заимствованная лексика – слова иноязычного происхождения, освоенные заимствующим языком и включенные в его систему. Иноязычная лексика – слова иноязычного происхождения, употребляемые в речи, но на данный момент не являющиеся основной частью лексической системы использующего языка.

Нужно также заметить, что заимствованная лексика, «подобно диалектизмам, оказывается «привязанной» к определенной социогеографической зоне»⁴.

В настоящей статье мы рассматриваем заимствованную и иноязычную лексику, использованную в названиях торгово-развлекательных заведений, с точки зрения ее происхождения. В центре нашего внимания были названия торговых комплексов, кафе, магазинов, ресторанов.

Для исследования названий кафе и ресторанов нами были взяты наименования 70 заведений города Оренбурга: «Партер» (фр.), «Антракт» (фр.), «Квадро» (фр.), «Гуд фуд» (англ.), «Икс тайм» (англ.), «Арак» (арабск), «Арли» (фр.), «Биг Бэн» (англ.), «Бистро» (фр.), «Визави» (фр.), «Вита» (лат.), «Двин» (арм.), «Интемпо» (итал.), «Корчма» (укр.), «Лагуна» (итал.), «Лайла» (еврейск.), «Бу-

фет» (фр.), «Мамасита» (исп.), «Рандеву» (фр.), «Самей» (еврейск.), «Скарабей» (лат.), «Терра» (лат.), «Чулпан» (персидск.), «Бомбей» (хинди), «Кофеленд» (англ.), «Фарн» (древнеиранск.), «Судоку» (яп.), «Он кофе» (англ.), «Элегант» (англ.), «Дольче вита» (итал.), «Чайная гейша» (яп.), «Абордаж» (фр.), «Миллениум» (лат.), «Сириус» (греч.), «Дежавю» (фр.), Валенсия» (исп.), «Ля ви де шато» (фр.), «Марко Поло» (итал.), «Вояж» (фр.), «Кайрос» (греч.), «Манхэттен» (англ.), «Кворум» (англ.), «Визит» (фр.), «Бермуды» (англ.), «Ларго» (итал.), «Логос» (греч.), «Маккорн» (англ.), «Мангуста» (фр.), «Анталья» (тур.), «Вернисаж» (фр.), «Виват» (лат.), «Ле Жарден» (фр.), «Саманта» (англ.), «Ля Фам» (фр.), «Фортуна Прима» (лат.), «Астория» (греч.), «Авантаж» (фр.), «Ахтамар» (арм.), «Бомонд» (фр.), «Трифоль» (лат.), «Армения» (арм.), «Парадиз» (греч.), «Грин» (англ.), «Пьер» (фр.), «Альбатрос», «Арарат» (арм.), «Самурай» (яп.), «Гала» (фр.), «Саладин» (араб.), «Д Вилль» (итал.), «Амати» (итал.).

Французские по происхождению названия составляют 30% от общего количества исследуемых лексем, 17,14% составляют слова английского происхождения, 10% – слова, пришедшие из латинского языка, 8,5% – слова итальянские по происхождению, 7,14% – заимствованные из греческого языка, 5,7% – армянского происхождения, 4,28% – японского происхождения, 2,85% – из еврейского, испанского языков, 1,42% – из украинского, турецкого, персидского, арабского, древнеиранского и хинди.

Следовательно, можно отметить, что при наименовании ресторанов и кафе в Оренбурге предпочтение отдается лексемам французского и английского происхождения.

Нами были также изучены 35 названий магазинов: «Хоум Центр» (англ.), «Орлан» (лат.), «Армада» (исп.), «Персона» (лат.), «Имидж» (англ.), «Антураж» (фр.), «Эльдорадо» (исп.), «Орбита» (лат.), «Гулливер» (англ.), «Саквояж» (фр.), «Сумка Сити» (англ.), «Карамель» (фр.), «Империя Арт» (фр.), «Эстет» (греч.), «Агат» (греч.), «Фолиант» (нем.), «Изумруд» (перс.), «Салют» (фр.), «Клондайк» (англ.), «Колибри» (исп.), «Дежавю» (фр.), «Конкордия» (лат.), «Джинн» (арабск.), «Диалог» (фр.), «Бахус» (лат.), «Селена» (греч.), «Престиж» (фр.), «Эгоист» (фр.), «Пассаж» (фр.), «Интерьер» (фр.), «Форс» (фр.), «Константа» (лат.), «Триумф» (лат.), «Рапсодия» (греч.), «Галатей» (греч.).

В данном случае доминирует лексика французского происхождения – 34,28%.

Как правило, при выборе названия маркетологи учитывают легкость, изящество, запоминаемость слова, при этом обращаясь к приемам психолингвистики, а именно, к психолингвистическому анализу слова, т.е. учитывают ассоциации, вызываемые лексемой, употребленной в названии.

Из общего количества лексем многие вошли в состав русского языка (партер, антракт, лагуна, буфет, визави, рандеву, скарабей, гейша, абордаж, дежавю, вояж, визит, вернисаж, бомонд, альбатрос, самурай, имидж, антураж, орбита, саквояж, персона, карамель, эстет, агат, фолиант, изумруд, салют, колибри, джинн, диалог, престиж, эгоист, пассаж, интерьер).

Таким образом, можно заключить, что тенденция использования заимствованной и иноязычной лексики при наименовании торгово-развлекательных заведений обусловлена желанием отразить национально-языковую специфику, придать названию национальный колорит («Саладин» – татарский ресторан, «Бомбей» – ресторан с индийской кухней, «Корчма» – украинская кухня), а также маркетинговым приемом привлечения клиентов при помощи благозвучности названия («Де Вилль», «Дольче вита» (в пер. с итал. «сладкая жизнь» – *Е.Л.*), «Саквояж», Престиж», «Гуд фуд» (от англ. «good food» – букв. «хорошая еда» – *Е.Л.*).

Примечания

¹ Аксаков С.Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Собр. соч.: В 4 т. М., 1955.

² Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

³ Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 464 с.

⁴ Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

«ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ ОРЕНБУРГСКИХ СМИ»

Неологизмы часто используются в современных текстах, особенно часто мы встречаем их в СМИ, поэтому интерес к изучению неологизмов в научных кругах по-прежнему велик. Следует отметить, что на сегодняшний день нет единого мнения и точного определения понятия неологизм (Т. В. Попова, Т. А. Гуральник, Т. С. Пристайко, М. Н. Золотарева, Е. В. Курасова, С. С. Волков, Е. В. Сенко и др.). О. С. Ахманова трактует в «Словаре лингвистических терминов» «неологизм как слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия»¹.

В нашем исследовании мы попытались определить способы образования, неологизмов, которые встречаются в текстах оренбургских СМИ.

В данной статье мы постараемся классифицировать и описать неологизмы, которые путем случайной выборки обнаружили в газетах «Комсомольская правда», «Вечерний Оренбург» и «Оренбургская неделя» с 1 по 20 номера 2011года. Мы определили слова, как неологизмы, путем сравнения в словарях: иностранных слов (А.Н. Булыко), в толковом словаре (С. И. Ожегов), в большом экономическом словаре (А. Б. Борисов), в словаре современных экономических терминов (Б. А. Райсберг, Л. Ш. Лозовский), в словаре сокращений современного русского языка (Г. Н. Скляревская).

Мы постарались классифицировать неологизмы, встреченные нами, по сферам употребления. Нами выделены четыре группы «новой» лексики: техническая, экономическая, политическая и спортивная.

Самую большую группу неологизмов составляет техническая сфера употребления. Среди технических неологизмов в настоящее время преобладает компьютерная лексика. Это связано с появлением не существующих ранее устройств и явлений.

Данные неологизмы образованы от заимствованных слов с помощью различных способов русской словообразовательной системы.

Так, рассмотрим пример суффиксального способа образования неологизмов от заимствованных слов: *нюсмейкер, рекрутинг, леймер,*

декодер, эвмищик, твитер, клипмейкер, хакер. Из перечисленных примеров мы видим, что наиболее распространены неологизмы с суффиксальным (*-мейкер-, -ер-, -щик-, -инг*) способом образования.

Так, например, возьмем слово *нюсмейкер* (суффикс *мейкер*). В словаре С. И. Ожегова мы не находим определения слова *нюсмейкер*. Впервые определение этого слова зафиксировано в большом словаре иностранных слов в 2005 году. Слово *нюсмейкер* заимствовано из английского языка и означает «человек, который формирует блок новостей в средствах массовой информации»². Данное слово встречаем в газете «Комсомольская правда» (от 25.03.2011):

«Он формирует картину дня через комментаторов и *нюсмейкеров* – министров, депутатов и прочих».

Или приведем другой пример префиксального способа образования (*интерактивный, антивирус, апгрейт, наноробот*). Из перечисленных примеров распространены неологизмы с префиксами *нано-, интер-, анти-, ап-*.

Так, например, возьмем слово *наноробот* (префикс *нано*). В словаре С.И. Ожегова данное слово отсутствует. Впервые определение этого слова зафиксировано в большом словаре иностранных слов в 2002 году.

Слово *наноробот* заимствовано из английского языка, оно обозначает «автоматическое устройство, размером сопоставимое с молекулой»³. Данное слово встречаем в газете «Вечерний Оренбург» (от 12. 01.2011):

«Медикам впервые удалось по-настоящему прогуляться по артерии. Управляемый ими прототип *наноробота* со скоростью 10 см/с».

Как мы отмечали выше, много неологизмов в экономической сфере. Данные неологизмы чаще всего не просто заимствуются, но и «подчиняются» законам русского словообразования. В экономической группе наиболее распространены такие способы образования, как суффиксация (*дилерский, франчайзинг, кластер, маклер, мерчендайзер, промоутер, краудфандинг*). Из вышперечисленных примеров мы видим, что для образования неологизмов характерны суффиксы *-ск-, -инг-, -ер-*.

Так, например, возьмем слово *франчайзинг* (суффикс *инг*), которое появилось недавно. В словаре С. И. Ожегова мы не находим определения слова *франчайзинг*. Впервые определение этого слова было зафиксировано в словаре современных экономических терминов в 2006 году.

Слово *франчайзинг* (или *френчайзинг*) заимствовано из английского языка, и определяется как «смешанная форма крупного и мелкого предпринимательства, при которой крупные корпорации, «родительские» компании (франчайзеры) заключают договор с мелкими фирмами, «дочерними» компаниями, бизнесменами (франчайзи) на право, привилегию действовать от имени франчайзера»⁴. Данное слово мы встречаем в газете «Комсомольская правда» (от 16.01.2011):

«Пока рано говорить о какой-то конкретике и тем более бросаться страшными терминами типа *франчайзинговые* схемы».

На втором месте «экономические» неологизмы, образованные префиксальным способом (*гиперинфляция*, *супервыгодный*, *автострахование*, *суперприбыльный*). Из выше перечисленных примеров мы видим, что для неологизмов характерны префиксы *гипер*, *супер*, *авто*.

Так, например, рассмотрим слово *гиперинфляция* (префикс *гипер*). В словаре С.И. Ожегова определения данного слова нет. Впервые определение этого слова зафиксировано в большом экономическом словаре в 2003 году.

Слово *гиперинфляция* обозначает «(от греч. hyper — над, сверх и лат. inflatio — вздутие) — резкое, крутое обесценение денег, быстрое снижение их покупательной способности, проявляющееся в значительном росте цен»⁵. Данное слово встречаем в газете «Комсомольская правда» (от 16.01.2011):

«В самом начале рыночных реформ, в условиях близких к *гиперинфляции* и при отсутствии какого-либо опыта работы в круто изменившихся обстоятельствах...».

В языковом сознании современной эпохи значительна роль аббревиатур (ВВП, ВЭП, ЕЭС, ЭАН, ВВП, НАФТА). В качестве примера приведем аббревиатуру *РАО ЕЭС*, которая используется в экономической сфере. Впервые определение этого слова зафиксировано в словаре аббревиатур в 2004 году.

Аббревиатура *РАО ЕЭС* обозначает «(полн. Российское акционерное общество «Единая энергетическая система России») — российское открытое акционерное общество в области производства и передачи электроэнергии»⁶. Данную аббревиатуру встречаем в газете «Комсомольская правда» (от 14.01.2011):

«Руководство *РАО ЕЭС* России хочет возобновить процесс инвестиций в энергетику».

Приведем примеры аббревиатур, которые используются в политической сфере (*ГД, ЕР, СПС, ЛДПР, АГС*). Так, например аббревиатура *АГС*. Впервые определение этого слова зафиксировано в словаре сокращений современного русского языка в 2004 году. Аббревиатура *АГС* обозначает «Альтернативная гражданская служба»⁷. Данную аббревиатуру встречаем в газете «Комсомольская правда» (от 17.03.2011): «До принятия закона об *АГС* было 58 желающих, сейчас осталось всего 11 человек».

Рассмотрим «политические» неологизмы с точки зрения их «русского» образования. Суффиксальным способом образованы: *ЛДПРовец, яблочник, спикер, державник*. Из слов, собранных нами видно, что для политической сферы употребления характерны неологизмы, образованные при помощи суффиксов *-ник-, -ец-, -ер*. Впервые определение слова *ЛДПРовец* зафиксировано в толковом словаре современного русского языка в 2005 году. Оно обозначает «член *ЛДПР*»⁸. Данное слово встречаем в газете «Вечерний Оренбург» (от 22.03.2011): «*ЛДПРовец* Юрий Коган подтвердил, что у него «приятельские отношения со многими единосотсниками».

Встречаются и «политические» неологизмы, образованные префиксальным способом: *правоцентрист, постельцинский, антиперестроечный, разгосударствен*. Из перечисленных примеров видим, что распространено использование префиксов *право-, пост-, анти-, раз-*.

Рассмотрим «спортивные» неологизмы с точки зрения их «русского» образования.

Так, приведем пример суффиксального способа образования (*бодибилдинг, кёрлинг, мас-рестлин, черлидинг, пауэрлифтинг, дайвинг, шейпинг*). Из приведенных нами примеров видно, что для неологизмов спортивной сферы употребления характерны суффиксы *-инг-, -ин-*.

Так, например, возьмем слово *черлидинг* (суффикс *инг*). Определения данного слова в словаре С.И. Ожегова зафиксировано не было. Впервые определение этого слова сформулировано в толковом словаре иноязычных слов в 2002 году.

Слово *черлидинг* заимствовано из английского языка, оно обозначает «(англ. cheerleading, от cheer — одобрительное, призывное восклицание и lead — вести, управлять) — вид спорта, который сочетает в себе элементы шоу и зрелищных видов спорта»⁹. Данное слово встречаем в газете «Оренбургская неделя» (от 09.04.2011):

«Что такое *черлидинг*, я раньше представлял очень смутно – в основном, по американским молодежным комедиям, в которых парни обязательно играют в американский футбол, а девушки – танцуют в черлидерских группах поддержки».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, неологизмы, заимствованные из других языков, активно проникают в русский язык, но, с другой стороны, мы видим, что развитие словарного состава языка, его обогащение и совершенствование, рост лексики происходит за счет неологизмов, которые в большей степени являются словами, сконструированными по моделям словообразовательной системы русского языка, но от заимствованных основ.

Примечания

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов: ок. 7000 / О. С. Ахманова, М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608с.

² Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов / А.Н. Булыко, – М.: Мартин, 2005. – 704с.

³ Большой словарь иностранных слов / сост. АЛО. Москвин.- М.: изд-во Центрполиграф: Полус, 2002.- 816с.

⁴ Райсберг Б. А., Лозовский Л. Ш. Словарь современных экономических терминов /Б. А. Райсберг, Л. Ш. Лозовский. – М.: изд-во Айресс-Пресс, 2006. – 480с.

⁵ Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.

⁶ Складаревская, Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка [Текст] : более 6000 сокращений / Г. Н. Складаревская. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. –448 с.

⁷ Складаревская, Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка [Текст] : более 6000 сокращений / Г. Н. Складаревская. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. –448 с.

⁸ Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия: более 7000 слов и устойчивых сочетаний/ под ред. Г. Н. Складаревской. М.: АСТ, 2005.

⁹ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин.- 5-е изд., стереотип.- М.: Русский язык, 2002.- 856с.

Валлох И.И. (Оренбург)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ЛИРИКИ В.ВЫСОЦКОГО

Творчество В. Высоцкого – биография нашей страны. В своих стихах он затронул практически все моменты современной истории. Он рассказывал о больших делах и стройках, о тяжких днях и ночах тридцать седьмого, о космосе и космонавтах, моряках, альпинистах, солдатах, пограничниках, поэтах. Высоцкий, как истинный поэт, пропустил время через свое сердце.

В разнообразной лирике Владимира Высоцкого есть особая тема, к которой он обращался на протяжении всего своего творческого пути, и которая была необычайно важна для него. Это – тема войны. Он рассказал о событиях на фронте, о трудном послевоенном времени, когда он сам был мальчиком, но, как оказалось потом, все хорошо прочувствовал и понял. В военной поэзии наиболее ярко раскрыты гуманистические ценности поэта и его нравственный идеал.

Война показана Высоцким с разных сторон глазами разных людей, что, соответственно, находит свое отражение на языковом уровне, который и стал предметом нашего изучения.

Говоря о войне как об общем горе, автор использует высокую лексику, которая призвана подчеркнуть душевные переживания лирического героя в военное время: *И веки веков, и во все времена / Трус, предатель – всегда презираем, / Враг есть враг, и война все равно есть война, / И темница тесна, и свобода одна – / И всегда на нее уповаем* (Баллада о времени).

Но также равносильно использование разговорной лексики при описании войны, которая помогает лучше понять характер лирического героя: *Всю войну под завязку я все к дому тянулся, / И хотя горячился, воевал делово. / Ну а он торопился, как-то раз не пригнулся, – / И в войне взад-вперед обернулся, за два года – всего-ничего!* (Песнь о погибшем друге). Так, мы можем сказать, что лирический герой – человек простой, его речь не изобилует славянизмами и сложными синтаксическими конструкциями, это обычный человек из народа.

Поэт сочетает в своих стихотворениях как высокую, книжную лексику, так и низкую, разговорную, причем это можно проследить на уровне даже одной строфы: *Звонко допалась сталь под напором*

меча, / Тетива от натуги дымилась, / Смерть на копьях сидела, утробно урча, / В грязь валились враги, о пощаде крича, / Победившим сдаваясь на милость (Баллада о времени); Мерцал закат, как сталь клинки. / Свою добычу смерть считала. / Бой будет завтра, а пока / Взвод зарывался в облака / И уходил по перевалу (Военная песня).

Высоцкий не говорит о смерти прямо, а использует развернутые метафоры, которые создают некую завуалированность и придают большую поэтичность произведению: *Встретил летчика сухо райский аэродром* (Песнь о погибшем друге); *Но, по облакам скользя, / Взлетят наши души, как два самолета, – / Ведь им друг без друга нельзя* (Песня летчика); *Вот твой билет, вот твой вагон. / Все в лучшем виде одному тебе дано: / В цветном раю увидеть сон – / Трехцветное непрерывное кино. <...> Уходит поезд в небеса – счастливый путь!* (Баллада об уходе в рай).

Нередко поэт сравнивает смерть со сном, подразумевая, что смерти нет и жизнь продолжается и дальше: *Ах, как нам хочется, как всем нам хочется / Не умереть, а именно уснуть* (Баллада об уходе в рай); *Он уснул – не проснулся, он запел – не допел, / Так что я вот вернулся, ну а он не сумел* (Песнь о погибшем друге). Автор использует прием антитезы для усиления противопоставления жизни и смерти.

Наличие просторечий в стихотворениях также является характерной особенностью военных стихов Высоцкого: *А кто евоная жена?* (О моем старшине); *Про жизню вашу личную / и непатриотичную / Знают уже органы и ВЦСПС!* (Ленинградская блокада).

Встречаются в стихотворениях жаргонизмы, которые указывают на тюремное прошлое персонажей: *Там год – за три, если бог хранит, – / Как и в лагере зачет. / Нынче мы на равных с вохрами – / Нынче всем идти на фронт. // У начальника Березкина – / Ох и гонор, ох и понт!* (Все ушли на фронт); *Перед атакой – водку? Вот мура! / Свое отпили мы еще в гражданку. <...> Кому – до ордена, ну, а кому – до «вышки»* (Штрафные батальоны). Герои этих стихотворений – солдаты-штрафники, отправленные на фронт из сталинских лагерей. Фактически это были смертники: их бросали в прорыв на самых трудных участках. За ними шли цепью бойцы НКВД и стреляли в тех, кто повернул в обратную сторону. Поэтому в бою штрафники могли оказаться или победителями, или убитыми.

Чтобы подчеркнуть разговорный характер произведения, нередко включается и прямая речь героев: *По ошибке окликнул его я:*

«Друг, оставь покурить!» – а в ответ – / тишина... (Он не вернулся из боя); Приходится слышать нередко / Сейчас, как тогда: / «Ты бы пошел с ним в разведку? / Нет или да?» («Давно смолкли залпы орудий...»); Я помню райвоенкомат: / «В десант не годен. Так-то, брат! / Таким, как ты, там невпротык,» – и дальше смех (О моем старшине); Архангел скажет нам: «В раю будет туго!» (Песня летчика).

Кроме того, поэтом часто используются устойчивые выражения и фразеологизмы, внешний облик которых не соответствует исконному варианту, но смысл при этом сохраняется: *я за пазухой не жил; и можно жить как у Христа за пазухой, под мышкой; но тяжело в учении, да и в бою; мы летали под богом; мы ходили под богом, под богом войны; и я попрошу Бога, Духа и Сына; сапер ошибается только раз; мир да любовь.*

Но несмотря на такое разнообразие лексических пластов в военной лирике Высоцкого главным лейтмотивом всех стихотворений можно назвать стремление прожить отведенную кем-то свыше человеку жизнь достойно и сохранить свою честь даже после смерти: *Но стоит ли и жизнь такой цены? / Дорога не окончена! Спокойно! – / И в стороне от той, большой, войны / Еще возможно умереть достойно. <...> Мы не умрем мучительною жизнью – / Мы лучше верной смертью оживем!* («В дорогу – живо! Или – в гроб ложись!»).

Всем сердцем любил Высоцкий Родину. Он говорил: «Без России я ничто!». Любовь к Родине особенно заметна в военных стихах. Необычная манера построения речи, использование разностилевой лексики в пределах одного стихотворения служат одной общей цели – показать войну глазами народа и отдельно взятых людей, так как война не обошла стороной никого и стала общим горем всей страны.

Столь высокий интерес Высоцкого к военной теме требовал собственной поэтической концепции. И такая концепция у него была: «Я вообще стараюсь для своих песен выбирать людей, которые находятся в самой крайней ситуации, в момент риска, которые в каждую следующую минуту могут заглянуть в лицо смерти, у которых что-то сломалось, произошло... И я часто нахожу их в военных временах...».

Таким образом, сочетание разных лексических пластов в стихотворениях о войне способствует раскрытию образа лирического героя, а также показывает всю гамму чувств автора, вызванных раздумьями о войне и ее участниках.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИРИКЕ В. ВЫСОЦКОГО

Профессиональные наименования занимают большое место, как в языковой системе, так и в речевой деятельности человека, который половину своей жизни проводит в профессиональном общении. Художественная литература, отображая реальную жизнь человека, не может обойти вниманием его профессиональную деятельность. В. Высоцкий в своей лирике воссоздает образы персонажей «трудных» профессий.

По данным словаря лингвистических терминов О.С. Ахмановой, профессионализмы – это слово или выражение, свойственное речи данной профессиональной группы [1]. Профессиональное слово выступает в особой функции: оно соотносится с профессионально-производственной деятельностью человека и выражает специальное понятие, которое обеспечивает процесс профессиональной коммуникации.

Понятие «профессиональная лексика», используемое в данной работе, шире, оно включает в себя не только специфические понятия, но и общеупотребительные слова, обозначающие реалии той или иной профессии.

Специфика употребления профессиональной лексики в художественном произведении состоит в том, что при лингвистическом анализе языковые средства его должны рассматриваться, по мнению А.И. Горшкова, не как «язык», то есть не как механическое сочленение в тексте лингвистических форм и приемов, а как «стиль», т.е. «языковая реальность», само функционирование языка, исходя из которого выявляются конкретные случаи употребления, использования элементов общенародной языковой системы» [3]. В нашей работе мы будем придерживаться данной точки зрения. Для анализа были выбраны наиболее характерные для данного исследования тексты песен.

В авторской песни персонажная сфера всегда характеризовалась яркостью и социально-психологическим многообразием. Значительное место в песенной поэзии В. Высоцкого занимает художественное раскрытие душевного склада персонажей, реализующих свой внутренний потенциал в «трудных» профессиональных призваниях, где в экстремальных положениях испытываются на прочность их личностные качества, межличностные отношения. Это моряки, геологи, аль-

пинисты, шахтеры, спортсмены, Высоцкого возможность прямого нешаблонного речевого самовыражения, в котором угадываются как приметы времени, так и черты родства с творческим сознанием самих поэтов, постигающих нравственно-философские аспекты бытия.

Мы рассмотрели поэзию Высоцкого используя метод сплошной выборки и проанализировали 20 стихотворений на наличие профессиональной лексики: «Я был слесарь шестого разряда...», «Песенка про прыгуна в высоту», «Песня о штангисте», «Вратарь», «Песня о сентиментальном боксере», «Еще не вечер», «Натянутый канат», «Марафон», «Песенка про прыгуна в длину», «Честь шахматной короны», «Песня о конькобежце...», «Случай на шахте», «Шторм», «Тюменская нефть», «Скалолазка», «Рты подъездов, уши арок и глаза оконных рам...», «Здесь вам не равнина», «Гимн морю и горам», «Певец у микрофона», «Песня микрофона».

«Песня о штангисте»: *гриф, штангист, штанга, соперник, партнер, сняряд, вес взят, помост, рывок.*

«Я был слесарь шестого разряда...»: *разряд, получка, премия, квартал.*

«Песенка про прыгуна в высоту»: *разбег, толчок, планка, растяженье, трибуна.*

«Вратарь»: *пенальти, репортер, угловой, нулевой счет, гол, забить, вратарь, партнер, матч.*

«Песня о сентиментальном боксере»: *удар, апперкот, трибуна, ближний бой, канат, бокс, рефери.*

«Еще не вечер»: *корсар, шторм, бой, знамя, парус, пробоина, фрегат, борт, залп, капитан, бинокли, трубы, весло, галеры, крениться, абордаж, картечь, кольт, кинжал.*

«Натянутый канат»: *помост, канат, страховка, партнер, дрессировщик.*

«Марафон»: *второе дыхание, марафон.*

«Песенка про прыгуна в длину»: *тренер, соперник, черта,*

«Честь шахматной короны»: *спортотдел, доска, ход конем, ладья, футболист, партнер, тыл, стометровки, хоккей, тренировка, конь, слон, боксер, ближний бой, работать в корпус, коронный, партия, преферанс, очко, бильярд, дельтовидные (мышцы), пешка, ферзь.*

«Песня о конькобежце...»: *забег, бюллетень, дистанция, тренер, дышалка, экс- и вице-чемпион, стадион, борьба, бокс.*

«Случай на шахте»: *мадера, старка, зверобой, забой, стахановец, гагановец, загладовец, офицер, штрек.*

«Тюменская нефть»: *партия, геолог, депеш, месторождение, канистра.*

«Скалолазка»: *вершина, альпинистка, скалолазка, трещина, восхождение, пропасть.*

«Рты подъездов, уши арок и глаза оконных рам...»: *клиент, такси, руль, баранка, запаска, счетчик, всадник, седло, протектор, сдавать в наварку, лысый скат, шофер, профессионал, пассажир, часник, колесная резина, пешеход.*

«Здесь вам не равнина»: *равнина, климат, лавина, камнепад, обрыв, обогнуть, страховка, рубить ступени.*

«Гимн морю и горам»: *фут, киль, меридиан, хребет, идти на нос, восхождение, вершина, клотик, рейс, парус.*

Следует отметить, что не во всех из них встречаются собственно профессионализмы, многие из них можно отнести к общеупотребительным. Для более детального анализа мы выбрали стихотворения: «Шторм», «Песня микрофона», «Певец у микрофона».

Наиболее интересным для анализа является стихотворение В. Высоцкого «Шторм» (1976). Яркая словесная фактура профессионального языка моряков открывает таинственное измерение как в душевном мире персонажей, так и в пространстве океана [4]:

Кто в океане видит только воду -

Тот на земле не замечает гор.

С самого начала мы наблюдаем характерную для моряков речь:

Мы говорим не «шт Ормы», а «шторма» -

Слова выходят коротки и смачны:

«Ветра» - не «ветры» - сводят нас с ума,

Из палуб выкорчевывая мачты.

В данном тексте встречается огромное количество профессиональной лексики. Автор использует ее для наиболее приближенного описания деятельности моряков. Большая часть лексики общеупотребительная и знакома носителям языка: *палуба, мачта, кампас, нос, шторм, петля, «вечный штиль», гребни* и т.д.

В стихотворении «Песня микрофона» поднята тема поэта и общества. Автор восклицает:

По профессии я - усилитель.

Я страдал, но усиливал ложь.

В данном случае уместно говорить о таком явлении, как авторский окказионализм, который обретает особый характер. Поэт не зря

прибегает к названию своей профессии как «усилитель». Так он показывает значимость предназначения поэта и вместе с тем художественного слова. Важность воздействия через муки страдания особенно подчеркивается в строках:

*На тиле один играл - шею спиливал,
А я усиливал, усиливал, усиливал!...*

В своих двух нераздельных по тематической категории стихотворениях «Певец у микрофона» и «Песня микрофона» В. Высоцкий изображает «профессиональный» поединок поэта-певца с царящим в обществе лицемерием.

Здесь из профессиональной лексики мы можем выделить следующие слова: *микрофон, симфония, динамики, штатив, тональность, ноты, мелодия, гамма, тон* и т.д.

Прописанная с мельчайшими подробностями профессиональная ситуация сценического выступления, увиденная «глазами» певца, а затем и микрофона, пронизана ощущением повышенного экзистенциального, психологического напряжения, родственного душевным состояниям персонажей «морских» и «альпинистских» песен:

*Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И – жара!.. Жара!.. Жара!..*

«Пороговое» состояние героя Высоцкого на сцене – в общении с гитарой, микрофоном, аудиторией – порождено чувством глубокой внутренней обнаженности творческой личности в ее стремлении на пределе сил открывать правду в мире лицемерия. А во взволнованной «исповеди» микрофона, в итоге не сумевшего подавить свою индивидуальность ради «патоки, сладкой помеси», нравственный максимализм предопределяет тяжелейшую «профессиональную» драму. Количество профессиональной лексики в тексте невелико и вся она обладает номинативной функцией: *симфония, динамики, штатив, микрофон*.

*В чем угодно меня обвините –
Только против себя не пойдешь:
По профессии я – усилитель, -
Я страдал – но усваивал ложь.*

Таким образом, проанализировав тексты песен В. Высоцкого, мы обнаружили разнообразную типологию характеров и сюжетных ситуаций, а неизбежное использование ряда профессионализмов, по

нашим наблюдениям, несомненно расширяет горизонты поэтического слова, приближает и погружает нас в действительность профессиональной деятельности. В своих стихах Высоцкий позволил высказаться представителям разных профессий.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. - М.: Сов. энциклопедия, 1966. - 608 с.
2. Сердобинцева Е.Н. Профессиональная лексика русского языка: структурно-семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты: диссертация/ Е. Н. Сердобинцева – М. 2011
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ под. ред. М.Н. Кожинной. – М.: флинта: Наука, 2003. – с. 197
4. Образовательный портал «Слово» // <http://www.portal-slovo.ru>

Моргунова О. М. (Оренбург)

Языковые особенности очерковых книг В. П. Правдухина

И. И. Неплюев, П. И. Рычков, В. И. Даль, А. С. Пушкин, Т. Г. Шевченко, С. Т. Аксаков, Ю. А. Гагарин, А. И. Родимцев и еще несколько имен министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области относит к знаменитым людям Оренбуржья. В списке государственные деятели и писатели, летчики-космонавты и Герои Советского Союза, талантливые музыканты и художники, которые родились, жили или пребывали какое-то время в Оренбурге. Но нет здесь некогда широко известного русского писателя, погибшего в застенках ГУЛАГа, общественного деятеля и критика, автора очерковых книг «По излучинам Урала», «Годы, тропы, ружье» и романа о казачестве «Яик уходит в море» Валериана Павловича Правдухина. Певец оренбургской природы в настоящее время незаслуженно забыт. В СМИ содержатся скудные упоминания о Правдухине. К большому сожалению, многие не знают этого имени, мало кто видел его портрет, нет и мемориальных досок. Семьдесят лет пытались уничтожить даже память о нем, и, кажется, это почти удалось. Но свое место в истории русской литературы он, безусловно, занял.

Как человек и художник Правдухин формировался в эпоху великих переломов. Жизнь его складывалась трагически. В какой-то степени события его жизни – события истории страны.

Детские годы и юность В.П.Правдухина тесно связаны с Оренбургским краем. Родился он в станице Таналькской Орского уезда Оренбургской губернии в семье священника. По характеру службы отцу часто приходилось переезжать с места на место, и уже в детстве писателю довелось жить в разных станицах, деревнях, селах и городах Оренбуржья, каждый раз по-новому убеждаясь в красоте и богатстве родного края.

Яркое представление о той среде, в которой прошли детские и юношеские годы писателя, дают автобиографические очерковые книги «Годы, тропы, ружье» и «По излучинам Урала». Они наполнены воспоминаниями, ощущениями и впечатлениями Валериана Павловича.

Каждое слово в очерках тщательно подобрано, оно наполнено запахом детства – своим, неповторимым, ни у кого не заимствованным, и связано это с той глубиной чувств, которую дано было пережить автору в соприкосновении с природой и общением с людьми Оренбуржья и Приуралья. В.П.Правдухин отмечал: «Уральский ка-

зак для меня - особый тип не только по своему общественному и хозяйственному укладу – он для меня первый живой человек жизни! С ним я рос, он учил меня видеть и любить природу...».¹

Казачий мир когда-то очаровал душу ребенка и остался в памяти необыкновенно цельным и не раздельным. Этот мир одухотворен, оживлен детским взглядом. Отсюда постоянное включение бытовых картин, эпизодов рыбной ловли, охоты, преданий и песен.

Этнографизм был для Правдухина живой почвой творчества, живой не только на поверхности, но и на многовековой глубине. В обрядах и обычаях, освященных веками, он увидел красоту и созидательную силу, основу казачьего существования. Вдохновенно и взволнованно описывает Правдухин все то, что связано с природой, рыбной ловлей и охотой. Именно здесь проявляется художественное дарование писателя, ощущается знание реального материала во всем его богатстве и разнообразии, видны его языковые особенности.

В произведениях писателя много архаизмов, диалектизмов, нередко встречаются непонятные современному читателю слова, которые были особыми эмблемами-символами казачьих устоев: *багренье, плавня, учуг, ятовь* и др. Валериан Павлович предусмотрительно дает им подробное толкование. «Багренье — это зимнее рыболовство баграми: длинными сосновыми шестами с железным крюком. Мне самому доводилось бывать на багренье. Это были торжественные и веселые дни для казаков. Со всех концов области скакали они к Уральску на лучших своих лошадях. В лисьих и волчьих шубах, заранее погулявши, они с гиканьем лихо мчались к «ятови», месту зимней спячки рыбы. По дороге сшибались санями, беззлобно, но мастерски ругали друг друга, пели песни».²

Валериан Павлович органично соединяет в своих произведениях и научную, и художественную форму, продолжая традиции очерковых книг С. Т. Аксакова. Научный очерк воспроизводит прежде всего характерные факты и явления в том виде, в каком они существуют в самой действительности, и требует особой лексики. В художественном же плане специфическим предметом изображения обычно является состояние, уклад жизни той или иной среды, нравы в широком смысле этого слова, то есть устойчивые отношения между людьми, сложившиеся в их общественной и частной жизни, и позволяет обратиться к разговорной речи местного населения, к просторечию.

В первом же очерке книги «По излучинам Урала» Правдухин переплетает научную и художественную линии. Писатель подробно описывает старую крепость Оренбурга, объясняя его название, рассказы-

вает об основании крепости, пугачевских временах, торговом прошлом города, останавливаясь на истории ряда зданий – Менового двора, гауптвахты, Караван-сарая и др. Казалось бы, повествование при таком обилии фактов, чисел, документально подтвержденных явлений будет неинтересно избалованному читателю, но не стоит забывать, что Правдухина неслучайно называли «снайпером пера и винтовки...».

В каждом абзаце очерка непременно присутствуют средства художественной изобразительности. Это и яркие сравнения, и эпитеты, и метафоры - олицетворения. Город предстает перед нами не только как архитектурное строение, но и как главный герой, живое лицо. «Старая крепость второго разряда, ведёт своё начало с 1742 года. Правый берег Урала, где лежит город, высок и обрывист. Ветхие пласты глинистого песку *высятся над рекой ломтями заплесневелого ржаного хлеба*. Выше берега – *мертвым одряхлевшим туловищем разлегся длинный земляной вал*.»³, «Азия бежит от города *ленивым разбегом седых степеней, как старый усталый зверь*. *Ковыльная шкура её во многих местах прорвана теперь свежими ранами черных пашен, пятнами красно-бурых залежей и темных бахчей*», «*Город смотрит* из-за крепостного вала на реку, на степи, на роцци *холодно и отчуждено*. С крутого берега в небо вскинулось несколько церквей и среди них узкий купол старой церкви святого Георгия. Много лет тому назад из степей приходил сюда в предместье, по-теперешнему форштадт, Емельян Пугачев и осквернил престол в алтаре тем, что сажился на него. Пришлось снова освящать его по изгнанию Пугачева. С колокольни церкви Емельян стрелял из чугунной пушки в царское войско. Пушка эта долго валялась в ограде».⁴

Богатый художественный мир произведений Валериана Павловича наполнен любовью автора к родной природе и к людям, живущим рядом, пронизан особой атмосферой и творческим увлечением, которое вызывает симпатию читателя, с первой страницы приковывает к произведению ... И пройдет много времени – читатель может забыть ход событий, потерять связь между подробностями происшествий, упустить из виду характеристики отдельных лиц и положений, может, наконец, позабыть все прочитанное, но ему все-таки будет памятно и дорого то живое, отрадное эмоциональное впечатление, которое он испытывал при чтении книг В.П. Правдухина.

Примечания

¹ Правдухин В.П. По излучинам Урала. – Л., 1929. С.58.

² Правдухин В.П. Годы, тропы, ружьё. – Оренбург, 2008. С.288.

³ Правдухин В.П. По излучинам Урала. – Л., 1929.С.9.

⁴ Там же. С.9, 11.

ТЕМА ВЕЧНОСТИ В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА

*«Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного...»
(И.А. Бунин).*

Так можно было бы обозначить весь творческий путь поэта и прозаика И.А. Бунина. Путь, который заключается в поисках «сочетанья прекрасного и вечного». Его лирику, своеобразную и неповторимую по художественному стилю, нельзя спутать со стихами других авторов. Стихи Бунина пронизаны глубокими философскими вопросами постижения смысла жизни. Как философ, Бунин ощущал непрерывность бытия, вечность материи, верил в силу созидания. В нашей статье мы попытались проанализировать, как отражен концепт вечности в стихотворениях поэта.

В раннем стихотворении «Ночь» (1901) с первых строк показан лирический герой, находящийся в вечном поиске: *«Ищу я в этом мире сочетанья / Прекрасного и вечного»*. Бунин как бы вводит своего читателя в эти искания, и перед нами встает целостная картина ночи, которую герой видит «в дали»: *«В дали я вижу ночь: пески среди молчанья / И звездный свет над сумраком земли»*. Описывая древность, Бунин не ограничивается одними временными рамками, он повествует и о том, что происходит в настоящем времени: *«... лишь море в летний штиль / Все также сыплет ласково на рифы / Лазурно-фосфорическую пыль»*. Далее автор приходит к выводу о том, что есть связь, которая соединяет нас с тем, что давно отжило, но не перестает быть вечно прекрасным: *«Но есть одно, что вечной красотою / Связует нас с отжившими»*. И лишь ночь, незабываемо-таинственная, вобрала в себя то, что и является вечно прекрасным. Эта ночь дала возможность почувствовать лирическому герою себя счастливым: *«И не забыть мне этой ночи звездной, / Когда весь мир любил я для одной!»* Следовательно, то, что герой искал для себя, он нашел. Нашел то сочетанье вечного и прекрасного. «Прекрасное» для Бунина – это ночь, тишина, звезда, воспоминания о любви, а «вечное» – философские раздумья об историческом пути человечества. Именно эти слова в стихотворении ключевые, они определяют его композицию.

«У Бунина жизнь человека вписана в контекст природы. Он утверждал ее вечность и мудрость, определял как неиссякаемый источник красоты. Он был уверен в разумности всего живого и утверждал, что нет никакой отдельной от нас природы, что каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни. Поэтому пейзажная лирика постепенно становится философской»¹. Эти философские размышления отразились в стихотворении «Лесная дорога» (1902).

Повествуя о том, что давно прошло и забыто: «*Был здесь дремучий бор, в народе говорят, / Был долгий стан татар, в лесах кипели битвы; / <...> / Забылись, точно сон, уж много лет назад*», автор отождествляет это прошлое и забытое с самим собой: «*Пройдет моя весна, и этот день пройдет*. В сознании самого героя – тот факт, что и его когда-то не станет, и его жизнь пройдет так же, как «*И древний скудный скит и подвиги молитвы*». Бунин вводит в это стихотворение бесконечность жизни природы и жизни человека – «*заря зарю выводит*» также как и «*молодая жизнь рождается в свой черед*». Что, в свою очередь, создает ощущение вечного природы и человека.

Не менее интересно, как выражается концепт вечности в следующем стихотворении И.А.Бунина «Солнечные часы» (1906 - 1911). С первых строк «*Те часики с эмалью, что впотьмах / Бежали так легко и торопливо, / Давным-давно умолкли...*» – возникает ощущение чего-то забытого и давно остановившегося, и теперь «*... крапива / Растет в саду на мусорных холмах*». Затем автор как будто рассказывает о жизни солнечных часов: «*Тот маятник лучистый, что спесиво / Соразмерял с футляром свой размах*», и что теперь с ним стало: «*...Лежит в пыли чердачного архива*». Бунин передает атмосферу прошлого, давно забытого, в котором часики служили для измерения времени, и настоящего, в котором уже нет такой надобности... Но в дальнейшем он делает акцент на том, что помимо часов есть кто-то другой, кто соразмеряет жизнь свыше: «*Но стрелку нашу в диске циферблата / Ведет сам Бог. Со всей вселенной в лад*». Здесь вводятся высшие силы, с которыми человек не способен совладать и тем более ими управлять. Лишь сам Бог определяет время всему живому, а оно у всех определенное. Ничто не вечно, даже те солнечные «*часики с эмалью*»... Бесконечно и вечно лишь само время, которое продолжает идти и идти дальше и с которым всему живому не справиться. Именно так Бунин отождествляет концепт вечности в этом стихотворении.

Если предыдущие два стихотворения выражали пессимистические настроения Бунина, то «выход из этого пессимизма он видит в слиянности человека с природой, в возвращении к ней и обновлении жизни»²: в стихотворении «Ночь зимняя мутна и холодна...» (1912): *«Таинственным дыханием гоним, / Туман плывет, - и я мешаюсь с ним.* В этих строках лирический герой видит себя в слиянии с природой, с туманом.

В данном стихотворении земная жизнь, бытие природы и человека воспринимается поэтом как часть великой мистерии, грандиозного действия, которое разворачивается в просторах вселенной. Здесь ощущается ход вечности и растворение в ней: *«Незримое – идущее в дыму / От тех земель, от тех предвечных стран, / Где гробовой чернеет океан».* Взгляд поэта обретает вселенскую масштабность, где человек является частицей бесконечного мира: *«И меркнет тень, и двинулась луна, / В свой бледный свет, как в дым, погружена».* Лишь космическое: *«огни полночных звезд», «луна», «ледяная Ось»* – является вечным, и отдельный человек обречен на одиночество и непонимание.

«Как известно, Бунин не мог смириться с необходимостью ухода из жизни, приговоренности каждого человека к смерти. По воспоминаниям друзей и близких, он не верил, что исчезнет навсегда»³. Поэтому в стихотворении «Настанет день – исчезну я...», (1916), поэт пытается найти смысл существования человека и то, что имеет свойства вечного.

Поэт, говоря о своем исчезновении, вводит читателя в постоянно сменяющиеся события, и то, что происходило при жизни, так же будет происходить вечно и после смерти: *«А в этой комнате пустой / Все то же будет: стол, скамья, / Да образ, древний и простой».*

Бунин не зря в свое стихотворение вводит образ бабочки: *«И так же будет залетать / Цветная бабочка в шелку».* Бабочка – отражение жизни, которая продолжается и после смерти; этот образ представлен как бесконечно возрождающийся... Всё, что сейчас перед глазами лирического героя, повторится, всё ему до боли знакомое повторится, даже когда его уже не будет. Вечно лишь то, что будет происходить и напоминать о человеке после его смерти.

А вот как раскрывается тема вечной памяти в стихотворении «Синие обои полиняли...» (1916). В первой строфе автор говорит о тех предметах – «обои», «образа», «дагерротипы», которые в быстротечности времени «полиняли» и которых со временем «сняли». «Си-

ние обои полиняли, / Образа, дагерротипы сняли...». И лишь то, что может об этих предметах напомнить, так это тот оставшийся «синий цвет», / «Где они висели много лет.

В этом стихотворении заключена мысль о быстротечности времени, ежесекундном изменении мироздания и человека в нем. Об этом говорит обилие глаголов прошедшего времени: «*полиняли*», «*сняли*», «*висели*», «*позабыло*», «*любило*», что еще раз подтверждает быструю смену событий и бег времени. Но поэт уделяет особое внимание и тому, что нельзя забывать –

«Только тех, кого уж больше нет, / Сохранился незабвенный след». Только память способна сохранить для нас любимых людей, а это значит, что память вечна.

Так же Бунин отразил тему быстротечности времени и вечности в более позднем стихотворении «Петух на церковном кресте» (1922).

Песня петуха «*...о том, что мы живем, / Что мы умрем, / ... о том, что все обман, / Что лишь на миг судьбою дан / И отчий дом, и милый друг, / И круг детей, и внуков круг...*» – не что иное как философское раздумье о быстротечности жизни и времени.

Особое внимание хотелось уделить тому, что произведение построено на антитезе «мгновенное – вечное». Мгновенны: «*...отчий дом*», «*милый друг*», «*круг детей*», «*внуков круг*»; вечны: «*...только мертвых сон, / да Божий храм, да крест, да он*». Поэтому для Бунина было важным отразить свои философские размышления в произведениях, в которых так ясно отождествляются принципы и законы бытия, а самое главное – что есть миг, а что есть вечное на этой земле.

Таким образом, проанализированные нами стихотворения отражают вечные искания смысла бытия Буниным. Для него было важно понять, каков смысл существования человека на этой земле, поэтому так частотны в его поэзии мотивы смерти, одиночества, быстротечности времени, вечной памяти становятся предметом философского обобщения художника.

Примечания

¹ Сливацкая О.В. Повышенное чувство жизни. Мир Ивана Бунина. – М.: Рос. Гос. гуманитарный ун-т., 2004. – 270 с. – С. 128.

² Смирнова Л.А. «И.А.Бунин. Жизнь и творчество». – М.: Просвещение, 1991г.

³ Спивак Р.С. Русская философская лирика. Изд.2. – М., 2005. – С. 65.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК КОНЦЕПТ

На современном этапе развития лингвистической науки, термин концепт применяется современными учеными особенно часто. Определения концепта пересекаются между собой, однако это зависит от выбора подхода к исследованию этого понятия. При написании данной статьи мы придерживались лингвокультурологического подхода.

Культурологическое определение концепта лексикографически закреплено в работе Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры», где указано, что концепт – это «...сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее». Концепты – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (Степанов 1997, 40-41).

По мнению Д.С. Лихачева, потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека. Ученый дает понимание концепта как заместителя в индивидуальном и коллективном сознании носителей языка, подчеркивая роль творцов в сознании отдельных людей и человеческих коллективов (Лихачев 1997).

Лингвокультурологический аспект изучения имени собственного (ИС) в художественном произведении стал возможен в связи с изменением научной парадигмы современной лингвистики, с развитием антропоцентрического подхода к языковым явлениям, с разработкой в лингвистике термина «концепт». Возможность данного подхода свидетельствует о правомерности понимания имени собственного как содержательной единицы.

Признание многими учеными наличия лексического значения у ИС позволяет говорить об их способности обладать коннотацией, то есть иметь дополнительную национально-культурную специфику; культурологический аспект их исследования является особо актуальным в последние годы.

Наличие национально-культурной специфики ИС соединяет знак и концепты, стереотипы, эталоны, символы, на основе которых происходит формирование языковой картины мира (Катермина 1998).

В литературном произведении ИС выполняют ведущую роль в создании «семантической композиции» художественного текста наряду с другими средствами стиля (Фонякова 1980, 102). В этом плане ИС являются объектом комплексной науки ономастики, которая включает в себя методы лексикологии, семиотики, стилистики, поэтики и лингвистики текста в широком смысле. Она (ономастика) объединяет, по мнению Г.В.Степанова, 3 подхода к тексту: общетеоретический, грамматический и стилистический (Степанов 1980, 200).

Для изучения ИС важными являются парадигматический и синтагматический контекст или уровень анализа.

В плане парадигматики предполагается: 1) выявление и систематизация всего ономастического пространства (макрополе текста); 2) описание отдельных тематических разрядов ИС в художественном тексте; 3) описание отдельных групп, или рядов ИС, представленных в разных частях семантической композиции сюжета – ономастические микрополя поля в пределах отдельных частей произведения; 4) описание вариантов ономастической номинации по отношению к одному денотату; 5) деление ЛИС по их роли в развитии сюжета.

Синтагматически такое описание дополняется исследованием употребления ИС в линейном ряду. Данная проблема также включает в себя способы включения ИС в контекст, связь с другими личными именами собственными и т.д.

Таким образом, как отмечает О.И.Фонякова, парадигматика ИС в художественном тексте – это сумма всех отношений каждого имени к остальным единицам «ономастического пространства» произведения. Синтагматика же определяется совокупностью употреблений и «окружений» каждого имени в контексте (Фонякова 1980).

Имя собственное как имя концепта становится «пределным текстовым сообщением», в свернутом виде содержащим в себе информацию о значимом явлении, включая знание о нем в концептосферу национального языка (Кириченко 2005).

Отбор имен собственных в художественном тексте, являясь проявлением языковой личности художника, одновременно системен и индивидуален. Системен, поскольку в нем отражаются нормы и пристрастия, сложившиеся в данном языке, в его литературной практике, в данную эпоху. Индивидуален, поскольку автор сам творит вымышленный мир и номинирует его персонажей, применяет, а иногда и видоизменяет норму, сам выбирает, переосмысливает, а иногда и тво-

рит имена-концепты. Следовательно, имена собственные позволяют увидеть как коллективные – общекультурные, национальные, связанные с эпохой, с особенностями социальной группы, к которой принадлежит автор, так и индивидуальные свойства языковой личности.

Частотность использования тех или иных имен-концептов косвенно служит характеристикой тезаурусного фонда, находящегося в сознании автора. Под тезаурусом обычно понимают всю предшествующую информацию, существующую в памяти носителей языка. Сюда входят и личные переживания и наследственные черты, и начитанность, и вообще любой эстетический опыт (Арнольд 1974, 16).

Нестандартность языковой личности А.С.Пушкина проявляется, в частности, в обостренном восприятии различий форм именования, в способности увидеть смысловые возможности имен и отдельных их форм. Автор опирается на нормы литературной номинации, но расширяет их за счет включения форм обиходно-бытового именования. Кроме того, Пушкин творит свою систему скрытых значений форм именования, что позволяет передать мысли автора о своих героях, указать на отношения персонажей между собой, представить скрытую фактуальную и модально-концептуальную информацию, что является одним из многих средств создания «многого в малом» – простых по форме и неисчерпаемых по смыслу текстов, которые дают простор для интерпретации разным поколениям читателей.

Примечание

1. Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Л., 1974.
2. Катермина В.В. Личное имя собственное: национально-культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998.
3. Кириченко О.К. Концепт «Петербург» в речевом обиходе города: дис. ... канд. филол. наук, СПб., 2005.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 280–287.
5. Степанов Г.В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Изв. РАН. ОЛЯ. 1980. Т. 39. №3.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
7. Фонякова О.И. Имена собственные в художественном тексте. Л., 1990.

Пожидаева А. С. (Оренбург)

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В «ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ» И В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»

В последнее время понятие концепта активно вошло в научный обиход. Концепт является единицей описания картины мира – ментальной единицей, содержащей языковые и культурные знания, представления, оценки.

Ю.С. Степанов вычленяет в концепте обиходную, общеизвестную сущность, сущность, известную отдельным носителям языка, и историческую, этимологическую информацию.

Так как «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире», то «в структуру концепта входит всё то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки», отмечает Ю.С. Степанов. Закреплённый в этимологии концепт развивается, проходя через художественные тексты, и оказывается законченным, осмысленным, наполненным всеми содержательными формами. Но основа, его смысл всё же остаётся.¹

Таким важным, распространённым и спорным является концепт «Любовь».

В ассоциативном словаре «любовь» представлена широким списком слов-ассоциаций, что подчёркивает её многосторонность, многоаспектность. «Любовь» охарактеризована такими словами-ассоциациями, как «с первого взгляда», «до гроба», «чувство», «зла», «счастье», «безответная», «горе». Это наиболее популярные по частотности ответы на слово-стимул «любовь». И мы видим, что даже в этом коротком списке слово «любовь» имеет противоречивые оценки.²

Сам концепт «Любовь», выражаясь в русском языке лексемами «любить», «влюбиться / влюбляться», «мне нравится», тесно связан с группой других концептов, таких, как «Радость», «Вера», «Надежда», «Забота», «Братская любовь», «Дружба».

Проанализировав значения слова «любовь» в словарях Д.Н.Ушакова, Т.Ф. Ефремовой, в 17-ти томном словаре русского литературного языка, мы пришли к выводу, что концепт «Любовь» включает такие представления: 1) глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство; 2) чувство глубокого расположения, самоот-

верженной и искренней привязанности; 3) постоянная, сильная склонность, увлечённость чем-либо, кем-либо; 4) пристрастие, вкус к чему-нибудь. Вбирая в себя все эти значения, концепт «Любовь» является основной, влиятельной единицей сознания человека, определяющим его действия, характер и поступки. Являясь культурной единицей, концепт «Любовь» присутствует в литературных текстах.

Мы обратились к тексту «Повести о Петре и Февронии Муромских» и к рассказу И.А. Бунина «Чистый понедельник», в который включены отрывки из этой повести.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» создана в середине 16 века писателем-публицистом Ермолаем-Еразмом на основе муромских преданий и легенд, считается житийным произведением, так как в 1547 году Петра и Февронию причислили к лику святых. Сами герои повести – Пётр и Феврония – исторические лица, они княжили в Муроме в начале 13 века. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» рассказывается о нерушимом союзе супругов-святых Петра и Февронии, о верности и любви их и после смерти.

В своей работе «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов говорит о двух видах Любви – это любовь божественная и любовь земная, где земная, противопоставляясь божественной, вбирает в себя всё инстинктивное проявление любви.³ В «Повести о Петре и Февронии Муромских» мы определённо можем говорить любви божественной, чистой, светлой. Любовь не просто объединяет двух людей, но и объединяет окружающих, творит чудеса: «И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Пётр взял Февронию за руку и, разжав её, увидел *ладан благоухающий и фимиам*. И с этого дня он её больше никогда не испытывал».⁴

Пётр и Феврония называются *преблаженными супругами*, которые жили *благочестиво*. Народ Муромы воздавал похвалу князю и княгине: «...любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!» Пётр и Феврония не только друг к другу испытывают светлое чувство, но и также им была не чужда любовь к людям, ко всем окружающим. «Ко всем питали они *равную любовь*, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели божьим богатством». Здесь мы видим высокую любовь равную ко всем, любовь к своему народу, любовь к ближнему.

Две сильные личности – Пётр и Феврония – составляют единое целое. Характер Петра прослеживается через поступки и решения. Он показан в повести как храбрый человек, беспрекословно и бескорыстно

помогающий другим, любящий своего брата, семью («И, взяв меч, называемый Агриковым, пришёл он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но *твердо уверившись* в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом»). Был Пётр религиозен («Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам»). Сила была ему дана от Бога убить летающего свирепого змея. Повесть даёт такие определения князю Петру, как *благоверный, преподобный, прославленный, блаженный, святой*.

Феврония показана как «мудрая дева». Именно своей мудростью, находчивостью поражает Феврония Петра: «Эта девица хочет стать моей супругой ради *мудрости* своей». Пётр устраивает для неё испытание. Феврония проходит его. Февронии ещё с девичества Богом был дан дар исцелять людей: «...Бог же прославил ее ради доброго ее жития». Поэтому в тексте Феврония названа *святой, предивной и дивной, блаженной, преподобной*.

В «Повести о Петре и Февронии Муромских» представлен концепт «Любовь», характерный для русской православной традиции. Высший ярус представлений о любви по Ю.С. Степанову – церковное христианское таинство брака. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» мы видим представление о нерушимости божиих заповедей, одна из которых гласит «не прелюбодействуй». Феврония отводит «некоего человека» от недобрых помыслов: «... естество женское одинаково. Почему же ты, забыв свою жену, о чужой помышляешь?» Эту ситуацию можно сопоставить с добровольным отречением Петра от власти, чтобы ради заповеди божьей не оставлять жены. Супруги верны друг другу и чтят друг друга. Как бы ни пытались люди разлучить *блаженных* князя и княгиню, никому этого не удалось, даже после их смерти: «И снова утром оказались святые в *едином* гробу». Это чудо единения, двое как одно целое – высшее проявление любви духовной, христианской. В произведении супруги вместе называются *преподобными, преблаженными и блаженными, святыми*, что также даёт понимание о святом происхождении их любви и духовной чистоте.

В рассказе «Чистый понедельник» как бы сравниваются два вида любви: божественная и человеческая. Первая представлена в «Повести о Петре и Февронии...», включенной в текст, а человеческая в рассказе об отношениях главных героев.

Герои связаны друг с другом страстной любовью. Особенно черты страстной, всепоглощающей любви мы встречаем в словах героя: «... ем и пью рядом с ней, слышу её медленный голос, гляжу на губы, которые целовал час тому назад, – да, целовал, говорил я себе, с восторжен-

ной благодарностью глядя на них...», «...я целовал её руки, ноги, изумительное в своей гладкости тело...».⁵ Не смотря на это, влюблённому чего-то не хватало, всё время было мало: «Наша неполная близость казалась мне иногда *невыносимой*». Именно он даёт определение чувству, захватившему их обоих: «странная любовь» и «горячий дурман», что соответствует страсти, плотской любви. Часто герой не понимает свою любимую: «... она была *загадочна, непонятна* для меня, *странны* были и наши с ней отношения – совсем близки мы всё ещё не были; и всё это без конца держало меня в неразрешающемся напряжении, в мучительном ожидании...». Но для влюблённого любовь не только мука, а прежде всего счастье: «... был я несказанно *счастлив* каждым часом, проведённым возле неё», «... всё та же *мука* и всё то же *счастье*... Ну что ж – всё-таки *счастье, великое счастье!*» Здесь концепт «Любовь» пересекается с концептами «Счастье», «Радость», «Печаль».

Героиня в рассказе показана неоднозначно. Главная её черта – загадочность. До принятия решения уйти в монастырь, о героине говорится как о привлекательной, красивой женщине («... у неё красота была какая-то индийская, персидская»), об увлекающейся натуре (музыка, новые книги, история). О своих чувствах она говорит так: «Да, всё-таки это не любовь, не любовь...». Но в то же время, героиня не отрицает внутренней связи со своим возлюбленным и значимости его в её жизни: «А что до моей любви, то вы хорошо знаете, что, кроме отца и вас, у меня никого нет на свете. Во всяком случае, *вы у меня первый и последний*».

С развитием сюжета меняется и понимание любви у героини. Она всё также понимает глубокую связь между ними, но в прощальном письме пишет такие строки: «Пусть бог даст сил не отвечать мне – бесполезно длить и увеличивать нашу муку...». Любовь к Богу оказалась выше любви к мужчине.

Сам глагол «любить» и слово «любовь» в произведениях употребляется по-разному (в разных количествах). В «Повести о Петре и Февронии Муромских» – четыре раза: «не любили жестокости», «не любили княгиню», «любим вас», «равная любовь». Словосочетания эти относятся к характеристике разных героев повести (не любили княгиню бояре, взаимная любовь была у народа и князя с княгиней). Это объясняется тем, что в повести главное внимание обращено к личностям Петра и Февронии как святых (т.к. повесть понималась как житие) и благоверному, благопочитаемому отношению друг к другу. Эпоха написания этого памятника (16 век) также влияет на употребление тех или иных лексем. Сам концепт «Любовь» в повести имеет

разные формы своего проявления: любовь супругов друг к другу, любовь к ближнему, братская любовь, любовь к Родине.

В «Чистом понедельнике» количество употреблений слова «любовь» и глагола «любить» значительно больше (девять раз, считая только значение этого слова, как влечение, привязанность к мужчине / женщине): «сила моей любви», «вы меня любите», «странная любовь», «что такое любовь» и др., что необходимо, чтобы показать глубину и силу вспыхнувшего чувства у героев. Также частое и разнообразное употребление слова «любовь» и образованных от него лексем служит средством развёртывания конфликта рассказа, передачи эмоционально насыщенных монологов и диалогов героев.

Итак, проанализировав рассказ И.А. Бунина «Чистый понедельник», и «Повесть о Петре и Февронии Муромских», отрывки которой включены в рассказ, мы обнаружили сходства и различия концепта «Любовь» в произведениях. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» концепт «Любовь» представлен такими лексемами, как *преблуженные супруги, благочестивая жизнь, равная любовь, святой Пётр, благоверный супруг, предивная Феврония*, что позволяет автору раскрыть представление о любви божественной, святой, единой. В рассказе «Чистый понедельник» в концепт «Любовь» входят лексемы *счастье, мука, я целовал, глядел с умилением, горячий дурман*. Любовь в данном случае земная, человеческая, любовь-страсть, страстное чувство. Однако наполняемость концепта «Любовь» меняется с развитием сюжета. Концепт «Любовь» пересекается с концептами «Душа» и «Бог» (любовь к Богу, духовность). Именно в этом сходство с представлением концепта «Любовь» в «Повести о Петре и Февронии Муромских». И.А. Бунин включил в свой рассказ отрывки из «Повести о Петре и Февронии Муромских», чтобы подчеркнуть духовную связь героини с историческим прошлым, её духовные искания, чтобы показать высоту любви божественной, духовной в сравнении со страстной, чувственной любовью, о чем свидетельствует финальный выбор героини (она предпочитает любовь к Богу страстной любви к мужчине).

Примечания

¹ Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю.С. Степанов. – Языки славянских культур, 2007. – 248с.

² Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. и др.. М.: «Помовский и партнеры», 1994. - 224 с.

³ Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

⁴ Изборник: повести Древней Руси / сост. Л.А. Дмитриев, Н.В. Поньрко. – М.: Худ. Литература, 1987. – 447 с.

⁵ Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. Повести. Рассказы. / И. А. Бунин. – М.: Эксмо, 2008.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОДИНОЧЕСТВО» В ЛИРИКЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Работы, исследующие творчество О. Мандельштама создавались рядом ученых: Б. Сарновым, О. Лекмановым, Б. Гофманом, М. Гаспаровым и др., но в них не рассматривается реализация исследуемого нами концепта. Для выявления концепта «Одиночество» в лирике О. Мандельштама мы проанализировали некоторые образцы его ранней лирики, так как данный концепт реализован наиболее полно в стихотворениях, написанных в 1910-х годах.

В лирике О. Мандельштама слово «одиночество» встречается достаточно редко, но мы находим широкий круг лексики, описывающий данное эмоционально-душевное состояние человека. Большинство ранних лирических произведений О. Мандельштама не имеют названия.

1. Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша, -
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.
И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,
Приветственным шелестом встреченный
Коротких осенних минут.
Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.

Осень 1910 г.

В данном стихотворении образ одиночества представлен экспрессивными прилагательными и глаголами, причем прилагательные обладают сниженной эмоциональной коннотацией: *злой и вязкий* омут, *запретная* жизнь, *холодный и топкий* приют, *жестокая* обида. Глаголы, используемые автором, по семантике относятся к чувственной и эмоциональной сфере, и их направленность к замкнутости, одиночеству усиливается семантикой относящихся к ним наречий: *страстно*, *томно*, *ласково* дыша, *тайно* завидую, *тайно* влюблен. Заметим также частое использование личного местоимения первого лица един-

ственного числа «я», что подчеркивает разобщенность лирического героя с окружающим его миром.

2. В огромном омуте прозрачно и темно,
И томное окно белеет.
А сердце - отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?
То всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий.
С притворной нежностью у изголовья стой
И сам себя всю жизнь баюкай;
Как небылицею, своей томись тоской
И ласков будь с надменной скукой.

1910

В этом стихотворении автор очень метко создает образ одинокого человека, его тоски и метаний, используя не только выразительную лексику, но и экспрессивные стилистические приемы. Лирический герой смирился со своим одиночеством, что подчеркивается обращением к третьему лицу. Антитеза (сердце тяжестью идет ко дну – вверх всплывает) обостряет внутренние противоречия лирического героя, его смятенное состояние. Обращает на себя внимание особая «интровертность» этого стихотворения: герой риторическим вопросом обращается не к другим людям, но к себе, и, признавая свое одиночество, понимает его безысходность («и сам себя всю жизнь баюкай»).

Особую эмоциональность стихотворению придают яркие сравнения: сердце, как соломинка; томись тоской, как небылицею. Как и в ранее рассмотренном стихотворении, эпитеты имеют сниженную эмоциональную окраску: *притворная* нежность, *надменная* скука.

3. Воздух пасмурный влажен и гулок;
Хорошо и нестрашно в лесу.
Легкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.

И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьется упрек,-
Я участвую в сумрачной жизни,
Где один к одному одинок!

Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжелы.
И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы.

Небо тусклое с отсветом странным -
Мировая туманная боль -
О, позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь.

1911

В данном стихотворении автор уже не вуалирует одиночество синонимами и метафоричными образами, оно называется непосредственно, раскрывая тему произведения: крест *одиноких* прогулок, один к одному *одинок*. Лирический герой понимает неизбежность одиночества человека в этом мире, поэтому и «крест одиноких прогулок» для него легок, он «участвует в этой сумрачной жизни», не находя утешения в отношениях с другими людьми. Отсюда возникает и образ мировой боли, груз которой лирический герой «покорно понесет». Не случайны и образы природы, не зря «хорошо и нестрашно в лесу»: от сумрачной жизни герой стремится к природе, где нет людей и их отчужденности друг от друга.

Стихотворение насыщено холодными красками: цветовая гамма серая и тусклая, воздух вокруг влажен и тяжел, пасмурное небо отражается в туманном сонном озере. Эпитеты придают стихотворению мрачный оттенок: *пасмурный* воздух, *одинокие* прогулки, *равнодушная* отчизна, *сумрачная* жизнь, *сонное* озеро, *тяжелые* крылья, *туманная* боль. Произведение насыщено метафорами (крест прогулок, уткой взовьется упрек, одурманены сосен стволы, тусклое небо – мировая боль), придающими ему особую выразительность образов.

Таким образом, концепт «Одиночество» в лирике О. Мандельштама реализуется через обилие лексики, описывающей эмоционально-психологическое состояние человека, через самонаправленность монолога лирического героя; через выбор эпитетов со сниженной эмоциональной коннотацией, подчеркивающей отчужденность лирического героя.

Злобина М. Ю. (Оренбург)

**«СЕНТИМЕТАЛИЗМЫ» В ПОВЕСТИ Н.М. КАРАМЗИНА
«БЕДНАЯ ЛИЗА»**

В творчестве Н.М. Карамзина – крупнейшего представителя русского сентиментализма – наиболее полно и ярко раскрылись художественные особенности этого литературного направления. В его прозе мы можем выделить особые лексические средства – слова и выражения, которые способствуют созданию сентиментального произведения и помогают читателю наиболее ярко представить всю гамму чувств и эмоций, переживаемых героями Н.М. Карамзина.

Такие лексические средства мы будем называть «сентиментализмами». Они обычно используются автором при описании состояния природы, человека и вызывают определенные чувства или эмоции.

В данной статье мы рассматриваем сентиментализмы с точки зрения классификации эмоций, но не чувств. Поскольку чувства – это особые психологические состояния, проявляющиеся социально обусловленными переживаниями, которые выражают длительное и устойчивое эмоциональное отношение человека к реальным и воображаемым объектам, а эмоции – это психологический процесс субъективного отражения наиболее общего отношения человека к предметам и явлениями действительности, к другим людям, самому себе относительно удовлетворения или неудовлетворения его потребностей, целей и намерений.

Ученые выделяют разные подходы к классификации эмоций. Еще Аристотель выделял такие эмоции, как любовь и ненависть, желание и отвращение, надежду и отчаяние, робость и смелость, радость и печаль. Представители древнегреческой философской школы стоицизма утверждали, что эмоции, имея в своем основании два блага и два зла, должны подразделяться на четыре основные страсти: желание и радость, печаль и страх. Далее они подразделяли их на 32 второстепенные страсти. Многие современные исследователи полагают, что создать универсальную классификацию эмоций вообще невозможно, поскольку детализировать духовный мир человека практически невозможно.¹

В результате анализа повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», мы представили свою классификацию эмоций, характерных для дан-

ного произведения. В тексте «Бедной Лизы» найдено более ста примеров сентиментализмов, которые в своей совокупности представляют 6 типов эмоций:

1) Грусть, печаль. (На другой день ввечеру сидела она под окном, пряла и тихим голосом пела жалобные песни²).

2) Радость, счастье. («Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!»).

3) Любовь, страсть. (Скажу я только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость – Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем).

4) Горечь, страдание. (Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби).

5) Ожидание смерти, одиночество. (Он томится, вянет, сохнет – и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его).

6) Страх. (Лиза вся задрожала)

Также в повести встречаются такие примеры, которые мы не можем отнести ни к одному из этих пунктов. Например, «золотой луч надежды» (Но иногда – хотя весьма редко – золотой луч надежды, луч утешения освещал мрак ее скорби). В этом словосочетании явно отражена надежда, вера в самое лучшее. «Бедная вдова» (К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего – ибо и крестьянки любить умеют!) – это словосочетание отражает не только сожаление, сострадание автора, но и горечь и боль самой «вдовы». В словосочетании «беззащитная вдовица» мы видим неизбежную обреченность (Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества – печальную историю тех времен, когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях) и т.д. Подобные сентиментализмы в повести встречаются крайне редко.

Данные сентиментализмы встречаются в основном в речи автора, реже в речах героев. Например, «все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которые страстная дружба невинной души питала сердце его. Здесь мы видим сентиментализм – «невинная душа», который встречается нам в речи самого автора. «Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!». «Милый друг» - сентиментализм в речи главной героини повести.

При подборе сентиментализмов автор использует словосочетания – прилагательное + существительное. Что касается художественных средств, то неоднократно можно отметить употребление эпитетов, сравнений и градаций. Например, *«милый друг»* - эпитет, *«бедная, томная, горестная подруга»* - градация.

Грусть и печаль – это самая многочисленная группа сентиментализмов. Таких примеров в тексте мы выявили около 30. Например, словосочетание *«воспоминание о плачевной судьбе»* (Но чаще всего привлекает меня к стенам Си...нова монастыря *воспоминание о плачевной судьбе Лизы*, бедной Лизы). В этом предложении мы видим печаль, чувство грусти автора по судьбе бедной Лизы.

Среди сентиментализмов этой группы встречаются не только словосочетания существительное + прилагательное (*«жалобные песни»*), но и существительное + причастие (*«бездно поглощенных»*), существительное + глагол (*«он томиться, вянет, сохнет»*), существительное + краткое причастие (*«ветерок неприятен»*) и т.д.

Сентиментализмы группы «грусть, печаль» встречаются в речах автора и Лизы. Например, *«без глаз твоих темен светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен»* - так говорит Лиза Эрасту, при объяснении в любви. «Но чаще всего привлекает меня к стенам Си...нова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, *бедной Лизы»* - это слова автора, который начинает свой рассказ «о плачевной судьбе Лизы».

В этой группе мы также можем встретить огромное количество художественных средств выразительности. Это эпитеты (*«печальная история», «мрачные дни»*), градация (*«он томится, вянет, сохнет»*), олицетворение («унылый звон») и т.д.

Также в этой группе мы можем встретить мотивы одиночества («Страшно воют ветры в стенах *опустевшего монастыря*, между гробов, заросших высокою травой, и в темных переходах келий»), предвещание беды («Наступила ночь – мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание ее не исполнилось: Лиза *спала очень худо»*).

Радость и счастье – одна из самых многочисленных групп. Чаще всего сентиментализмы этой группы мы можем встретить сентиментализмы в речи автора, реже в речи героев. Например, «Ах, матушка! Какое *прекрасное утро! Как весело в поле!* Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!». Эту систему сентиментализмов мы видим в

речи Лизы, при описании ею своей матери прекрасного утра. «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля». Так говорит Эраст. Но сентиментализмы счастья и радости в речи Эраста больше не встречаются. Огромное количество сентиментализмов радости мы встречаем в речи самого автора, например, «после сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись или на берегу реки, или в березовой роще, но чаще всего под тению столетних дубов – дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный».

Также мы можем отметить огромное количество восклицательных предложений («Какое прекрасное утро! Как весело в поле!»), олицетворений («сердце затрепетало», «цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами света»), эпитетов («прекрасная девушка», «восхитительная музыка»), сравнений («и чистая радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной»).

Любовь и страсть. В этой категории сентиментализмы встречаются реже, чем в двух предыдущих, причем они используются не только в речи автора, но и в речи самих героев. Так, Лиза говорит: «Буду, буду думать о ней! Ах, если бы она пришла скорее! Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более нежели самого себя!». Эраст, в свою очередь признается Лизе в любви: «Милая Лиза! Я люблю тебя!». Слова автора: «Скажу я только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость – Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем».

В этой группе мы часто можем встретить восклицательные предложения («Здравствуй, любезный пастушок!»), эпитеты («любезная дочь»).

Автор этой повести использует разные конструкции словосочетаний, например, прилагательное + существительное (любезный пастушок), существительное + причастие (трепещущее сердце).

Также в данной группе мы можем встретить чувство радости, например, в речи Лизы – «Здравствуй, любезный пастушок!», это доказывает то, что чувства зарождающейся любви и радости неотделимы друг от друга, и в некоторых предложениях повести мы можем увидеть это.

Кроме того, можно отметить обильное употребление сентиментализмов в рамках одного предложения. Например, в предложении «там часто тихая луна, сквозь зеленые ветви, посребряла лучами сво-

ими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем» мы видим употребление 6 сентиментализмов.

Сентиментализмы группы «горечь и страдание» встречаются значительно реже сентиментализмов грусти и печали. В этой группе очень часто встречаются такие слова, как «горе», «слезы», «скорбь». Например, «с сего часа дни ее были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать от нежной матери», «я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби».

При построении сентиментализмов данной категории, автор использует различные конструкции: деепричастные обороты (беспременно проливая слезы), глагол + существительное (проливать слезы), прилагательное + существительное (горестная старушка).

Сентиментализмы горечи и страдания чаще всего встречаются в речах автора (например, «слезы катились из глаз ее, когда она прощалась с ним».), реже в речи героев (например, «без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука»).

Ожидание смерти и одиночество. Здесь мы можем встретить около 10 примеров употребления сентиментализмов. Например, в словосочетании «страшная смерть» (Лизина мать слышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела – глаза ее навек закрылись) – в этом предложении отчетливо видны мотивы смерти. Сентиментализмы одиночества и смерти мы можем встретить не только в речи автора, но и в речи самих героев. Например, мать Лизы говорит: «Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться – до самого того часа, как лютая смерть подкосила ноги его».

Автор активно использует эпитеты (страшная смерть), олицетворения (чувства умерли), градацию (он томится, вянет, сохнет).

Самая малочисленная группа «страх». Примеры данной категории единичны. «Ничего, матушка, - отвечала Лиза робким голосом, - Я только его увидела», «и Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блестит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза ее обращались к земле, встречались с его взором». В этих примерах мы не только видим страх Лизы, но и ее робость.

Здесь мы можем отметить сочетания существительное + глагол (Лиза задрожала, страшно воют ветры) и прилагательное + суще-

ствительное (робкая Лиза, робкий голос). Сентиментализмы страха встречаются только в речи автора.

Хотелось бы отметить обильное употребление междометия «Ах», а также огромное количество таких слов, как «плакать», «проливать слезы», «плач» и т.д.

Междометие «Ах» встречается в повести примерно 25 раз. Например, «Ах! Для чего я осталась в этой пустыне». Данное междометие мы можем встретить как в речи автора («Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слез своих – ах! Она помнила, что у нее был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойно веселою»), так и в речи героев («Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голос...»).

Огромное количество слов со значениями «плач», «плакать», «проливать слезы», употреблены в повести «Бедная Лиза». Они встречаются не только в речи героев, но и в речи самого автора. Например, в предложении «там юный монах – с бледным лицом, с томным взором – смотрит в поле сквозь решетку окна, видит веселых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит – и проливает горькие слезы из глаз своих». Так автор описывает окрестность Си...нова монастыря. «Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала». Это слова Эраста при прощании с Лизой.

Итак, слова со значением «плакать», «плач», «проливать слезы» и междометия «ах» являются наиболее частотными словами в повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». Это придает произведению наиболее яркую сентиментальную окраску.

Н.М. Карамзин как один из представителей русского сентиментализма создал поистине замечательную повесть, которая насыщена духом эпохи и чувствами людей того времени. Этому способствуют в числе других художественных средств и сентиментализмы, употребляемые автором для того, чтобы наиболее полно и ярко представить читателям всю гамму чувств, эмоций и переживаний, которые испытывают герои повести.

В своей статье мы установили, что «сентиментализмы» - это слова или выражения, используемые в характеристике чувств, эмоций героев, описании состояния природы или определенной местности, с целью создания сентиментального произведения. Они используются автором для создания определенного настроения, облика всего произведения. Это могут быть не только грусть, печаль, одиночество

и тоска, но также радость, счастье, любовь.

Далее мы распределили сентиментализмы в определенной последовательности и выделили несколько групп, согласно встречаемым в повести эмоциям. Таким образом, у нас получилось 6 групп, где наиболее употребимыми являются сентиментализмы грусти, печали и радости, счастья, а наименее употребимыми оказались чувства одиночества и страха.

Можно отметить, что использование сентиментализмов, независимо от их группы, встречается как в речи автора, так и в речи самих героев. Все это позволяет нам проникнуться в мир произведения и прочувствовать эмоциональное состояние героев.

Таким образом, проанализировав повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», мы можем сделать вывод, что это произведение соответствует всем чертам сентиментального произведения. Огромное разнообразие эмоций, выделяемое в этой повести, мы представляем в следующей градации, в зависимости от частотности их употребления: 1) грусть и печаль; 2) радость и счастье; 3) любовь и страсть; 4) горечь и страдание; 5) ожидание смерти и одиночество; 6) страх.

Примечания

¹ Ильин, Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2010. – 783 с.

² Карамзин, Н.М. Избр. соч. в 2-х тт. – М. – Л., 1964.

СЕКЦИЯ 4.
СЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ИСТОРИИ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Амелин В. В. (Оренбург)

**ОРЕНБУРГСКИЕ МОЛОКАНЕ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД***

Оренбургский край на протяжении всей своей истории являлся многоконфессиональным регионом. Одним из известных движений в духовном христианстве являются молокане, начало истории которых относится к 60-70-ым годам XVIII века. Религиозные свободы им были дарованы Александром I в 1805 году. Как известно, молокане признают Библию, Троицу, но отвергают некоторые христианские таинства, не признают храмы, обряды, отвергают святых, не творят крестного знамения при молитве. У них отсутствует духовенство, а во главе общин стоят выбранные руководители.

В советское время, в эпоху тотальной антирелигиозной пропаганды, они, как и большинство конфессий, преследовались властью. В предлагаемой статье, построенной на архивных материалах, прослеживается история оренбургских молокан в послевоенные годы. Казалось бы, это был период либерализации по отношению к конфессиям, начало которой положил И. Сталин во время Великой Отечественной войны, когда он обращался за помощью к церкви. Однако даже и в этот период, а затем позже во времена правления Н. С. Хрущева молоканам Советской властью отказывалось в праве на регистрацию своих общин, на аренду помещений для проведения религиозных собраний.

С либерализацией государственно-религиозной политики в послевоенный период молокане г. Чкалова (Оренбурга) неоднократно

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта №13-11-56005.

но ходатайствовали о регистрации их группы: в 1946, 1947 и 1948 годах. Тогда их община в городе насчитывала 100–120 человек. Однако все их просьбы об официальном открытии молитвенного дома каждый раз отклонялись государственными органами по мотивам несоответствия арендуемого помещения техническим и противопожарным требованиям¹.

В мае 1947 г. оренбургские молокане сняли в аренду на 3 года дом Николаевой по Нижегородской ул. для своих религиозных собраний (явочным порядком) и подали ходатайство об его официальном открытии в качестве культового здания. Но проведенной проверкой через Кировский райисполком г. Чкалова (Оренбурга) о пригодности предполагаемого к открытию молитвенного дома, арендуемого группой верующих духовных христиан (молокан), было выявлено, что помещение требует капитального ремонта (крепления потолочной балки, исправления пола, перекладки дымохода, устройства вентиляции). Поэтому в первом квартале 1948 г. уполномоченный Совета по делам религии снял ходатайство с рассмотрения, «усматривая непригодность помещения»².

В мае 1950 г. у молокан г. Чкалова (Оренбурга) истёк 3-летний срок договора на дом, где проводились их молитвенные собрания. Лидеры духовных христиан В. А. Манякин, 79 лет, и В. П. Дунаев, 63 лет, обратились к уполномоченному Совета по делам религий за разрешением на аренду другого помещения или на использование молитвенного дома зарегистрированной общины евангельских христиан (баптистов), по воскресеньям, в часы, когда его зал был свободен. Чиновник отказал в просьбе о регистрации и найме помещения, а относительно здания баптистов предложил самим обратиться к их пресвитеру. Как и ожидал уполномоченный, пресвитер Я. С. Дешевило ответил отказом, но не возражал против присутствия молокан на баптистских молитвенных собраниях. В результате 5–10 верующих стали периодически их посещать. Но большинство духовных христиан были настроены против принятого у баптистов водного крещения, хлебопреломления и совершения браков только рукоположенным пресвитером. Их лидеры В. А. Манякин и В. П. Дунаев снова подали уполномоченному ходатайство о регистрации, заявляя, что у них имеется собственное помещение для молитвы. Но чиновник снова заявил, что весомых оснований для регистрации нет. Он отмечал, что после его предупреждения с мая 1950 г. большая часть молокан перестала незаконно

собираться, «и дело обходится»³. В том же 1950 г. инициативной группе молокан численностью 30–35 человек было отказано и в совершении отдельных религиозных обрядов: при болезни, смерти и т. д.⁴

31 октября 1951 г. инициатор группы молокан В. А. Манякин от лица 60 человек, главным образом стариков, просил уполномоченного Совета по делам религий дать разрешение на проведение молитвенных собраний по воскресным дням и совершение религиозных обрядов в свободном подвальном помещении жилого дома, принадлежавшего в г. Чкалове (Оренбурге) одному из верующих. Но в просьбе было отказано прямо в день её подачи⁵.

Вскоре наиболее «маститые» организаторы и проповедники Дунаев и Манякин умерли, и в религиозной группе начался разброд. 10–12 человек стали посещать собрания евангельских христиан (баптистов), некоторые ходили на молитву к пятидесятникам. Но большинство ортодоксальных верующих сохраняли серьёзные расхождения с баптистами и пятидесятниками по вопросам крещения, причастия, роли пресвитера и др. Они продолжали собираться самостоятельно в частных домах: по ул. Нижегородской, 27 у Даниловой, по ул. Пролетарской, 123 у вдовы Дунаева и в других местах. Например, на Пасху 1955 г. в квартире Дунаевой молилось 40 человек. Организаторами этих собраний были Михаил Павлович Мамонтов, «здоровый старик», 75 лет, проживавший в пер. Шевченко, 4, и П. В. Разваляев, проживавший в пос. Пугачи, на ул. Пушкинской, 5. В 1955–1957 гг. молокане безуспешно просили уполномоченного Совета по делам религий официально разрешить им молитвенные собрания в доме Дунаевой, на ул. Пролетарской, 123. Но чиновник предупредил их доверенного М. П. Мамонтова об ответственности за незаконные религиозные «сборища» и одновременно поставил в известность о встречах молокан правоохранительные органы⁶.

В 1954 г. молокане г. Чкалова (Оренбурга) настойчиво просили церковный совет евангельских христиан (баптистов) предоставить им своё помещение для молитвенных собраний 2 раза в неделю. Однако Уполномоченный Совета по делам религий решил, что это станет юридической ширмой для незарегистрированной группы. Он в категорической форме предложил баптистскому пресвитеру отказать в этой просьбе, что и было исполнено⁷.

После некоторого перерыва, с 1955 г. молокане г. Чкалова (Оренбурга) снова начали ходатайствовать о государственной регистрации их общины. В областном центре по-прежнему насчитывалось 100–120 представителей этой конфессии. Они собирались для молитвы по разным домам, в том числе у вдовы Дунаева, на ул. Пролетарской, 123. Проповедником, организатором и уполномоченным общины по делу о регистрации был Михаил Павлович Мамонтов, 73 лет. Он проживал на Водопьяновском пер., 4. Несмотря на возраст, был физически здоровым. Всю жизнь работал в системе потребкооперации, а в последнее время – швейцаром в оренбургском ресторане «Урал». Теперь стал получать пенсию по 160 руб. Двое его сыновей погибли на Великой Отечественной войне, а ещё один – был женат и работал бухгалтером в системе Облторготдела. Зять Мамонтова служил майором и получал 100 руб. в месяц. Давая характеристику молоканам и их лидеру, в отчёте 1955 г. уполномоченный Совета по делам религий сделал пометку: «Разрешения давать нельзя»⁸.

21 августа 1956 г. М. П. Мамонтов побывал на приёме у уполномоченного по делам религий с новой просьбой о регистрации религиозной группы молокан в Чкалове (Оренбурге). Представитель общины подчеркнул, что в городе насчитывается более 100 верующих, но до сих пор они рассеяны и вынуждены собираться по частным домам: у него, на Водопьяновском пер., 4 или у Дунаевой, на Пролетарской ул., 123. В разговоре выяснилось, что оба живых сына М. П. Мамонтова – коммунисты: один работает бухгалтером в Горторготделе, а второй – заведует ссыпным пунктом в Хлебном городке. В ходатайстве верующих снова было отказано под тем предлогом, «что молокан в Чкалове немного»⁹.

В 1957 г. незарегистрированная группа молокан в г. Оренбурге насчитывала 100 человек и 2 служителей культа¹⁰. Представители этой конфессии так же имелись в Шарлыкском, Екатериновском и других районах области, но видимой религиозной активности не проявляли¹¹.

В 1958 г. имелись 2 группы молокан общей численностью 80–100 человек в г. Оренбурге, а так же общины в Екатериновском районе (Романовка и Благодарное)¹².

В 1962 г. в Оренбурге действовала одна незарегистрированная группа молокан в количестве 40 человек¹³.

В отчёте уполномоченного по делам культов П. Лепилина за 1963 г. указывалось, что в области функционируют 11 незарегистрированных групп молокан примерной численностью 345 человек¹⁴.

По состоянию на 1964 г. в Оренбургской области было учтено 8–11 групп молокан общей численностью свыше 300 человек. Они собирались по 10–25 человек в домах верующих г. Оренбурга, с. Пугачево и др.¹⁵.

В 1966 г. молокане г. Оренбурга снова возбудили дело о регистрации их религиозной группы¹⁶.

По состоянию на 1 января 1967 г. в Оренбургской области на учёте состояли 11 незарегистрированных, фактически действующих групп молокан общей численностью 345 человек. Из них 2 группы имели постоянные молитвенные дома, 5 групп собирались периодически в частных домах и квартирах и 4 группы действовали эпизодически, по большим религиозным праздникам¹⁷.

В отчёте за 1968 г. уполномоченный Совета по делам религий отмечает, что в г. Оренбурге часть молокан присутствует на молитвенных собраниях зарегистрированной общины евангельских христиан (баптистов). В с. Астраханка Тюльганского района молокане и вовсе объединились с баптистами¹⁸.

В 1970 г. в Оренбургской области насчитывалось 5 незарегистрированных групп молокан численностью от 15 до 25 человек каждая. Периодичность их встреч и количество членов неуклонно сокращалось. В некоторых местах, например в с. Астраханка Тюльганского района и г. Оренбурге, молокане присоединялись к баптистам. Уполномоченный Совета по делам религий в Оренбургской области считал это нежелательным, так как за счёт них укреплялась баптистская организация¹⁹.

В 1985 г. в Оренбургской области осталась 1 незарегистрированная группа молокан²⁰.

В 1986 г. было установлено, что небольшая группа молокан, численностью примерно 15–18 человек, собирается в г. Оренбурге по воскресеньям, к 10 часам утра, на молитвенные собрания в доме пенсионерки Надежды Михайловой, по ул. 1-я Кардонная, 5.

23 ноября 1986 г. одну из таких встреч посетили члены комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах, которые оставили интересное описание. Всего присутствовало 9 верующих, в том числе 3 мужчин старше 70 лет и 6 женщин. По словам хозяйки дома, к ним приходили ещё несколько

человек, а всего религиозная группа насчитывала 15–18 человек. Кроме молитвы, они собирались на поминки, где также пелись библейские тексты²¹.

Примечания

18. ¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 228. Л.

² ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.

³ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 228. Л. 35–36.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 94.

⁶ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 240. Л. 57.

⁷ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 238. Л. 73.

⁸ Там же. Л. 81–82.

⁹ Там же. Л. 156–157.

¹⁰ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 240. Л. 68.

¹¹ Там же. Л. 57.

¹² Там же. Л. 68.

¹³ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННО). Ф. 7517. Оп. 1. Д. 74 «Отчёт уполномоченного Совета по делам религиозных культов (Лемилин. П.) за 1962 г.».

¹⁴ ЦДНННО. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 219 «Отчёт уполномоченного Совета по делам религиозных культов (Лемилин. П.) за 1963 г.». Л. 51.

¹⁵ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 395. Л. 18.

¹⁶ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 398. Л. 12.

¹⁷ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 400. Л. 17–18.

¹⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 401. Л. 9.

¹⁹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 403. Л. 2, 7.

²⁰ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 432. Л. 16.

²¹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 3. Д. 10. Л. 5.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ СТАРООБРЯДЦЕВ БУГУРУСЛАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

До революции в Бугуруслане и близлежащих селах функционировало 4 старообрядческие (беглопоповские) церкви и 6 молитвенных домов, с общей численностью верующих более 3000 человек. В Бугуруслане располагался епархиальный старообрядческий Успенского собор, построенный в 1914 г. на средства верующих. Церкви старообрядцев действовали также в близлежащих селах Староверовка (позднее Октябровка) и Русская Бокла, а также в деревне Нижне-Заглядино. Молитвенные дома старообрядцев располагались в селах Борисовка, Елатомка, Козловка, Вишневка, деревне Верхне-Заглядино и в поселке Липовский. Сами себя верующие называли древлеправославными христианами-старообрядцами, имеющими священство.

В 1928 г. Бугурусланский и Бузулукский уезды были преобразованы в округа и переданы из Самарской губернии в состав Средне-Волжской области. В августе 1930 г. округа были упразднены, а в 1934 г. Бугурусланский и Бузулукский уезды вошли в состав вновь созданной Оренбургской области.

Священником старообрядческого собора в Бугуруслане после революции служил иерей о. Андрей (Андрей Михайлович Лебедев). Родился он в 1867 г. в селе Добрунь Турчавского уезда Орловской губернии. К древлеправославной Церкви присоединился в 1912 г., будучи уже в сане священника и после этого постоянно служил в г. Бугуруслане. В мае 1912 г. о. Андрей принял деятельное участие в V съезде древлеправославных христиан, который проходил в г. Вольске Саратовской губернии, выступив в пользу идеи приискания архиерея для староверов. На этом съезде о. Андрей был избран членом высшего руководящего органа древлеправославной Церкви – Совета Всероссийского Братства в честь святителя Николы. Восстановление епископского чина в древлеправославной Церкви произошло только в ноябре 1923 г., когда в храме св. Димитрия Солунского Саратова состоялось принятие через миропомазание архиепископа Николы (Петра Алексеевича Позднева). На состоявшемся после этого в 1924 г. Соборе о. Андрей был избран членом Главного Церковного Совета от

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта №13-11-56005.

Сибирской области, а также участвовал в Миротворении в Москве. Неприятие новой власти и принципов государственно-церковных отношений выразилось в участии о. Андрея в 1928 г. вместе со всей древлеправославной общиной Бугуруслана в крестном ходе против произвола советской власти¹.

Протоиерей Андрей Михайлович Лебедев

В 1929 г. в Бугуруслан прибыл единоверческий епископ о. Стефан (Сергей Яковлевич Расторгуев), с именем которого связано дальнейшее развитие старообрядчества не только в этом регионе, но и в стране в целом.

Родился С.Я. Расторгуев 13 (25) октября 1861 г. в Екатеринбурге Пермской губернии в семье потомственного почетного гражданина крупного золотопромышленника купца 1-й гильдии Якова Ивановича Расторгуева, принадлежащего к единоверию. После окончания 5 классов Екатеринбургского Алексеевского реального училища С.Я. Расторгуев работал служащим мануфактурного дела. Вместе с семьей он был прихожанином Свято-Троицкой (Рязановской) еди-

Мироварение (Москва, 1924 г.)

новерческой церкви. В 1882 г. Я.И. Расторгуев был признан несостоятельным должником, а все его имущество продано с торгов. Вскоре Я.И. Расторгуев скончался, оставив наследниками жену – Анну Алексеевну, пять взрослых сыновей и шесть дочерей.

*Торжественное открытие I-го Всероссийского Съезда единоверцев
(г. Санкт-Петербург, 22-30 января 1912 г.)*

*Делегаты I-го Всероссийского Съезда единоверцев
(г. Санкт-Петербург, 22-30 января 1912 г.)*

*Делегат I-го Всероссийского Съезда единоверцев С.Я. Расторгуев
(г. Санкт-Петербург, 22-30 января 1912 г.)*

В январе 1912 года С.Я. Расторгуев был избран общиной Екатеринбургa в качестве делегата и участвовал в Первом Всероссийском

съезде единоверцев в Санкт-Петербурге. Там он познакомился с епископом Сухумским Андреем (Ухтомским), последовательным сторонником идей которого он был впоследствии. Между ними завязалась переписка. После революции С.Я. Расторгуев перебрался в Уфу, где участвовал в деятельности Уфимского церковного управления. 27 октября 1923 г., с благословения епископа Давлекановского Иоанна (Пояркова), в храме Покрова Пресвятой Богородицы Воскресенского единоверческого монастыря, расположенного в Златоустовском уезде С.Я. Растаргуев был пострижен в иноческий чин священноиноком-схимником Стефаном. В этом же году он был первый раз арестован органами ГПУ, пробыв в заключении 21 день. В октябре 1925 г. о.Стефан был возведён в сан игумена Воскресенского единоверческого монастыря, Златоустовского округа епископом Саткинским Руфином (Бреховым) и рукоположен в сан священноинока. Вслед за Андреем (Ухтомским) о.Стефан негативно высказывался относительно

Архиепископ Никола (Позднев), епископ Стефан (Расторгуев), епископ Пансофий (Ивлиев) и христиане у стен Никольского собора в Москве (18 сентября 1929 года)

Декларации Заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля 1927 года, в которой изъявлялась полная лояльность советской власти. Кроме того, он являлся последовательным противником обновленчества. В 1927 г. о. Стефан на короткий срок снова был арестован Красноуфимским ГПУ.

В июле 1928 г. в храме Рождества Пресвятой Богородицы г. Сатки Уральской области о. Стефан был посвящен в сан единоверческого епископа Иргинской области. Через год, летом 1929 г. он был рукоположен в сан единоверческого епископа Бугурусланского. Находясь в Бугуруслане и служа в единоверческой Никольской церкви о. Стефан сблизился с настоятелем древлеправославного Успенского храма протоиереем о. Андреем (Лебедевым), который по поручению

Епископ Стефан (Расторгуев), Архиепископ Никола (Позднев), епископ Пансофий (Ивлиев) в день хиротонии епископа Пансофия (Москва, 18 сентября 1929 г.).

Главного Церковного Совета по-прежнему занимался поиском подходящей кандидатуры епископа. Результатом этого общения стало принятие Стефаном решения о присоединении к старообрядцам.

3 (16) сентября 1929 г. в кафедральном соборе в честь святителя Николы в Москве о. Стефан через миропомазание присоединился к древлеправославной церкви. Чиноприем совершил архиепископ Никола (Позднев). Духовным отцом Стефана стал архимандрит Пансофий (Ивлиев). Акт присоединения состоялся в присутствии многочисленного духовенства и мирян. Таким образом, Стефан стал вторым, после архиепископа Николы (Позднева) архиереем и это дало каноническую возможность для рукоположения новых епископов. Уже через два дня после своего присоединения епископ Стефан вместе с архиепископом Николой рукоположили первого за 260 лет древлеправославного архиерея Пансофия (Павла Яковлевича Ивлиева) на Ростов-на-Дону и Курскую кафедру. За этим последовали хиротонии других епископов. В последующие годы при участии Стефана были проведены хиротонии еще пяти древлеправославных архиереев: в феврале 1930 г. был рукоположен Филарет (Харламов), епископ Свердловский; в де-

о. Стефан и епископ Свердловский Филарет (Харламов) вместе с клиром кафедрального храма г. Екатеринбурга.

кабре 1933 г. – Павел (Носов), епископ Городецкий; в 1933 г. – Феодор (Шашин), епископ Курский и Западной области; в июне 1936 г. – Михаил (Кочетов), епископ Романово-Борисоглебский.

Хиротонии проходили в Бугуруслане, где жил епископ Стефан и местные власти пристально следили за религиозной активностью старообрядцев. Так, сразу после своей хиротонии епископ Филарет (Харламов) был арестован органами ОГПУ в Бугуруслане, и с 17 февраля по 4 марта 1930 г. находился в заключении. Вместе с ним были арестованы и другие участники хиротонии, в том числе и епископ Пансофий (Ивлиев).

Став во главе Бугурусланско-Уральской и Сибирской древлеправославной епархии о.Стефан деятельно руководил жизнью Церкви, продолжал тайно проводить церковные соборы, вел обширную переписку. Секретарем епархиального совета стал о.Андрей (Лебедев). Однако активная деятельность старообрядцев не могла не вызвать негативной реакции со стороны советских структур. В 1931 г. до суда дошло дело, связанное с отказом о.Андрея приобретать облигации государственного займа.

*Епископ Стефан (Расторгуев) и еп. Пансофий (Ивлиев)
с духовенством и христианами Уральской епархии
(Бугуруслан, 1933 г.)*

В ноябре 1932 г. органами Бугурусланского ОГПУ по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, а так же в контрреволюционной организационной деятельности епископ Стефан был снова арестован. Обосновывая арест о.Стефана ОГПУ давало ему следующую характеристику: «Являясь ставленником бывшего князя Андрея Ухтомского, при активном участии Лебедева, проводит политику объединения всех старообрядческих образований в единую общинную организацию для борьбы с советской властью»². До суда, в течении почти полугода о.Стефан содержался в заключении. По этому же делу был арестован и о.Андрей, а так же еще 18 древлеправославных христиан. Их обвинили в создании «старообрядческой контрреволюционной группировки», состоящей из беглопоповцев Бугурсланского района. Первоначальным приговором тройки для ряда подсудимых была определена высшая мера наказания. Однако в силу пожилого возраста большинства из осужденных, были приняты более мягкие приговоры. 26 мая 1933 г. тройкой ОГПУ епископ Стефан был осужден по пунктам 10 и 11 статьи 58 УК РСФСР. Срок предварительного заключения был зачтен и после суда Стефан был освобожден. Отец Анд-

*Архиепископ, Первоиерарха всей Древлеправославной Церкви
Стефан*

рей был приговорен к 12 годам ссылки за пределы Средне-Волжского края. Впрочем, он не подчинился этому приговору и продолжил свое служение в Бугуруслане.

После смерти в сентябре 1934 г. архиепископа Николы (Позднева) епископ Стефан стал местоблюстителем древлеправославной церкви, а в 1935 г. соборно возведен в сан архиепископа Московского и всея Руси, стал первоиерархом древлеправославной Церкви. Архиепископская старообрядческая кафедра находилась в Бугурусланском епархиальном соборе, по ул. Транспортная, 76.

Но Бугуруслан недолго был центром советского старообрядчества. Архиепископ Стефан был арестован органами НКВД 27 июля 1937 г. и заключен в тюрьму в г.Оренбурге. 31 августа 1937 г. тройкой УНКВД Оренбургской области он был приговорён по ст. 58-10, 11 УК РСФСР к расстрелу. 2 сентября 1937 г. приговор был приведен в исполнение. Похоронен архиепископ Московский и всея Руси Стефан в Зауральной роще г.Оренбурга вместе с другими жертвами политических репрессий.

11 мая 1989 г. архиепископ Стефан был реабилитирован. В мае 2007 г. Освященным Русской древлеправославной церкви архиепископ Стефан был причислен к лику святых.

После ареста и расстрела пастырей Бугурусланский собор был закрыт. Верующие Бугуруслана собирались на моления по частным домам. Во время Великой Отечественной войны здание соборной церкви использовалось под засыпку зерна.

В последние военные годы принципы взаимоотношений между органами советской власти и религиозными организациями были несколько скорректированы. Действующие религиозные организации с первых дней войны заняли патриотическую позицию, и интересы единения всего народа перед общей внешней угрозой заставили советское руководство перейти к более лояльной религиозной политике. Проводниками этой политики призваны были стать созданный при Совнаркоме (с 1946 г. – при Совете Министров) в сентябре 1943 г. Совет по делам Русской православной церкви и учрежденный 19 мая 1944 г. также при Совнаркоме Совет по делам религиозных культов.

По имеющимся официальным данным в г.Бугуруслане в этот период насчитывалось примерно 500 старообрядцев, а всего по району – 1800 чел. Со слов самих верующих, с которыми общался уполномоченный по делам религиозных культов по Оренбургской области

С. Царев, в городе и 9-10 селах района, в которых проживали старообрядцы, насчитывалось примерно 3000 верующих.

Старообрядцы г. Бугуруслана и сел района неоднократно возбуждали ходатайства об открытии церквей и молитвенных домов, но им каждый раз отказывали по различным мотивам.

В мае 1944 г. в местные органы власти поступило заявление от старообрядцев с. Елатомка, в котором они просили зарегистрировать религиозное общество и снова открыть молитвенный дом, который был закрыт в 1936 г. По заявлению самих верующих в Елатовке насчитывалось около 300 старообрядцев. Это ходатайство не было удовлетворено.

По неподтвержденной информации, имеющейся у уполномоченного, после окончания войны Успенская старообрядческая церковь фактически использовалась верующим и в ней отправлялись богослужения вплоть до 1948 г., когда церковь вторично закрыли. Но подобного рода молитвенные собрания, скорее всего, были нелегальными. Верующие стремились придать своей религиозной жизни официальный статус и закрепить за собой здание церкви на законных основаниях. В результате в ноябре 1945 г. поступило заявление, подписанное 150 верующими, в котором они просили открыть в г. Бугуруслане соборную церковь. Получив отказ в августе 1946 г. верующие повторно возбудили ходатайство об открытии соборной церкви или молельного дома в г. Бугуруслане. Решением облисполкома от 27 августа 1946 г. в этом ходатайстве было снова отказано. Совет по делам религий при Совете министров СССР, рассмотрев этот вопрос на своем заседании 19 сентября 1946 г., решение облисполкома признал правильным.

Не согласившись с отказом, старообрядцы Бугуруслана подали новое заявление об открытии пустующей церкви, которое подписали которое 138 верующих.

Учитывая неоднократные и настойчивые обращения старообрядцев облисполкомом и уполномоченный Совета в своем заключении от 15 декабря 1947 г. возбудили ходатайство перед Советом о регистрации общества и возврате верующим церкви. Однако Совет по делам религий не согласился с мнением местных властей и в марте 1949 г. принял решение о нецелесообразности регистрации общества старообрядцев в Бугуруслане.

В сентябре 1948 г. облисполкомом с последующей санкцией Совета по делам религиозных культов было отклонено совместное

ходатайство старообрядцев белокриницкого согласия селений Илек, Мухраново и Рассыпное об открытии в Илеке старообрядческой церкви в частном доме А.А. Дьяконова (ул. Студеновская, 21). Данное помещение было признано непригодным для проведения массовых собраний.

В 1950 г. к уполномоченному по Чкаловской области Опитину снова обратились представители религиозной группы старообрядцев-беглопоповцев г.Бугуруслана с просьбой о регистрации их священника. В городе и близлежащих селах по данным уполномоченного в этот период проживало порядка 2000 старообрядцев этого течения. Верующим было разъяснено, что служитель культа может быть зарегистрирован только после регистрации соответствующей религиозной общины³.

В 1951 г. к уполномоченному с просьбой о разрешении проведения молитвенных собраний в дни особо чтимых праздников и отправления отдельных религиозных обрядов обратились уже старообрядцы-беспоповцы г.Бугуруслана. С ними совместно с аналогичной просьбой обратились и бугурусланские меннониты (из числа немцев, бывших трудармейцев, находящихся на спецпоселении). Вполне ожидаемо верующие получили отрицательный ответ. Помимо этого, уполномоченному, сообщившему о данной просьбе в Совет по делам религиозных культов, было рекомендовано принять меры к пресечению деятельности этих организаций⁴.

Всего же по официальным данным уполномоченного в начале 1951 г. в Чкаловской области действовали без регистрации 3 группы старообрядцев белокриницкого согласия, в состав которых входило порядка 70 верующих, и 9 групп беглопоповцев (350 верующих)⁵. Скорее всего эти данные были сильно занижены, так как резко контрастируют со сведениями, которые направлялись в Совет по делам религиозных культов ранее.

Еще в 1949 г. здание старообрядческого храма в Бугуруслане было передано нефтяному техникуму, но последний не смог в течение двух лет его освоить. Тогда в 1950 г. исполком Бугурусланского горсовета, отмечая высокие достижения спортсменов и физкультурников города, обратился в облисполком с просьбой передать здание старообрядческого собора, расположенного по ул. Стахановской, 76, под городской физкультурный клуб. По ходатайству Оренбургского облисполкома 21 октября 1951 г. Совет по делам религий постановил передать пустующую церковь в распоряжение Бугурусланского го-

родского комитета по делам физкультуры с правом переоборудования. Но и у комитета не нашлось необходимых средств для переоборудования храма и поэтому это решение было снова пересмотрено. 25 февраля 1953 г. облисполком принял решение передать соборную церковь школе механизации с правом переоборудования под клуб. Но и это решение не было исполнено и здание и дальше использовалось в основном как складское помещение. Позже здание было переоборудовано под класс СПТУ по изучению комбайнов.

В июне и августе 1951 г. старообрядцы Бугуруслана, потеряв надежду на возможность возвращения соборной церкви, возбудили ходатайство об открытии молитвенного здания в доме М.И. Даниловой по ул. Береговая, 49, которая пожертвовала его для общества верующих. На это ходатайство Облисполком и Совет снова ответили отказом.

Всего за период с 1944 по 1951 годы старообрядцами Чкаловской области было подано 26 ходатайств о регистрации⁶. Только в 1951 г. поступило четыре ходатайства от старообрядцев беглопоповцев г. Бугуруслана и одно от старообрядцев белокриницкой иерархии с. Илек. Все эти ходатайства были отклонены⁷.

В отчетах уполномоченного за 1954 г. отмечалась деятельность Бугуруслане незарегистрированной группы старообрядцев в 30-40 человек. В дни религиозных праздников молитвенные собрания посещало до 100 человек. Возглавлял бугурусланскую общину в этот период некто Абрамов. Количественные данные о численности старообрядцев в Бугуруслане не отражали в полной мере религиозное движение в городе. Так, в отчете за 1957 г. уже отмечалось, что только в г. Бугуруслане насчитывалось около 800 верующих старообрядцев беглопоповцев, а вместе с пригородным районом эта цифра составляла порядка 2000 верующих⁸.

Религиозные группы старообрядцев беглопоповцев действовали также в селах Нижне-Заглядино, Козловка, Борисовка, Блиновка, Сосновка, Вишневка Бугурусланского района; селах Русская Бокла, Заглядино Мордово-Боклинского района и Верхне-Заглядино Асекеевского района.

Старообрядцы белокриницкого толка действовали в селах Илек, Рассыпное и Мухраново Илекского района⁹.

В ноябре 1965 г. старообрядцы беглопоповского согласия Бугуруслана направили свои заявления в адрес уполномоченного по делам религиозных культов по Брянской области и архиепископа древлеправославных христиан-старообрядцев Новозыбковского, Москов-

ского и всея Руси. Архиепископ Иеремия в своем письме от 6 марта 1966 г. поддержал эту просьбу. Им даже был намечен священник для организации богослужения в бугурусланской общине – священник из г. Михайловки Исаакий Николаевич Лестев. В марте 1966 г. ходатайство староверов-беглопоповцев г. Бугуруслана было передано в Совет. И снова был получен отрицательный ответ. В 1966 г. верующие еще дважды обращались с ходатайствами, в ноябре и декабре. Уполномоченный Совета П. Вдовин, несмотря на отрицательное заключение Бугурусланского горисполкома сделал вывод о возможности регистрации общества старообрядцев с присоединением к нему верующих близлежащих сел Бугурусланского, Северного и Александровского районов.

В июле 1967 г. член двадцатки бугурусланского общества М.П. Евтюхин направил письма с просьбой об оказании содействия в регистрации общины старообрядцев беглопоповского согласия в адрес председателя СМ ССР А.Н. Косыгина, председателя Совета по делам Религий при СМ СССР В.А. Куроедова и уполномоченного Совета по Оренбургской области П.Вдовина.

Обязанности священника у бугурусланских старообрядцев в этот период исполнял Марк Варфаламеевич Ратанов, которому в 1967 г. исполнилось уже 86 лет. На молитвенные собрания старообрядцы уже практически не собирались. Совместно происходило только отпевание усопших единоверцев. Венчание и крещение осуществляется в г. Куйбышеве, где была действующая старообрядческая церковь.

Во второй половине 1960-х годов главную роль в общине играл Иван Савельевич Савин (1905 г.р.), который в 1966 г. вошел в состав двадцатки. До ухода на пенсию в 1964 г. он работал директором конторы по заготовкам Бугурусланского райпотребсоюза и считался хорошим специалистом по кожсырью. В конторе он работал около 20 лет. Подготовил к этой работе и своего сына – Андрея Савина, который работал в 1960-е годы заместителем директора заготконторы Бугурусланского райпотребсоюза, являлся членом партии. После ухода на пенсию И.С. Савин около года прожил в Куйбышеве, затем вернулся в Бугуруслан (проживал в частном доме по ул. Интернациональной 65)¹⁰.

По инициативе И.С. Савина верующие старообрядцы беглопоповского согласия г. Бугуруслана, начиная с 1967 г. стали активно обращаться с жалобами во все инстанции: партийные, правительствен-

ные, местные органы с требованием зарегистрировать их религиозное общество.

В 1968 г. была предпринята новая попытка регистрации общества. 16 октября 1969 г. облисполком своим решением снова отказал в регистрации общества старообрядцев г. Бугуруслана в связи с тем, что инициаторы ходатайства в своем обращении выступили от всех старообрядцев области. Исполкому Бугурусланского горсовета было поручено взять общину старообрядцев на учет, с тем, чтобы проводить работу по прекращению ее деятельности.

В мае 1970 г. И.С. Савин письменно обратился с просьбой о содействии в регистрации к депутату Верховного Совета СССР К.М. Трифионовой, копии письма направив в облисполком и горисполком. Данное обращение было рассмотрено на заседании Бугурусланского горсовета 9 июня 1970 г., на котором было принято решение отказать в просьбе заявителю, так как он не может выступать от имени верующих старообрядцев города и области. Однако по настоянию совета по делам религиозных культов облисполком направил в горсовет предписание о необходимости взять на учет общину старообрядцев.

По данным на конец 1971 г. незарегистрированные религиозные группы действовали в следующих населенных пунктах области: в городах Бугуруслан (350 верующих), Оренбург (до 60), Бузулук (20); с.Елатомка (80), с.Вишневка (30), с.Завьяловка (20), с.Нижне-Заглядино (70), с.Козловка (60), с.Борисовка (50), с.Русская Бокла (60), с.Орловка (60) Бугурусланского района; п.Бугульма (23), с.Уваровка (26), д.Верхнезаглядино (58), ж/д ст. Заглядино (28), с. Алексеевка (47) Асекеевского района; с.Мухраново (30), с.Илек (35) Илекского района; с.Федоровка (40) Курманаевского района; п.Р.Дема (25) Пономаревского района; с.Ждановка (50) Сакмарского района; п.Родники (22) Саракташского района; п. Черный Ключ (35) Северного района. Таким образом, только по официальным данным уполномоченного в нелегально действующих общинах старообрядцев всех толков в области насчитывалось более тысячи верующих.

В 1972 г. Иван Савельевич Савин был подвергнут административному штрафу в сумме 50 рублей за то, что провел молитвенное собрание без получения на то разрешения горисполкома. Не согласившись с этим решением И.С. Савин обратился в суд, который подтвердил факт незаконных действий истца, но в связи с нарушением

установленных сроков вынесения акта об административном правонарушении этот штраф был снят.

Трижды, в апреле, июне и июле 1972 г. старообрядцы обращались письменно с жалобами к председателю Совета по делам религий В.А. Куроедову. В мае и октябре этого же года члены двадцатки И.С. Савин и А.М. Ключкин приезжали в Москву и со второй попытки добились встречи с заместителем председателя Совета Уточкиным. 30 октября 1972 г. жалоба от имени старообрядцев г.Бугуруслана была направлена председателю президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному. Ответ на эту жалобу они получили от уполномоченного по Оренбургской области Г. Василенко, который откровенно сообщал, что общину, почти все члены которой нарушают советское законодательство о религиозных культах, регистрировать нельзя. Верующим указывалось на то, что они без соответствующего решения проводят молитвенные собрания, производят и продают свечи, образовали исполнительный орган общины. Получив этот ответ, заявители 23 ноября 1972 г. обратились с жалобой уже к председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину. Все эти письма отсылались для рассмотрения в Оренбургский облисполком и не получали положительного ответа.

Активные требования о регистрации бугурусланской общины старообрядцев прекратились только после того, как решением Совета Архиепископии от 1-3 февраля 1973 г. И.В. Савин был отлучен от «единства Христовой Церкви «аки гнилый уд» за распространение клеветнических писем на архиепископа Павла.

Последнее из ходатайств общины старообрядцев Бугуруслана было рассмотрено в горисполкоме 12 июня 1973 г. Было принято решение дать отрицательное заключение, в связи с систематическим нарушением членами общины законодательства о культах, выражающемся в проведении молитвенных собраний на квартирах без разрешения органов власти.

Легализации религиозной жизни старообрядцам пришлось ждать до 1982 г., когда была зарегистрирована община древлеправославных христиан-старообрядцев в Оренбурге, а вслед за этим и в Бугуруслане. Для молитвенных целей в обоих городах были приобретены и переоборудованы частные дома. Архиепископом Русской древлеправославной церкви Геннадием в новые общины были направлены священнослужители. В г.Оренбурге с 1983 по 1987 гг. обязанности настоятеля храма Святых мучеников Козьмы и Доминана выполнял

протоирей П. Онуфриенко. В Бугуруслане настоятелем прихода в честь Успения Пресвятой Богородицы стал протоирей Диомид Калинин. Это оживило религиозную жизнь в общинах. Так только в Бугуруслане в 1984 г. было совершено 31 крещение, 7 венчаний, 42 очных отпевания.

Без регистрации по данным уполномоченного в Бугурусланском и Асекеевском районах действовало еще 8 старообрядческих (беглопоповцы) религиозных общин¹¹. Верующие собирались по воскресным и праздничным дням по 10-20 человек. В каждой общине были избраны свои служители культа. По просьбам верующих к ним приезжали зарегистрированные священники.

В августе 1984 г. было зарегистрировано религиозное общество старообрядцев в с.Елатомка Бугурусланского района.

В начале 1992 г. в области по-прежнему действовали 3 зарегистрированные религиозные общины древлеправославных христиан (старообрядцев беглопоповского согласия). В городах Оренбурге, Бугуруслане и с.Елатомка Бугурусланского района верующие имели молитвенные дома. Но десятилетия запретительной политики государства и целенаправленная атеистическая пропаганда все же сделали свое дело и возобновление религиозной жизни было связано с большими трудностями. Сложная ситуация была со служителями культа, которых практически не было. В составе религиозных организаций старообрядцев было очень мало молодежи. Вызвано это было возможно тем, что Устав старообрядческой церкви предписывает отказаться от многих увлечений и соблазнов мирской жизни – не пить и не курить и пр. Церковные службы длятся до 5 часов. Это отталкивало молодежь и даже в условиях возрождения религиозной активности в конце 1980-х – начале 1990-х годов многие предпочитали ходить в храмы РПЦ.

В 1992 г. в Оренбурге было зарегистрировано религиозное общество старообрядцев-поповцев Белокриницкой иерархии. Община стремилась вернуть себе здание бывшей церкви по пер. Матросскому, 18, где располагалось ДСШ УНО г.Оренбурга. Верующие даже проводили пикетирования у стен церкви. В конечном счете, здание церкви, хоть и в значительно изменившемся виде, но было возвращено верующим.

Таким образом, в годы советской власти старообрядческие общины подверглись значительной трансформации. Ликвидация в годы репрессий священников, изъятие храмов и молитвенных домов, перевод общин на нелегальное положение и масштабная атеистическая пропаганда привели к значительному сокращению численности ста-

рообрядцев всех течений на территории Оренбургской области. Но несмотря на тяжелые испытания и жестко запретительную политику старообрядцы Оренбуржья сумели сохранить основы религиозного учения и культуры и во второй половине 1980-х годов начали постепенное возрождение своей религиозной жизни.

Примечания

¹ Протоиерей Андрей Михайлович Лебедев [Электронный ресурс]. URL: <http://ancient-orthodoxy.narod.ru/memory/lebedev.htm> (дата обращения: 20.07.2013)

² Стефан, архиепископ Бугуруслано-Уральский и Сибирский [Электронный ресурс]. URL: <http://ancient-orthodoxy.narod.ru/memory/stefan.htm> (дата обращения: 20.07.2013)

³ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Д. 2с. Секретная переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и исполкомами городских и районных советов по вопросам религиозных праздников и мероприятиях. (18 февраля 1950-7 декабря 1962 гг.). – Л.33.

⁴ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Д. 2с. Секретная переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и исполкомами городских и районных советов по вопросам религиозных праздников и мероприятиях. (18 февраля 1950-7 декабря 1962 гг.). – Л.49.

⁵ По другим данным старообрядцев бегоповцев действовало нелегально 10 религиозных групп (450 верующих) и одна группа белокриницкого толка (30 верующих) (ЦДНИ-ОО.Ф.371. Оп. 16. Д. 150. Л. 21.)

⁶ ЦДНИОО.Ф.371. Оп. 16. Д. 150. Л.12. ГАОО. Ф.617. Оп.1.Д. 211. Л.142.

⁷ ЦДНИОО.Ф.371. Оп. 16. Д. 150. Л. 8.

⁸ ГАОО. Ф.617. Оп. 1. Д.240. Л. 68

⁹ ЦДНИОО.Ф.371. Оп. 17. Д. 1325. Л.23, 25.

¹⁰ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1966. Д. 15. Материалы ходатайства верующих старообрядцев г.Бугуруслана. Л.4-10.

¹¹ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1983 г. Информация «О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания» и Постановления Совета Министров РСФСР от 11 ноября 1981 г. «О мерах по дальнейшему усилению работы по атеистическому воспитанию». Л. 2

ЦЕРКОВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ)

Церковное краеведение еще недостаточно исследовано в современной историографии локальной истории. Демократизация общественной жизни 60-х гг. коснулась и Русской православной церкви. Приходские священники были в России одним из бесправных сословий. На это обстоятельство обращала внимание Оренбургская учёная архивная комиссия (ОУАК). Так, член Оренбургской архивной комиссии о. Н.Н. Модестов в 1913 г. передал в дар комиссии рукопись, содержащую «характерный и правдивый вопль священника того времени о своих нуждах, отчасти верный и ныне»¹. Тем не менее, именно приходское духовенство сыграло ведущую роль в изучении сельской провинции в рассматриваемый период. Следует напомнить, что в это время оно было самым значительным массово грамотным сословием в России.

Развитие церковного краеведения в Оренбургском крае было обусловлено задачей укрепления православия в связи с наличием большого количества раскольников и многочисленного нехристианского (мусульманского) населения. Однако на практике эта задача решалась значительно шире.

В нач. 60-х гг. Оренбургский Епископ Варлаам составил и предложил приходскому духовенству программу ведения церковных летописей в Оренбургской Епархии². Запись сведений предлагалось начинать с янв. 1865 г. Значение данного документа определяется обширностью задач, поставленных перед настоятелями приходов. Не только все события церковной, но и гражданской жизни данной местности: села, города должны были отражаться в летописи. В обязанность приходских священников вменялось фиксировать все явления естественноисторического характера. В этой программе было отведено место и научным сведениям по статистике, метеорологии и пр. Причем участие в составлении летописи должны были принимать все служители причта. Член ОУАК (1899) И.И. Архангельский для исторического очерка о Казанском Женском монастыре в г. Троицке пользовался одной из таких хроник³.

С 1870-х гг. летописи, составленные местными священниками, а также историко-статистические очерки, написанные на их основе, на-

чали публиковать «Оренбургские епархиальные ведомости». В 1873 г. весть о выходе епархиального органа была встречена местным духовенством „с единодушным сочувствием и живейшим интересом”, о чем свидетельствовали письменные сообщения в редакцию. В одном из них говорилось, что „замкнутая, затертая в глуши жизнь сельских священников, наконец, откроет себе путь к гласной и небесплодной печатной деятельности”⁴. Редакция газеты, в свою очередь, рассчитывала на „просвещенное содействие епархиального духовенства... по составлению и присылке статей, корреспонденций и заметок” и, прежде всего, по историко-статистическому описанию приходов, и выражала уверенность, что в таком содействии недостатка не будет⁵. По мнению Н.М. Чернавского Неофициальный отдел газеты “по местной ... истории, по количеству и значению статей, должен быть поставлен на первом месте” среди губернской прессы⁶. С уничтожением церковных архивов в первые годы советской власти, эти публикации остаются сегодня единственным источником по истории сел, станиц и малых городов Южного Урала и отчасти Казахстана⁷.

Редакция приглашала духовенство также “высказывать свое суждение о местных потребностях духовной паствы, ...пастырской практики, вызываемых местными условиями и обстоятельствами, чтобы духовенство, таким образом, стало в близком отношении к редакции, дабы работать для общего дела”⁸. В № 2 за 1896 г. она уведомляла читателей, что не публикации общецерковного характера, а “церковно-приходская жизнь в ее прошлом и настоящем, в ее многообразных проявлениях, должна быть главным предметом Ведомостей”⁹.

Злободневными проблемами на страницах газеты были раскол, сектантство и распространение христианства среди нерусского населения Оренбургской Епархии. Публикации на эти темы также содержали немало ценных сведений по истории сел и приходов, социальному и религиозному составу их жителей¹⁰. Таким образом, «Оренбургские епархиальные ведомости» внесли немалый вклад в изучение церковной истории местного края.

Процесс демократизации газеты особенно ярко прослеживается с середины 1880-х гг., когда ее редактором стал ректор Оренбургской духовной семинарии, прот. Ф.А. Дмитровский (1884-1888). Он привлек к сотрудничеству преподавателей семинарии. Эта тенденция была продолжена новым редактором – Н.П. Израильским – преподавателем гражданской всеобщей и русской истории семинарии, а с 1896 г. – ред. Н.М. Чернавским, который в то время преподавал в духовном

училище. Он сам опубликовал статьи по истории епархии и историко-статистические описания пяти приходов¹¹.

Преподаватель Оренбургской семинарии Н.И. Чижов выступал с критикой ислама¹² и исследовал историю церковно-приходских школ Оренбургского уезда¹³. В 1900 г. газета печатала «Краткий очерк единоверия» в Оренбургском крае семинарского учителя Д.С. Медведова¹⁴, в 1900-1901 г. - «Несколько новых данных из начальной истории Александро-Невского собора, в г. Уральске» и другие статьи свящ. И.П. Кречетовича¹⁵. Последний в то время был инспектором женского епархиального училища, а впоследствии стал ректором духовной семинарии.

«Епархиальные ведомости» публиковали работы и других преподавателей епархиального училища: П. Райского - по истории оренбургского сектантства¹⁶ и В.П. Троицкого - о Всероссийской Нижегородской выставке 1896 г.¹⁷ Публикация последнего представляет особый интерес в области практического краеведения, так как освещает деятельность духовенства оренбургских приходов в сборе экспонатов для выставки. П. Райский, помимо церковной истории занимался исторической географией. Он исследовал природные условия Орска, полезные ископаемые в пос. Хабарды, а также археологические памятники (в пос. Банном)¹⁸. В 1915 г. в Оренбурге был издан его «Путеводитель по городу Оренбургу», который и сегодня является ценным источником по топографии и истории города. Свидетельством тому служит переиздание «Путеводителя» в 2000 г.

Среди преподавателей духовных учебных заведений, которые занимались исследованием местной церковной и гражданской истории, следует выделить уже упоминаемого нами А.В. Васильева. Он преподавал классические языки и пение в Оренбургской семинарии, совмещая педагогическую работу с активной общественной и научной деятельностью – был членом Тургайского статистического комитета, советником областного правления и в течение десяти лет редактировал «Тургайскую газету». Его исследования не только публиковались в «Епархиальных ведомостях» и в изданиях Оренбургского ГСК, но и привлекали внимание ведущих научных обществ страны.

Особый интерес у Восточного отделения Императорского Русского археологического общества вызвали «Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений» (Оренбург, 1898. 63 с.), в которых Васильев дал характеристику этническим взаимоотношениям в Орен-

бургском крае, долгое время не являвшимися стабильными (XVI и перв.пол. XIX вв.), а также проанализировал влияние русских на распространение ислама в киргизской степи. В качестве примера татарско-киргизской полемики автор подробно описал поэтические и песенные состязания татар и киргизов¹⁹.

Русский востоковед, один из создателей Восточного отделения Общества П.М. Мелиоранский представил две другие работы оренбургского исследователя: «Образцы киргизской народной словесности» и «Киргизские сказки» (Оренбург, 1898. 89 с.), которые являются, по мнению рецензента, большим вкладом в сокровищницу материалов по киргизскому фольклору²⁰. Восточное отделение Императорского Русского археологического общества опубликовало отрывок из работы Васильева «Образцы киргизской народной словесности» - «Киргизские загадки» (60 с.)²¹ Видный ученый, председатель Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете Н.Ф. Катанов написал объемную положительную рецензию на «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние» (его же)²².

В начале XX в. А.В. Васильев уехал в Казань, где продолжал исследовательскую деятельность в Обществе археологии, истории и этнографии (умер в 1945 г.²³) В годы советской власти это общество продолжало играть ведущую роль в изучении востока России²⁴.

В данном обзоре научной деятельности преподавателей средних духовных учебных заведений Оренбурга были выделены только те лица, которые входили в состав Оренбургской архивной комиссии (ОУАК). Следует отметить, что А.В. Васильев, Н.И. Чижов, а также законоучители М.Я. Божуков (мужская гимназия), А.К. Шильнов (женская прогимназия), П.С. Словохотов (юнкерское училище) были среди первых, кто в 1887 г. откликнулись на приглашение оренбургского губернатора принять участие в создании ОУАК²⁵. В 1907 г. в действительные члены Комиссии был принят преподаватель духовной семинарии В.Я. Струминский. Его исследовательская деятельность в области краеведения, психологии и истории педагогики получит наибольшее развитие в советский период.

В 1912-1913 гг. был создан Оренбургский церковно-археологический комитет, который основали члены ОУАК – преподаватели духовной семинарии прот. И.П. Кречетович (председатель), о. М.Я. Филологов и о. М.Я. Божуков. В задачу Комитета входили «заботы по изучению и охране церковно-археологических древностей»²⁶. В связи

с начавшейся Первой мировой войной и последовавшими революционными событиями это учреждение не успело осуществить намеченную программу.

Профессиональный уровень преподавательского состава Оренбургской семинарии был очень высок²⁷. Священнослужители-педагоги обладали широкой эрудицией, многогранными научными интересами. Все они получили в свое время высшее духовное образование, а Н.М. Чернавский закончил предварительно саму Оренбургскую семинарию²⁸. Преподаватели церковных учебных заведений представляли своеобразную интеллектуальную элиту оренбургского общества на рубеже XIX-XX вв., поэтому не случайно, что они внесли значительный вклад в развитие краеведения в Оренбургском крае.

Причём, члены ОУАК – священнослужители - в силу более высокого уровня образования представляли себе задачу изучения местного края намного шире “церковной археологии”. Даже летописец Оренбургской Епархии Н.М. Чернавский²⁹ занимался гражданской историей. Уже в конце 1890-х гг. он приступил к изучению истории Челябинска³⁰, который в 1920-е гг. станет для него не только местом жительства, но и новым полем краеведческой деятельности.

Протоиерей И.П. Кречетович в 1911 г. выпустил в Москве свою крупную историческую монографию «Крестьянская реформа в Оренбургском крае». Священник о. Модестов Н.Н. изучал начальную историю Оренбурга³¹, а также материалы, связанные с пребыванием в крае Ф.К. Зана, В.И. Даля, Т.Г. Шевченко³². На одном из заседаний ОУАК он представил подлинную статью В.И. Даля о возвращении русских пленных из Хивы, которую поместил затем в «Русский Архив» (№ 1 - 1915 год).

Следует заметить, что Н.Н. Модестов был первым оренбургским исследователем творчества Т.Г. Шевченко. Еще в 1913 г. Комиссия поручила ему установить точную дату пребывания Шевченко в Оренбургском крае и выработать текст надписи для памятной доски на доме Кутина³³. Задачу поиска он значительно расширил – изучил творчество поэта в оренбургский период - и результаты его работы были опубликованы ОУАК³⁴. Остаются не вполне ясными обстоятельства, в силу которых Н.Н. Модестов оказался в Оренбурге. В ходе данного исследования в ГАОО был найден документ, из которого следует, что, закончив Московскую духовную академию (1886 г.) в чине Кандидата богословия, он имел приход в Москве и вел службу в Саввинской церкви. Очевидно, попав в немилость москов-

ского епархиального начальства, был лишен прихода и отправлен в 1910 г. в негласную ссылку в Оренбург - как он пишет - “для поправки здоровья”. Однако из Московской епархии был прислан запрос, не приписан ли Модестов к какой-либо церкви в Оренбурге?³⁵ Несмотря на то, что в Оренбурге он прихода не имел, подписывался всегда: “священник Модестов”. Эта двойственность его положения вызывала подозрительность со стороны Духовной Консистории. Так, епископ Феодосий в 1911 г. отклонил просьбу ОУАК допустить его к церковному архиву, “за неизвестностью о Модестове епархиальному начальству”³⁶.

Постоянными корреспондентами научных краеведческих обществ Оренбурга и Уфы были приходские священники³⁷. В 1907 г. ОУАК разослала по приходам губернии опросные листы о наличии архивов в церквях и в течение года (1907-1908) получила ответы в количестве более 800 листов³⁸. На основе этих данных можно установить, что только в Оренбурге в нач. XX в. было 42 церкви, в том числе Пантелеймоновская – в Зауральной роще и 22 домовых, а всего в ведении Епархии находилось 710 церквей³⁹.

Собранные материалы, уже в обработанном виде, ОУАК отправила в Императорскую Археологическую комиссию. Они хранятся сегодня в Архиве Института истории материальной культуры РАН в Петербурге. Причем, не только сведения о церквях губернии, но и фотографии уже исчезнувших в 1930-е гг. церковных зданий Оренбурга (Троицкой церкви, форштадской - Георгия Победоносцева и др.), Орского и Челябинского уездов⁴⁰. В 1911 г. Архивная комиссия по инициативе Н.Н. Модестова приняла решение выразить благодарность через «Епархиальные Ведомости» всем “отцам-настоятелям” церквей Оренбургской Епархии за проделанную работу⁴¹. Данные материалы активно использовались большевиками в 1919 г. при составлении «Инструкции по охране памятников»⁴².

Оренбургский Отдел ИРГО также имел многочисленных корреспондентов среди священников. В 1872 г. им был объявлен конкурс на лучшие труды по этнографии, истории, статистике, естествознанию Оренбургского края. В 1873 г. Отдел обратился к сельскому духовенству с просьбой наблюдать за природными явлениями и получил много подробных и обстоятельных описаний, которые составили своеобразный архив метеонаблюдений. В 1876 г. были составлены и разосланы программы для сбора сведений по географии, этнографии, статистике, естествознанию. Среди заполненных листов (более 400) большую

часть составляют те, которые подписаны священниками сельских приходов⁴³.

Яркими представителями любознательного и образованного сельского духовенства были постоянные корреспонденты оренбургских научных обществ - священники Челябинского уезда братья Илья и Александр Инфантьевы. И. Инфантьев занимался энтомологией и сотрудничал с Оренбургским отделом РГО – высылал в Оренбург коллекции насекомых⁴⁴. А в отчете ОУАК за 1901 г. упоминаются археологические изыскания, которые он проводил в уезде вместе с братом. Наиболее успешными оказались раскопки Александра около с. Редутского⁴⁵. В 1905 г. А. Инфантьев был принят в действительные члены Архивной комиссии⁴⁶.

Развитие церковного краеведения было тесно связано с зарождением провинциального общества пореформенной России. Изучение местного края и помощь в организации исследовательской работы научных обществ составляли один из приоритетов в системе общественных ценностей, которые были с воодушевлением восприняты священнослужителями Оренбургского края.

Примечания

¹ Имеется в виду сочинение московского священника И.С. Беллюстина, труды которого в 60-е гг. имели большое значение в среде духовенства. См.: Отчет о составе и деятельности ОУАК за 1913 г. Ор-г. 1914. С. 29.

² Тр. Оренбургской Учен. Арх. Комис. – 1900. – Вып. IX. С. 107-114.

³ Архангельский И.И. Материалы для истории г. Троицка. II. Основание в г. Троицке гимназии. III. Казанский женский монастырь. // Тр. Оренбургской Учен. Арх. Комис. – 1900. – Вып. IX.

⁴ Чернавский Н.М. Оренбургские Епархиальные Ведомости. // Тр. Оренбургской Учен. Арх. Комис. - 1903. - Вып. XII. - С. 157-158.

⁵ Чернавский Н.М. Там же.

⁶ Чернавский Н.М. Там же - С. 179.

⁷ Таковы статьи: «Село Исаево, Оренбургского уезда» (ныне – Октябрьское), свящ. Вл. Маллицкого (Ор.Епарх.Вед.1873 г., №III); «Миасская станица в 1741 г.», свящ. А. Левзорова, (1873 г., VI); «Церковно-приходская летопись села Травянского», свящ. Л. Виноградова (1875 г., II); «Село Сухоборское, Челяб.уезда», свящ. П. Шмотина (1882, II); «Церковь св. Николая Чудотворца в Форштадте (Летопись)», свящ. К. Белявского (1886 г., X); «История Калмыковского единоверческого храма», С. Самарцева (1893 г., II); «Село Павловка, Оренб. уезда», В. Смирнова, (1896 г., IX); Костылевский приход, Челяб.уезда», М. Горботанина. (1896 г. XII); «Пречистенский приход» А. Левзорова, (1897 г., XVIII и сл.); «Село Покровка, Оренб. уезда», И. Левского (1898 г., III); «Село Романовка, Оренб. уезда», его же (1898 г., VII-XV); «Село Слоновка, Оренб. уезда, его же (1898 г., XVII-XIX); «Село Архангельское, Оренб. уезда», свящ. А. Пинетина (1898 г., VI-VII); «Г. Кустанай», свящ. П. Л. Гордеева (1898 г., VII-XI); «Село Шаламово, Челяб. уезда», его же (1898 г. XVI); «Село Дедово, Оренб. уезда», В. Конторского (1898 г. VI); «Иртецкий поселок, Уральской области», (1893 г. XXI) и «Возникновение Ивановского прихода, Челяб.уезда», прот. И. Мухина, (1898 XX); «Косулинский приход, Челяб. уезда», Мих. Горбунка (1899 г., V-VII); «Село

Одинцовка, Оренб. уезда», И. Невского (1899 г., XII-XIII); «Приход Михайло-Архангельской церкви села Гнездовки, Оренб. уезда», П. Чижева (1899, XIV-XVI); «Поселок Жилая Коса, Гурьевского уезда, Урал, обл., Дондукова (1900 г., IV); «Село Долговское Челябин. уезда, (историко-статистическ. очерк)» его же (1901 г., XI-XVII); «Жуковский поселок Кустанайского уезда», свящ. Ал. Апустина (1901 г., XVIII-XIX); «Поселок Ракуша, Гурьевского уезда», св. И. Болдырева, (1901 г. XX), «Город Гурьев, Уральской области», свящ. А. Самарнева (1901 г., XXI); «Село Анатольевка, Оренб. уезда», свящ. А. Предтеченского (1901 г., XXIII); «Город Актюбинск, Тургайской области», свящ. А. Емельянова (1902 г., IV); «Село Становое, Челябин. уезда», И. Протопопова, (1902 г. XVII и XIX); «Гор. Илецкая защита», П. Чижева. (1903 г. XV-XVIII); «Село Белоярское, Челябин. уезда», диак. И. Протопопова, (1903 г. XXII); «Описание Илецкого соляного промысла», свящ. А. Андреева (1882 г., XX-XXI) и др.

⁸ Чернавский Н. М. Указ.соч. С.162-163.

⁹ Оренбургские Епархиальные ведомости. 1896, № II.

¹⁰ См., например: «Очерки Оренбургской хлыстовщины», М. Головкина (1898 г., 1899 г., II-IV); «К истории раскола в Уральской Области» (1898 г., X); «Раскол в Костылевском приходе Челябинского уезда», (1899 г., XIV-XVII); «Раскольничий хутор Сарбай», А. Волгина (1899 г., XIX); «К характеристике раскола в Орском уезде в его прошлом и настоящем», его же (1900 г., III-IV); «Причины, способствовавшие распространению раскола в Уральской области», свящ. А. Лоскутова (1900 г., XX); «Сакмарский раскол за последнее время и его защитники», его же (1901 г., XVI-XX); «Раскол в Александровском приходе», С. Коняхина (1903 г., XXII); «Из жизни раскольников в Уральской области», свящ. А. Лоскутова (1903 г., XIV); «Посещение священником русских поселенцев в киргизских аулах Тургайской области», свящ. О. Соколова (1891 г.-XXIII, 1892, 1894-1896 гг.); «Время появления христиан среди киргиз Тургайской области» А. Добросмылова, (1901 г., V-IV); «Калмыки Оренбургской епархии О. Альметева (1903 г., V).

¹¹ Оренбургские Епархиальные Ведомости:1895 г., № XXII; 1896 г., II и III; 1898 г., XXII-XXIV; 1897 г., XXII.

¹² Там же:1894 г., IV и др.

¹³ Там же:1899 г.; 1901 г., III-IV; 1902 г., IV-V.

¹⁴ Там же: 1900 г., VIII-XII.

¹⁵ Там же: 1900 г., III-IV; 1901 г., I-VII.

¹⁶ Там же: 1881 г., XI.

¹⁷ См.: 1896 г., XIX и XX.

¹⁸ Сведения по исторической географии Оренбургского края // Тр. Оренбургской Учен. Арх. Комис. - 1911. - Вып. XXV. - С. 213-219. Прил.

¹⁹ Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. Археол. о-ва. - 1899. - Т. XI, вып. I-II. - С. 364-365.

²⁰ Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. Археол. о-ва. - 1899. - Т. XI. Вып. II.

²¹ Записки Восточного отделения Имп. Русского Археологического общества. 1900 - Вып. II.

²² Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. - 1895-1896. - Т. XIII, вып. VI. - С. 556-585. (Раздел "Библиография").

²³ Оренбургская Биографическая Энциклопедия. - Оренб. книж. изд-во. - М.: Русская книга. 2000. С. 61.

²⁴ См.: Ильинский Л. К. О-во археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. // Краеведение. - 1929, №9. С. 529-535.

²⁵ Цыпляев П. И. Деятельность Оренбургской Ученой Архивной Комиссии с 1887 по 1897 гг. Ист. очерк // Тр. ОУАК. - 1914. - Вып. XXX. - С. 22.

²⁶ Труды ОУАК. Вып. XXX. 1914.

²⁷ См.: Мученики, исповедники и храмы Оренбургской Епархии XX века. Книга 2. Сост. Прот. Н. Е. Стремский. Саракташ. Оренб. обл. 1999, с. 223-224.

²⁸ Там же, с. 233.

²⁹ Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Труды ОУАК. 1900, 1902. Вып. VII и X.

³⁰ Протоколы заседаний ОУАК за 1899 г. // Труды ОУАК. Вып. VI. 1900 – Оренбург. Прот. №14.

³¹ Основание г.Оренбурга и первоначальное благоустройство его. (По донесению советника Ив.Кир.Кириллова в св. Синод) // Тр. ОУАК.-1917. - Вып. XXXV. - С. 57-74.

³² См.: Труды ОУАК: 1917. - Вып. XXXV. - С. 5-55; 1913. - Вып. XXVII; 1916. - Вып. XXXIII. - С. 155-163.

³³ Отчет о составе и деятельности ОУАК за 1913 г. Ор-г. 1914. С.28.

³⁴ Модестов Н.Н. Т.Г.Шевченко как бытописатель и историк Оренбургского края / Труды... - 1916. - Вып. XXXIII. - С. 155-163.

³⁵ ГАОО. Ф.96. Оп.1. Д.96. Л.2.

³⁶ Там же. Л.28-28об.

³⁷ ГАОО. Ф.96. Оп.1. Д.37.

³⁸ ГАОО. Ф.96. Оп.1. Д. 77. Л. 1-828.

³⁹ ГАОО. Ф.96. Оп.1. Д.96. Л.31-50об.

⁴⁰ АИИМК РАН. Ф. Р-III. №5; №4228. Л.1-14; №4230. Л.1-15; №4231. Л.1-15; №№4239-4240.

⁴¹ ГАОО. Ф.96. Оп.1. Д.96. Л.175.

⁴² Там же: Ф.67. Оп.1. Д.35. Л.1-2.

⁴³ ГАОО. Ф.94. Оп.1. Д.43,48,112.

⁴⁴ Изв. Оренбург.отд. РГО. – 1911. – Вып. XXII. – С. 45-54.

⁴⁵ «Труды» Вып. XI. 1903. С.131.

⁴⁶ Инфантьев Александр Петрович – благочинный Сладко-Карасинского округа, Чел. уезда – жил в с. Горшкове, был настоятелем прихода из 6 церквей. (ГАОО. Ф.96. Оп.1. Д.96. Л.46.)

Попова К. Ю. (г. Оренбург)

ИСПОЛНЕНИЕ ТРЕБ В ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМАХ ЮЖНОГО УРАЛА В 60 – 80-Е ГГ. XX ВЕКА

Советское государство в 60-е – 80-е гг. XX века, несмотря на некоторую стабилизацию государственно-церковных отношений, продолжало четко регламентировать деятельность религиозных объединений.

В «брежневский период» закрытие храмов происходило преимущественно за счет угасания сельских приходов и, следовательно, осуществлялось в гораздо меньших масштабах, чем при Хрущеве. Церкви Южного Урала в этом отношении не составили исключения. Здесь также продолжалось медленное сокращение количества действующих храмов, шел процесс тотального контроля за всеми элементами церковной жизни со стороны уполномоченных Совета по делам религий. Примечательно, что на Южном Урале в 1965 г. всего действовало 58 православных церквей¹, в том числе: в БАССР – 20, в Челябинской области – 15, в Оренбургской области – 13, в Курганской области – 10 церквей, а уже в 1982 г. насчитывалось 55 православных церквей², в том числе: в БАССР – 18, в Челябинской области – 15, в Оренбургской – 12, в Курганской – 10. Лишь в перестроечный период на Южном Урале начинается активная регистрация новых православных обществ: в результате к 1989 г. число храмов Русской православной церкви (РПЦ) здесь равнялось 93³, из них в БАССР – 32, в Оренбургской области – 24, в Челябинской – 19, в Курганской – 18 соответственно.

Политика государства по отношению к Русской православной церкви (РПЦ) помимо учета количества зарегистрированных религиозных объединений, также, проявлялась и в постоянном контроле религиозной активности православного населения страны со стороны административных органов.

Для характеристики религиозной жизни на Южном Урале существенное значение имеет количество совершаемых населением треб, то есть религиозных обрядов. Действительно в духовной жизни любого православного человека важнейшую роль играют религиозные обряды крещения, венчания, отпевания и другие.

Несмотря на принимаемые правительством меры по сокращению религиозной обрядности все же ее явного снижения не происхо-

дило. Об этом свидетельствуют данные о количестве крещений в храмах БАССР и Курганской области. Так, в 1965 г. в БАССР всего было окрещено 8463 человека, в Курганской области – 845 человек; в 1972 г. – 7246 и 903; в 1975 г. – 7743 и 1161; в 1979 г. – 7459 и 1664 соответственно⁴. Отсюда видно, что количественные характеристики крещений на Южном Урале колебались незначительно, их уменьшение было связано, главным образом, с закрытием в 60-е гг. в БАССР и Курганской области нескольких церквей. Здесь стоит заметить, что Курганская область была в числе последних, среди регионов бывшего СССР, по количеству храмов, православных священников, а значит, и по религиозной обрядности, лишь с 1972 г. здесь начинает наблюдаться тенденция постепенного увеличения количества крещений⁵. Этот факт можно объяснить также тем, что в общую обрядность обычно включались и крещения детей, проживающих в других областях.

В законодательстве, введенном в 1961 г., говорилось о том, что крещение новорожденного в церкви могло быть проведено только с согласия обоих родителей. В каждой церкви и молитвенном доме был заведен учет тех лиц, которые крестили своих детей, причем обязательно записывались и их адреса. Данные учета использовались советскими и партийными органами для конкретной работы по отвлечению населения от соблюдения религиозных обрядов⁶. Соответственно, младенцы, родившиеся и окрещенные в том же году, не составляли большинства среди общего количества лиц, принявших таинство. Об этом свидетельствуют данные о младенцах Курганской и Оренбургской областей, окрещенных в год их рождения. Так, в 1964 г. в Курганской области окрещено 350 новорожденных, что составило 1,81% к общему числу родившихся, в Оренбургской области – соответственно 7704 младенца и составило 18,3%. В 1976 г. окрещенные младенцы в Курганской области составили – 0,85%; в Оренбургской – 11,8% к общему числу родившихся⁷.

Незначительный процент окрещенных младенцев, имеющий тенденцию к сокращению, можно объяснить рядом причин: во-первых, не все родители были верующими; во-вторых, боязнь молодых родителей иметь за совершение религиозного обряда неприятности по месту работы или учебы. В 70-е гг. о каждом окрещенном младенце поступала оперативная информация по месту жительства, работы, учебы родителей. Так, в 70-е гг. уволили с работы преподавателя начертательной геометрии Курганского машиностроительного института за то, что она окрестила своего ребенка⁸.

В Оренбургской области, согласно данным статистики за 1969 г., из 100% опрошенных респондентов 22,8% крестили своих детей по традиции; 43% - под нажимом верующих бабушек и дедушек⁹.

Но уже в конце 70-х – начале 80-х гг. начинает повсеместно наблюдаться рост религиозной обрядности. Так, уполномоченный Совета по делам религий Челябинской области П.И. Востренков отмечал наметившуюся тенденцию на примере обряда крещения, который увеличился с 4246 в 1976 г. до 5489 в 1981 г.¹⁰. В Оренбургской области наблюдалась аналогичная ситуация. Так, если обряды крещения в 1976 г. составили 4786, то в 1981 г. возросли до 5730 человек¹¹.

В конце 1980-х гг. на Южном Урале наблюдается исключительно положительная динамика роста религиозных обрядов, свидетельствующая о начавшемся религиозном возрождении в регионе. К примеру, согласно статистическим данным уполномоченных Совета по делам религий, в церквях Курганской области в 1985 г. было окрещено 1357 человек, в 1987 г. – 1379, в 1988 г. – 3758, в 1989 г. – 8811 соответственно. В Челябинской области количество крещений, совершенных по православному обряду увеличилось с 5582 человек в 1985 до 26104 в 1989 г., т.е. в 4,7 раза¹². В Оренбургской области количество крещений за указанные годы возросло в 3,5 раза, в БАССР – в 4,3 соответственно¹³. При этом количество зарегистрированных религиозных объединений за этот же период в Челябинской области увеличилось в 1,3 раза; в Курганской области – в 1,8; в БАССР – в 1,9; в Оренбургской области в 2 раза¹⁴. Таким образом, анализируя вышеизложенные данные, можно сделать вывод о том, что количественный рост крещений не всегда был связан с увеличением числа церквей.

Партийно-государственные и комсомольские органы принимали меры и для снижения обряда церковного венчания. Получили широкое распространение так называемые «комсомольские свадьбы». Венчание молодоженов в церкви отрицательно сказывалось на их работе, карьере, поэтому количество венчаний в церквях РПЦ на территории Южного Урала было невелико. Так, в БАССР количество венчаний с 1964 по 1983 гг. практически не изменилось (340 и 308). Такая же картина наблюдалась и в Курганской области (23 и 20). В отличие от них в Оренбургской области происходит резкое сокращение количества венчаний – в 2,2 раза (515 и 239)¹⁵. Этот факт можно объяснить лишь более последовательной антирелигиозной пропагандой со стороны советских и партийных органов Оренбургской области.

Процент церковных венчаний к общему количеству зарегистрированных в учреждениях ЗАГСов Оренбургской и Курганской областей был достаточно низким. Он составлял: 1964 г. – 2,9% (к общему количеству в 17242) в Оренбургской области и 0,25% (к общему количеству в 8939) в Курганской области; 1978 г. – 1,1 (к 24109) и 0,15(к 16000) соответственно¹⁶.

Среди православных треб наибольшее распространение получили обряды, связанные со смертью людей (отпевания очные, отпевания заочные, сорокоусты, обедни, панихиды, и т.д.). Именно эти обряды имели постоянную тенденцию роста, так как для их выполнения не обязательно личное присутствие на службе. Так, уполномоченный Совета по делам религий по Оренбургской области Г.Д. Василенко, объясняя быстрый рост поминальных обрядов в области, указывал на то, что верующим достаточно попросить кого-то из знакомых заказать обряд, ведь главное, по их мнению, – помянуть родственников, выполнить долг перед ними. Исходя из этого, уполномоченный делает вывод о деформации религиозного чувства у населения¹⁷. На примере данных оренбургских соборов можно проследить резкий рост поминальных обрядов. Так, число заказных обеден увеличилось в 1,46 раз с 13280 в 1969 г. до 19316 в 1973 г.; сорокоустов в 1,52 с 3716 до 5651; поминаний в 1,62 с 3624 до 5887 соответственно¹⁸.

Косвенным показателем совершения треб являются сведения о церковных доходах, полученных от религиозных обрядов. Данные о доходах церквей от совершения религиозных обрядов составляют: в Курганской области в 1969 г. – 77,2 тыс. руб. или 24,95% общего дохода церкви (при общем доходе в 309554 тыс. руб.); в 1978 г. – 119,7 тыс. руб. или 25,3% (при доходе в 473,2 тыс. руб.); в 1986 г. – 148,1 тыс. руб. или 25,2% (при доходе в 586,7 тыс. руб.); в Оренбургской области в 1969 г. – 342,8 тыс. руб. или 27,3% (при доходе в 1256,6 тыс. руб.); в 1978 г. – 473,9 тыс. руб. или 23,4% (при доходе в 2022 тыс. руб.); в 1986 г. – 646,9 тыс. руб. или 28,1% (при доходе в 2302,1 тыс. руб.); в Челябинской области в 1969 г – 277,3 тыс. руб. или 27% (при доходе в 1026,2 тыс. руб.); в 1978 г. – 406 тыс. руб. или 24,7 % (при доходе в 1646,7 тыс. руб.); в 1986 г. – 653,9 тыс. руб. или 29 % (при доходе в 2260,7 тыс. руб.) соответственно¹⁹. В БАССР наблюдалась аналогичная ситуация.

Таким образом, в доперестроечный период доходы церквей Южноуральского региона за счет совершения религиозных обрядов в основном росли стабильно. Церкви получали от исполнения треб

примерно одну четвертую часть всех своих доходов. Стоит также учитывать, что на повышение суммы доходов церквей за счет треб оказывали влияние и такие факторы как рост уровня жизни сельских жителей (основной массы верующих), улучшение благосостояния прихожан в целом, а также инфляционные процессы.

Примечания

¹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 99. Л. 159 об.; ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 51. Л. 89.; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 33. Д. 80. Л. 94.

² Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2466. Л. 117.; Д. 2467. Л. 178.; ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 421. Л. 2.; Текущий архив Совета по делам религий при правительстве Республики Башкортостан. Статистические сведения и переписка по ним за 1974-1989 гг.

³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 4185. Л. 155.; Д. 4186. Л. 148.; ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 449. Л. 1.; Текущий архив Совета по делам религий при правительстве Республики Башкортостан. Статистические сведения и переписка по ним за 1974-1989 гг.

⁴ Текущий архив Совета по делам религий при правительстве Республики Башкортостан. Статистические сведения и переписка по ним за 1966 – 1972; 1974-1989 гг.; ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 56. Л. 103.; Д. 103. Л. 125.

⁵ Федченко М.Н. Русская православная церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг.). Курган: Издательство Курганского государственного университета. – 2006. С. 61-62.

⁶ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 38. Д. 67. Л. 17.

⁷ ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 94. Л. 190-191.; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 40. Д. 58. Л. 36.

⁸ Федченко М.Н. Русская православная церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг.). Курган: Издательство Курганского государственного университета. – 2006. С. 62, 64.

⁹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 40. Д. 58. Л. 37.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1088. Л. 168.; Д. 2467. Л. 178.

¹¹ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 420. Л. 2.; Д. 429. Л. 1.

¹² Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3133. Л. 176.; Д. 3522. Л. 112.; Д. 3795. Л. 95.; Д. 4185. Л. 156.

¹³ Текущий архив Совета по делам религий при правительстве Республики Башкортостан. Статистические сведения и переписка по ним за 1974-1989 гг.; ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 433. Л. 2.; Д. 449. Л. 1.; Текущий архив Совета по делам религий при правительстве Республики Башкортостан. Статистические сведения и переписка по ним за 1974-1989 гг.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3133. Л. 176.; Д. 3134. Л. 208.; Д. 4185. Л. 155.; Д. 4186. Л. 148.; ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 433. Л. 2.; Д. 449. Л. 1.;

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2687. Л. 157.; Текущий архив Совета по делам религий при правительстве Республики Башкортостан. Статистические сведения и переписка по ним за 1966 – 1972; 1974-1989 гг.; ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 46. Л. 115.; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 40. Д. 58. Л. 36.; ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 433. Л. 2.

¹⁶ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 40. Д. 58. Л. 36.; ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 412. Л. 18.; ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 46. Л. 115.; Д. 103. Л. 118.

¹⁷ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 406. Л. 19.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 99. Л. 32.; Д. 235. Л. 204.; Д. 1502. Л. 133.; Д. 3345. Л. 137.; Д. 3346. Л. 205.; ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 65. Л. 10-11.; Д. 103. Л. 138-139.; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 40. Д. 58. Л. 33-34.; ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 412. Л. 22.

ЯЗЫЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ОРЕНБУРГА

В последние годы все большее внимание уделяется возрождению русской культуры и духовности. Молодежь все больше проявляет интерес к традиционной славянской дохристианской культуре, обычаям и мифологии, к природосообразному образу жизни. Важным элементом славянской культуры при этом является мировоззренческая система, объединенная общим понятием «язычество», подразумевающая возрождение древних верований и обрядов, поклонения богам-покровителям (Перуну, Роду, Мокоши, Велесу и др.), а также соответствие нравственным и природно-экологическим требованиям.

Неоязыческая доктрина строится на различных религиозно-философских и мистических учениях, а также на фольклористике. Особой популярностью пользуется так называемая Велесова книга, не признаваемая официальной наукой.

Развитие интереса к языческим традициям характерно и для молодежи г.Оренбурга. По разным данным в г.Оренбурге неоязычников или родноверов, как они сами предпочитают себя называть, насчитывается около 100 человек. В основном это юноши в возрасте от 15 до 25 лет, которых большинство, а также незначительное количество девушек (около 10 человек) в возрасте от 17 до 22 лет. По достижении более старшего возраста члены группы родноверов г.Оренбурга обычно перестают активно участвовать в проводимых мероприятиях или покидают эту группу совсем.

Общение между членами групп родноверов происходит в основном через социальные сети. Так, в социальной сети «ВКонтакте» созданы группы «Родноверы, язычники Оренбурга» (74 участника) и «Родноверы Оренбурга» (26 участников). В этих группах происходит обмен идеями, обсуждение возможности поехать на природу для совершения языческих обрядов. Эта социальная сеть в молодежной среде язычников используется достаточно активно.

Обряды проводятся родноверами на природе, в «местах силы». Основные языческие праздники – Ивана Купала (22 июня) и день осеннего и весеннего равнодействия (21 марта и 22 сентября) проходят часто на живописном берегу р. Сакмара недалеко от поселка Гребени (примерно в 100 км от города). Туда можно добраться на элект-

ричке. В этом месте обычно не так много отдыхающих, что очень важно для проведения ритуалов.

Язычники Оренбурга существуют уже больше 7 лет, поэтому это довольно четкая структура, и большинство участвующих в этой группе хорошо знакомы друг с другом.

В структуре управления язычниками города Оренбурга, нет четкого лидерства. Все организуются стихийно, как чаще всего принято в молодежных субкультурах. Делается объявление в сети «ВКонтакте», и молодые люди, интересующиеся славянской культурой, обычаями и мифологией, добираются до места проведения мероприятия самостоятельно. Единой символики у оренбургских родноверов нет. Попыток официальной регистрации своих организаций родноверами не предпринималось.

Конечно, в определенной степени это для молодых людей не больше чем увлечение. Происходящее во время праздников действие больше похоже на ролевую игру. Обряды скорее инсценируются, чем исполняются с верой в происходящее. Для большинства участников это просто развлечение, возможность общения и совместного отдыха на природе. Подтверждается это и тем, что многие из родноверов Оренбурга в равной степени увлечения принимают участие в ролевых играх по фантазийным сюжетам, а также исполняют обряды, относящиеся к кельтской и другим языческим культурам.

Тем не менее, интерес к родной культуре, безусловно, способствует всестороннему и гармоничному развитию молодежи и неоязыческое движение является прекрасной возможностью самореализации для патриотически настроенных молодых людей, увлекающихся историей и культурой славянских народов. Ведь в ходе реконструкции славянских обрядов родноверы обращаются к фольклорно-этнографическим материалам, изучают историю славянских народов, их этнокультурное наследие.

Но, все же, можно отметить и факт того, что в некоторых суждениях и высказываниях родноверов проскальзывают националистические нотки, идеи избранности славянских этносов или негативное отношение к православию. Так, например, на страничке оренбургских родноверов «ВКонтакте» содержится изображение, в котором принадлежность к православию сравнивается с рабством иудейскому богу. По мнению неоязычников, христианская мораль сделала человека рабом. В открытой или косвенной форме ощущается неприязнь к представителям некоторых национальностей. Некоторые роднове-

ры становятся участниками «русских маршей» и «русских пробежек» (См. <http://orenbeg.ru>). Подобные высказывания и действия не имеют явно выраженной агрессивной окраски, но тем не менее, свидетельствуют о высокой степени нигилистических настроений в молодежной среде г.Оренбурга.

Таким образом, неоязычество в Оренбурге следует рассматривать в большей степени не как религиозное объединение, а как новое общественное движение национал-патриотического характера.

Злобин Ю. П. (Оренбург)

НАЧАЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1861–1917 ГОДАХ

После отмены крепостного права в России промышленный облик Оренбургской губернии в 70–90-х годах XIX века стали определять предприятия фабрично-заводской и ремесленно-кустарной промышленности, занятые переработкой минерального сырья и продукции сельского хозяйства. В 1899 году в губернии было 86 фабрик и заводов с 2957 рабочими. Они произвели продукции на 5,2 млн. рублей. В ремесленно-кустарной промышленности в этом году трудились 5007 человек, из них 4039 мастеров, 704 подмастерьев и 264 ученика¹. Возникла насущная потребность в подготовленных рабочих кадрах для этих отраслей промышленного производства.

Формирование рыночных отношений, рост промышленности, сельского хозяйства, торговли, возникновение фабричных предприятий, усложнение техники и технологии производства обусловили совершенствование начального профессионального образования. Поэтому в пореформенные годы в губернии появились технические учебные заведения нового типа, получившие наименование ремесленных училищ и низших ремесленных школ.

Идею создания в Оренбурге ремесленного училища предложил горожанам генерал-губернатор Н.А. Крыжановский во время выборов городской думы в 1868 году. В «Исторической записке о состоянии и деятельности ремесленного училища ...» указано: «Оренбургское ремесленное училище возникло по мысли г. Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского и согласно желанию Оренбургского городского общества, выраженному в приговоре его от 27 августа 1868 года»². Генерал-губернатор помог думе и городскому голове В.Н. Ладыгину добиться передачи училищу здания бывшего комендантского управления, занимаемого военной прогимназией. Это здание, принадлежавшее Военному министерству, стало собственностью города³. 1 сентября 1870 года в ремесленном училище начались занятия. Оно существовало за счёт городского бюджета при небольшой финансовой поддержке государства и казачьих войск. В 1888 году дума выделила на обучение 64 воспитанников 8000 рублей, 900 рублей училище получило от Оренбургского казачьего войска и 400 рублей – от

Уральского войска⁴. В уставе училища, говорилось: «Цель училища – практическое обучение детей местного населения ремёслам и сообщению им знаний и умений, необходимых для осмысленной работы в избранных ремёслах»⁵. В училище обучали кузнечному, кузнечно-слесарному, столярно-токарному, сапожно-башмачному мастерству, на выбор самих учащихся. Наибольшей популярностью пользовалась профессия слесаря, позволявшая легко устроиться на работу⁶.

Обучение велось на базе знаний, полученных в 2-хклассной начальной народной школе. В училище принимали 12–14 летних подростков, успешно выдержавших вступительные испытания по арифметике и русскому языку⁷. Срок обучения был установлен в 4 года. В 1–3-х классах учащиеся осваивали теоретический курс, состоявший из таких дисциплин, как: Закон Божий, духовно-православное чтение, русский язык, арифметика, геометрия, физика, русская история, география, рисование, техническое черчение, технология слесарного, столярного или токарного ремесла (на выбор), пение. В 4-ом классе они приобретали навыки избранной профессии в мастерских училища. Обучение велось по программам Министерства народного просвещения, утверждённым в 1889 году⁸. Поскольку желавшие поступить в училище имели разный уровень школьной подготовки, то при нём был создан отдельный подготовительный класс, в котором готовили будущих учеников к вступительным испытаниям⁹.

Учебный год начинался с 17 августа и завершался 29 июля. Перерыв в учёбе делался на рождественские каникулы, продолжавшиеся с 22 декабря по 7 января каждого года. Теоретические и практические занятия проводились в 2 смены. За лень и пропуски уроков к ученикам применяли такие меры наказания, как: оставление в классе после занятий и в стенах училища в праздничные дни, заключение в училищный карцер. В исключительных случаях вызывались на беседу родители нерадивых учеников¹⁰. Переход из одного класса в другой осуществлялся на основе результатов переводных экзаменов. Они проводились достаточно требовательно и строго. Учащихся, не сдавших эти экзамены, оставляли на повторное обучение ещё на год. В 1901–1902 учебном году, например, из 196 учеников 1–3-х классов были оставлены на повторное обучение 43 человека (или 22%)¹¹. Завершалось обучение сдачей выпускных экзаменов, на которых, как правило, присутствовали высшие чиновники губернии и Оренбургского учебного округа. На выпускных экзаменах сдавали математику (письменно и устно), русский язык (письменное изложение). Выпускникам в

торжественной обстановке вручали аттестаты с присвоением квалификации мастера.

В 1894–1901 годах училище выпустило 80 слесарей, столяров, токарей. Большинство окончивших учёбу поступило на работу в местные железнодорожные мастерские Самаро-Оренбургской и Сибирской железных дорог, в частные механические и ремесленно-кустарные мастерские. Часть выпускников нашла работу не только на предприятиях губернии, но и на заводах Москвы (завод Бромлея), Самары, Перми, Красноярска, выехав по запросам их владельцев. Успешному трудоустройству молодых квалифицированных рабочих и технических руководителей младшего звена способствовала активная позиция руководства училища, рассылавшего письма со сведениями о выпускниках владельцам крупных промышленных предприятий, управлениям железных дорог Российской империи¹².

В 70–90-х годах приём в училище составлял 15–20 человек ежегодно и был ограничен нехваткой учебных помещений. Контингент учащихся в этот период был примерно на одном уровне: в 1885 году – 62 ученика, в 1890 году – 62, в 1893 году – 69 учеников¹³. В 1880–1881 годах городская дума приняла ряд решений о строительстве нового здания для училища, переоборудовании имевшегося помещения, расширении учебных мастерских¹⁴. К началу XX века училище располагало двумя каменными зданиями, выстроенными на средства города и перестроенными за счёт казны. В 2-этажном здании размещались учебные классы, интернат для иногородних учащихся и квартиры для преподавателей. В 1-этажном здании были расположены мастерские, имевшие токарные, сверлильные и винторезные станки, слесарные тиски и столярные верстаки, литейную печь, кузнечное оборудование. Общая стоимость оборудования мастерских, кабинетов и книжного фонда библиотеки училища составила в 1901–1902 учебном году 4144 рубля. Во все здания этого учебного заведения был проведён водопровод¹⁵.

Укрепление материальной базы училища способствовало увеличению численности учащихся. С 1901–1902 учебного года приём в училище был увеличен, появились параллельные классы. В 1908 году в училище обучалось 196 воспитанников. В сословном отношении состав учащихся распределился следующим образом: из семей дворян, чиновников и священников – 8 человек (или 4%), дети купцов и мещан – 151 человек (77%), дети крестьян 32 человека (16%), из прочих групп населения – 5 человек (3%). Национальная принадлежность

учащихся свидетельствовала о доминировании русских. Их было 186 человек, или 95% от общего числа воспитанников¹⁶.

Бессменным руководителем училища в 1894–1918 годах был К.В. Витковский – выпускник Казанского университета и Петербургского практического технического института, имевший два высших образования. Он преподавал техническое и проекционное черчение и руководил производственной практикой в мастерских¹⁷. Под его руководством сложился квалифицированный преподавательский коллектив. В 1911 году занятия в училище вели 11 преподавателей, 3 из них имели высшее образование, 7 – среднее специальное и 1 – среднее¹⁸. Вспомогательный персонал насчитывал 15 служащих, включая слесарного мастера с помощником, кузнечного мастера с двумя подмастерьями, плотника, делопроизводителя, 2-х надзирателей в интернате, кухарку, прачку и 4-х сторожей¹⁹.

Педагоги училища в свободное от занятий время устраивали экскурсии на городские водокачку и электростанцию, где знакомили воспитанников с устройством и работой паровых и электрических машин. Учащиеся посещали Главные ремонтные мастерские Ташкентской железной дороги, открытые в 1905 году и ставшие на целый ряд лет местом их будущего трудоустройства. Организовывались экскурсии на выставки картин местных художников, коллективные просмотры представлений в городском театре. Сами ученики регулярно устраивали в стенах училища литературные чтения и спектакли²⁰. В актовом зале проводились выставки лучших ученических работ «по ремёслам и графическим искусствам». Часть из них затем продавалась на сезонных ярмарках в Оренбурге, пополняя бюджет училища²¹.

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году, не повлияла существенно образом на состояние и деятельность училища. Набор учащихся по-прежнему осуществлялся в два параллельных класса. Контингент обучавшихся несколько сократился и составил в 1915 году – 211 человек, в 1916 году – 195 человек, в 1917 году – 175 человек. Основными причинами его снижения были тяготы военного времени, ухудшившие материальное положение населения губернии, и слабая начальная подготовка выпускников церковно-приходских и казачьих школ, поступавших в училище. В 1916 году, например, было принято в 1-е классы 56 человек, отказано в приёме 17 поступавшим по «недостаточности знаний». Выпуск этого года составил 36 человек. За 1895–1915 годы училище подготовило 461 выпускника, в том числе 23 столяра и 438 слесарей, обученных так же токарному делу²².

Накануне войны училище перешло на более передовую кабинетную систему обучения. Одновременно увеличилось число дисциплин, введённых в программу подготовки дополнительно и в соответствии с требованиями изменившегося времени. В 1916 году в главном 2-хэтажном корпусе находилось 9 кабинетов: 1) по физике, химии и геодезии; 2) механике и механической технологии; 3) химической технологии; 4) естествознанию и сельскому хозяйству; 5) строительному делу; 6) горному делу; 7) рисованию; 8) техническому и проекционному черчению; 9) гуманитарным предметам. Во вспомогательном корпусе, где размещались мастерские, были созданы 2 лаборатории: химическая и технологическая. Фонд библиотеки был обновлён и пополнен. В 1916 году он насчитывал 2642 тома, в том числе 1722 экземпляра учебников и учебных пособий, а так же 920 томов фундаментальной научной литературы. Общая стоимость инвентарного имущества училища составила к 1917 году 28171 рубль²³.

В 1917 году обучение в училище велось в 2-х параллельных классах, начиная с пригготовительных классов. В каждом из 8 классов было в среднем по 25 человек. Из 24 выпускников этого года работу по специальности на промышленных предприятиях Оренбурга нашёл 21 человек, а 3 выпускника были призваны на военную службу. Коллектив учебного заведения насчитывал 12 преподавателей и 10 служащих. Несмотря на начавшуюся в губернии гражданскую войну, приём в пригготовительные классы в сентябре 1918 года составил 114 человек, хотя плата за обучение равнялась 40 рублям за каждый учебный год. Пришлось открывать не два, а три пригготовительных класса. Небывалый приток учащихся побудил педагогический совет обратиться в городской отдел народного образования с предложением о реорганизации училища в среднее техническое учебное заведение. Созданная по этому вопросу комиссия посчитала подобное реформирование «весьма желательным и необходимым»²⁴. Но выполнить эту рекомендацию комиссии помешала сложная и непредсказуемая обстановка гражданской войны, сопровождавшаяся периодической сменой власти в Оренбурге и в губернии. Только в послевоенное время, в 1920 году на базе училища был создан техникум.

Открытие в Оренбурге ремесленного училища послужило примером для органов местного самоуправления других населённых пунктов губернии. Организация низших ремесленных школ была обусловлена поступательным развитием фабрично-заводской промышленности, а так же насущной потребностью жителей в результатах труда

профессиональных ремесленников. В начале XX века в Оренбургской губернии наблюдался быстрый рост ремесленно-кустарного производства, изготавливавшего предметы первой необходимости: одежду, обувь, мебель, посуду, продукты питания и многое другое. В 1900–1913 годах число ремесленников на её территории увеличилось с 5000 до 19436 человек, то есть почти в 4 раза²⁵.

1 июля 1899 года была открыта Миасская низшая ремесленная школа в Троицком уезде. Миасский медеплавильный завод был основан в 1777 году тульским купцом и горнозаводчиком И.И. Лугининым. В начале XIX века он постепенно приходил в упадок в связи с истощением запасов медной руды. Но в 1823 году произошло событие, обеспечившее дальнейшее развитие заводского посёлка на многие десятилетия. Здесь были найдены первые россыпи золота. Это вызвало значительный приток новых жителей, что привело к превращению Миасса в крупный центр золотодобывающей промышленности. В 1863 году на 38 приисках, принадлежавших государству, было промыто 16 млн. пудов золотосодержащего песка и добыто 43 пуда золота²⁶.

В 1877 году прииски были проданы частным владельцам в лице Миасского золотопромышленного товарищества. На золотых приисках в 80–90-х годах XIX века постепенно ручной труд заменялся машинным: появились паровые двигатели, золотопромывальные машины и механизмы разного назначения²⁷. В связи с развитием производства увеличилась потребность в квалифицированных рабочих. Это и стало причиной открытия в посёлке Миасс низшей ремесленной школы. Содержалась она на средства Государственного казначейства, в которое поступало добытое товариществом золото, а так же на денежные поступления от «сельского общества Миасского завода». Причём на долю казначейства приходилась большая часть расходов. В 1906 году, например, на счёт школы из Государственного казначейства поступило 4670 рублей, а от «сельского общества» – только 300 рублей²⁸.

Согласно «Основным положениям о промышленных училищах», принятым в России в 1888 году, низшие ремесленные школы отличались от ремесленных училищ упрощённой программой подготовки. Они призваны были готовить профессиональных ремесленников и рабочих разных профессий. В конце XIX – начале XX века в стране произошли изменения в содержании обучения в низших ремесленных школах. После издания в 1895 году «Положений о низших ремесленных школах», а в 1902 году – «Закона о ремесленных и тех-

нических учебных мастерских и курсах» была проведена унификация их учебных программ и программ производственных практик. Содержание обучения было представлено следующими предметами: русский язык (этимология, синтаксис, чтение и разбор изучаемых произведений, теория словесности и литературы), арифметика, алгебра, геометрия (планиметрия, стереометрия, тригонометрия), география, история, физика (свойства тел, жидкости и газы, теплота, свет, электричество, магнетизм, электротехника, аккумуляторы, телефон), технология (дерева, чугуна, железа, стали), черчение (техническое), строительное искусство (строительство и укладка фундамента), счетоводство, рисование (орнамент и части машин)²⁹. Одновременно была утверждена и общая программа практических работ по ремёслам, проводимых в мастерских училищ и школ³⁰.

Этими документами пришлось руководствоваться сравнительно небольшому коллективу Миасской ремесленной школы в период её становления. 2 октября 1899 года после решения ряда организационных вопросов, в школе начались учебные занятия. В 1906 году штат педагогов и служащих насчитывал 5 человек: заведующий школой (он же – преподаватель технических дисциплин), преподаватель общеобразовательных предметов, местный священник – учитель Закона Божьего, мастер-техник (преподаватель технических дисциплин) и сторож. Курс обучения был 4-хлетний, последний год учёбы был «исключительно практический». В школе было два отделения: слесарное и кузнечное. В первый год работы учебного заведения в 1-й класс был зачислен 21 ученик в возрасте 13–15 лет. Затем ежегодный приём был увеличен до 28 человек. Школа размещалась в собственном каменном здании, имела мастерскую, кузницу, библиотеку, церковь, квартиры для заведующего школой, мастера-техника и сторожа. В мастерской находилось всё необходимое оборудование, включая токарный станок³¹.

В 1906 году в Миасской школе обучалось 72 человека. В сословном отношении контингент учащихся был представлен следующим образом: дети личных дворян – 1 ученик, мещан и цеховых ремесленников – 13, крестьян – 4, дети «городских обывателей» (потомки бывших крепостных рабочих Миасского медеплавильного завода) – 53 ученика. С предложенной программой обучения справлялись не все подростки и юноши. Довольно значительным был отсеб учащихся во время переводных экзаменов из класса в класс. При плане приёма в 28 человек выпускной курс в 1906 году насчитывал 18 человек, а выпускные испытания сумели сдать успешно только 11 человек³².

Большинство питомцев ремесленной школы трудоустроивались уже в год выпуска и получали заработную плату, сравнительно высокую для начинающих рабочих. Из числа 11 выпускников 1906 года 5 человек поступили на работу в Златоустовское железнодорожное депо токарями и сборщиками паровозов с заработком от 35 до 45 рублей в месяц. Ещё 3 воспитанника школы стали токарями и слесарями в мастерских при паровых мельницах в Миассе с зарплатой в 25 рублей, 1 выпускник был принят на местную электростанцию, 2 выпускника нашли работу в семьях своих родителей³³.

В 1906–1916 годах контингент учащихся в Миасской школе был неизменным и оставался на уровне 72–75 человек³⁴. По этой причине коллектив преподавателей численно не вырос, а оставался таким, каким он был в начале работы школы. В 1913 году педагогическим трудом занимались 4 человека, включая заведующего школой А.М. Сараева – выпускника технического училища. В отличие от Оренбургского ремесленного училища, где часть педагогов была с высшим образованием, все преподаватели Миасской школы имели среднее специальное образование. Они окончили технические училища, учительскую и духовную семинарии³⁵.

Вторая низшая ремесленная школа в губернии была образована в уездном городе Челябинске. В 1892 году он стал начальным пунктом строившейся Сибирской железнодорожной линии и быстро превратился в крупный торгово-промышленный центр на Южном Урале. Железнодорожная станция Челябинска стала узловой, соединив сразу три магистрали: Сибирскую, Самаро-Златоустовскую и Уральскую. 13 марта 1899 года городской голова П.Ф. Туркин внёс на заседание Челябинской городской думы предложение о создании ремесленной школы. Он считал, что школа должна иметь слесарное и кузнечное отделения, поскольку «окончивший учение мог бы вполне найти спрос на этого рода труд, при наличности железной дороги, приисков, окружающих город, и близости горнозаводского Уральского горного района»³⁶. В перспективе, полагал П.Ф. Туркин, могло быть открыто и столярное отделение. В 1899–1902 годах шло согласование финансовых вопросов. Наконец, 27 июня 1902 года попечитель Оренбургского учебного округа уведомил Челябинскую думу, что решением Государственного совета с 1 июля 1903 года в Челябинске открывается низшая ремесленная школа по слесарно-кузнечным специальностям³⁷. Однако из-за задержки, вызванной поиском помещения для школы, она приступила к учебной деятельности лишь 6 декабря 1903

года в арендованном доме местного жителя. Первым заведующим школой стал А. Пискарёв, бывший до этого надзирателем и руководителем работ в Златоустовском ремесленном училище Уфимской губернии, мастером – В.Я. Добросмыслов, переведённый на новое место работы с должности мастера Миасской ремесленной школы¹¹⁸. В 1908 году В.Я. Добросмыслов уже возглавлял небольшой по численности коллектив этой школы³⁹.

Первый набор в школу составил 10 учащихся. В последующие годы контингент учеников вырос, но в целом был невелик: в 1907 году – 90 человек, в 1913 году – 64, в 1916 году – 74⁴⁰. В числе учеников были представители разных сословий – мещан, казаков, чиновников и даже дворян. Это свидетельствовало о довольно высоком престиже, как специальностей, так и самого учебного заведения. Полный курс обучения был 4-хлетним, при этом в последний год учащиеся занимались «практическим усовершенствованием в ремёслах». В ремесленной школе подростки и юноши в возрасте от 13 до 16 лет изучали: Закон Божий, русский язык, арифметика, технология ремёсел, счетоводство, рисование и техническое черчение⁴¹.

Первый выпуск составил 7 человек. Выпускникам, окончившим школу, присваивалось звание «подмастерье низшей ремесленной школы» и выдавался соответствующий аттестат. Все они нашли работу на местных заводах, золотых приисках и угольных коях в качестве слесарей. После 3-х лет практической деятельности выпускники предоставляли свидетельства «об успешных практических занятиях мастерством» и удостоивались звания «мастер низшей ремесленной школы». Чтобы расширить технический кругозор учащихся и приблизить обучение к производству, педагоги школы вывозили своих подопечных на уральские заводы. Так, в мае 1908 группа учащихся школы посетила Златоустовский металлургический завод, на котором знакомясь с оборудованием предприятия и процессом производства⁴².

В 1908 году Троицкая городская дума ходатайствовала перед руководством Оренбургского учебного округа об открытии низшей ремесленной школы. Ходатайство думы подкреплялось обязательством выстроить за счёт городских доходов каменное здание для будущей школы. Переписка между главой города, попечителем Оренбургского учебного округа и Министерством народного просвещения затянулась до июля 1914 года. Начавшаяся 1-я мировая война помешала осуществить этот замысел⁴³.

Строительство железных дорог на территории губернии привело к появлению ещё одного типа учебных заведений начального профессионально-технического образования. В 1876 году после открытия движения по железнодорожной линии Самара – Оренбург генерал-губернатор Н.А. Крыжановский обратился к министру путей сообщения К.Н. Посъету с предложением о перепрофилировании Оренбургского ремесленного училища в железнодорожное училище. Но его ходатайство поддержки не получило. В Министерстве путей сообщения решили создать такое училище не в Оренбурге, конечном пункте железной дороги, а в Самаре, где находились управления сразу двух железных дорог – Самаро-Златоустовской и Самаро-Оренбургской. Весомым аргументом стало и наличие в Самаре железнодорожных мастерских, которые можно было использовать как место практики учащихся, а работавших в мастерских инженеров и техников – в качестве преподавателей⁴⁴.

Вопрос об открытии в Оренбурге железнодорожного училища вновь стал актуальным в начале XX столетия, когда завершилось строительство железной дороги Оренбург – Ташкент. В январе 1905 года были открыты в городе Главные ремонтные мастерские Ташкентской железной дороги, на которых было занято трудом свыше 1000 рабочих разных профессий. На первых порах коллектив мастерских укомплектовывался квалифицированными рабочими, приглашёнными с соседних железных дорог, или сосланных в губернию за участие в рабочем движении, а так же выпускниками Оренбургского ремесленного училища⁴⁵. Учебный отдел Министерства путей сообщения ограничился открытием 2-хкласных начальных училищ в Бузулуке и Оренбурге и 1-класного училища на станции Новосергиевка. Хотя эти училища именовались железнодорожными, но все они были общеобразовательными учебными заведениями. В них обучались дети рабочих и служащих железной дороги, но принимались учащиеся из семей разных сословий⁴⁶.

В 1908 году в Оренбурге при Главных ремонтных мастерских была учреждена школа ремесленных учеников с 4-летним сроком обучения. Она действовала на основании специально разработанного «Положения о ремесленных учениках Службы тяги Ташкентской железной дороги». В школу на платной основе зачисляли подростков 15–17 лет, имевших начальное образование. Курс обучения состоял из общеобразовательных дисциплин (арифметика, физика, география, геометрия) и специальных предметов (техническое черчение, техноло-

гия дерева, технология металлов, ремёсла (на выбор учащихся). На февраль 1917 года в школе обучалось профессиям слесаря, столяра, токаря, жестянщика, кузнеца 60 человек, причём больше половины из них (31 ученик) выбрали профессию слесаря. По истечении 4-х лет выпускники школы определялись «в подручные мастеров и после непродолжительного времени, смотря по способности, зачислялись в мастерские»⁴⁷. Однако на практике всё сводилось к практическому обучению ремёслам под надзором опытных мастеров. Начальник дороги Селивёрстов, недовольный уровнем подготовки будущих рабочих, сообщал в Министерство путей сообщения: «Действующую организацию подготовки мастеровых нельзя не признать мало удовлетворительной, т. к. за отсутствием специальных учителей и перегруженностью администрации мастерских и депо своими прямыми обязанностями, ученики оказываются в значительной мере предоставленными самим себе и получают лишь случайные указания о приёмах работы»⁴⁸. В июле 1917 года Управление Ташкентской дороги обратилось в Учебный отдел Министерства за разрешением открыть в Оренбурге железнодорожную ремесленную школу с 2–3-хлетним сроком обучения. Школа должна была иметь слесарное и механическое отделения. В неё планировалось принимать выпускников Оренбургского и Бузулукского 2-хклассных железнодорожных начальных училищ и 2-хклассных начальных школ разной ведомственной принадлежности⁴⁹. Однако смена власти в губернии и развернувшаяся на её территории гражданская война помешали осуществить эти планы.

В начале XX века в Оренбургском казачьем войске возникла острая потребность в подготовке специалистов, способных решать конкретные хозяйственные задачи. На огромной территории войска площадью в 72 тыс. квадратных вёрст (или 77 тыс. км.²), 52% которой были заняты пашней, размещались 30 тыс. казачьих хозяйств. Но обслуживали их только 4 агронома и 1 специалист по пчеловодству⁵⁰. Для распространения сельскохозяйственных знаний и передовых навыков труда среди казачества, освоения обширных земельных просторов войско нуждалось в обученных кадрах аграрной направленности. К этому времени в России была создана законодательная основа для формирования системы начального сельскохозяйственного образования. В 1883 году было издано «Положение о низших сельскохозяйственных школах», по которому разрешалось открывать школы этого типа земствам, другим общественным организациям и частным лицам. В новом «Положении о сельскохозяйственном образовании»,

принятом в 1904 году, их назначение было определено следующим образом: «Низшие сельскохозяйственные школы имеют целью подготавливать преимущественно путем практических занятий сведущих и умелых исполнителей по сельскому хозяйству»⁵¹.

Руководствуясь этими документами, Войсковое хозяйственное правление Оренбургское казачьего войска выступило инициатором открытия в губернии низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда. Школа располагалась в 14 верстах от Оренбурга на выделенном в долгосрочную аренду участке земли по левому берегу реки Урал. Он принадлежал 1-ому отделу казачьего войска и позволял сравнительно легко и быстро организовать практические работы. На этом участке площадью в 506 десятин, 255 десятин находились под пашней, 20 десятин занимал лес, 86 десятин – луга, а оставшаяся земля была под озёрами, болотом и дорогами⁵². Школа была призвана готовить «сведущих и умелых исполнителей по сельскому хозяйству вообще и, в частности, по садоводству, огородничеству и пчеловодству, а также по ремёслам: кузнечному, слесарному, плотнично-столярному и шорному»⁵³. В 1-й класс принимались подростки 13–15 лет на основе вступительных испытаний и 12–14 лет – в подготовительный класс при школе, но детей «исключительно войскового сословия», окончивших 1-классную школу грамоты. Двери школы были открыты и для представителей других сословий, однако их число не должно было превышать 50% от всего набора, и они должны были иметь свидетельства об окончании 2-хклассного начального училища Министерства народного просвещения, или церковно-приходской школы⁵⁴.

Курс обучения продолжался 3 года и был поделён на 1–3-й классы без учёта подготовительного класса. Обучение было платным и составляло 40 рублей в год. Часть воспитанников (1/3 набора) обучалась за счёт Войскового хозяйственного правления, а родители остальных учащихся должны были оплачивать их учёбу и содержание в школьном пансионе. Оренбургская войсковая низшая сельскохозяйственная школа 1-го разряда была учебным заведением закрытого типа. Все учащиеся находились на полном обеспечении: получали летнюю и зимнюю форму казаков Оренбургского войска, горячее питание, постельные принадлежности. Распорядок дня учащихся был подробно регламентирован, начиная с 6 часов утра и до 21 часа вечера⁵⁵. Преподаватели, учащиеся и обслуживающий персонал школы размещались в 9 зданиях, постоянно отапливаемых в зимнее время. В главном 2-хэтажном корпусе были 4 классные комнаты, физическая и хи-

мическая лаборатории, столовая, кухня, 4 спальные комнаты для учащихся, 2 квартиры для надзирателя и воспитателя. В 2-х флигелях, один из которых был 2-хэтажный, находились канцелярия училища, квартиры управляющего школой, преподавателей. В столярных и слесарных мастерских были оборудованы квартиры для мастеров. В комплекс школьных зданий входили так же баня, конюшня, кузница, сарай для скота, рабочая изба, в которой выполнялись учебные и практические работы⁵⁶.

Содержалась сельскохозяйственная школа за счёт отчислений от капитала Оренбургского войска и Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия России, платы за обучения и пожертвований частных лиц. В 1912 году ей было выделено 13820 рублей, в том числе от Войскового хозяйственного правления – 6820 рублей, а от Департамента земледелия – 7000 рублей. На содержание учащихся в этом году было истрачено 1805 рублей, из них 1178 рублей израсходовано на продовольствие, а 627 рублей – на приобретение обмундирования. Остальные средства были направлены на отопление и освещение зданий, закупку сельскохозяйственного инвентаря и семян, приобретение оборудования и материалов для мастерских, жалование преподавателям, мастерам и служащим школы⁵⁷.

После приёма в подготовительный класс 11 учеников из казачьих семей в школе с ноября 1909 года начались учебные занятия. Управляющим школой был назначен П.А. Гумбург, дворянин, выпускник Московского сельскохозяйственного института. До назначения он служил агрономом 1-го отдела Оренбургского войска. В начале работы школы её коллектив был невелик и насчитывал 9 человек: управляющего школой, 2-х преподавателей, надзирателя, дворника, кухарку, прачку, садовника и сторожа⁵⁸. Затем по мере увеличения контингента учащихся он вырос до 23 человек за счёт преподавателей специальных предметов, мастеров и обслуживающего персонала. С 1913 года управлял школой учёный-агроном И.К. Байгузев, из крестьян, выпускник Киевского политехнического института. Остальные преподаватели имели не высшее, а среднее специальное образование. В 1914 году в школе обучались уже 53 подростка, причем 20 из них получали войсковую стипендию, 4 – земскую, а 29 школьников считались «своекоштными», то есть обучались и содержались за счёт своих родителей. Большинство из них были детьми казаков (52%), но учились также подростки из семей крестьян (36%), мещан (6%), духовенства (4%) и дворян (2%)⁵⁹.

Школьная программа включала общеобразовательные и специальные предметы. Обучение начиналось с общеобразовательных дисциплин. В их числе были: Закон Божий, русский и старославянский языки, чистописание, арифметика, геометрия, география, ботаника, зоология, история, физика, химия, пение. Затем постепенно вводились специальные предметы: земледелие, скотоводство, лесоводство и лесоразведение, садоводство, огородничество, пчеловодство, сельскохозяйственная экономия со счетоводством, законоведение, техническое черчение, технология ремёсел. Под руководством вахмистра воспитанники занимались гимнастикой и строевой подготовкой⁶⁰.

Основное место отводилось практическим занятиям. На опытном участке и в мастерских учащиеся закрепляли теоретические знания, приобретали навыки в сельскохозяйственном производстве, воспитывали в себе уважение и любовь к трудовому ритму жизни. Практические занятия велись по существу круглый год. Ученики со своими наставниками работали в школьном хозяйстве, занимались полеводством, садоводством, скотоводством, пчеловодством, уходом за лошадьми, крупным рогатым скотом и птицей, приобретали опыт столярного и кузнечного ремесла. С 1914 года в школе начались работы по лесоустройству на отведённом участке земли⁶¹.

Воспитанники школы, успешно сдавшие выпускные экзамены, должны были проработать по специальности один год в каком-либо хозяйстве губернии, представить отчёт о своих действиях и наблюдениях, удостоверяемый владельцем или руководителем этого хозяйства. Только после такого практического испытания они считались выпускниками и получали аттестат⁶². В 1912 году Совет школы поставил перед Войсковым хозяйственным правлением вопрос об организации лучшим ученикам годичной стажировки в образцовых казённых хозяйствах Уфимской и Пермской губерний⁶³.

В 1913 году Оренбургскую войсковую сельскохозяйственную школу закончили первые 13 выпускников. Они получили образование, дававшее им право работать в качестве младших агрономов, техников, инструкторов по счетоводству с окладами от 30 до 60 рублей в месяц. Выпуск 1914 года составил 11 человек. Причиной сокращения выпуска был значительный отсев учащихся по самым разным причинам, хотя конкурс при поступлении составлял 3 человека на 1 место. В 1909–1913 годах было зачислено в школу 87 учащихся, а отчислено – 34 человека, или 39% от всех принятых⁶⁴. В 1914–1917 годах школа продолжила учебную деятельность, которая не прекращалась до на-

чала гражданской войны в губернии. В январе 1918 года в ходе боёв за Оренбург школьные здания серьёзно пострадали. Занятия временно прекратились и лишь летом они ненадолго возобновились. В 1919 году сельскохозяйственная школа, как и другие учреждения Оренбургского казачьего войска, была эвакуирована в северную часть губернии, а затем в составе отступавших войск белогвардейцев – на восток страны⁶⁵.

Накануне свержения монархии в России в феврале 1917 года начальное профессионально-техническое образование в губернии можно было получить в 5 учебных заведениях: Оренбургском ремесленном училище, 2 низших ремесленных школах, школе ремесленных учеников и низшей сельскохозяйственной школе. Они выпускали в среднем в год 70–80 подготовленных ремесленников, рабочих, техников, младших агрономов, что было крайне мало для нужд экономики края. В 1916 году только в одном Оренбурге, где проживало 151 тыс. человек, было 43 предприятия фабрично-заводской промышленности, 130 ремесленно-кустарных мастерских и 1200 торговых заведений⁶⁶. Губернские власти вынуждены были искать новые формы подготовки квалифицированных рабочих и ремесленников.

В дополнение к действовавшим учебным заведениям профессионального образования Дирекция народных училищ губернии приступила к открытию ремесленных классов в общеобразовательных начальных, преимущественно русско-башкирских школах. В 1910 году классы столярно-токарного, слесарно-кузнечного, сапожного, переплётного и портняжного мастерства действовали в 5 начальных училищах Оренбургского и Троицкого уездов. В них обучались 130 учащихся обоего пола. Обучение вели 6 мастеров, 5 из которых были самоучками, только 1 мастер окончил ремесленное училище⁶⁷. Нехватка помещений, оборудования, опытных и образованных наставников помешали широкому распространению этой формы подготовки рабочих кадров. К тому же особой популярностью у школьников предлагаемые профессии не пользовались. В Метелёвском русско-башкирском училище Оренбургского уезда с 1908 года обучали портняжному мастерству. Ремесленный класс насчитывал 18 человек, а в мастерских могли разместиться одновременно только 9 учащихся. В 1908–1910 годах в ремесленном классе обучалось 43 учащихся, но 23 из них прекратили учёбу досрочно. Выпущено было 20 учеников с аттестатами портных, но все они работать по этой профессии не стали. В Ново-Троицком начальном училище Троицкого уезда в 1910 году из 8 чело-

век, окончивших класс сапожного ремесла, по специальности стал трудиться только 1 выпускник у отца-сапожника, а 5 учащихся, окончивших класс переплётного ремесла в этом же училище, не изъявили желания искать работу по полученной специальности⁶⁸.

Таким образом, учебные заведения начального профессионально-технического образования в Оренбургской губернии создавались и финансировались разными министерствами и ведомствами, губернской администрацией, органами местного самоуправления, промышленными компаниями и были призваны удовлетворять потребности учредителей в специалистах нужного им профиля подготовки. Поэтому образовательный процесс носил в них отчётливо выраженный практико-ориентированный характер, что было достаточно прогрессивным явлением для своего времени.

По содержанию и уровню профессионального образования эти училища и школы делились на два типа: начальные и повышенные начальные. Все они создавались для мужского населения и обучали подростков и юношей разных сословий. Однако в единую стройную систему учебные заведения начального профессионально-технического образования так и не сложились в силу своей немногочисленности и ведомственной разобщённости. Тем не менее, своей практической деятельностью они способствовали накоплению организационного, научно-практического, методического опыта, который будет учтён и востребован в последующие десятилетия XX столетия.

Примечания

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.164. Оп.2. Д.255. Л.127–132.

² Там же. Л.127–132.

³ ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.14263/9. Л.3–4, 28.

⁴ ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.132-а. Л.26об.

⁵ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.204. Л.1.

⁶ ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.132-а. Л.26об.

⁷ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.204. Л.7.

⁸ Там же. Л.1–2.

⁹ Там же. Л.5об.

¹⁰ Там же. Л.6–7.

¹¹ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.204. Л.5–9.

¹² Там же. Л.11–12.

¹³ ГАОО. Ф.10. Оп.2. Д.50. Л.174; Д.3. Л.177; ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.135. Л.7.

¹⁴ ГАОО. Ф.41. Оп.1. Д.10. Л.227–229; Д.12. Л.91–92; Д.13. Л.287–288об.

¹⁵ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.204. Л.4–5.

¹⁶ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.255. Л.2об – 3.

¹⁷ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.365. Л.3об –4; Д.1551. Л.1.

58. ¹⁸ Памятная книга Оренбургского учебного округа на 1911 год. – Уфа, 1911. – С. 56–
- ¹⁹ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.204. Л.25.
- ²⁰ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.255. Л.36–36об.
- ²¹ Там же. Л.17.
- ²² ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.365. Л.7, 9–12, 15; Д.1551. Л.91–92.
- ²³ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.365. Л.32об – 33.
- ²⁴ ГАОО. Ф.73. Оп.1. 1551. Л. 23–24, 55–59об, 82–83, 91–92, 96–98.
- ²⁵ ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.218. Л.167–171; Оп.2. Д.255. Л.127–130.
- ²⁶ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.333. Л.27; Оренбургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года. – СПб., 1871. – С. 20.
- ²⁷ Вишев, И.И. Золотопромышленность Южного Урала в XIX веке // Промышленность Урала в XIX – XX веках. Сборник научных трудов. – М., 2002. – С. 86–107.
- ²⁸ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.233. Л.11–12, 19.
- ²⁹ Веселов, А.Н. Низшее профессионально-техническое образование в России: очерк по истории профессионально-технического образования в дореволюционной России. – М.: ПТИ, 1955. – С. 86–87.
- ³⁰ Оренбургский учебный округ. Сборник законоположений и распоряжений по Министерству народного просвещения. С октября 1909 г. по 1911 г. – Уфа, 1911. – С. 390–395; Веселов, А.Н. Указ. соч. – С. 88–89.
- ³¹ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.233. Л.1–2, 8, 20; Ф.164. Оп.1. Д.179-а. Л.59–60.
- ³² ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.233. Л.6–10.
- ³³ Там же. Л.1–1об.
- ³⁴ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.233. Л.6; Ф.164. Оп.1. Д.179-а. Л.59–60; Д.218. Л.160–161; Д.236; Л.2–3.
- ³⁵ Памятная книга Оренбургского учебного округа на 1911 год. – Уфа, 1911. – С. 56–
- 58.
- ³⁶ Боже, В.С. Профессиональное образование в дореволюционном Челябинске // Восьмые Бирюковские чтения: Тезисы докладов. – Челябинск, 1988. – С. 156.
- ³⁷ ГАОО. Ф.10. Оп.1. Д.233/1. Л.31.
- ³⁸ Боже, В. С. Указ. соч. – С. 157–158.
- ³⁹ Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1908 год. – Оренбург: Губернская типография, 1908. – С. 79.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.179-а. Л.59–60; Д.218. Л.160–161; Д.236. Л.2–3.
- ⁴¹ Боже, В.С. Указ. соч. – С. 158–159.
- ⁴² Там же. С. 160.
- ⁴³ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.249. Л.3, 14–15, 26.
- ⁴⁴ ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.14444. Л.4–22.
- ⁴⁵ ГАОО. Ф.3. Оп.7. Д.4. Л.299–302; Ф.21. Оп.5. Д.4. Л.317–319.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф.142. Оп.4. Д.9. Л.1–29.
- ⁴⁷ ГАОО. Ф.142. Оп.1. Д.629. Л.1–1об.
- ⁴⁸ Там же. Л.3.
- ⁴⁹ Там же. Л.3–5.
- ⁵⁰ ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 43, часть 1. Л. 1–9.
- ⁵¹ Кузьмин, Н. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. – Челябинск, 1971. – С. 216.
- ⁵² ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 42. Л. 372.
- ⁵³ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.46. Л.1–1об.
- ⁵⁴ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.42. Л.307.
- ⁵⁵ Там же. Л.365–366.
- ⁵⁶ Там же. Л.643, 686, 703–704.
- ⁵⁷ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.43, часть 1. Л.9, 42–43.

⁵⁸ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.42. Л.363.

⁵⁹ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.46. Л.2–6об.

⁶⁰ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.42. Л.622, 643.

⁶¹ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.46. Л.7–9.

⁶² ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.43, часть 1. Л.67; Д.42. Л.7–8, 29–31.

⁶³ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.42. Л.612–614об, 660.

⁶⁴ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.46. Л.72–73.

⁶⁵ Галигузов, И.Ф. Народы Южного Урала: История и культура. – Магнитогорск, 2000. – С. 258–278.

⁶⁶ ГАОО. Ф.41. Оп.1. Д.1095. Л.75–78; Ф.164. Оп.1. Д.196. Л.79об. Д.223. Л.3–5; Бляхер, Я.В. Итоги однодневной переписи населения Оренбурга 7 февраля 1916 года. Вып. 1. – Оренбург, 1916. – С. 15; Доброхотов, Ф.П. Урал Северный, Средний и Южный. Справочная книга. – Петроград, 1917. – С. 596.

⁶⁷ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д.272. Л.1–6.

⁶⁸ Там же. Л.5, 20–21.

РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРЖЬЕ В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Индустриализация промышленности, развернувшаяся в Оренбуржье с конца 20-х - в начале 30-х годов XX века, способствовала быстрому развитию профессионально-технического образования, укреплению их материальной базы и кадрового потенциала, совершенствованию учебно-воспитательного процесса. Сеть начального профессионально-технического образования губернии состояла из 33 образовательных учреждений разных видов и типов: в Оренбурге работали краткосрочные кустарно-ремесленные курсы, школы ФЗУ.

Оренбургский Губпрофобр в 1928 г. направил в отдел рабочего образования и индустриальных профессиональных школ Главпрофобра докладную записку, где сообщал о необходимости организации районной школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Необходимость создания такой школы мотивировалась тем, что промышленность г. Оренбурга была развита слабо и объединена по отдельным отраслям в маломощные тресты. Таким образом, в каждой отдельной отрасли не имелось возможности создавать однотипные школы ФЗУ с одной ведущей специальностью. Этот вывод подтверждался следующими показателями состояния отраслей народного хозяйства: мукомольная промышленность была представлена 8 мельницами с общим количеством работавших 596 человек, учениками школ ФЗУ могли стать только 19 человек; металлообрабатывающая – 3 заводами и автотранспортным предприятием с 291 рабочими, соответственно только 13 человек могли быть зачисленными в школу ФЗУ. Подобная ситуация сложилась и в кожевенной, полиграфической, строительной отрасли промышленного производства. Таким образом, даже такие наиболее развитые отрасли, как кожевенная и мукомольная, имели только по 19–20 потенциальных учеников, так как финансирование производилось предприятиями пропорционально количеству учащихся, на каждую школу ФЗУ составлялись индивидуальные сметы, расходы на содержание одного ученика могли достигать до 300 рублей в месяц, а на школу ФЗУ было необходимо 5 404 р. 88 коп., а в 1926–1927 уч. году кожевенный трест выделил 2 179 р., Госстройконтора – 2 200 р., «Водосветтрест» – 2 000 р., «Сельпромкомбинат» – 1 820 р., «Металлопром» - 600 р. Губпрофобр, Губисполком и ГСНХ

признали, что в Оренбурге необходимо создать учебное заведение, объединявшее различные отрасли производства - районную школу ФЗУ¹.

Оренбургская районная школа ФЗУ готовила специалистов по четырем специальностям: металлообрабатывающей, строительной, кожевенной, полиграфической. Школа была не просто объединением 4-х различных профессий, её организационная структура и все направления подготовки рабочих имели определённую систему, цель которой заключалась в снижении затрат на воспроизводство квалифицированной рабочей силы для предприятий города. Учебный план делил процесс обучения на семестры или полугодия. Каждое техническое задание при планировании согласовывалось со специалистами на предмет особенностей конкретного производства. Профессиональное обучение в Оренбургской районной школе ФЗУ велось следующим образом. Во-первых, по каждой специальности на основании инструктивных материалов Главпрофобра были составлены программы производственного обучения с учётом местных особенностей. Вопросом их уточнения занималось Губернское объединение инженеров и техников (ГУМБИТ). Во-вторых, на каждом предприятии, для которого готовили специалистов, ученики были организованы в бригады под руководством опытного инструктора, который, согласно требованиям приказа ВСНХ № 1208, отвечал и за общую постановку производственного обучения на данном предприятии. При этом он являлся членом Совета Оренбургской районной школы ФЗУ, перед которым периодически отчитывался о проделанной работе с учениками непосредственно на производстве. В-третьих, изучение теории в школе происходило в связи с приобретаемой производственной квалификацией, однако, если ученик к моменту сдачи на следующий квалификационный разряд не овладел 75% теоретического материала, он терял право на повышение разряда. Каждая программа производственного обучения была построена таким образом, что если учащийся проходил её успешно, то получал рабочую квалификацию не ниже 6–7 разряда².

На заседании президиума Оренбургского городского совета 22 мая 1928 г. обсуждался вопрос о состоянии профтехобразования в прошедшем 1927–1928 уч. году, а также о перспективах развития на 1928–1929 уч. год. Было принято решение открыть в новом учебном году 2 вечерние рабочие школы на предприятиях пищевкусовой и металлообрабатывающей промышленности, профессионально-техни-

ческую школу на пухотрикотажном производстве, 2-х годичные курсы строительно-дорожных мастеров и десятников³.

Сеть учебных заведений профессионально-технического образования в 1928 г. включала одну профессионально-техническую школу; 5 учреждений рабочего образования; 15 учреждений кустарно-ремесленного образования; 3 учреждения промышленно-экономического профиля. Профессионально-техническая школа состояла из механического отделения, где готовили помощников мастеров. Районная школа ФЗУ с отделениями: металлистов, полиграфистов, кожевников, столяров и строителей, – готовила среднеквалифицированную рабочую силу 6–7-х разрядов.

В августе 1928 г. в связи с упразднением Оренбургской губернии было ликвидировано Оренбургское губернское управление профессионально-технического образования. На основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. Оренбургская губерния была преобразована в Оренбургский округ, который вошел в состав Средне-Волжской области⁴.

Оренбургский окружной отдел народного образования просил отдел народного образования Средне-Волжской области выделить из бюджета средства на организацию и содержание в 1928–1929 учебном году горного отделения в составе существовавшей индустриальной профтехшколы 4 400 р., одногодичных курсов по подготовке строительных рабочих массовых профессий – 27 820 р., 2-хгодичных курсов по подготовке десятников-мастеров по дорожному и огнестойкому строительству – 14 624 р., одногодичных курсов по подготовке горных рабочих массовых профессий – 9 273 р.⁵

На заседании Совета Оренбургского индустриального техникума и механической профтехшколы 30 августа 1928 г. была представлена информация о вступительных испытаниях в первый класс профтехшколы: принято 35 человек, из которых «удовлетворительно» по всем предметам получили только 23 человек⁶.

На совещании представителей ОкрЗУ и ОкрОНО 30 октября 1928 г. была констатирована нехватка и острая потребность «в рабочих по тракторному делу». Оренбургской профтехшколе и Селькредпромсоюзу поручили выработать меры по подготовке «нужной квалифицированной силы по означенной специальности»⁷.

На заседании президиума Совета профтехшколы 30 января 1929 г. заведующий школой А.П. Токмаков обратил внимание присутствовавших, что, согласно уставу Оренбургской профтехшколы по обра-

ботке металлов, она в 4-м классе должна была располагать тракторным отделением. В соответствии с учебным планом, 4-й класс появился в школе первый раз только в 1929–1930 уч. году, а в связи с малым количеством учащихся (13 человек в 3-м классе) в 1928–1929 уч. году было принято решение весь контингент учащихся готовить на тракторном отделении школы. При непосредственном участии Селькредпромосюза в начале 1929 года были открыты 3-х месячные тракторные курсы при сельхозтехникуме в Оренбурге⁸.

На 1929–1930 уч. год в учреждения начального профессионально-технического образования в Оренбургском округе было подано 1373 заявления, а принято 737 человек. В учреждения кустарно-ремесленного образования поступило 320 человек, из них в учебно-производственные мастерские – 20 человек, кустарно-ремесленную профшколу – 60, в 5 школ кройки и шитья – 220 человек, на курсы кройки и шитья – 20 человек. В учреждения рабочего образования набор учащихся выглядел следующим образом: районная школа ФЗУ – 85 человек, 2-х годичная вечерняя школа строительных десятников – 40 человек. В профессионально-технические школы поступило: в механическую школу – 41 человек, в школу полеводства – 42. На профессиональные курсы приём составил: курсы тракторных бригадиров – 101 человек, тракторные первичные курсы – 108. Таким образом, самый большой конкурс был в профмехтехшколу – 3,3 человека на место, и районную школу ФЗУ – 2,4 человека на место⁹.

В июне 1930 г. на II Оренбургской окружной партийной конференции рассматривалось состояние народного образования в округе. Отмечалось, что сеть курсов, осуществлявшая подготовку кадров, не отвечала потребностям начавшейся реконструкции народного хозяйства страны. На конференции была поставлена задача расширения сети техникумов, профессиональных школ, ФЗУ, индивидуально-бригадного ученичества на предприятиях, открытия вузов для усовершенствования и развития системы подготовки кадров¹⁰.

Согласно решению окружной партийной конференции в 1930–1932 гг. в Оренбуржье расширилась сеть профессионально-технических школ различного профиля – их стало 15, плановым заданием на первую пятилетку начальному профессиональному образованию предписывалось подготовить 980 квалифицированных рабочих для оренбургских промышленных предприятий, а потребность в них составляла 2 198 человек. Также существовали краткосрочные курсы по подготовке квалифицированных рабочих, где обучалось около 3 тыс. человек.

Летом 1932 г. в школе ФЗУ № 17 при Оренбургском паровозовагоноремонтном заводе во всех 18 учебных комнатах побелили стены и потолки. Но этого было недостаточно: 85–90 % окон не были застеклены, необходим был паровой котёл и ремонт парового отопления, поскольку зимой 1932 г. в сильные морозы температура в помещениях составляла 2–3 градуса тепла. Перед новым учебным годом приобретены необходимые учебные материалы в кабинеты химии, биологии, механики, обществоведения. В 1932–1933 уч. году учащиеся второго года обучения должны были пройти производственную практику. Ввиду отсутствия нужного количества рабочих мест 8 групп школы не приступили к производственной практике¹¹.

План приёма учеников ФЗУ № 17 на 1932–1933 уч. год составлял 445 человек по следующим рабочим специальностям: слесари-паровозники – 200; слесари-вагонники – 70; слесари по автотормозам – 35; котельщики – 70; литейщики – 35; медники – 35. Всего на 10 сентября 1932 г. было подано 662 заявления, принято – 456 человек. Ученики второго и третьего года обучения приступили к производственным занятиям в школе ФЗУ № 17 с 1 и 20 августа 1932 г., к теоретическим занятиям – с 5 сентября из-за неподготовленности учебных помещений. Занятия у первого курса начались 1 октября. В конце 20-х годов - начале 30-х годов XX века в Советском Союзе шли колоссальные преобразования в различных отраслях народного хозяйства и в обществе. В сельском хозяйстве активно шла коллективизация, в промышленности – индустриализация, в духовной сфере – культурная революция. Формирование командно-административной системы происходило во всех областях жизни Советского общества 20-30-х годов XX века.

В конце 20-х – начале 30-х годов XX века на всей территории СССР особенно активно стали искать «классово-чуждые элементы». Оренбургский край не был исключением. К «классово-чуждому элементу» относили лиц, служивших в царской армии, белогвардейских соединениях в годы гражданской войны, служителей религиозного культа всех конфессий, представителей дворянства, купечества, а также их близких родственников. Активный поиск «классово-чуждых элементов» партийные органы начали после «разоблачительного процесса» в 1928 г. – «Шахтинского дела», где, согласно данным следствия, вредительство развернули инженеры и высококвалифицированные рабочие шахт. Именно поэтому поиск врагов Советской власти начали проводить на предприятиях подобного типа, а попутно «вы-

чищать» от «чуждого элемента» учебные заведения начального профессионального образования во всех регионах страны, включая и Оренбуржье.

Так, на совещании заведующих и представителей коллективов учреждений профессионального образования Оренбургского окружного отдела народного образования, проходившем под председательством А.К. Задорина 1 февраля 1930 г., поступило предложение проверить социальное происхождение и подробные биографии всех учащихся, принятых в 1929 г. с целью выявления «классово-чуждого элемента», а на место исключённых провести дополнительный приём рабочих, батраков и их детей¹².

Усиление репрессий в отношении преподавателей и учащихся в народном образовании, в том числе и в учреждениях начального профессионально-технического профиля, в начале 30-х годов XX века происходило и в связи с развернувшейся в стране коллективизацией сельского хозяйства¹³. На заседании 2-го пленума Краевого совета культурного строительства и коллегии КрайОНО совместно с совещанием заведующих рай-, горОНО 7 июля 1932 г. обсуждался вопрос о выявлении «классово-чуждых элементов» в учебных заведениях. В частности, было отмечено, что в стране ведется «беспощадная борьба с классовыми врагами, с контрреволюционным троцкизмом, правыми оппортунистами, сопротивляющимися большевистским темпам в борьбе с левыми загибщиками, примиренцами и двурушниками»¹⁴. Одним из итогов заседания стало решение усилить политическую бдительность в учебных заведениях, занимавшихся подготовкой специалистов для сферы материального производства.

В 1933 году в Бузулукской школе ФЗУ выявили 7 преподавателей, отнесённых к «классово-чуждому элементу», из них 3 человека входили в местный комитет, в том числе преподаватель П. Гусаров, который являлся председателем местной ячейки ВКП(б). По результатам расследования этой ситуации в Бузулукской школе ФЗУ, П. Гусарова за сокрытие своего социального происхождения исключили из членов ВКП(б) и уволили из школы, а местную ячейку ВКП(б) расформировали в связи с большим количеством в ней якобы «классово-чуждых элементов»¹⁵.

Политические репрессии в 1937–1938 гг. приобрели массовый характер на территории страны. Оренбургская (с 1938 г. – Чкаловская) область не была в этом отношении исключением. За разгромом партийного и административного руководства области последовали

репрессии в различных сферах народного хозяйства: промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, образовании.

Так, на закрытом собрании парторганизации школы ФЗУ № 17 при паровозовагоноремонтном заводе 23 июня 1937 г. слушали вопрос об «антипартийном поведении» преподавателя Василия Михайловича Рощина. Ему инкриминировали «протаскивание троцкистской теории», суть которой заключалась в невозможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. После проведенных занятий преподаватели школы ФЗУ № 17 собирались в учебной части и обсуждали различные вопросы. Когда один из сотрудников школы высказал мысль о «невозможности построения коммунизма в одной стране», В.М. Рощин сказал собравшимся коллегам, «что за это мне попало». С точки зрения партийных работников в учебной части школы ФЗУ В.М. Рощин придал общественной огласке партийную тайну. Также преподавателя обвиняли в «наплевательском отношении к партии». Партийные функционеры в этом обвинении опирались на следующие факты: В.М. Рощин опаздывал на партийные собрания, порученная ему подготовка стенгазеты к празднику 1 Мая была проведена на низком уровне¹⁶.

В июне 1936 г. на партсобрании школы ФЗУ № 17 при паровозовагоноремонтном заводе обсуждался вопрос о деятельности «враждебно-чуждого элемента» в Оренбургской области. Был выявлен учащийся школы, скрывший факт высылки за контрреволюционную деятельность своего отца, работавшего на кирпичном заводе Оренбурга. Партийной организацией школы было предложено В.М. Рощину не допустить сдачи экзамена учащимся, но В.М. Рощин отказался. Один из сотрудников школы резюмировал: «Рощин агитировал среди политически малограмотных рабочих троцкистскую теорию невозможности построения социализма и коммунизма в одной стране, что является доказанным фактом». В результате обсуждения на собрании приняли следующее постановление: «члена ВКП(б) В.М. Рощина из партии исключить»¹⁷.

Репрессивная политика государства затронула не только некоторых учащихся и преподавателей отдельных учебных заведений начального профессионального образования, но и в целом систему народного образования Оренбургской (Чкаловской) области. Так, заведующего ОблОНО П.П. Шапошникова обвинили в том, что он когда-то проживал на территории, занимаемой войсками белой армии А.В. Колчака¹⁸. Заместитель заведующего ОблОНО А.К. Задорин, ку-

рировавший учебные заведения профессионально-технической направленности, был подвергнут партийным взысканиям. Затем началась проверка А.К. Задорина «на соответствие» его взглядов занимаемой им номенклатурной должности. Специально созданную группу ОблОНО интересовал вопрос социального происхождения А.К. Задорина. Для этого был отправлен запрос в управление НКВД Верхотурьевского района Свердловской области, в деревню Батраково Красногорской волости Верхнетурского уезда Пермской губернии (в 1937 г. – это уже территория Свердловской области), где 15 января 1898 г. родился А.К. Задорин. Суть запроса сводилась к выяснению социального происхождения А.К. Задорина: чем занимались родители до Октябрьской революции; не была ли его семья раскулачена и т. п. Отметим, что родители А.К. Задорина занимались сельским хозяйством и мелким кустарным ремеслом. Работников партийных органов интересовал еще один факт из биографии А.К. Задорина: с октября по июль 1919 г. он находился на территории, занятой белой армией¹⁹. Все эти «непролетарские» события в биографии А.К. Задорина стали в 1937–1938 гг. решающим фактором в дальнейшей трагической судьбе человека. Военной коллегией Верховного суда СССР 9 февраля 1938 г. А.К. Задорин был приговорен к расстрелу²⁰.

Выявление врагов народа в системе начального профессионального образования в Оренбургской области в 1937–1938 гг. имело ряд общих черт: проверка социального происхождения человека, наличие в биографии «непролетарских» событий и фактов. Одновременно устанавливалась его возможная связь с уже «разоблаченными» врагами народа на территории области, в отрасли народного хозяйства или на предприятии или учреждении, где работал человек. В результате тотальной проверки партийными органами, местными отделами Народного комиссариата внутренних дел, а также существовавшей системы внештатных осведомителей в массовом порядке выявлялись мнимые «враги народа» во всех сферах жизнедеятельности Советского общества в 30-е годы. В системе начального профессионального образования Оренбургской области были репрессированы и приговорены к высшей мере наказания – расстрелу 24 человека, из них 6 работников управленческого звена, 8 преподавателей, 6 представителей обслуживающего персонала и 4 ученика²¹.

Необходимо отметить, что политические репрессии нанесли огромный урон учебным заведениям технического профиля. В годы террора, согласно данным «Книги памяти жертв политических реп-

рессий в Оренбургской области», было расстреляно 24 представителя учреждений начального профессионального образования.

Несмотря на отмеченные объективные трудности, система начального профессионального образования Оренбуржья в 20-30-е годы XX века в целом развивалась динамично, преодолевая различные экономические и политические проблемы, возникавшие в жизни советского общества.

Примечания

¹ ГАОО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

² ГАОО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 7. Л. 18-19.

³ ГАОО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР - № 54, 1928. – С. 407.

⁵ ГАОО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 1. Л. 132.

⁶ ЦДННАО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

⁷ ГАОО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 1. Л. 343.

⁸ Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. 2-е изд., перераб. и доп. – Челябинск, 1983. – С. 163.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 12. Д. 218. Л. 37-38.

¹⁰ Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. 2-е изд., перераб. и доп. – Челябинск, 1983. – С. 165.

¹¹ ЦДННАО. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹² ГАОО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 20. Л. 86.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 12. Д. 218. Л. 45.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6946. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

¹⁵ ЦДННАО. Ф. 267. Оп. 4. Д. 106. Л. 1-2.

¹⁶ Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. 2-е изд., перераб. и доп. – Челябинск, 1983. – С. 186.

¹⁷ ЦДННАО. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 46. Л. 86.

¹⁹ ЦДННАО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1293. Л. 14-14 об.

²⁰ Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Калуга, 1998. – С. 120.

²¹ Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Калуга, 1998. – 416 с.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 ГГ.)

В годы Великой Отечественной войны развитие системы трудовых резервов в Чкаловской области прошло два этапа. Первый – с июня 1941-го по 1942 год, и второй – с 1943 по 1945 год. На первом этапе система трудовых резервов в спешном порядке перестраивалась на военный лад. Особенностью данного периода было резкое увеличение числа училищ и школ ФЗО, которое проходило в условиях эвакуации в Чкаловскую область промышленных предприятий, населения и разного рода учреждений, в том числе и учебных заведений системы трудовых резервов. Учащихся частично распределяли по уже имевшимся училищам и школам, частично укомплектовывали с их помощью вновь создаваемые учебные заведения. По данным Р.Р. Хисамутдинова, в Чкаловскую область в 1941 году прибыло 2493 эвакуированных учеников (из школ ФЗО – 678 человек и из училищ – 1815 человек)¹.

С 1 июля в Чкалове начала работу новая школа ФЗО № 11, в которой должно было учиться 200 человек². Она стала 27-ой школой в системе трудовых резервов Чкаловской области. Позднее, 15–20 августа 1941 года она должна была выделить из своего состава 146 учеников и передать школе ФЗО № 17. Однако приказом от 2 июля 1941 года школа ФЗО № 17 была ликвидирована³. К 1 августа был увеличен контингент железнодорожного училища № 4 (г. Чкалов) с 200 до 500 человек⁴. К 16 августа в Чкаловскую область прибыли ученики из Белоруссии (ЖУ № 1 (Минск), РУ № 2 и ЖУ № 3 (Витебск)) и Украины (железнодорожное училище г. Львова)⁵. Осенью в порядке эвакуации в Чкалов прибыли ремесленное училище № 6 из Москвы, № 9 из Воронежа и № 10 из Ленинграда⁶. В ноябре – декабре 1941 года в Чкаловскую область были эвакуированы учащиеся из Харькова, Харциса, Сталино, Мариуполя, Острожного. Всего в область в 1941 году, по данным Р.Р. Хисамутдинова, прибыли учащиеся из 28 учебных заведений⁷.

19 ноября 1941 года было организовано ремесленное училище № 7 в Медногорске, контингент которого был составлен из эвакуированных училищ: Тульского РУ № 5 (56 человек), Острогж-

ного РУ № 7 (136 человек) и Мариупольского РУ № 6 (282 человека)⁸. Базовым предприятием училища стал Тульский оружейный завод (завод № 314). Он же был базой и школы ФЗО № 4, ранее прикрепленной к руднику в рабочем посёлке Ракитянка. В декабре 1941 года в Чкалове вновь создаётся школа ФЗО № 17, базовым предприятием которой стал Учдорстрой⁹. Одновременно ликвидируется школа ФЗО № 10 в Орске, существовавшая на базе Крекинзавода. Новая школа ФЗО № 10 создаётся в Чкалове, базовым предприятием которой становится завод «Автозапчасть», эвакуированный в наш город из Одессы. В Чкалове он был переоборудован под выпуск минных взрывателей¹⁰. В Орске вместо школы ФЗО № 14 на базе Энергокомбината, создаётся новая школа под этим номером с производственной базой на заводе № 322, прибывшем в город в сентябре 1941 года из Днепропетровска. Он изготовлял цилиндры для авиамоторов и выпускал знаменитое «изделие М-13», т. е. «катюшу». К концу 1941 года число учебных заведений системы трудовых резервов в области достигло 38. Среди них 11 ремесленных училищ. Новые училища возникли в Чкалове (№ 6, № 9, № 10), Медногорске (№ 7), Саракташе (№ 8) и чуть позже в Донгузе (№ 11). Ремесленное училище № 6 базовым предприятием имело завод № 545, который прибыл в г. Чкалов из Ворошиловграда и производил пули крупного калибра. Ремесленное училище № 9 (Чкалов) стало первым училищем связи в области. Число железнодорожных училищ достигло 8 единиц. К 5-ти имевшимся училищам добавились: ЖУ № 6 (Орск), ЖУ № 7 (Кувандык) и ЖУ № 8 (Соль-Илецк). Число школ ФЗО достигло в декабре 1941 года 19-ти¹¹.

Сведения о количестве учебных заведений системы трудовых резервов в 1942 году достаточно противоречивы. По некоторым документам, отложившимся в архивных фондах, весной 1942 года на линии Оренбургской железной дороге было создано 6 школ ФЗО на 1000 человек. Из них 3 школы были образованы на территории Казахстана (на станции Эмба – 180 человек, станции Актюбинск – 150 человек, станции Казалинск – 120 человек); а ещё 3 – на территории Чкаловской области (станции Орск – 170 человек, станции Бузулук – 160 человек, станции Чкалов – 220 человек). Набор учащихся производился в Казахской республике (450 человек) и Чкаловской области (550 человек)¹².

К 1 июля 1942 года в Чкаловской области, как следует из док-

ладной записки об итогах социалистического соревнования, числилось 38 училищ и школ ФЗО: 12 ремесленных, 7 железнодорожных училищ и 19 ФЗО¹³. Ни одной из созданных железнодорожных школ ФЗО в этом списке не оказалось. Не обозначены они и в более поздних документах, в том числе в сведениях, которые предоставляло различным вышестоящим инстанциям Чкаловское управление трудовых резервов. В докладной записке об итогах социалистического соревнования, датируемой 1 октября 1942 года, отмечено, что в Чкаловской области по состоянию на конец сентября было 23 школы ФЗО, 12 ремесленных и 7 железнодорожных училищ – всего 42 учебных заведения¹⁴. В справке о работе Чкаловского обкома ВЛКСМ от 21 сентября того же года указано на наличие в области 22 школ ФЗО, 12 ремесленных училищ и 7 железнодорожных¹⁵. В докладе о работе Чкаловского областного управления трудовых резервов говорится о наличии к 1 декабря 1942 года 23 школ ФЗО, последняя из которых носит № 24, 12 ремесленных (без пропусков в списке) и 7 железнодорожных училищ, в списке которых первое носит № 2, а последняя – 8-й номер¹⁶. Таким образом, количество ремесленных училищ не вызывает сомнений. Во всех списках оно одинаковое. Не менялось и число железнодорожных училищ – везде названо 7 учебных заведений этого типа. Однако ещё 1 декабря 1941 года их количество было равно 8-ми. В перечне железнодорожных училищ, представленном в докладе облуправления о работе сети трудовых резервов в Чкаловской области, пропущено железнодорожное училище № 1, которое было образовано ещё в 1940 году и располагалось в Чкалове. Дело в том, что с конца 1941 года помещения паровозоремонтного завода, которое было производственной базой ЖУ № 1, были заняты эвакуированным из Ленинграда заводом № 174, который производил танки. В связи с этим, железнодорожное училище было временно преобразовано в ремесленное. Что касается школ ФЗО, их количество в 1942 году неоднократно менялось. В июле 1942 года была ликвидирована ФЗО № 9 (Аккермановка)¹⁷. В списке, представленном в докладе облуправления трудовых резервов, её нет. Впоследствии в 1943 году её номер (№ 9) получит вновь созданная школа в Новотроицке, базовым предприятием которой станет «ОСМУ–23»¹⁸. Таким образом, количество школ ФЗО в течение 1942 года увеличилось сначала до 24, а затем снизилось до 23 единиц. Но только одна из них была железнодорожной (№ 21 на станции Теренсай). В целом на 1 декабря 1942 года в Чкаловской области располагалось 42 учебных заведения системы трудо-

вых резервов: 12 ремесленных училищ, 7 железнодорожных и 23 школы ФЗО.

На втором этапе деятельности система трудовых резервов в Чкаловской области развивалась в условиях начавшейся реэвакуации. Тем не менее, именно 1943 год стал пиком по числу ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО. В начале 1943 года было сформировано ремесленное училище № 11 (Донгуз). Оно находилось, в очень плохом состоянии – не имело ни общежитий, ни помещений для теоретических занятий. Цеха не обеспечивали рабочих мест для производственной практики¹⁹. Новое ремесленное училище под этим номером будет открыто в этом же году в Чкалове. В январе 1943 года было принято решение о ликвидации Кумакской школы ФЗО № 8, которая находилась на производственной базе прииска Кумак треста «Чкаловзолото». В августе 1942 года «рудник прекратил свою работу, и поэтому все цеха, в которых проходили производственное обучение учащиеся, стояли»²⁰. Тогда же было восстановлено железнодорожное училище № 1, поскольку танковый завод № 174 выбыл из Чкалова, а паровозоремонтный завод возобновил свою деятельность²¹. В течение года количество школ фабрично-заводского обучения достигло 29, но затем 3 из них были распущены: № 15 (Колтубановка), № 23 (Орск) и № 28. К 1 декабря 1943 года количество учебных заведений трудовых резервов в области составило 46 единиц: 12 ремесленных училищ, 8 – железнодорожных и 26 школ ФЗО²².

С начала 1944 года число учебных заведений стало постепенно снижаться. Как следует из докладной записки о состоянии политического воспитания, адресованной секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, к 15 мая этого года было ликвидировано 6 школ ФЗО, т. е. их количество в этот момент составляло 20 единиц. Состав ремесленных и железнодорожных училищ в это время не изменился – 12 ремесленных и 8 железнодорожных (всего – 40 училищ)²³. На 1 января 1945 года школ ФЗО оставалось уже 18, а к маю их стало 17. Ко времени завершения Великой Отечественной войны в Чкаловской области оставалось 38 учебных заведений системы трудовых резервов: 13 ремесленных училищ, 8 – железнодорожных и 17 школ ФЗО²⁴.

Основным способом комплектования учебных заведений в это время был принудительный призыв городской и сельской молодежи, т. е. мобилизация. 9 июля 1941 года вышел приказ начальника Главного управления трудовых резервов П.Г. Москатова «О проведении

досрочного призыва городской и колхозной молодёжи» в ремесленные и железнодорожные училища. Начало призыва переносилось с 5 – 20 августа на вторую половину июля. Принимали молодежь мужского пола в возрасте 14–16 лет, а женского – 15–17 лет²⁵. По данным Р.Р. Хисамутдинова, в 1940–1942 гг. система государственных трудовых резервов провела 16 призывов²⁶.

К 1 декабря 1942 года, по данным отчёта о работе Чкаловского областного управления трудовых резервов, в школы ФЗО было призвано 8854 человека, при этом, как следует из этого же документа, до запланированного уровня не хватало 4146 человек, так как по плану должно было быть 13000. В железнодорожные и ремесленные училища мобилизовали 17222 учащихся из 23000 запланированных, а 5778 человек призвать не смогли или они сбежали по дороге. Побегии совершались и в первые дни пребывания в учебных заведениях системы профтехобразования²²⁷. В то же время, в справке о работе ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, составленной в конце 1943 года, отмечалось, что контингент школ ФЗО составлял в 1942 году не 8854, а 6434 человека, т. е. до запланированного уровня не хватало 6566 учащихся. Такая же картина наблюдалась с контингентом ремесленных и железнодорожных училищ. В 1942 году в ремесленных училищах было 5015, а в железнодорожных – 3664 учащихся²²⁸. Всего получается 8679 человек, а не 17222, как это требовал план мобилизации. Если эти сведения верны, то ситуация с призывом и удержанием мобилизованной молодёжи в училищах и школах была просто катастрофической. Хотя и по первой приведённой выше статистике ясно, что проблемы с набором учащихся были сложными и крайне серьёзными.

На втором этапе 1943–1945 годов ситуация в лучшую сторону не изменилась. В 1943 году, когда количество учебных заведений системы трудовых резервов было наивысшим, на 1 декабря в школах ФЗО числилось 5790 человек, а не 8300 как планировалось, т. е. вместо того, чтобы вырасти, контингент учащихся в это время ещё больше сократился. В ремесленных училищах количество учащихся составляло 6044 (вместо 6550), а в железнодорожных – 3899 (вместо 4150)²²⁹. Как и в докладе, в справке областного управления трудовых резервов указываются обе эти цифры по каждому виду училищ и школ. Очевидно, скрывать масштабы потерь в это время стало просто невозможно. В годы войны недостаток учащихся, случаи побегов и другие негативные факты, постоянно отмечались в архивных источниках разного вида

и типа. Следует только помнить, что и эти, выше приведённые сведения, скорее всего, недостоверны. Об этом можно судить на основе тех фактов, которые совершенно чётко обозначены в специальном донесении прокурора Чкаловской области, датированном 11 ноября 1941 года. В частности, он пишет: «...Директора ...училищ ... заявили, что, якобы, представитель Управления Трудовых Резервов области рекомендовал им не передавать материал на сбежавших в следственные органы»³⁰. В донесении говорится, что только за сентябрь 1941 года из школ и училищ Чкаловской области сбежало 641 человек, тогда как материалы в прокуратуру были направлены только на 161 учащегося³¹. В сведениях о количестве учащихся, сбежавших из училищ и школ на 13 сентября 1941 года, называется третья цифра – 462 человека³². Вероятно, остальные, не упомянутые в этом документе 179 учеников сбежали во второй половине этого месяца.

К октябрю 1944 года в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища Чкаловской области требовалось призвать 6000 человек, в том числе в школы ФЗО – 4700 человек, ремесленные училища – 700, в железнодорожные училища – 600 человек. Однако по просьбе Управления трудовых резервов Чкаловской области, которое обратилось с соответствующим ходатайством в правительство, план призыва был уменьшен на 700 человек. Но и в уменьшенном виде план, оказалось, выполнить невозможно. Мобилизация проходила по-прежнему неудовлетворительно. По состоянию на 21 октября 1944 года задание по призыву было выполнено только на 47,6 %, а передано в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища и того меньше – 66,4 % от призванной молодёжи. К 6 декабря в школы ФЗО было призвано 3979 человек, в ремесленные училища – 795, в железнодорожные – 655. Всего было мобилизовано 5429 человек. План призыва по училищам был перевыполнен на 350 человек, а по школам ФЗО невыполнен на 226 человек. На 8 декабря к месту учёбы прибыло: в школы ФЗО – 3183 человека, а в ремесленные и железнодорожные училища – 666 учащихся, или всего 4441 человек. Таким образом, в учебных заведениях начального технического образования возник дефицит контингента обучаемых в 859 человек³³.

На 1 января 1945 года в школы ФЗО Чкаловской области было призвано 4164 человека, в ремесленные училища – 867, железнодорожные училища – 675 человек. Всего с 1940 по 1945 гг., по подсчётам Р.Р. Хисамудинова, в училища и школы системы трудовых резервов

Чкаловской области было призвано 43751 человек, а выпущено, по его же данным, – 47633 молодых рабочих³⁴. Причём последняя цифра имеет в виду даже более короткий период – с 1941 по 1945 год включительно. Исследователь ссылается на данные Государственного архива Российской Федерации и работы своих предшественников – Э.С. Котляра и А.В. Митрофановой. Разночтения, очевидно, связаны с неверными статистическими данными, отложившимися в архивных фондах, и некритическим отношением к ним некоторых советских историков. Судя по всему, подлинные сведения узнать будет нелегко, но и сейчас ясно, что система трудовых резервов, судя по тем многочисленным проблемам, которые уже не раз отмечались, вряд ли достигла этих достаточно внушительных показателей.

Материально-бытовое состояние училищ и школ системы трудовых резервов в Чкаловской области в годы войны заметно ухудшилось. Многие здания, ранее принадлежавшие системе трудовых резервов, были изъяты для эвакуированных предприятий и других учреждений военного ведомства. Учебных и жилых помещений всё больше и больше не хватало. Фактически не было обмундирования и постельных принадлежностей. В документах за 1942 год, отмечается, например, недостаток полупальто. Так, согласно плану, в школы и училища должно было поступить 19900 полупальто, а поступило только 7625 этих изделий швейной промышленности³⁵. Для учащихся постоянно не хватало рабочих гимнастеров, телогреек, ботинок.

Бытовые условия в училищах и школах ФЗО в эти годы были практически невыносимыми. Например, в общежитии по ул. Володарского, д. № 1, как следует из докладной записки, в комнате, где жили эвакуированные учащиеся из Ленинграда, размещалось 35 человек. Коек и постельных принадлежностей не было, и поэтому все они спали на полу, имея только один матрац и 14 подушек. Учащиеся не умывались, потому что не было мыла. Среди них были и больные, которые располагались в одной комнате со здоровыми подростками. У многих из них было обнаружено большое количество паразитов. У всех были «совершенно разорваны брюки. Обувь в большинстве своем рваная, пришедшая в полную негодность.

В июне 1941 года в системе трудовых резервов был установлен порядок бережливого расходования продуктов питания. На каждого работника системы была возложена строжайшая ответственность за справедливое и разумное распределение государственного продоволь-

ствия. Было введено групповое обслуживание учащихся в столовых группами по 4–10 человек. С апреля 1942 года во всех учебных заведениях стали создаваться подсобные хозяйства. Продукция этих хозяйств должна была поступать в столовые для улучшения питания учащихся. Однако на деле положение с питанием не улучшалось, а, наоборот, с каждым месяцем становилось всё хуже и хуже. Вот, например, динамика показателей расходов на питание в железнодорожном училище № 2 (Абдулино). Стоимость дневного рациона в декабре 1941 года составляла здесь 3 рубля 52 копейки, а в отдельные дни – 2 рубля 14 копеек. Продукты доставлялись несвоевременно. За первую декаду февраля не было рыбы, сала, сливочного масла, молока, сухофруктов. Питание учащихся было однообразным: на завтрак, обед и ужин подавалось единственное блюдо – суп-лапша³⁶. В справке о средней стоимости питания от 18 ноября 1942 года, представленной главным бухгалтером, отмечалось, что в июне 1942 года на одного учащегося здесь тратилось 4 рубля 15 копеек, в августе – 2 рубля 62 копейки, в октябре – 2 рубля 51 копейка³⁷. Между тем, согласно Постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 27 января 1941 года, расход на питание учащихся ремесленных и железнодорожных училищ должен был составлять 6 рублей в день, а на учащихся школ ФЗО – от 6 рублей 50 копеек до 7 рублей 50 копеек³⁸. На рынке в это время за эти деньги практически ничего нельзя было купить. Цены на продукты держались высокие: молоко – 4 рубля за литр, мясо стоило 26–28 руб., яйца – 15 руб., масло – 50 рублей³⁹. Расходы на питание были многократно ниже доходов от трудовой деятельности учащихся школ и училищ профтехобразования. Согласно докладу начальника Чкаловского областного управления трудовых резервов, сделанному 23 июля 1942 года, в июле учащиеся области заработали 1 миллион 165 тысяч 310 рублей, то есть по 88 рублей 40 копеек каждый. А некоторые из них зарабатывали по 56–84 рубля в день⁴⁰. А кормили их на 2–3 рубля в день, а бывало и того меньше.

В 1942 году, как и в другие военные годы, питание учащихся по всем школам и училищам Чкаловской области не отвечало требованиям, которые были определены Постановлением Совнаркома СССР. Средняя стоимость суточного рациона за первое полугодие 1942 года по ремесленным и железнодорожным училищам области составляла 3 рубля 29 копеек, а по школам ФЗО – 3 рубля 88 копеек. В ремесленном училище № 7 (Медногорск) 19 февраля 1942 года обед был приготовлен из мороженой капусты. Свекла и морковь были положе-

ны в тарелки целиком, не резанной. Стоимость дневного рациона опустилась здесь не раз до 1 рубля 57 копеек⁴¹. В железнодорожном училище № 3 (Новосергиевка), согласно докладу И.А. Митрофанова, средняя стоимость дневного рациона была всего 2 рубля 67 копеек. 8 февраля 1942 года на обед для 450 человек в этом училище заложено всего 3 килограмма мяса (по 6 граммов на каждого учащегося). Согласно более поздним данным, с 1 по 20 мая средняя стоимость суточного рациона в этом училище составляла 2 рубля 20 копеек, а без хлеба – 1 рубль 23 копейки⁴². В отдельные дни стоимость питания в этом училище была менее одного рубля в сутки (без хлеба): 20 мая 1942 года – 42 копейки, 18 мая – 48 копеек⁴³. В результате среди учащихся увеличились случаи заболевания малокровием, болезнями желудка и легких. В Чкаловской области среди учащихся в 4-ом квартале 1941 года было зарегистрировано 13 случаев заболевания цингой, а в 1 квартале 1942 года – уже 25 таких случаев⁴⁴.

В какой-то мере, правительство страны, попустительствовало такому развитию событий. Однажды «всесоюзный староста» М.И. Калинин в беседе с работниками трудовых резервов сказал: «Если бы это было нормальное мирное время, мы бы всё внимание уделили приобретению знаний, хорошо бы питались, ходили бы обуты и одеты, но при современной обстановке мы с вами обязаны, прежде всего, оказывать максимальную помощь фронту, а потом уже проявлять заботу о своих нуждах»⁴⁵. Этому можно было бы поверить, но положение учащихся в училищах и школах трудовых резервов было не на много лучше в 1940 году или начале 1941 года, чем в период войны⁴⁶. Правительство СССР или не хотело, или не могло обеспечить достойные условия для обучения в системе трудовых резервов. И дело здесь не только в тяжелейших условиях войны, что, конечно же, правда, но и в другом, о чём руководители партии и государства не говорили, да и не могли сказать в принципе – в самой командно-административной системе. Не случайно постоянным спутником существования системы трудовых резервов всегда было бегство учащихся от «заботливых рук государства». В годы войны, о чём уже говорилось выше, количество побегов возросло многократно.

Ситуация осложнялась тем, что многие работники системы трудовых резервов ушли на фронт. В докладе И.А. Митрофанова на областном совещании в июле 1942 года, отмечается, что у 5 учебных заведений в это время не было директоров (ФЗО № 11, 14, 18; ЖУ № 7, РУ № 6). Заместителей директора по политической части не было в

16 школах и училищах. В РУ № 3, 6 и 10 не хватало мастеров⁴⁷. Специалистов, имевших законченное высшее образование и работавших в системе Чкаловского областного управления трудовых резервов, по состоянию на 1 октября 1942 года было всего 47 человек. Оставшиеся в системе работники, мягко скажем, не всегда выполняли порученное им дело как следует. Роль мастера, как воспитателя, в это время часто не осуществлялась. Наблюдалось панибратство с их стороны по отношению к учащимся – иногда ученик мог хлопнуть по плечу мастера или попросить прикурить. Ряд мастеров являлись в училища в пьяном виде, выражались нецензурными словами. Как следует из документов, некоторые из них были «грубы и нетактичны». Порой они сами являлись нарушителями трудовой дисциплины. Некоторые мастера сводили свое воспитание учащихся к тому, что запугивали их или оставляли без обеда⁴⁸. А бывало и так, что ученики не знали о своём мастере ничего, не видя его ни разу в глаза. Согласно, воспоминаниям Н.К. Полякова, выпускника ФЗО 1943 года, регулярного обучения «почти не было... мы даже путём мастера не знали своего»⁴⁹.

В этих условиях училища и школы системы трудовых резервов в Чкаловской области практически прекратили систематическое обучение молодёжи, сосредоточив внимание на выполнении военных заказов. Стало больше уделяться внимания практическому производственному обучению, которое проводилось в цехах предприятий во все смены, включая и ночную. В учебных мастерских наряду с учебно-тренировочными занятиями, подчиненными выполнению различных заказов, была организована производственная деятельность по изготовлению военной продукции. Начиная с июля 1941 года, производственное обучение проводилось в 2–3 смены, по 8 часов каждая, а изучение теоретических и специальных дисциплин было сведено к минимуму или отменено совсем. С 5 июля 1941 года преподаватели теоретических и специальных дисциплин были переведены мастерами производственного обучения. Выпускные экзамены в ремесленных и железнодорожных училищах временно отменялись. Производственную практику на предприятиях нередко проходили с устаревшей техникой. Обученные на старом оборудовании, учащиеся, попав на оборонное предприятие, оснащенное современной техникой, переставали учиться заново⁵⁰.

Тем не менее, по данным различных отчётов и докладов, успеваемость в школах и училищах системы трудовых резервов осталась на очень высоком уровне. Например, согласно докладу Начальника

Чкаловского областного управления трудовых резервов от 23 июля 1942 года, общая успеваемость в июне месяце составила 97,4 %. В железнодорожном училище № 4 (Чкалов) она составила все 100 %. Такая же успеваемость отмечена и в школе ФЗО № 10 (Чкалов). Многие учащиеся, если верить докладу, выполняли нормы на производстве не хуже взрослых и квалифицированных рабочих. И.А. Митрофанов указывал на наличие среди них двухсотников (685 человек), трёхсотников (120 человек), четырёхсотников (42 человека), пятисотников (50 человек), восьмисотников (1 человек) и даже тысячников (13 или 3 – цифры в источнике переправлены чернилами)⁵¹. Это значит, что некоторые 14-летние, а порой и 12-летние мальчики и девочки, стоя у станка, выполняли по 200–1000 % от дневной трудовой нормы. Правда, и здесь не обходится без противоречий в архивных источниках. Р.Р. Хисамутдинова, ссылаясь на другие архивные документы, говорит о наличии в этот период времени 106 двухсотников, 14 трёхсотников, 17 пятисотников и 1 тысячника⁵². Как было на самом деле – вопрос пока открытый и требует вдумчивого дополнительного исследования.

Несмотря на многочисленные издержки, порождённые деятельностью сложившейся в стране командно-административной системы и обусловленные сложной и трагической обстановкой военного времени, подготовка квалифицированных рабочих в области по сравнению с предшествовавшим периодом 20 – 30-х годов сделала заметный шаг вперёд. На месте краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных курсов по подготовке рабочих, а также школ Фабрично Заводского Ученичества, существовавших в основном за счёт предприятий, при которых они были организованы, возникла единая система подготовки квалифицированной рабочей силы, которая была подчинена общей цели, существовала за счёт государства и развивалась под его руководством. За короткий срок произошло становление структуры управления начальным техническим образованием. Заметно выросло количество учебных заведений (чкаловские и эвакуированные), наметилась их специализация: РУ, ЖУ – более высокий уровень, ФЗО – низший уровень (массовая подготовка). Значительно расширилась география их размещения по территории области. Наряду с областным центром и Орском, учебные заведения начального технического образования возникли в таких городах и населённых пунктах, как Бугуруслан, Медногорск, Бузулук, Саракташ, Абдулино, Новосергиевка, Соль-Илецк, Кувандык, Новотроицк и другие. Преодолевая

трудности и лишения военного времени, а также естественные в период становления нестыковки и неувязки, система трудовых резервов внесла заметный вклад в подготовку рабочих кадров для промышленности и железнодорожного транспорта области и страны.

Примечания

¹ Хисамутдинов Р. Р. Создание системы Государственных трудовых резервов и её развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале (1940 – 1945 гг.). – Оренбург, 2004. – С.38.

² ЦДНПО. Ф.267. Оп.13. Д.145. Л.43.

³ Там же.

⁴ Там же. Л.59.

⁵ Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.36.

⁶ ЦДНПО. Ф.267. Оп.13. Д.145. Л.1.

⁷ Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.36.

⁸ Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.37.

⁹ ЦДНПО. Ф.267. Оп.14. Д.165. Л.7.

¹⁰ История Оренбуржья. Оренбург, – 1996. – С.261.

¹¹ ЦДНПО. Ф.371. Оп.6. Д.134. Л.94об – 95; Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.36 – 37, 43.

¹² ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.9. Л.85.

¹³ ЦДНПО. Ф.1697. Оп.1. Д.652. Л.21.

¹⁴ ЦДНПО. Ф.1697. Оп.1. Д.652. Л.7.

¹⁵ Там же. Л.11.

¹⁶ ЦДНПО. Ф.371. Оп.6. Д.134. Л.94об. – 95.

¹⁷ ЦДНПО. Ф.371. Оп.6. Д.134. Л.104.

¹⁸ ЦДНПО. Ф.371. Оп.7. Д.145. Л.108.

¹⁹ ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.28.

²⁰ Хисамутдинов Р. Р. Создание системы Государственных трудовых резервов и её развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале (1940 – 1945 гг.): дисс...-канд. ист. наук: 07.00.02 / Хисамутдинов Рамиль Рахматуллович. – Оренбург, 2002. – С.90.

²¹ Там же.

²² ЦДНПО. Ф.371. Оп.7. Д.145. Л.108.

²³ ЦДНПО. Ф.371. Оп.8. Д.553. Л.67.

²⁴ Там же. Л.104 – 105.

²⁵ ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.4. Л.178.

²⁶ Хисамутдинов Р. Р. Создание системы Государственных трудовых резервов и её развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале (1940 – 1945 гг.). – Оренбург, 2004. – С.51.

²⁷ ЦДНПО. Ф.371. Оп.6. Д.134. Л.94об – 95.

²⁸ ЦДНПО. Ф.371. Оп.7. Д.145. Л.104.

²⁹ Там же.

³⁰ ЦДНПО. Ф.371. Оп.5. Д.215. Л.103.

³¹ Там же.

³² Там же. Л.96.

³³ Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.59 – 60.

³⁴ Там же. С.171, 172.

³⁵ ЦДНПО. Ф.371. Оп.6. Д.134. Л.100об.

³⁶ Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.63.

³⁷ ЦДНПО. Ф.267. Оп.13. Д.145. Л.104.

³⁸ ЦДНДОО. Ф.1697. Оп.1. Д.686. Л.20.

³⁹ СССР. Предыстория. Начало Великой Отечественной войны [электронный ресурс]. [М.]. – Режим доступа: <http://www.otvoyna.ru/statya57.htm>

⁴⁰ ЦДНДОО. Ф.1697. Оп.1. Д.686. Л.1.

⁴¹ Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.63.

⁴² ЦДНДОО. Ф.1697. Оп.1. Д.686. Л.20.

⁴³ Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.64.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ЦДНДОО. Ф.1697. Оп.1. Д.686. Л.29.

⁴⁶ См.: Поляков А.Н. Создание системы трудовых резервов в Чкаловской области накануне Великой Отечественной войны (декабрь 1940 – июнь 1941 гг.) // «Идёт война народная, Священная война» (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург: ООО «НикОс», 2011. С.109 – 117.

⁴⁷ ЦДНДОО. Ф.1697. Оп.1. Д.686. Л.19.

⁴⁸ Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.76.

⁴⁹ Публикуется впервые. Полный текст воспоминаний Н. К. Полякова находится в архиве кафедры истории России ОГУ и готовится к публикации.

⁵⁰ Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. – С.76 – 80.

⁵¹ ЦДНДОО. Ф.1697. Оп.1. Д.686. Л.1.

⁵² Хисамутдинова Р. Р. Профессионально-техническое образование Чкаловской области в условиях Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Южный Урал 1941 – 1945 гг. – Оренбург, 1995. – С.53.

Томина Е. Ф. (Оренбург)

НАЧАЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОРЕНБУРЖЬЕ В 1946–1950 гг.

В послевоенные годы основной задачей, вставшей перед Советским государством, было восстановление экономики районов, подвергшихся немецко-фашистской оккупации и достижение общего довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства. В связи с этим сохранялась и даже поднялась на новую ступень насущная потребность в подготовке рабочих кадров через систему начального профессионально-технического образования. В Директивах четвертого пятилетнего плана на 1946–1950 годы говорилось: «В целях обеспечения квалифицированной рабочей силой важнейших отраслей народного хозяйства и повышения качества технической подготовки производственных кадров увеличить к 1950 году годовой выпуск молодых квалифицированных рабочих из школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ до 1,2 млн. человек»¹. В развитие директивных заданий и с целью повышения качества обучения, Совет Министров СССР принял 30 сентября 1946 года специальное Постановление «О мерах по улучшению подготовки трудовых резервов и увеличению количества рабочих, подготавливаемых в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО»². Постановление предусматривало широкую программу строительства ремесленных училищ и школ ФЗО, передачу им от заводов и фабрик станочного оборудования, откомандирование с производства в систему трудовых резервов высококвалифицированных специалистов для работы преподавателями и мастерами производственного обучения³.

В первый послевоенный год в Чкаловской области действовали 12 школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), 14 ремесленных и 6 железнодорожных училищ⁴. Школы ФЗО представляли собой низший тип профессионально-технической школы. Они действовали на базе промышленных предприятий истроек и готовили в ускоренном порядке рабочих массовых профессий для строительства, угольной, горной, металлургической, нефтяной и других отраслей промышленности. Срок обучения в них составлял 6 месяцев. В школы принималась молодежь 16–18 лет с начальным образованием и выше. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении. Планом набора на 1946 год 12 школ ФЗО области должны были принять 2700

юношей и девушек. Но принято было только 2284 слушателя, или 84,6% от плана набора, который в делопроизводственных документах тех лет именовался «призывом». Успешно выполнили задания по приему слушателей только 4 школы: №1 в Орске, №12 в Аккермановке, №16 в Бузулуке и №19 в Бугуруслане. Основную массу лиц, зачисленных в школы ФЗО, составляли юноши, которых было 2078 человек (или 90,9%). В составе набора доминировали выпускники и выпускницы сельских школ, либо проживавшие прежде в сельской местности. Их общее количество составило 2137 человек (или 93,6%)⁵.

Более основательную подготовку давали своим выпускникам ремесленные училища (РУ), сменившие накануне Великой Отечественной войны ведомственные школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Срок обучения в них был 2–3 года. В РУ принималась молодежь, имевшая 7-летнее образование. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении. Учебные планы РУ включали производственное 55–70% учебного времени и теоретическое обучение (общая и специальная технология, основы технической механики, математика, черчение, основы электротехники, физическая культура, политические занятия), а также предметы по специальности (строительное дело, основы металлургии, химия и т.п.). По окончании учебы выполнялась выпускная работа, именуемая «пробой». Выпускники обязаны были отработать 3 года на производстве. В 1946 году 14 ремесленных училищ области, получив задание по приему на 2484 ученических места, выполнили его на 99,4%, зачислив 2464 учащихся. Из общего числа лиц, принятых на учебу, 2116 были юношами (или 85,2%), а 348 (14,8%) – девушками. В этой группе учебных заведений 66,8% составили сельские жители, а доля горожан в сравнении со школами ФЗО области заметно выросла до 33,2%⁶.

Самым успешным был набор учащихся в железнодорожные училища (ЖУ) со сроком обучения в 2 года. В Чкаловской области после войны их было 6. В областном центре размещались ЖУ №1, №4 и училища в Бузулуке, Новосергиевке и Орске. Все они находились в ведении Наркомата путей сообщения и готовили для этого ведомства квалифицированных рабочих на базе 7-летней школы. Профессии машинистов паровозов, помощников машинистов, слесарей-ремонтников, связистов были наиболее популярными у местной молодежи, привлекаемой традиционной системой льгот для железнодорожников (бесплатный проезд, продуктовые карточки, продовольственные пайки и др.). План приема в 1946 году железнодорожные

училища области не только выполнили, но и перевыполнили на 121%, приняв 957 учащихся вместо 790. В структуре приема учащихся в 1946 году на ремесленные и железнодорожные училища пришлось 60% от общего числа принятых, а на школы ФЗО – 40%⁷.

Школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища системы государственных трудовых резервов призваны были обеспечить квалифицированными рабочими ведущие отрасли народного хозяйства Чкаловской области: черную и цветную металлургию, машиностроение, станкостроение, нефтедобывающую промышленность, строительство, транспорт⁸. В марте 1946 года все наркоматы в СССР были переименованы в министерства. Часть из них, выпускавшая оборонную продукцию, приобрела мирные наименования, а другая часть была упразднена. Одновременно появился ряд новых министерств. В связи с этим изменилась и ведомственная принадлежность многих учебных заведений начального профессионально-технического образования. На декабрь 1946 года в ведомственном отношении они распределялись следующим образом. Министерству путей сообщения принадлежали все 6 железнодорожных училищ области, перечисленных выше, и школа ФЗО в Орске. Министерство цветной металлургии располагало одной школой ФЗО в Аккермановке, и двумя ремесленными училищами в Орске и Медногорске. Министерство черной металлургии обеспечивало деятельность еще одного училища в Орске. Министерства авиационной, автомобильной промышленности и связи имели по одному ремесленному училищу в Чкалове. Министерство нефтяной промышленности располагало одним ремесленным училищем в Бугуруслане. Министерство тяжелого машиностроения финансировало школу ФЗО в Орске и ремесленное училище в Бузулуке. В ведении Министерства станкостроения находились два ремесленных училища в Чкалове и п. Саракташе. Министерству строительства предприятий тяжелого машиностроения принадлежали две школы ФЗО и два ремесленных училища в Орске и Новотроицке. Школу ФЗО в Чкалове имело Министерство текстильной промышленности, а Министерство земледелия располагало одним ремесленным училищем в Соль-Илецке. Таким образом, 12 из 24 союзных министерств участвовали в подготовке рабочих кадров в Чкаловской области. Несмотря на большие экономические трудности, порожденные Великой Отечественной войной, государство в 1945–1946 годах выделило на развитие учебной базы технических училищ и школ средств в 2 раза больше, чем за весь предшествовавший период существования систе-

мы государственных трудовых резервов. Оно же из центра и через местные государственные и партийные органы постоянно контролировало их расходование⁹.

К каждому новому учебному году директорам предприятий, на базе которых существовали РУ и ЖУ и школы ФЗО, предлагалось в директивной форме подготовить рабочие места и общежития, для будущих учащихся, обеспечивать предметами первой необходимости. Подобная жесткая регламентация объяснялась целым рядом причин. Первой из них было отсутствие в послевоенные годы необходимой материально-бытовой базы¹⁰. Другой причиной контроля служило тяжелое материальное положение будущих молодых рабочих, обучавшихся в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО в Чкаловской области. Так, например, до 30 молодых рабочих треста «Ормедьстрой», окончивших школу ФЗО, из-за отсутствия необходимой одежды и обуви не имели возможности регулярно выходить на работу в первые месяцы своего пребывания на этом предприятии¹¹. Архивные материалы свидетельствуют, что руководители школ ФЗО, РУ и ЖУ, в силу объективных, а иногда и субъективных причин, не могли обеспечить нормальные бытовые условия для своих воспитанников. В результате многочисленных материально-бытовых трудностей, в том числе и срывов занятий из-за нехватки преподавателей и мастеров, участились случаи бегства учащихся из учебных заведений. В школах ФЗО №1 и №23 Орска, например, самовольное прекращение ими учебы, приобрело в 1946 году массовый характер¹². К тому же заметно ухудшали непростую материально-бытовую ситуацию, сложившуюся в результате войны, разного рода хищения. Неоднократно обнаруживались факты, когда штатные сотрудники училищ и школ списывали диваны, гардины, постельное белье и другие материальные ценности под видом имущества, пришедшего в негодность, с их последующим присвоением или перепродажей¹³. В РУ и ЖУ, школах ФЗО не раз фиксировались кражи не только материального имущества, но даже бланков дипломов о присвоении государственной квалификации выпускникам¹⁴.

В Чкаловской области 1947–1948 учебном году работали 33 школы рабочей молодежи с количеством учащихся 4700 человек и 83 школы сельской молодежи с количеством учащихся 3000 человек. Всего по области было 116 школ рабочей и сельской молодежи с контингентом 7700 человек¹⁵. В течение этого учебного года отселилось 3444 учащихся (или 44,7 %), в том числе из школ рабочей молодежи 1754

человек и сельской молодежи – 1690 человек. Основными причинами массового оттока учеников являлись административные методы, широко применяемые при укомплектовании этих школ, и сам принцип обучения без отрыва от работы в вечернее время. В известной степени на успеваемость учащихся влияла так же слабая профессиональная подготовка отдельных преподавателей, их неумение вести занятия с контингентом, не обучавшимся систематически несколько лет в общеобразовательной школе. В 1948 году к началу переводных и выпускных экзаменов в вечерних школах обучалось 3291 человек, в том числе в 25 школах рабочей молодежи – 2051, а в 57 школах сельской молодежи – 1240 человек. По результатам учебной работы не были допущены к переводным экзаменам и оставлены на второй год обучения 419 человек, из них в школах рабочей молодежи – 239 человек, а в школах сельской молодежи 173 учащихся¹⁶.

Решением Исполнительного комитета Чкаловского областного совета депутатов трудящихся от 5 мая 1948 года №921 был составлен план очередного призыва, а фактически принудительной мобилизации молодежи в школы ФЗО, РУ и ЖУ. Исполком решил призвать на учебу в 1948–1949 учебном году 7700 человек городской и сельской молодежи, в том числе: 3200 человек для школ ФЗО (из них 1700 человек для школ ФЗО Челябинской области) и 1500 человек для ремесленных и железнодорожных училищ Чкаловской области. План предусматривал определенные условия зачисления по возрасту, полу и образованию в связи с особенностями каждой профессии. В школы ФЗО, готовившие шахтеров для подземных работ в горнодобывающей (угольной и горно-угольной) промышленности, а также для металлургической промышленности (сталевары, горновые, вальцовщики, канавщики, сварщики) зачислялись только юноши в возрасте 18–19 лет. Для подготовки рабочих строительных профессий так же требовались юноши, но в возрасте 17–18 лет. Они же принимались в возрасте 17–18 лет в РУ и ЖУ, осуществлявшие подготовку рабочих следующих профессий: аппаратчиков, бурильщиков, горновых, плавильщиков, слесарей, помощников машинистов паровозов. Во все остальные школы ФЗО принималась молодежь обоего пола в возрасте 14–17 лет для юношей и 15–19 лет – для девушек. Для подготовки помощников машинистов паровозов требовались юноши с 7-летним образованием, а для остальных профессий – с образованием не менее общего курса начальной школы или 4-х классов средней школы¹⁷.

Сверстанный по заявкам предприятий области, а иногда и соседних областей план призыва молодежи затем доводился до конкретных учебных заведений, руководители и коллективы которых были обязаны его выполнить. В Чкаловской области в 1947–1948 учебном году действовали 15 РУ, 6 ЖУ и 19 школ ФЗО. В них обучалось разным профессиям 11123 будущих рабочих¹⁸. По состоянию на 1 января 1948 года распределение контингента учащихся по типам учебных заведений выглядело следующим образом. Больше всего (4305 человек) обучалось рабочим профессиям в 19 школах фабрично-заводского обучения. Наибольшее количество учащихся было в школах ФЗО №1, 11 (по 400 и 500 человек) в Орске и Новотроицке. Наименьшее число учащихся имела школа ФЗО №25 (125 человек) в Орске. На втором месте по числу учеников (4270 человек) находились 15 ремесленных училищ области. Среди учебных заведений этого типа наибольшее число учащихся было в РУ №1 (Орск), №2 (Медногорск), №10 (Новотроицк), №14 (Чкалов). Самым незначительным контингентом располагало РУ №8, находившееся в п. Саракташ. В 6 ЖУ области обучались 1750 человек. Наиболее крупным по их численности в этой группе учебных заведений было ЖУ №2 в Абдулино, а меньше других было учащихся в ЖУ №3 в Новосергиевке¹⁹.

Предприятия-заказчики рабочей силы, со своей стороны, оказывали постоянную помощь учебным заведениям в укреплении их материальной базы. Особенно активно помогали РУ и ЖУ и школам ФЗО в строительстве новых помещений, в обеспечении наглядными пособиями и другим необходимым в учебном процессе инвентарем завод им. В.В. Куйбышева и железнодорожное депо в Бузулуке, Чкаловский центральный телеграф, Орская ТЭЦ и другие. Предприятия-заказчики охотно предоставляли рабочие места для проведения производственного обучения²⁰. Практическая работа воспитанников системы трудовых резервов осуществлялась на базовых предприятиях. Для железнодорожных училищ это были паровозные депо в Абдулино, Бузулуке, Орске и Чкалове, паровозоремонтный завод в Чкалове. Учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО проходили производственное обучение в подразделениях строительных трестов, рудниках и цехах металлургических комбинатов Министерства металлургической промышленности, расположенных в городах: Орске, Новотроицке, Кувандыке и Медногорске, на станкозаводах в Чкалове и п. Саракташе Министерства станкостроительной промышленности, в подразделениях треста «Бугуруслан-нефть» и нефтеперерабатываю-

щем заводе №228 в Орске, на заводах Министерства сельскохозяйственного машиностроения, расположенных в Чкалове, Орске и Соль-Илецке и др. Базы производственных практик учащихся находились в 12 городах и населенных пунктах Чкаловской области²¹.

Успеваемость учащихся РУ и ЖУ Чкаловской области по производственному обучению за 1947-1948 учебный год свидетельствует о том, что большинство учащихся (55,3%) справились с заданиями по овладению тонкостями будущей профессии на «хорошо» и «отлично» уже после первого года обучения. На второй год учебы их доля в контингенте увеличилась до 71%. Соответственно уменьшилось количество учеников, не сумевших овладеть необходимыми навыками даже на «удовлетворительно» – с 1,4% до 0,4%²². Успеваемость учащихся по теоретическому обучению, представленная в отчете областного управления в Министерство трудовых резервов, составила 98,5%, тем не менее, ряд предметов оказался сложным в усвоении их содержания частью учащихся. В их числе были химия (9,7% неуспевавших учеников), математика (от 7,9 до 5,4% неуспевавших), русский язык (от 7,7 до 4,6% неуспевавших), физика (от 4,6 до 5,4% неуспевавших), черчение (от 4,8 до 2,2% неуспевавших)²³.

После окончания РУ и ЖУ и школ ФЗО выпускников обязывали отработать на предприятиях по приобретенным специальностям 3 года. На места будущей работы областное управление трудовыми резервами направляло их в организованном порядке. Например, на предприятия металлургической и металлообрабатывающей промышленности Магнитогорска Челябинской области в 1948 году отправка 2700 молодых рабочих осуществлялась железнодорожным транспортом, отдельными партиями и даже эшелонами. Местами формирования партий были определены города Бугуруслан, Бузулук и Чкалов. В пункте сбора в Бугуруслане собирали уроженцев этого города и северных районов области: Абдулинского, Асекеевского, Бугурусланского, Краснопартизанского, Матвеевского, Секретарского, Пономаревского, Буртинского и Сок-Кармалинского. Всего их было 730 человек. 10 и 15 марта 1948 года двумя партиями численностью в 295 и 435 человек выпускников отправили на место будущей работы. В Бузулуке был организован сбор жителей города и уроженцев Андреевского, Бузулукского, Грачевского, Державинского, Ивановского, Курманаевского, Люксембургского, Свердловского, Сорочинского и Тоцкого районов в количестве 567 человек. Отдельным эшелонам их повезли в Магнитогорск 5 марта 1948 года²⁴.

Из Чкалова отправка выпускников учебных заведений системы трудовых резервов была организована 1, 10 и 20 марта 1948 года. В первой партии в Челябинскую область отправили по железной дороге жителей областного центра и уроженцев Новосергиевского, Павловского, Переволоцкого, Сакмарского и Чкаловского районов общей численностью 385 человек. В следующей партии, которая насчитывала 465 человек, были жители Орска и уроженцы Екатериновского, Краснохолмского, Мустаевского, Саракташского, Ташлинского, Троицкого и Шарлыкского районов. Последний эшелон из Чкалова отправился в Магнитогорск 20 марта с уроженцами Акбулакского, Александровского, Белозерского, Буранного, Буртинского, Илекского, Ново-Орского, Ново-Покровского, Октябрьского, Тепловского, Соль-Илецкого районов в количестве 373 человек. Таким образом, в соседнюю Челябинскую область вместо запланированных Министерством трудовых резервов 2700 человек было направлено 2720 молодых рабочих²⁵.

За период времени с 1 января 1946 года по 1 января 1949 года Чкаловское областное управление трудовыми резервами в школах ФЗО, РУ и ЖУ подготовило 19263 человек квалифицированных рабочих для промышленных предприятий и строительных организаций СССР. Выпуск молодых рабочих из школ ФЗО, железнодорожных и ремесленных училищ Чкаловской области в 1946–1948 годах за первые послевоенные годы увеличился в 2 раза, с 3470 до 7828 человек²⁶.

Проверки, проведенные в эти годы Чкаловским областным управлением трудовыми резервами, отчеты управления Министерства трудовых резервов содержат краткие характеристики некоторых ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО. Так, например, Орская школа ФЗО №1 была организована на базе треста «Южуралтяжстрой» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии. Директором школы в 1946–1948 годах был Ф.И. Коноплянкин. Коллектив преподавателей и мастеров вел подготовку рабочих кадров по следующим строительным профессиям: каменщики, штукатуры, слесари, столяры, плотники, маляры, электромонтеры. Общежитие школы находилось в чистом отремонтированном здании, имелись два изолятора для заболевших девушек и юношей. Все теоретическое обучение проводилось строго по плану, производственную практику учащиеся проходили непосредственно на строительных объектах, возводимых подразделениями треста²⁷.

Новотроицкая школа ФЗО №8 образовалась на базе завода №322 треста «Орскметаллургстрой» Министерства строительства

предприятий тяжелой индустрии. На момент проверки директором являлся И.К. Дворкин. Школа готовила следующих специалистов: токарей по металлу, слесарей, кузнецов, формовщиков-литейщиков. Собственных мастерских школа не имела, поэтому производственное обучение проводилось в цехах завода №322. Школа существовала один год, за который подготовила для завода №322 100 молодых рабочих и работниц. Многие ее выпускники с первых дней самостоятельной работы перевыполняли дневные нормы на 120–150%: Браун, Голиков, Емец, Кузнецов и др.²⁸

Школа ФЗО №23 в Орске была организована на базе «Южуралмашзавода», подчиненного Министерству тяжелого машиностроения. Школа вела подготовку слесарей, станочников, токарей, строгальщиков, кузнецов, формовщиков-литейщиков. Общежитие и учебный корпус школы размещались в рабочем поселке базового предприятия и находились в неудовлетворительном состоянии. Теоретическое обучение проводилось на низком уровне, учебные классы не были оборудованы надлежащим образом. Эта школа по-настоящему нуждалась в материальной помощи от базового предприятия и контроле со стороны областного управления трудовыми резервами²⁹.

Другая Орская школа ФЗО №25 образовалась на базе местного завода металлоконструкций, находившегося в ведении Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии. Преподавательский коллектив возглавлял Кузнецов. В школе готовили рабочих по следующим специальностям: обработчики, электросварщики, сборщики, слесари механических цехов. Школа располагалась в 2-хэтажном здании в рабочем поселке «Локомотив». В коллективе сложились две противостоявшие друг другу группировки. В одной из них был директор школы, его помощник по культурно-воспитательной работе, старший мастер, а в другой – два воспитателя и секретарь комитета ВЛКСМ школы. Постоянные скандалы и перебранки между ними негативно отражались на обучении и воспитании учащихся. Коллектив нуждался в срочных мерах воздействия со стороны вышестоящего руководства. В результате мер, принятых областным управлением трудовых резервов, Кузнецов был смещен с поста директора и заменен П.И. Хрепко³⁰.

Железнодорожное училище №1 (директор – К.П. Юсупов) имело в качестве базового предприятия Чкаловский паровозоремонтный завод Министерства путей сообщений и отличалось высоким уровнем учебной и воспитательной работы. Здесь в 1947–1948 учеб-

ном году было проведено две научно-технические конференции учащихся, которые выступили с докладами на темы: «Работа парораспределительного механизма паровоза «Гемейзингера»», «Работа кулисы парораспределительного механизма», «Работа маятника в парораспределительном механизме» и др.³¹ Была проведена литературная конференция, посвященная анализу популярного в те годы романа писателя А.А. Фадеева «Молодая гвардия»³².

ЖУ №4 было организовано на базе Чкаловского паровозного депо. Его коллектив первоначально возглавлял П.Г. Шитов, а затем директором стал К.Е. Трухин. Учебное заведение готовило помощников машинистов паровоза, слесарей по ремонту паровозов и вагонного парка. С учащимися каждого нового набора до начала учебного года организовывались занятия по Уставу училищ и школ системы трудовых резервов, правилам поведения в учебном заведении, экскурсии по городу и на базовое предприятие, которое оказывало постоянную помощь училищу³³.

Совершенно иная ситуация была в ЖУ №6, находившимся на базе Орского паровозного депо и вагоноремонтного участка. Оно готовило помощников машинистов паровоза, слесарей по ремонту паровозов, вагонов и автотормозов, инструментальщиков и столяров. На протяжении своего существования ЖУ №6 находилось в запущенном состоянии, как в материально-бытовом, так и учебно-производственном отношении. Училище было укомплектовано малоквалифицированным преподавательским персоналом. Никакой существенной помощи в материальном плане базовое предприятие ему не оказывало. Каждый год набор учащихся проводился с большими трудностями и постоянно затягивался, хотя новый директор училища Кубасов старался все эти трудности преодолеть³⁴.

РУ №1 организовано 10 октября 1940 года в Орске на базе Южно-Уральского никелькомбината Министерства металлургической промышленности. Директором в первые послевоенные годы был Фролов, затем его сменил на этом посту П.М. Брескин³⁵. Училище готовило слесарей по ремонту механического оборудования и электрооборудования, котельщиков, столяров-краснодеревщиков, металлургов, конверторщиков, горновых, электроплавильщиков, кузнецов, помощников машинистов паровозов³⁶.

РУ №3 в Чкалове имело в качестве базового предприятия Чкаловский станкостроительный завод. Благодаря настойчивости и активной хозяйственной деятельности директора П.А. Пантелеева зда-

ние училища казарменного типа, каким оно было прежде, преобразилось в светлое, хорошо отремонтированное помещение. Надлежащим образом была организована и учебно-производственная база³⁷. В 1948 году училище выпустило 190 квалифицированных токарей, слесарей, электромонтажников станочного парка. Из них 48 человек не получили направления на работу и вынуждены были трудоустроиваться самостоятельно³⁸.

РУ №6 в Чкалове было организовано на базовом предприятии – заводе им. С.М. Кирова, занимавшимся изготовлением и ремонтом сельскохозяйственной техники. Директором училища был С.Н. Петров. Контингент учащихся насчитывал в 1947 году 300 человек. Слабо была поставлена воспитательная работа, поскольку на контингент в 300 человек приходился всего 1 воспитатель. Он в силу объективных причин не мог глубоко вникать во все вопросы воспитательной работы. Базовое предприятие оказало большую материальную помощь РУ в подготовке к новому учебному году³⁹. Помимо РУ № 6 к Министерству станкостроения в Чкаловской области относилось так же РУ № 8, расположенное в п. Саракташ на базе станкостроительного завода «Коммуна». В 1947 году директором училища был А.И. Боглачев. Контингент учащихся составлял 188 человек⁴⁰.

Достаточно противоречивая ситуация была в РУ №9, находившемся в областном центре. Училище было создано на базе Чкаловского областного управления связи Министерства связи. Его директором был М.М. Казаков, сумевший укомплектовать полностью штат преподавателей и мастеров в счет квалифицированных специалистов, имевших соответствующее образование. Училище стабильно выполняло планы приема учащихся, но материальная база не вполне соответствовала требованиям. Учебные классы не были оборудованы, Министерство связи прислало училищу новую телеграфную, телефонную и другую аппаратуру, необходимую для производственного обучения, на общую сумму 180 тыс. рублей, что должно было помочь коллективу лучше организовать производственно-теоретическое обучение учащихся⁴¹.

В РУ №10 на время проверки, общий контингент составил 450 человек, отчислений и дезертирства среди учащихся не было. На производственные предприятия области отправлены выпускники общей численностью 200 человек: партиями в 147 человек, а затем по 43 и 20 человек. Базовым предприятием было премировано 37 человек, благодарностей объявлено 62 учащимся.

В 1947 году директором РУ №11 Соль-Илецкого района был В.Л. Сидоренко. Жилищно-бытовые условия в училище находились в неудовлетворительном состоянии, классные комнаты были совершенно не оборудованы. Скамеек для размещения учащихся, классных досок и другого необходимого для теоретических занятий инвентаря и наглядных пособий училище не имело⁴².

РУ №12 организовано на базе Орской ТЭЦ, директором назначен К.Г. Балакин. Училище готовило специалистов: электромонтеров электростанций, слесарей по ремонту оборудования – контрольно-измерительных приборов, электро-слесарей, электромонтеров по монтажу, токарей-универсалов. Училище располагалось в здании барачного типа, здесь располагались столовая, красный уголок, контора РУ, имелись классные комнаты, оборудованные учебными пособиями, кабинет наглядных пособий, неплохие производственные мастерские. Однако коллектив просил начальника Чкаловского управления трудовых резервов Костромина сменить директора К.Г. Балакина, который потерял авторитет и уважение со стороны подчиненных. Располагая неоднократными жалобами на него, областное управление ничего не предприняло, кроме частых вызовов К.Г. Балакина в Чкалов для объяснений по этим письмам⁴³.

РУ №14 было организовано на базе завода №347, директором назначен А.К. Сухарев. Училище располагалось на территории станкостроительного завода на расстоянии 4-х км. от базового предприятия, что создавало известные трудности в создании нормальных условий для учебы и производственной практики, особенно для учащихся 2-го года обучения. Штат преподавателей и мастеров был укомплектован полностью, но они не соответствовали своему назначению (по образованию, опыту работы, умению передать знания учащимся)⁴⁴.

РУ №16 Бузулука руководил Ильин. Училище комплектовалось воспитанниками детских домов и детских приемников области. РУ готовило специалистов для сельского хозяйства со сроком обучения 4 года. Морально-нравственная обстановка в училище была крайне нездоровой: имелись случаи избиения одними учащимися других, 12 воспитанников демонстративно не посещали занятия. Со стороны дирекции, а также всех других работников училища применялись разные формы воспитательной работы к тому, чтобы выправить такое нездоровое положение, сложившееся в среде учащихся⁴⁵. В РУ и ЖУ, школах ФЗО стали ежегодно проводить конкурсы на лучший красный уголок, клуб и библиотеку⁴⁶. Проводился кинофестиваль для

учащихся системы трудовых резервов Чкаловской области с 1 по 15 марта 1948 года. Просмотрели и обсудили содержание несколько фильмов: «Ленинград в борьбе», «Секретарь райкома», «Оборона Царицына», «Яков Свердлов» и другие кинофильмы. Кинофестиваль прошел на должной высоте⁴⁷.

Таким образом, областному управлению трудовых резервов, руководителям и коллективам училищ и школ в первые послевоенные годы приходилось решать сложные и разноплановые задачи, чтобы преодолеть негативные последствия военной поры, поднять уровень не только учебной, но и воспитательной работы с учащимися.

В 1948–1949 учебном году школы ФЗО, РУ и ЖУ значительно лучше подготовились, по сравнению с минувшим 1947–1948 учебным годом. Обращение трудового коллектива паровозоремонтного завода в Чкалове об оказании помощи училищам и школам ФЗО нашло отклик на многих базовых предприятиях области⁴⁸. В 1949 году ремесленные училища Дзержинского района Чкалова выпустили 526 человек. Из них 264 выпускника были направлены на предприятия других областей Советского Союза, 99 человек распределены на заводы Чкаловской области, а 163 человека не получили назначения на предприятия⁴⁹. Избыток подготовленных рабочих кадров побудил правительство принять меры к частичному сокращению в Чкаловской области сети школ ФЗО Министерства трудовых резервов. На основании Постановления Совета Министров СССР за №374 от 28 января 1949 года школы ФЗО №3 и №5 находившихся в Орске на производственной базе завода №322 Министерства сельхозмашиностроения решено закрыть, в связи с непригодностью помещения, отсутствием достаточной учебно-производственной базы для подготовки работников строительных профессий. Выполняя это решение, Исполком Чкаловского Областного Совета депутатов трудящихся своим приказом № 1-с от 21 февраля 1949 года прекратил работу этих учебных заведений⁵⁰.

В оставшихся школах ФЗО, начиная с 1949 года, стала проводиться перестройка учебной работы. Все более очевидным становилось, что школа фабрично-заводского обучения в том виде, в каком она существовала в годы Великой Отечественной войны, уже не отвечала возросшим требованиям отечественного промышленного производства. В связи с этим срок обучения в школах был продлен до 10 месяцев⁵¹. В Новотроицке работали 3 школы ФЗО и РУ, количество учащихся в 1949 году при последнем наборе составило 952 человека⁵².

Все учащиеся-выпускники Новотроицких РУ №10, ФЗО №16 и подавляющее большинство учащихся школы ФЗО №9 успешно справились с учебной программой, сдали аттестационные экзамены и получили установленные программой обучения производственные разряды⁵³.

Учебные кабинеты училищ и школ (спецтехнологии, черчения, кабинеты для политических занятий, математики) и мастерские стали оборудоваться надлежащим образом. Учебные заведения полностью укомплектовались учащимися, значительной частью которых теперь была добровольцами, а не мобилизованными на учебу⁵⁴. Молодые рабочие, окончившие училища, работали на крупнейших стройках, заводах и шахтах страны, многие из них стали знатными стахановцами, новаторами производства. Немало бывших воспитанников училищ и школ трудовых резервов отмечено высокими правительственными наградами – орденами и медалями Советского Союза, а некоторые из них за выдающиеся успехи в работе по внедрению новой техники и усовершенствованию процессов производства удостоены правительством почетного звания лауреата Сталинской премии. Правительство присудило Сталинскую премию за внедрение скоростных методов обработки металла Роману Егоровичу Денисову – выпускнику ремесленного училища №2. За усовершенствование технологического процесса выплавки стали, удостоен Сталинской премии сталевар завода «Серп и Молот» Виталий Константинович Михайлов, получивший специальность сталевара в ремесленном училище⁵⁵.

Задачей местных властей в начале 1950-х годов было обеспечение соединения теоретического обучения с производительным трудом. Поэтому уже с середины 1950-х годов в общеобразовательной школе было введено политехническое обучение, целью которого заключалась в ознакомлении учащихся с важнейшими отраслями современного производства, а также в формировании у них определенных практических умений и навыков⁵⁶. Приказом министра трудовых резервов Союза ССР В. Пронина № 94-с от 14 апреля 1950 года начальнику Чкаловского областного управления Костромину было предписано ликвидировать РУ №8 в п. Саракташ, а занимаемые помещения передать центральной планерной школе ДОСААФ⁵⁷. Затем в июне 1950 года была закрыта Медногорская школа ФЗО №18, находившаяся на базе Блявинского рудоуправления Министерства металлургической промышленности. Все дела школы и материальные ценности, бывшие на ее балансе, были переданы частью Медногорскому РУ №4, а час-

тью – базовому предприятию. В августе этого же года приказом Чкаловского областного управления трудовыми резервами были ликвидированы школы ФЗО №20 и 21 в п. Кувандык. Все дела школ и учебное оборудование были переданы Медногорской школе ФЗО №12, а материальные ценности возвращены базовому предприятию⁵⁸. В связи с этим 50-е годы происходили многочисленные реорганизации ремесленных и железнодорожных училищ, школ ФЗО, одни из них закрывались, другие продолжали действовать под изменившимися номерами.

Таким образом, созданные в Оренбуржье РУ, ЖУ и школы ФЗО превратились в основной источник пополнения рядов рабочего класса. Они воспитывали квалифицированных рабочих, которые были способны управлять сложной техникой и непрерывно повышать производительность труда на предприятиях, в колхозах и совхозах региона.

Примечания

1. Народное образование в СССР 1917–1967. – М., 1967. – С. 247.
2. Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. – М., 1981. – С. 230.
3. Пузанов, М.Ф. Развитие форм и методов подготовки рабочих. – М., 1978. – С. 142.
4. ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.67. Л.10, 15.
5. ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.66. Л.2.
6. Там же.
7. Там же.
8. Калинин, А.Д. Народное образование в СССР. – М., 1972. – С.74.
9. Трудовым резервам – 25 лет. – М., 1965. – С.11.
10. ЦДНПО. Ф.371. Оп.10. Д.482. Л.52.
11. Там же.
12. ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.61. Л.1.
13. ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.69. Л.22.
14. ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.98. Л.12.
15. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.3. Д.265. Л.1.
16. Там же.
17. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.4. Д.269. Л.9.
18. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.3. Д.311. Л.1.
19. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.3. Д.307. Л.8.
20. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.3. Д.311. Л.11.
21. ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.92. Л.32–34.
22. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.3. Д.328. Л.1.
23. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.3. Д.328. Л.2.
24. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.4. Д.269. Л.1–2.
25. Там же.
26. ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.92. Л.3.
27. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.3. Д.328. Л.35.
28. ЦДНПО. Ф.1697. Оп.3. Д.311. Л.35.

- ²⁹ Там же. Л.37.
- ³⁰ ЦДНИОО. Ф.1697 Оп.3. Д.328. Л.46; ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.92. Л.34.
- ³¹ ЦДНИОО. Ф.1697 Оп.3. Д.311. Л.4.
- ³² ЦДНИОО. Ф.1697 Оп.4. Д.279. Л.13.
- ³³ ЦДНИОО. Ф.1697 Оп.3. Д.328. Л.5.
- ³⁴ ЦДНИОО. Ф.1697 Оп.3. Д.328. Л.33.
- ³⁵ ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.92. Л.32.
- ³⁶ ЦДНИОО. Ф.1697 Оп.3. Д.328. Л.26.
- ³⁷ ЦДНИОО. Ф.1697. Оп.3. Д.328. Л.5.
- ³⁸ ЦДНИОО. Ф.1697. Оп.4. Д.279. Л.1.
- ³⁹ ЦДНИОО. Ф.1697 Оп.4. Д.266. Л.10.
- ⁴⁰ ЦДНИОО. Ф.1697 Оп.3. Д.326. Л.1.
- ⁴¹ ЦДНИОО. Ф.1697 Оп.3. Д.328. Л.8.
- ⁴² ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.60. Л.1.
- ⁴³ ЦДНИОО. Ф.1697. Оп.3. Д.328. Л.29.
- ⁴⁴ Там же Л.8.
- ⁴⁵ Там же Л.16.
- ⁴⁶ ЦДНИОО. Ф.1697. Оп.4. Д.270. Л.19.
- ⁴⁷ Там же Л.20.
- ⁴⁸ ЦДНИОО. Ф.1697. Оп.9. Д.1948. Л.12-13.
- ⁴⁹ ЦДНИОО. Ф.1697. Оп.4. Д.279. Л.1.
- ⁵⁰ ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.90. Л.1–1об.; Ф.2458. Оп.3. Д.89. Л.49.
- ⁵¹ Кучеренко, М.М. Молодое поколение рабочего класса СССР: Процесс формирования и воспитания. 1917–1979 гг. – М., 1979. – С. 110.
- ⁵² ЦДНИОО. Ф. 1697 Оп. 7 Д. 343. Л.6.
- ⁵³ Там же Л.8.
- ⁵⁴ ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 3. Д. 311. Л. 12–13.
- ⁵⁵ ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 7. Д. 343. Л.23.
- ⁵⁶ Барбазюк, В.М. За партой и за станком. Из опыта производственного обучения, политехнического образования и трудового воспитания учащихся. – Оренбург, 1963. – С. 56.
- ⁵⁷ ГАОО. Ф.2458. Оп.3. Д.94. Л.21.
- ⁵⁸ ГАОО. Ф. 2458. Оп. 3. Д. 96. Л. 8–9.

Ким Г.П. (Оренбург)

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В 1957-1970 ГОДАХ

Образование в СССР всегда являлось одной из важнейших характеристик жизни общества, состояние которой напрямую влияло на все другие части социального организма и на развитие страны в целом. Советское партийно-государственное руководство относилось к образовательной системе с особым вниманием, тщательно выверяя политику в этой сфере общественной жизни¹. Именно в 50-60 годы прошлого века роль государственных трудовых резервов в обеспечении народного хозяйства квалифицированными кадрами оказалась наиболее значимой, обозначившей как явные достижения, так и недостатки системы профтехобразования на фоне возраставшего экономического и культурного уровня страны. Установление более тесных связей между общим и профессиональным образованием стало насущным требованием времени².

Первым шагом, ознаменовавшим начало коренной перестройки системы профессионально-технического образования, стал закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый Верховным Советом СССР 24 декабря 1958 года³. В соответствии с ним вместо всеобщего обязательного 7-летнего образования было введено всеобщее обязательное 8-летнее образование, завершённое повсеместно в 1962 году. Курс полного среднего образования увеличивался с 10 до 11 лет. Согласно закону предусматривалось объединение обучения с трудом: старшеклассники полгода занимались в классах, а полгода получали специальность на предприятиях.⁴

В Оренбургской области, как и в других регионах страны, были созданы перспективные планы перехода на новую систему образования с учётом местных условий. Переход на восьмилетнюю программу проектировался с 5-го класса 1 сентября 1959 года.⁵

Главной целью реформы была объявлена подготовка технической грамотных кадров для промышленности и сельского хозяйства. В общеобразовательных политехнических школах в этот период вводится начальная профессиональная подготовка по 12-15 массовым профес-

сиям. Выпускники средней школы наряду с аттестатом зрелости получали свидетельство о специальности. Таким образом, закон закреплял процесс трудовой подготовки учащихся в ходе школьного обучения.⁶

Во всех регионах страны этот закон был принят к исполнению, он выносился на сессии Советов депутатов трудящихся различного уровня, рассматривался в трудовых коллективах. Меры по перестройке советской школы в Оренбургской области активно обсуждались на 2 тыс. собраний трудящихся, на советах районо, во всех учительских коллективах, на партийных, профсоюзных и комсомольских собраниях, в которых приняло участие около 140 тыс. человек. Было высказано свыше 2600 предложений по вопросам перестройки школы, в том числе в органы печати поступило 539 предложений, из которых 444 опубликованы. На собраниях выступило 7875 человек. Некоторые вопросы о направлении профессиональной подготовки в школах вызвали острые дискуссии: по каким конкретно специальностям надо готовить учащихся, в каких формах школьное обучение будет соотноситься с производительным трудом, все ли выпускники школ должны пройти определенную законом схему. Несмотря на то, что в информациях об обсуждении вышеуказанного закона заявлялось о единодушном его одобрении, скорее всего, несогласие родителей школьников не было единичным.⁷

Информации областных комитетов партии, в том числе и Оренбургского, о претворении закона в жизнь систематически поступали в ЦК КПСС⁸. Результаты выполнения закона обсуждались на областных съездах учителей. Однако следует отметить, что в реальной практике лозунг связи школы с жизнью повсеместно реализовывался слабо. Вскоре стало очевидным, что для проведения реформирования школы не было достаточной материальной базы. Так, в Ново-Орской одиннадцатилетней школе, работавшей в три смены, отсутствовали предметные кабинеты. В новом здании Восточной восьмилетней школы имелось специальное помещение для мастерской, но из-за отсутствия оборудования и наглядных пособий оно фактически не использовалось.⁹

Массовый переход школ на производственное обучение не мог также состояться вследствие недостатка рабочих мест для школьников на предприятиях, а подготовка квалифицированных кадров в ходе школьного обучения не могла осуществиться на технически

отсталых производствах. В Оренбуржье большинство крупных предприятий истроек не принимали 10-классников на работу. В Орске это были ТЭЦ, нефтеперерабатывающий завод им. Чкалова, Южно-Уральский машиностроительный завод, в Оренбурге – Станкозавод, Машзавод, заводы «Автозапчасть», сверл, паровозоремонтный, имени Кирова, фабрики мебельная и деревообрабатывающая, шелкокомбинат и др. Главной причиной отказов стало то, что основная масса 10-классников и выпускников не достигла 18-летнего возраста и по закону имела право на сокращённый рабочий день. Кроме того имелись недостатки в производственном обучении на предприятиях, которые не стремились всем пришедшим выпускникам дать рабочие профессии, а чаще всего использовали их на подсобных работах.¹⁰

В итоге лишь небольшая часть выпускников шла работать по специальности, полученной в школе. В то же время значительно сниженным оказался уровень общеобразовательной подготовки учащихся¹¹. Вследствие этого в 1964-1966 годах школа вернулась к 10-летнему сроку обучения при сохранении 8-летнего образования как обязательного. Профессиональная подготовка осталась только в тех учебных заведениях, которые располагали необходимой материальной базой.

Система профтехобразования становится в конце 50 – начале 60 годов одним из основных путей осуществления задачи по переходу ко всеобщему среднему образованию. Курс на его введение в СССР напрямую связывался с грандиозными планами социально-экономического преобразования страны.

В приказе начальника Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР Г. Зеленко от 2 января 1959 года предписывалось «считать важнейшей задачей Главного управления, республиканских, краевых, областных, городских управлений, учебных заведений и организаций трудовых резервов осуществление мероприятий, предусмотренных Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» в части планомерной и организованной подготовки для всех отраслей народного хозяйства культурных и технически образованных квалифицированных рабочих и тружеников сельского хозяйства, коммунистического воспитания учащихся, их идейной закалки, формирования у учащейся молодежи коммунистического отношения к труду».¹²

Государственные трудовые резервы для планомерного обеспечения квалифицированными рабочими кадрами отраслей народного хозяйства в условиях научно-технического прогресса в 1958 году были преобразованы в государственную систему профессионально-технического образования с основным типом учебных заведений — городскими и сельскими профтехучилищами (ПТУ) для подготовки квалифицированных рабочих из молодёжи, окончившей неполную среднюю общеобразовательную школу. Такая структура считалась перспективной формой подготовки молодого поколения рабочего класса и осуществления задач всеобщего среднего образования. Активное развитие ПТУ, которые наряду с рабочей профессией давали общее среднее образование, т.к. в них принимались выпускники восьмилетней школы, началось в конце 60-х гг.

Сельских механизаторов стали готовить вновь созданные (по типу ремесленных) училища механизации сельского хозяйства (УМСХ). В систему государственных трудовых резервов такие учебные заведения вошли в 1953 году как школы Министерства сельскохозяйственных заготовок. В 1958 году в Оренбургской области действовали УМСХ в Ак-Булаке, Бугуруслане, Бузулуке, Курманаевке, Саракташе, Соль-Илецке, Сорочинске, Ташле, Шарлыке, Халилове и Чебеньках.¹³

Опираясь на вышедшее в июне 1959 года Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении руководства профессионально-техническим образованием в СССР», правительство преобразовало в июле того же года Главное управление трудовых резервов в Государственный комитет Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. В Оренбуржье также произошло переименование: Чкаловское областное управление трудовых резервов Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР стало называться Оренбургским областным управлением профессионально-технического образования Главного управления профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР.¹⁴ Утверждение в 1961 году Положения «О профессионально-техническом училище РСФСР» юридически закрепило в СССР преобразование системы государственных трудовых резервов в систему профессионально-технического образования.

Экономика страны в 50-60 годы характеризовалась общим подъемом, более рациональным размещением производства. Орен-

буржье в государственной хозяйственной структуре выделялось развитием новых промышленных отраслей: черной металлургии, тяжелого машиностроения, производства цемента, минеральных удобрений. Следует также отметить производство чугуна, стали, проката черных металлов, изготовление металлургического оборудования, мощных прессов, резинотехнических изделий. Масштабы индустриализации региона характеризовались значительным ростом мощностей уже действующих, а также вводом в строй крупных металлургических, химических, машиностроительных, горно-обогатительных предприятий: Орско-Халиловского металлургического комбината (1939) и цементного завода (1946) в Новотроицке, криолитового завода (1946) в Кувандыке, заводов бурового (1957), холодильного (1959) оборудования в Оренбурге, хромовых соединений (1959) в Новотроицке, первой очереди Гайского горно-обогатительного комбината (1965) и др. Реконструировались и строились новые предприятия легкой и пищевой промышленности: Оренбургская пуховязальная (1930) и Орская швейная (1941) фабрики, Оренбургский комбинат шелковых тканей (1972) и др.

Для бесперебойного снабжения электроэнергией центральных районов Оренбуржья в 1955-1965 годах были сданы в эксплуатацию две линии электропередач (ЛЭП) напряжением 110 и 220 квт. В 1958 году начала давать ток Ириклинская ГЭС. С 1965 года в хозяйстве восточных районов стал широко использоваться природный газ. Темпы промышленного развития области в 60-е годы опережали средние по РСФСР. Особенно бурно развивались в Оренбуржье черная металлургия, электроэнергетика, нефтяная и строительная отрасли промышленности.

За счёт освоения целинных и залежных земель во второй половине 50-х годов в области увеличилась посевная площадь на 1,8 млн. гектаров. Было организовано 11 новых совхозов и 13 расширились на базе колхозов и МТС.¹⁵

Безусловно, такой рост промышленного и сельскохозяйственного производства потребовал крупномасштабной подготовки в профессионально-технических учебных заведениях культурных, технически образованных, квалифицированных, владеющих профессиональным мастерством кадров самого широкого спектра, отвечающих требованиям современного производства и научно-технического прогресса.

В Оренбургской области в конце 50-х – начале 60-х годов действовали учебные заведения, сложившиеся в предшествующие периоды на базе промышленных предприятий истроек, например, ремесленные училища, школы ФЗО (ФЗУ). Из перечня рабочих профессий, по которым шла подготовка в школах ФЗО области, следует отметить строительный профиль. В 1955 году такие школы стали реорганизовываться в 10-месячные строительные школы, а с 1957 года - в 2-х годичные строительные училища.¹⁶

При рассмотрении вопросов о передаче профтехшкол и школ ФЗО в систему трудовых резервов учитывалось наличие учебной и производственной баз, общежития, столовой, квалифицированных педагогических кадров, перспективность подготовки специалистов каждого профиля, возможность расширения контингента.

В основу планирования приема и выпуска учащихся из учебных заведений трудовых резервов на 1959-65 годы были положены следующие принципы:

- преобразование всех учебных заведений трудовых резервов в профессионально-технические городские и сельские училища с годичным, двухгодичным и трехгодичным сроком обучения;
- организация новых 19 учебных заведений;
- максимальное увеличение контингента в существующих учебных заведениях;
- приём на баланс 5 школ ФЗО и типа ФЗО ведомств и преобразование их в ПТУ.¹⁷

Профиль подготовки специалистов в сети учебных заведений Оренбургского областного управления трудовых резервов на 1 января 1959 года имел достаточно широкий диапазон: металлисты, металлурги, железнодорожники, строители, работники связи, счётные работники, нефтяники, механизаторы сельского хозяйства. Плановый контингент учащихся составлял 11 033 человек.¹⁸

Для расширения возможностей приобретения рабочих профессий целесообразной признавалась организация вечерних отделений при РУ № 15, ТУ № 3 г. Оренбурга; ТУ № 4 г. Бузулука (подготовка металлистов); СУ № 1 г. Орска, СУ № 9 г. Новотроицка (подготовка строителей).¹⁹

Открытие новых учебных заведений профтехобразования на селе предполагало использование зданий реорганизованных ремонтно-тракторных станций (РТС) с последующим их переустройством под учебные, жилищные, бытовые и другие цели. Для того чтобы рас-

ширить производственную деятельность ПТУ, дать им возможность перейти на частичную самокупаемость, Оренбургское областное управление трудовых резервов обратилось в Совет Министров СССР с ходатайством о включении учащихся-практикантов в план по труду и заработной плате базовых предприятий. Такой же насущной потребностью признавалось дополнительное снабжение материалами и инструментами для производственного обучения. Эти меры увеличивали заинтересованность предприятий в максимальном и рациональном использовании труда учащихся, что, в конечном счете, повышало качество их обучения и воспитания.

На 1 января 1960 года в сети учебных заведений Оренбургского областного управления трудовых резервов насчитывалось одно специальное РУ, два ЖУ, шесть ТУ, шесть РУ, десять СУ, тринадцать УМСХ с общим числом обучавшихся 11038 человек.²⁰ Перспективный план развития системы профтехобразования Оренбургской области на 1960-1965 годы намечал открытие следующих учебных заведений:²¹

· **1960 год:** 2 училища - на базе Орско-Халиловского металлургического комбината с плановым контингентом 300 человек и на базе треста «Оренбургтрансстрой» с контингентом 200 человек; УМСХ № 21 на базе облсельхозуправления с контингентом 300 человек.

· **1963 год:** 2 училища - на базе треста «Оренбургсовхозстрой» с контингентом 200 человек и на базе Совнархоза с контингентом 400 человек; УМСХ № 22 с контингентом 300 человек; ПТУ на базе Гайского горно-обогачительного комбината с контингентом 400 человек.

· **1964 год:** 1 училище на базе шелкокомбината Совнархоза с контингентом 400 человек и УМСХ № 23 с контингентом 300 человек.

· **1965 год:** 1 училище на базе треста № 91 Совнархоза с контингентом 400 человек; УМСХ № 24 с контингентом 300 человек; ПТУ на базе Буруктальского никелевого комбината с контингентом 400 человек.

Уровень профессиональной подготовки учащихся ПТУ напрямую зависел от наличия учебно-производственной базы: учебных мастерских, кабинетов для лабораторно-практических занятий, учебных полигонов, предприятий для прохождения производственной практики. В 1957-1958 учебном году система профтехобразования Оренбургской области имела нижеследующие показатели по учебно-производственным базам:²²

Вид ПТУ	Всего учебных мастерских	Из них по профилям	Учебных кабинетов по профилям	Предприятия для прохождения практики
Технические училища (ТУ)	17	3 токарных 12 слесарных 1 кузнечная 1 формов.-литейная	15 спецтехнол. 1 техн. метал. 2 эл/техники 3 черчения	Строит-во ЛЭП г. Ярославль; Базовые предприятия
Ремесленные училища (РУ) и железнодорожные училища (ЖУ)	35	4 токарных 15 слесарных 2 фрезерных 1 электро-монтерная 1 э/монтер.по прооборудов. 1 котельн. 1 кузнечная 1 формовоч. 2 столярные 1 кабельщиц. 1 э/сварщиц. 5 связист.	19 спецтехнол. 1 материаловед. 4 эл/техники 3 черчения 9 для политехн. 5 педкабинетов 6 технич. творч. 13 спецтехнол.	Базовые предприятия
Строительные училища (СУ)	31	6 столярн. 5 плотниц. 7 штукатур. 5 каменщ. 6 слесарн. 1 малярн. 1 бетонщ.	3 материаловед. 3 черчения 9 для политехн. 4 педкабинета 2 технич. творч.	Строительные тресты №№ 1, 23, 91; Орскметаллургстрой
Училища механизации сельского хозяйства (УМСХ)	19	13 слесарн. 6 ремонтн.	22 по тракторам 16 по комбайн. 11 по с/х машин. 11 по мех.труда	8 колхозов 45 совхозов области

Не меньшую значимость, чем учебно-производственные базы училищ, имел кадровый состав, образовательный уровень директоров

ПТУ и их заместителей по учебно-производственной, культурно-воспитательной работе, преподавателей специальных и общеобразовательных дисциплин, инструкторов физвоспитания, мастеров производственного обучения. Главное управление трудовых резервов (позднее – профтехобразования) занималось не только подготовкой руководящих кадров для региональных управлений, но и распределением молодых специалистов, окончивших профильные вузы и техникумы: Московский институт железнодорожного транспорта, Тамбовский пединститут, Чкаловский сельхозинститут; Саратовский, Торжокский, Казанский индустриальные техникумы, Чкаловские техникумы – механизации, сельскохозяйственный, физкультурный.

В 1963-1964 учебном году в учебных заведениях профтехобразования области работало 487 мастеров производственного обучения, в том числе с высшим образованием – 13 человек, со среднеспециальным – 205, с общим средним – 71, остальные с образованием 8-9 классов. 134 мастера производственного обучения, не имеющие специального образования, обучались в заочных и вечерних учебных заведениях.

Из 191 преподавателя ПТУ высшее образование имели 81 человек, среднеспециальное образование – 110, 20 преподавателей повышали образовательный и квалификационный уровень в заочных и вечерних техникумах и вузах.²³

В числе директоров ПТУ, преподавателей, мастеров производственного обучения в 60-е годы было немало бывших фронтовиков, имевших богатый трудовой и жизненный опыт. Ярким примером в этой связи является биография Филимона Корнеевича Глушко, за скупыми строками послужных документов которого встает величие подвига военного поколения. Боевой офицер, майор запаса, он являлся кавалером многих высших наград СССР: орденов Ленина, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней; медалей «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За участие в Великой Отечественной войне», «За освоение целины».

В 1964 году Ф.К. Глушко был назначен директором вновь созданного в г. Орске ГПТУ № 31. Но уже через 4 года «Орскцелинстрой» по согласованию с горкомом КПСС ходатайствовал перед областным управлением профтехобразования о его переводе в трест для работы в качестве заместителя управляющего.²⁴

К концу 60-х годов XX века количественный и качественный состав кадров Оренбургского областного управления профессиональ-

но-технического образования значительно изменился: больше стало специалистов с высшим и среднеспециальным образованием. Чаще инженерно-педагогические кадры Оренбуржья повышали квалификацию в Москве в Центральном учебно-методическом кабинете и научно-исследовательском институте начального профобразования в Ленинграде. Обе структуры повышения квалификации работников ПТО СССР были созданы в 1963 году. В конце 60-х годов для подготовки инженеров-педагогов в стране были открыты факультеты при политехнических, горно-металлургических и других вузах. Сеть индустриально-педагогических техникумов системы профессионального образования выросла с 60 до 72.

Разработка баланса трудовых ресурсов Оренбургской области велась на уровне АН СССР. Так, в 1963 году по запросу заведующего отделом экономических исследований Уральского филиала Академии наук СССР П.П. Спирина была составлена справка о количественном составе учащихся Оренбургского областного управления профтехобразования. В ней, в частности, указывались данные приеме и выпуске учащихся ПТО области за 1961-1962 года:

- В 1961 году из ПТУ было выпущено и передано на производство 9890 человек, из них предприятиям области 9206 человек, в другие области – 684 человека.

- В 1962 году в учебные заведения профтехобразования было принято 13219 человек: из них 10447 юношей, 1772 девушки.

- В том же 1962 году выпущено из учебных заведений ПТО 10449 человек, из них предприятиям области передано 9636 человек, предприятиям других областей – 813 человек.

- 31 учебное заведение располагалось в городах области: в Оренбурге – 10, в Орске – 9, в Новотроицке – 5, в Бузулуке – 3, в Медногорске и Бугуруслане – по 2.

- 21 учебное заведение находилось в сельских районах области: в Орском – 4, в Саракташском, Соль-Илецком, Сорочинском, Оренбургском – по 2, в Абдулинском, Адамовском, Бугурусланском, Бузулукском, Илекском, Кувандыкском, Новосергиевском, Первомайском, Шарлыкском – по 1²⁵.

В структуре Главного управления профтехобразования большую роль играла Государственная инспекция по контролю за использованием молодых рабочих на производстве. Ежегодно областные управления отчитывались о трудоустройстве своих выпускников. К обследованиям и составлению соответствующих актов привлекались

директора и сотрудники училищ, которым приходилось ездить в командировки не только по области, но и далеко за ее пределы.

Сводная таблица о распределении выпускников профтехучилищ
Оренбургской области за второй квартал 1963 года²⁶

Области, края, республики, и в том числе совнархозы, министерства, ведомства (их наименование), на предприятия (организации) которых были направлены молодые рабочие	Передано в отчётном квартале за пределы области (края, республики)	Технические училища	Ремесленные, ж/дорожные, горнопром. и специальные профтехучилища	ГПТУ
Целинный край	37	12	25	-
<i>Министерству путей сообщения</i>	37	12	25	-
Челябинская область	66	-	36	30
<i>Министерству путей сообщения</i>	36	-	36	-
<i>Совнархозу</i>	30	-	-	30
Мурманская область	10	-	10	-
<i>Министерству путей сообщения</i>	10	-	10	-
Горьковская область	22	22	-	-
<i>Министерству путей сообщения</i>	22	22	-	-
Гурьевская область	13	13	-	-
<i>Министерству путей сообщения</i>	13	13	-	-
Псковская область	5	5	-	-
<i>Министерству путей сообщения</i>	5	5	-	-
Ташкентская область	2	2	-	-
<i>Министерству путей сообщения</i>	2	2	-	-
Ульяновская область	2	2	-	-
<i>Министерству путей сообщения</i>	2	2	-	-

Всего направлено за пределы области (края), республики	157	56	71	30
--	-----	----	----	----

Результаты таких проверок систематически рассматривались директивными органами области. Так, по результатам проверки, проведённой во II квартале 1963 года, состоялось совместное решение Президиума обкома союза сельскохозяйственных работников и учебно-методического совета областного управления профтехобразования.²⁷

Администрация и преподавательские коллективы училищ поддерживали связь со своими выпускниками: переписывались с ними, давали советы по трудоустройству, приглашали на встречи с учащимися, помещали в периодической и стенной печати материалы о своих питомцах, создавали Доски почёта выпускников-передовиков производства. Все эти меры имели большое воспитательное воздействие на учащихся училищ, поддерживали интерес к избранной профессии, формировали гордость за неё, создавали положительные моральные установки. На заседаниях педагогических советов училищ, на открытых партийных собраниях директора или их заместители информировали педагогические коллективы о трудоустройстве выпускников.²⁸

Жизнь учащихся профтехучилищ не ограничивалась только учебной и производственной практикой. Большое место во внеучебное время занимали занятия спортом, художественным и техническим творчеством, самодеятельностью.

Постановление коллегии Главного управления ПТО и III Пленума Российского совета ВДСО «Трудовые резервы» от 26 января 1962 года «О задачах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта среди учащихся и работников учебных заведений профтехобразования Российской Федерации в связи с решениями XXII съезда КПСС» имело большое практическое значение в организации спортивно-массовой работы профтехучилищ страны.

Оренбургское управление находилось в ряду учебных заведений ПТО, где был значительно повышен установленный уровень подготовки спортсменов-разрядников.²⁹ Основой этого успеха были не только обязательные занятия физкультурой под руководством инструкторов физвоспитания, но и массовые занятия различными видами спорта. Учащиеся профтехучилищ области принимали активное уча-

стие в областных, зональных, всероссийских спартакиадах профсоюзов, первенствах Российского совета ВДСО «Трудовые резервы» по лыжным гонкам, классической борьбе, футболу, волейболу, баскетболу, велоспорту и другим видам спорта.

Большое значение для учащихся системы профтехобразования имели мероприятия по оздоровлению, проводимые по линии Главного управления

ПТО, областных управлений и руководства учебными заведениями. Ежегодно воспитанникам профтехучилищ выделялись путевки на санаторно-курортное лечение в лучшие здравницы страны на Черноморском побережье, на Кавказских минеральных водах, в Крыму и др. Распределялись путевки в соответствии с планом оздоровительных мероприятий и заявками учебных заведений. Директора училищ обязывались обеспечить своевременный выезд учащихся в санаторий, «снабдив их средствами согласно указаниям Главного управления трудовых резервов от 28 июля 1957 года № 1809/34 и от 15 января 1957 года № 09-ОС-79, а также санаторно-курортными картами».³⁰

Массовый отдых учащихся организовывался на местах посредством создания летних лагерей, которые находились в живописных местах региона. Питание в таких лагерях по соответствующему приказу областного управления полагалось санаторное. Не меньшую значимость имело выделение пайков для дополнительного питания учащихся, больных туберкулезом. Эта мера поддержки учащихся осуществлялась по приказам начальника областного управления. Назначение такого питания подтверждалась врачом училища, подросткового кабинета соответствующего лечебного учреждения. Об использовании пайков училища дважды в год отчитывались перед областным управлением.

Материальное обеспечение учащихся профтехучилищ государство брало на себя, обеспечивая бесплатное обучение, проживание в общежитиях, питание и обмундирование в соответствии с сезоном. Такие государственные меры поддержки были необходимы, т.к. с 1940 года училищам страны устанавливали план приёма воспитанников детских домов, школ-интернатов, оставшихся без попечения родителей. В учебные заведения профтехобразования Оренбургской области принимались дети из разных регионов РСФСР. В 60-е годы основными документами, регулирующими эту сферу деятельности ПТУ, являлись Постановление Совета Министров СССР от 9.08.1956 г. № 1106 и приказ начальника главного управления профтехобразования при Совете Министров РСФСР от 29. 04.1961 г. № 137. В соответ-

ствии с ними издавались приказы начальника областного управления. Так, приказом № 107 от 3 июля 1961 года директорам ремесленных, строительных и технических училищ предписывалось принять в счёт установленного плана приёма на 1961 год воспитанников детских домов, в том числе: из Оренбургской области 155 человек, из Мордовской АССР – 83.³¹

Даже самый общий обзор развития системы профессионально-технического образования Оренбургской области в 1957-1970 годах свидетельствует об актуальности изучения истории этой важнейшей составляющей жизни общества советского периода. Объясняется это следующими факторами: **во-первых**, профтехшкола входила в единую структуру воспроизводства квалифицированной рабочей силы, удовлетворяя потребности общества и личности в разных профессиях; **во-вторых**, она являлась частью системы образования страны; **в-третьих**, учебные заведения профтехобразования выполняли функции социальной защиты значительной части населения, остро нуждающейся в государственной поддержке; **в-четвертых**, происходящая в наши дни модернизация российской профессиональной школы может извлечь уроки из имеющегося исторического опыта.

Примечания

1. Константинов, Н.А., Медынский, Е.Н., Шабаетова, М.Ф. Советская школа и педагогика в период развитого социализма //История педагогики. М.: Просвещение, 1982. <http://www.detskiysad.ru/ped/ped140.html>
2. Николаев, Н.В. Коммунистическая партия Советского Союза и вопросы хозяйственного строительства //Вопросы истории. 1959.- № 8.- С. 106-119. Батышев, С. Я. Формирование квалифицированных рабочих кадров в СССР, 2 изд., М., 1974. – С. 40.
3. Арыкова, Н.Г. Из истории изучения периодизации истории развития профессионально-технического образования в СССР в 1946-1985 гг. //Мир Евразии. 2009.- № 2 (5).- С. 4. Балдин С.С. Профессионально-техническое образование в России. Историография проблемы //Россия и АТР. 2006.- № 1.- С. 125-140.
4. История Урала: XX век. - Екатеринбург, 1996.- Кн. 2. – С. 178.
5. Кораблева, Г.В. Школьное строительство в Оренбуржье: Реализация гарантий Конституции СССР 1936 года (1936 – 1977 гг.).- Оренбург, 1998.- С. 19; ЦДНННО. Ф. 371. Оп.20. Д.460. Л.18, 29 и др.
6. Народное образование в СССР. Сб. документов, 1917–1973 гг. М., 1974.- С. 243.
7. ГАОО. Ф.2428. Оп.1. Д.311. Л.72-74; Д. 337.Л. 251. ЦДНННО. Ф.371. Оп.19. Д.775. Л. 1-12.
8. ЦДНННО Ф.371. Оп.19. Д.775; Ф.370. Оп.20. Д.460. и др.
9. ГАОО. Ф.1893. Оп.3. Д.3404. Л.15.
10. ЦДНННО. Ф.371. Оп.19. Д.1162. Л.1-3.
- 11.Сенявский, С.Л. О перестройке школьного образования в СССР (1954-1965 гг.) //Культурная революция в СССР. 1917-1965. Материалы всесоюзной сессии Научного совета. – М., 1967. – С. 194.

-
12. ГАОО. Ф.2428. Оп.1. Д.337. Л.364-367; Формирование и развитие советского рабочего класса (1917-1961): Сб. ст. Отв. ред. Р.П. Дадыкин. – М.: Наука, 1964.- С.87-89.
 13. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Д.323. Л.323, 447; Ф. 2458. Оп.1. Д.348. Л.221.
 14. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Л.62.
 15. Воронов, А.М., Цвирко, О.В. Оренбуржье на подъеме. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1975.- С. 101-107.
 16. Веселов, А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР. Очерки истории среднего и низшего профтехобразования. – М., 1961. - С. 370.
 17. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Д.337. Л. 231-232.
 18. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Д.337. Л.375-377.
 19. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Д.337. Л.1-4.
 20. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Д. 337. Л.375-377.
 21. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Д.337. Л.235, 249.
 22. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Д.348. Л.220-222; 233-234, 236; 249-251; 257-258, 260-261.
 23. ГАОО. Ф.2458. Оп.1 прод. Д.551. Л.114.
 24. Архив городского отдела образования Ф.2458. Оп.3 (прод.). Д.без номера (личное дело Глушко Ф.К.). Л.10-13.
 25. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Д.578. Л.33-35.
 26. ГАОО. Ф.2458. Оп.1 прод. Д.548. Л.14-14 об.
 27. ГАОО. Ф.2458. Оп.1 прод. Д.549. Л.89
 28. ГАОО. Ф.2458. Оп.1 прод. Д.549. Л.2-3, 5-5, 10-10 а, 13-17.
 29. ГАОО. Ф.2458. Оп.1 прод. Д.542. Л.336.
 30. ГАОО. Ф.2458. Оп.1 прод. Д.543. Л.63-64; Ф.2458. Оп.1. Д.319. Л.31-32, 68,70-71, 105-106, 197, 232, 267; Ф.2458. Оп.1. Д.544. Л.22-23, 117-118, 137, 244-245 и др.
 31. ГАОО. Ф.2458. Оп.1. Д.319. Л.36.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА КАДРОВ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ В 70-80-Е ГГ. XX ВЕКА

Для планомерной подготовки квалифицированных рабочих из молодёжи, окончившей неполную среднюю общеобразовательную школу, основным типом учебных заведений стали городские и сельские профтехучилища (ПТУ), которые наряду с рабочей профессией давали общее среднее образование (принимались выпускники восьмилетней школы) и являлись одним из перспективных путей осуществления всеобщего среднего образования. Однако уровень работы профессионально-технических училищ области не полностью отвечал растущим требованиям производства.

Решением Оренбургского обкома КПСС областное управление профессионально-технического образования, директора училищ, педагогические коллективы были обязаны (в соответствии с директивами XXIV съезда КПСС) повысить уровень теоретического и производственного обучения; добиваться прочного овладения учащимися знаниями и профессиональными навыками; активно использовать наиболее эффективные средства новейшей методики; творчески применять перспективно-тематическое планирование уроков, элементы проблемного и развивающего обучения, кино и программирующие устройства; обучать учащихся передовым методам труда, изучать предметы в тесной связи с современной техникой и технологией производства; принять меры к дальнейшему развитию военно-патриотического воспитания, спортивно-массовой и туристической работы, художественной самодеятельности и технического творчества, уделив особое внимание индивидуальной работе с категорией «трудных», педагогически запущенных подростков. Соответственно горкомы и райкомы КПСС Оренбургской области, комитеты комсомола, руководители базовых предприятий были призваны внести свой вклад в создание необходимых условий для прохождения учащимися производственной практики, обеспечивая их оплачиваемыми рабочими местами, предоставляя работу только по избранной специальности, а также шире привлекать к воспитательной работе учащихся профтехучилищ специалистов производства, ветеранов и передовиков труда, бывших выпускников, в т.ч. создавать необходимые производственные и бытовые условия выпускникам училищ профтехобразования, использо-

вать их на производстве в соответствии с полученной профессией и квалификацией, оказывать помощь в повышении культурно-технического роста.

Вся практическая деятельность учебных заведений профтехобразования Оренбургской области за годы девятой пятилетки (1971-1975 гг.) была направлена на увеличение и повышение качества подготовки высококвалифицированных кадров молодых рабочих для различных отраслей народного хозяйства, дальнейшего совершенствования учебно-воспитательного процесса, укрепления учебно-материальной базы профтехучилищ.

В этих целях была проделана определенная работа. Увеличилось количество учебных заведений на 6 училищ, в 1971 г. введено в эксплуатацию среднее ППТУ-37 (трест «Железобетон»); в 1972 г. введены в эксплуатацию ППТУ-10 (областное управление геологии) и ПТУ-3 (Бузулукская трудовая колония). 30 сентября 1972 г. в п. Светлом открыто среднее профессиональное училище № 38 (ППТУ-38), первый набор которого составил 260 учащихся по профессиям металлург, слесарь КИПиА¹, слесари, повара, токари и т.д. Училище состояло из комплекса зданий: двухэтажного корпуса, пятиэтажного общежития, столовой. Над училищем шефствовал Буруктальский никелевый завод. В декабре 1974 г. введено в эксплуатацию строительное среднее профтехучилище № 19 в г. Бугуруслане (ППТУ-19), над которым шефствовал трест «Востокнефтестрой», а также среднее ППТУ-35 (Ириклинская ГРЭС). К ноябрю 1974 г. в Оренбургской области насчитывалось 60 профессионально-технических, в т.ч. 36 городских и 19 сельских училищ, два технических, три профтехучилища в исправительно-трудовых учреждениях МВД². Ввод новых профтехучилищ дал возможность увеличить число учащихся на 2600 человек и довести его до 26939 человек³.

Значительно расширилось количество подготавливаемых специальностей в профтехучилищах. Если в 1971 г. подготовка проводилась по 88 специальностям, то в 1974 г. увеличилась до 120, в т.ч. по 19 из них для сельскохозяйственного производства. Это дало возможность повысить удовлетворение дополнительной потребности в кадрах предприятий истроек области до 14%, а в сельскохозяйственных предприятиях до 25%. Отметим, что к началу 1971 г. кадры для геологии энергетической и газовой промышленности не подготавливались. В меньших масштабах подготавливались кадры для металлургической промышленности и для строительства. С ноября 1974 г. подго-

товка проводилась для 10 групп основных отраслей народного хозяйства. Характерно, что большее количество специалистов готовилось для сельского хозяйства (19 училищ) и строительства (16 училищ), затем шла легкая и пищевая промышленность (5 училищ), связь и транспорт (5 училищ), металлургическая (4 училища), металлообрабатывающая промышленность (3 училища), и в последнюю очередь энергетическая и нефтеперерабатывающая (1 училище)⁴.

Серьезная задача стояла перед управлением профессионально-технического образования по комплектованию профессионально-технических училищ. План приема на III квартал 1977 г. составил 15800 человек. На I июля было принято 2600 человек. Слабо проходил набор в г. Орске, в некоторых училищах г. Оренбурга, а также в Новорском, Курманаевском, Саракташском, Сорочинском, Асекеевском и других районах. Принимались меры через горрайкомы КПСС по активизации работы приемных комиссий профессионально-технических училищ и средних специальных учебных заведений. К сентябрю 1978 г. в области было 63 профтехучилища и 45 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 59 тысяч учащихся. Этот сектор требовал особого внимания, поскольку техникумы и училища не имели координирующего центра, подчинялись 21 министерству и ведомству. Техникумы и училища имели 75 общежитий на 17 тысяч мест⁵.

Руководствуясь постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июня 1972 года «О дальнейшем совершенствовании системы профессионально-технического образования» Адамовское СПТУ-22 проводило большую работу по подготовке квалифицированных кадров сельских механизаторов для совхозов Адамовского, Кваркенского и Светлинского районов. С 1973/1974 учебного года училище перешло на подготовку механизаторов с общим средним образованием. 330 учащихся обучались по 3-х годичной программе, 100 – по 2-х годичной, 200 человек проходили переподготовку для работы на тракторе К-700. Таким образом, всего в училище обучалось 630 учащихся, а база рассчитана на 240. Практически не было возможности обеспечить общежитием 390 человек (чтобы разместить такое количество учащихся, в общежитии, в нарушение санитарных нормы, установлены двухъярусные кровати). В 1973 г. было начато строительство общежития на 360 мест, на которое было выделено 132 тысячи рублей. Однако ввиду отсутствия средств на 1974-1975 гг. строительство прекращено. В то же время планируемый набор учащихся на 1975/1976 гг. учебный год с 3-х годичным сроком обучения увеличится с

330 до 480 человек, что создавало дополнительные трудности в подготовке механизаторских кадров⁶.

В октябре 1978 г. Оренбургский обком КПСС провел областное совещание-семинар секретарей партийных организаций учебных заведений, где предлагалось повысить требовательность к руководителям техникумов и профтехучилищ за состоянием руководства и контроля. Отмечены случаи, когда директора и их заместители посещали за учебный год всего 5-10 уроков, не анализировали эффективность внеклассных мероприятий, не оказывают должной помощи ученическим общественным организациям. Необходима помощь в комплектовании техникумов и училищ мастерами, преподавателями специальных дисциплин за счет лучших производственников. В ПТУ по состоянию на 1978 г. не хватало 47 мастеров и 16 преподавателей.

За годы десятой пятилетки (1976-1980 гг.) промышленные предприятия, стройки, колхозы и совхозы области получили из профтехучилищ 185 тысяч молодых рабочих. Это металлурги и строители, железнодорожники и связисты, геологи, энергетики, нефтяники, работники легкой и пищевой промышленности, трактористы и шоферы. Свыше 27 тысяч учащихся профтехучилищ области носили на груди комсомольский значок. Обучение профессии сопровождалось воспитательной и творческой деятельностью, в училищах действовали кружки технического творчества, художественной самодеятельности, спортивные залы и секции. Изготовленные руками учащихся ГПТУ-1 г. Орска, ГПТУ-34, 15, 5 г. Новотроицка приспособления, действующие макеты - неоднократные дипломанты Выставки Достижений Народного хозяйства СССР. Одним из лучших хореографических коллективов области считался танцевальный ансамбль «Россиянка» Дома культуры профтехобразования. На базе СПТУ-45 с 1982 г. работала спортивная секция по такому на тот момент редкому виду спорта, как стрельба из лука. Достигнуты определенные результаты: подготовлено 2 кандидата в мастера спорта, два человека показали результаты, близкие к нормам мастера спорта. Коллектив физкультуры СПТУ-3 неоднократно являлся победителем социалистического соревнования областного совета. В 1981 и 1982 гг. по итогам соцсоревнований Россовета коллектив занимал III место. За достигнутые успехи в развитии массовой физической культуры и спорта в 1983 г. коллектив был награжден Почетной грамотой Россовета. Организовывал и проводил работу в училище руководитель физвоспитания заслуженный работник культуры Тюрин Николай Ефимович. В 1984

г. победителем социалистического соревнования областного совета ВДФСО стал коллектив физкультуры СПТУ-11, в котором хорошо организована секция спортивного ориентирования. На соревнованиях Россовета команда неоднократно занимала призовые места. По итогам соцсоревнований за организацию туристской и оздоровительной работы училище награждалось почетными грамотами, денежными премиями на приобретение спортивного инвентаря и вымпелами Госсовета. Секцией руководил мастер производственного обучения СПТУ-11 Юрий Николаевич Гололобов⁷.

В январе 1989 г. в дни школьных каникул прошла областная выставка-ярмарка учащихся школ и ПТУ. Она проводилась одновременно в трех зонах: работы ребят из школ и училищ Центральной зоны – города Оренбурга и девяти сельских районов области были выставлены в Оренбурге, вторая выставка-ярмарка прошла в Орске, третья – в Бузулуке. Вырученные от продажи работ деньги перечислены в Советский Детский фонд им. В.И. Ленина и на счет пострадавших от землетрясения в Армении. В г. Бугуруслане в ноябре 1991 г. в среднем профессионально-техническом училище № 8 с помощью учащихся был создан и открыт музей нефти. Отметим еще несколько примечательных фактов: в мае 1987 г. в Доме культуры машиностроителей г. Бузулука состоялся первый конкурс по брейк-дансу. Одним из победителей стал Андрей Григорьев – учащийся СПТУ-13. В июле 1990 г. учащийся Бузулукского профтехучилища № 33 Саша Бадин отыскал на берегу Сакмары огромный бивень мамонта и передал его в Бузулукский краеведческий музей⁸.

Вместе с тем имелись нерешенные проблемы. Серьезная работа предстояла по совершенствованию практики совместной работы школ и профтехучилищ, и прежде всего, в вопросах профориентации учащихся и комплектования училищ. Общеобразовательные школы недостаточно ориентировали выпускников на строительные профессии. Сложно решался вопрос о завершении строительства и сдачи в эксплуатацию к началу 1977-1978 учебного года ряда объектов учебных заведений. С 1972 г. так и не закончено строительство Бузулукского гидромелиоративного техникума, не осваивались средства на строительство Оренбургского техникума механизации учета. Восемь лет строилось ГПТУ-42 в г. Куvandыке. По приказу Госкомитета в г. Куvandыке в 1977 г. должно было быть открыто профтехучилище на базе криолитового завода, но отделочные работы трестом «Бурукталникельстрой» приостановлены. Средства на его строительство использованы

только на 10%. Неудовлетворительно строились общежития ГПТУ-1, ГПТУ-40 г. Орска, комплекс ГПТУ на базе объединения «Оренбурггазпром». Т.е. объекты профтехобразования, средних специальных учебных заведений строились плохо. При плане капитальных вложений 6 млн. 252 тыс. рублей на строительство профтехучилищ израсходовано 2 млн. 775 тыс., или 42,3%.⁹

Тем не менее, руководство области продолжало уделять внимание профессионально-техническому образованию, рассматривая вопросы: «О выполнении областным управлением профтехобразования постановления бюро обкома КПСС и облисполкома от 25 марта 1975 г. «Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по расширению сети средних сельских профессионально-технических училищ и по улучшению их работы»; «О постановлении ЦК КПСС Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду» и т.д. В 1977 г. в 369 школах осуществлялось производственное обучение старшеклассников автоделу и механизаторским специальностям, 87,5% выпускников получили удостоверения, 37,6% (4732 человека) остались работать в сельском хозяйстве. В 625 ученических производственных бригадах трудилось 6 тыс. учащихся, т.е. 89% контингента 7-10 классов. В жатве-77 участвовало более 35 тыс. школьников, комбайнерами и штурвальными работали 470 учителей и 5712 учащихся школ. Кроме того, комбайнерами и штурвальными работали более 2000 учащихся ПТУ, 190 преподавателей и мастеров производственного обучения¹⁰.

Пристальное внимание уделялось трудовому обучению и воспитанию школьников. В 1978 г. в школах области пересмотрены профили трудового обучения учащихся. Увеличилось число школ, ведущих углубленную трудовую подготовку. Если в 1976/1977 учебном году производственное обучение велось в 478 школах, то в 1977/1978 учебном году в 500. Приняты меры по укреплению материально-технической базы трудового обучения и воспитания школьников. В 316 школах созданы кабинеты по механизации сельского хозяйства, в 48 по автоделу, в 27 по основам животноводства и механизации животноводческих ферм. Базовые хозяйства и предприятия выделили школам 310 тракторов, 287 комбайнов, 48 автомобилей. В 9 учебно-производственных комбинатах занималось около 9 тысяч учащихся. Летом в 456 лагерях труда и отдыха было занято более 70 тысяч школьников, в 694 ученических, производственных бригадах работало 66 ты-

сяч. В жатве-78 комбайнерами и помощниками комбайнеров работало более 7 тысяч учащихся школ, техникумов и профтехучилищ, 1900 из них в составе семейных агрегатов. В результате целенаправленной работы по профессиональной ориентации в 1978 г. свыше 11 тысяч выпускников школ области, или почти каждый второй, влились в ряды работников материального производства и сферы обслуживания, 40% выпускников сельских школ пришли работать в сельское хозяйство. Выполнены планы комплектования профессионально-технических училищ, техникумов и вузов. Проведены областные слеты отличников учебы, бойцов студенческих строительных отрядов, бригадиров производственных бригад, конкурсы учащихся техникумов и училищ на «Лучшего по профессии». Уделялось постоянное внимание совершенствованию учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях. Успеваемость в области по итогам 1977/1978 учебного года составила в профтехучилищах 98,3% по общеобразовательным и 99,9% по производственному обучению. Каждый третий имел только хорошие и отличные оценки¹¹.

Сельские школы области с участием колхозов и совхозов, сельхозорганов накопили положительный опыт вовлечения молодежи на работу в производство, профессиональной их подготовке. В ряде школ области были созданы кабинеты, в областном центре межведомственный по профессиональной ориентации учащейся молодежи. В 1973 г. проведена областная научно-производственная конференция с повесткой дня: «Пути совершенствования трудового воспитания и профессиональной ориентации учащихся школ». Изданы брошюры: «Ученические производственные бригады», «Эстафета золотого колоса» (о совместной работе по трудовому воспитанию школьников лауреата премии Ленинского комсомола Дедуровской средней школы и колхоза им. Кирова Оренбургского района), «Профорентация сельских школьников», «Лагеря труда и отдыха», «Наставники». В сельских школах работало 750 ученических производственных бригад. Обучение массовым профессиям вели 320 общеобразовательных из 329 школ, где изучали тракторы и сельхозмашины 18098 учащихся. Только в 1974 г. комиссиями райсельхозуправлений аттестовано 7643 учащихся, том числе: трактористами и комбайнерами - 6825, шоферами - 398, механизаторами животноводческих ферм 422 человека. Почти полным классом остались на работе в селе выпускники Нестеровской школы Новосергиевского района; Зубочистинской школы Переволоцкого и Первомайской Соль-Илецкого районов. Наиболее успешно решались

вопросы трудового воспитания, профориентации, обучения массовым профессиям и закрепления выпускников школ на производстве в Оренбургском, Курманаевском районах области. В Курманаевском районе, например, только в 1974 году 200 выпускникам присвоена профессия механизатора, а всего за три последних года подготовлено 473 человека и свыше 40% их остались на селе (колхоз XXII съезда КПСС и другие)¹².

Проблема обеспечения кадрами рабочих профессий производственных потребностей, остро стоящая на современном этапе развития нашего общества, довольно успешно, несмотря на недостатки, решалась в 1970-80-х гг., поскольку осуществлялась целенаправленно и систематически на государственном уровне. Профессионально-техническое образование накопило свой положительный опыт в вопросах укрепления связей между обучением и производством, ПТУ и общеобразовательной школой, профориентации молодежи, отношении к подбору и расстановке преподавательского состава, немало способствовавший поднятию престижа рабочей профессии.

Примечания

¹ Слесарь по КПиИА – универсальный специалист, выполняющий работы по обслуживанию, ремонту и эксплуатации различного контрольно-измерительного оборудования и систем автоматического управления.

² ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 48. Д. 119. Л. 10.

³ Филиал ГАОО в г. Бугуруслане. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 913. Л. 327; Светлинский муниципальный архив. Ф. 31. Оп. 1. Д. 18. Д. 4.

⁴ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 48. Д. 119. Л. 11-12.

⁵ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 72. Д. 127. Л. 2, 3.

⁶ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 48. Д. 119. Л. 5, 8.

⁷ ГАОО. Ф. Р-2458. Оп. 2. Д. 390. Л. 30.

⁸ Комсомольское племя. – 1989. - 14 января; Южный Урал. – 1987. - 31 мая; Южный Урал. – 1990. - 21 июля; Южный Урал. – 1991. - 20 ноября.

⁹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 70. Д. 131. Л. 10; Оп. 72. Д. 127. Л. 3.

¹⁰ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 67. Д. 66. Л. 8.

¹¹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 70. Д. 131. Л. 8, 9.

¹² ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 65. Д. 139. Л. 40.

СИСТЕМА НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Профессиональное образование, как и весь процесс подготовки людей к труду, всегда являлось существенным моментом воспроизводства рабочей силы и, следовательно, обязательным условием развития любого общества. Изменения в социально-экономической и общественной жизни России, произошедшие на рубеже третьего тысячелетия, вызвали необходимость реформирования профессионального образования, поиска новых путей его модернизации.

Профессиональное образование России прошло путь от школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), профтехшкол, ремесленных училищ, профессионально-технических училищ (ПТУ) до средних профтехучилищ (СПТУ). С 90-х годов XX века начался период очередного реформирования начального профессионально-технического образования (НПО).

Радикальные политические и социально-экономические преобразования конца 80-х – начала 90-х годов оказали существенное влияние на российское образование. Произошедший в 90-х годах общесистемный социально-экономический кризис существенно затормозил позитивные изменения. Государство во многом ушло из образования, которое вынуждено было заняться самовыживанием, в значительной мере находясь в стороне от реальных потребностей страны [1].

В начале XXI века начальное профессиональное образование (НПО) России, как институт воспроизводства и источник пополнения производительных сил общества, оказалось в системном кризисе, вызванном изменением экономических, политических и социальных условий развития страны в последние десятилетия. В условиях ориентации российской системы образования, включая НПО, на интеграцию в европейское образовательное пространство, решение проблемы подготовки высококвалифицированных рабочих приобретает особую важность.

По данным сборника Госкомстата Российской Федерации «Образование в России», за период с 1993 по 2003 год количество студентов российских вузов увеличилось в 2,5 раза, а средних специальных

учебных заведений — на 25 %. При этом совершенно противоположные тенденции наблюдаются в системе начального профессионального образования, где за тот же период численность учебных заведений сократилась на 11 %, количество учащихся — на 12 %, а выпуск квалифицированных рабочих — на 41 % [2].

Во многом такая ситуация может быть связана с тем, что этому уровню образования чиновники уделяют гораздо меньше внимания, чем высшему или среднему профессиональному. Это представляется весьма странным, потому, что сегодня отечественные предприятия заявляют о нехватке именно квалифицированных рабочих кадров, подготовку которых обеспечивает система начального профессионального образования. О востребованности НПО у молодежи и работодателей свидетельствует тот факт, что за последние 5 лет ни одно образовательное учреждение этого уровня не испытывает трудности с комплектованием и только лишь 20 % выпускников не трудоустраиваются из-за отсутствия рабочих мест [3].

Благоприятные перспективы дальнейшего развития системы начального профессионального образования во многом связывают с возрастающим числом отраслей экономики, для которых подготавливают квалифицированные кадры. Учебные заведения готовят работников по 280 профессиям. Из 745 тыс. выпущенных квалифицированных рабочих 30 % ориентированы на работу в различных отраслях промышленности, по 12 % — в сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте, 9 % — в торговле и общественном питании, 2 % — в сфере обслуживания и т. д [4].

Оренбургская область также столкнулась с проблемой сокращения начальных профессиональных учебных заведений и сокращения количества учащихся в оставшихся учебных заведениях НПО. Так в ПУ № 57 г. Соль-Илецк Оренбургской области в 1994 году обучалось 219, 1995 г. — 157, а в 1996 г. — 110 человек; в Красногвардейском агролицее № 59 Оренбургской области в 1997 г. обучалось 193, в 1998 г. — 84, в 1999 г. — 111 человек [5].

Всего на период 1996 года в Оренбургской области действовало 57 учебных заведения НПО в городах Оренбург, Бузулук, Орск, Бугуруслан, Медногорск, Гай, Новотроицк, Кувандык, посёлках и сёлах Оренбургской области Оренбургского, Акбулакского, Соль-Илецкого, Тюльганского, Новоорского, Светлинского, Саракташского, Переволоцкого, Сорочинского, Красногвардейского, Шарлыкского, Александровского, Октябрьского, Первомайского, Ташлинского, Адамовского, Кваркинского районов.

Современный рынок труда, характеризующийся высокой инновационной динамикой, предъявляет новые требования к рабочим и специалистам. Опросы работодателей свидетельствуют о новых тенденциях развития кадровых потребностей в регионах: формирование заказа на качество профессионального образования не только и не столько в формате «знаний» выпускников, сколько в терминах способов деятельности; появление дополнительных, не актуализированных ранее требований к работникам, связанных с общими для всех профессий и специальностей компонентами готовности к профессиональной деятельности, такими как способность к «командной» работе, сотрудничеству, к налаживанию социальных связей, к непрерывному самообразованию, умению решать разнообразные проблемы, работать с информацией и т.д.

Спрос показывает, что Оренбургской области не хватает именно рабочих профессий. Поэтому сегодня основным направлением развития системы НПО Оренбуржья считают создание новой модели ее взаимодействия с работодателями по подготовке кадров на основе социального партнерства.

Сегодня основной вектор развития системы НПО Оренбуржья – создание новой модели взаимодействия учреждений НПО и работодателей по подготовке кадров на основе социального партнерства. В целях обеспечения развития системы начального профессионального образования в условиях развивающейся экономики, создания условий для организаций профессиональной подготовки квалифицированных рабочих кадров, укрепления и развития учебно-материальной базы учреждений начального профессионального образования постановлением Правительства утверждён перечень базовых организаций государственных областных учреждений НПО.

Серьезную проблему представляет собой кадровая обеспеченность учреждений НПО. Сегодня в училищах работают педагоги, средний возраст которых близок к 50 годам.

Самые низкие образовательные характеристики – у мастеров производственного обучения: высшее образование имеют 34% мастеров, среднее профессиональное – 48%, начальное профессиональное – 14%, 35 человек имеют среднее общее образование, только 86 мастеров производственного обучения (10%) имеют высшую квалификационную категорию, более трети всех мастеров не имеют вообще никакой категории [6].

В области разработана и реализуется региональная программа «Педагогические кадры Оренбуржья на 2009-2015 гг.», одной из ос-

новных задач которой является совершенствование структуры и организационной системы профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации педагогических кадров, системы непрерывного педагогического образования [7].

Выходом из сложившейся ситуации может стать создание ресурсных центров, дальнейшая оптимизация сети ОУ, укрепление преподавательского состава. Следует инициировать и развивать инновационные процессы, касающиеся как содержания образования в НПО, так и форм, средств и методов его организации, усилить практическую направленность в учебном процессе, воспитательные функции учреждений.

Необходим дальнейший поиск путей социального партнерства профессиональных училищ и лицеев для решения вопросов соответствия образовательных стандартов, учебных планов и программ, структуры подготовки рабочих специалистов запросам работодателей. Дальнейшего обновления требует учебно-материальная база учебных заведений.

Для полноценного обеспечения квалифицированными рабочими кадрами отечественных предприятий необходимо решить проблемы, с которыми сегодня сталкиваются учебные заведения начального профессионального образования.

Во-первых, необходим периодический пересмотр и корректировка перечня специальностей, по которым готовятся рабочие кадры, в соответствии с меняющимися потребностями рынка труда. Уже давно ясно, что необходимо отказаться от унаследованной с советского периода ориентации на преимущественное развитие только производственной сферы экономики.

Во-вторых, необходимо решение проблем финансирования учебных заведений на основе поиска источников, альтернативных госбюджету. Перспективным было бы восстановление связей с предприятиями, для которых подготовка кадров велась бы целенаправленно. Это позволило бы решить проблемы с инвестициями в развитие учебно-методической базы, в выпуск учебной литературы, а кроме того, сняло бы проблему поиска рабочих мест для прохождения производственной практики.

Развитие начального профессионального образования сдерживается рядом проблем, важнейшими из которых являются: отсутствие обоснованного государственного прогноза кадровой потребности, обеспечивающей социально-экономическое развитие Российской Федера-

ции до 2010 года, и соответственно – неопределенность профессионально-квалификационной структуры подготовки кадров; рассогласованность тарифно-квалификационных характеристик и требований к уровню подготовки выпускников (профессионального и образовательного стандартов); неустойчивость положения образовательных учреждений, сформировавшихся, исходя из отраслевых потребностей экономики, для обеспечения кадрами конкретных предприятий, многие из которых ныне находятся в упадке; разрушение традиционных связей образовательных учреждений с производством, старение учебно-лабораторной базы учебных заведений, затруднение подбора баз для производственной практики обучающихся; отсутствие пополнения кадрового потенциала образовательных учреждений руководящими и педагогическими кадрами, имеющими опыт профессиональной деятельности в современном производстве.

С 2007 года национальный проект «Образование» пополнился новым направлением – ежегодная государственная поддержка на конкурсной основе подготовки рабочих кадров и специалистов для высокотехнологичных производств в государственных образовательных учреждениях начального профессионального, внедряющих инновационные образовательные программы.

По данным Федеральной службы по труду и занятости (Роструд), в настоящее время от 60 до 80% вакансий на рынке труда составляют вакансии рабочих профессий. При этом средний возраст российского рабочего в настоящий момент составляет 53–54 года. Таким образом, статистика говорит о тяжелой ситуации с воспроизводством квалифицированных рабочих кадров. Уже в самое ближайшее время острый дефицит рабочих кадров может стать тормозом развития российской экономики.

Региональная система образования сегодня – это отрасль со значительными материальными и человеческими ресурсами, включающая около 2300 образовательных учреждений, свыше 435 тысяч учащихся, воспитанников и студентов, более 57 тысяч педагогических работников. В области реализуются 8 областных целевых программ, направленных на обеспечение безопасности, здоровья участников образовательного процесса, воспитание подрастающего поколения. Комплексная модернизация образования реализуется в соответствии с областной целевой программой «Образование Оренбуржья на 2006 – 2010 годы».

В Оренбуржье продолжается активное пополнение материальной базы учреждений системы начального профессионального

образования в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» в 2008 году.

Новейшая сельскохозяйственная техника (зерноуборочный комбайн «КЛААС», культиватор «ЛЕМКЕН», колесный трактор «Беларусь»), компьютерное и учебно-лабораторное оборудование в целом на сумму 22,5 млн. рублей приобретены профессиональным училищем №60 г. Гая – победителем конкурса учреждений начального и среднего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы подготовки рабочих кадров для высокотехнологичных производств. Это позволит значительно повысить качество подготовки молодых рабочих – специалистов сельскохозяйственного производства.

Вместе с тем, сегодня начальное профессиональное образование – самое проблемное звено в системе профессионального образования области, требующее как совершенствования учебно-материальной базы, так и модернизации учебного процесса. Региональная система начального профессионального образования – это не только система подготовки квалифицированных рабочих и специалистов для отраслей народного хозяйства, но и средство развития личности, возможности её социальной защиты на рынке труда.

Сегодня основной вектор развития системы НПО Оренбуржья – создание новой модели взаимодействия учреждений НПО и работодателей по подготовке кадров на основе социального партнерства. В целях обеспечения развития системы начального профессионального образования в условиях развивающейся экономики, создания условий для организаций профессиональной подготовки квалифицированных рабочих кадров, укрепления и развития учебно-материальной базы учреждений начального профессионального образования постановлением Правительства Оренбургской области утвержден перечень базовых организаций государственных областных учреждений НПО.

Таким образом, учебным заведениям начального профессионального образования приходится функционировать в крайне тяжелой и противоречивой ситуации. Все это сказывается на эффективности профессионального образования. Система образования отстает от темпов структурной перестройки высокотехнологичных отраслей. Спрос отечественного производства значительно опережает наши предложения и по объемам, и по структуре подготовки кадров.

Поэтому основные задачи среднесрочной перспективы региональной системы НПО следующие:

- создание условий для повышения качества профессиональной подготовки выпускников;
- оптимизация сети учебных заведений НПО с одновременным обновлением их материально – технической базы;
- развитие инфраструктуры учебно-производственной деятельности;
- создание условий для использования базы предприятий всех форм собственности и хозяйствования для организации практического обучения учащихся;
- формирование новых моделей финансирования, повышение привлекательности НПО для потенциальных инвесторов;
- обеспечение правовой поддержки развития многоуровневых учреждений НПО, как новых видов образовательных учреждений, реализующих комплексные программы НПО, обеспечивающих профессиональную подготовку и переподготовку взрослого населения;
- освоение государственных ресурсов, выделяемых на переподготовку незанятого населения по рабочим профессиям в учебные заведения НПО.

Основные направления реформирования НПО в регионе должны осуществляться комплексно. Поэтому в настоящее время стоит задача разработать такой организационно – экономический механизм, который способствовал бы интенсивному воспроизводству экономической деятельности образовательных учреждений за счет собственных ресурсов, то есть созданию самодостаточной и саморазвивающейся системы.

Примечания

1. Российское образование: состояние, проблемы, перспективы // Профессионал. – 2000. – № 1. – С. 9.
2. Образование в Российской Федерации. Статистический сборник. 2005. - М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
3. Болотов, В.А. Начальное профессиональное образование: проблемы и перспективы развития // Профессиональное образование. - №9. - 2000.
4. Бутко, Е.Я. Образовательные и экономические стратегии учреждений НПО // Экономика образования. - №4. - 2004.
5. По данным Министерства образования Оренбургской области.
6. Никитин М.В. Правовое регулирование начального и среднего профессионального образования // Ежегодник Российского образовательного законодательства. Т.1. - № 12. – 2006 г.
7. Региональная программа «Педагогические кадры Оренбуржья на 2009-2015 гг.». Утверждена Коллегией министерства образования Оренбургской области № 4 от 19.12.2008 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амелин Веналий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

Беньковская Татьяна Екимовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русской классической литературы и методики преподавания литературы Оренбургского государственного педагогического университета

Валюх Ирина Ивановна – студентка 4 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета

Голованова Елена Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета

Демина Елена Анатольевна – студентка IV курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Дмитриева Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета

Ефименко Марина Николаевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и религиоведения Оренбургского государственного педагогического университета

Жирнов Андрей Валерьевич – студент 4 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Злобина Маргарита Юрьевна – студентка 3 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета

Иванова Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Ким Галина Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Ковалёва Наталья Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного университета

Колесова Евгения Витальевна – студентка 4 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета

Кузьмина Елена Ивановна – кандидат филологических наук, заместитель директора ГБОУ СПО «ОГК»

Куликова Ирина Михайловна – кандидат филологических наук доцент по кафедре культурологи Сургутского государственного университета

Лавкова Ирина Владимировна – аспирант филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Линтовская Елена Михайловна – студентка 2 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета

Люкшина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области»

Мартыненко Наталья Анатольевна – аспирант филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Матяшева Вера Александровна – соискатель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Мелихова Мария Александровна – аспирант филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Мищерикова Марина Александровна – соискатель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Моргунова Ольга Михайловна – студентка 5 курса Оренбургского государственного педагогического университета

Панина Лидия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Платонова Анастасия Геннадьевна – студентка 5 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Пожидаева Анна Сергеевна – студентка 3 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета

Поляков Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного университета

Попова Валентина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета

Попова Ксения Юрьевна – аспирантка кафедры истории, методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета, научный сотрудник отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области»

Пороль Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета

Пороль Полина Вадимовна – студентка 1 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета

Прокофьева Алла Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета

Сахибова Рахилия Исламовна – студентка 3 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета

Семенов Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Оренбургского государственного университета

Семенова Ольга Анатольевна – студентка 3 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Слухай Татьяна Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Смирнова Елена Васильевна – старший преподаватель кафедры дидактики и частных методик Оренбургского государственного педагогического университета

Томина Елена Федоровна – преподаватель кафедры истории России Оренбургского государственного университета

Тугай Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Устюгова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор Ужгородского государственного университета (Украина)

Харчева Инна Сергеевна – кандидат педагогических наук, учитель русского языка и литературы НОУ СОШ «Экополис»

Черниенко Денис Аркадьевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры филологического и социально-гуманитарного образования Уфимского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (г.Уфа)

Шапилова Екатерина Анатольевна – аспирант филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Шевцова В. В. – соискатель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар)

Щеголева Евгения Михайловна – студентка 4 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета

Щербакова Ольга Викторовна – преподаватель ФГКОУ «Оренбургское президентское кадетское училище»

Явгастина Дания Рафиковна – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета

Ягужинская Ева Сергеевна – студентка 4 курса факультета экономики и управления (специальность «Социально-культурный сервис и туризм») Оренбургского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Бекасова Е. Н. (Оренбург)

Ум без книг, как птица спешена 3

Ефименко М. Н. (Оренбург)

**Модуль «Основы православной культуры» и его место
в духовном воспитании школьников** 12

Черниенко Д. А. (Уфа)

**Изучение украинского населения Южного Приуралья
в 1920-1930-е гг.** 20

СЕКЦИЯ 1.

РУССКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫКИ КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН

Иванова Л. В. (Оренбург)

**Образы многоцветной природы России в поэтической речи
(на материале произведений оренбургских авторов)** 32

Панина Л. С. (Оренбург)

**«Молвушки» - самостоятельный языковой комплекс как зеркало
русской национальной культуры** 44

Устюгова Л. М. (Ужгород, Украина)

**«Повесть временных лет» как творческая лаборатория
древнерусского литературного языка** 50

Явгастина Д. Р. (Оренбург)

**Графика и орфография «Секретного дѣла о пожелавшемъ
воспріять святое крещеніе киргизьскомъ старшине Батюбеке
1758 года»** 60

Катермина В. В., Матяшева В. А. (Краснодар)

**Имя собственное в произведениях А.С. Пушкина как отражение
особенности русского характера** 66

Кузьмина Е. И. (Оренбург)

**Осмысление славянского феномена русскими
неоклассицистами** 71

Слухай Т. А. (Оренбург)

Вопросительные предложения в трех славянских языках 80

Демина Е. А. (Оренбург)

Языковая личность Иоанна Грозного 89

Катермина В. В. (Краснодар)

**Номинационный ряд персонажей в повести А.С. Пушкина
«Капитанская дочка»** 92

Мелихова М. А. (Оренбург)

Славянизмы в современном русском языке: pro et contra 95

Шапилова Е. А. (Оренбург)

К вопросу о статусе старославянизмов в русских былинах 100

Мартыненко Н. А. (Оренбург)

Язык православия в восприятии протопопа Аввакума 107

Лавкова И. В. (Оренбург)

**Лексико-семантическое поле «духовности» в русском языковом
сознании** 111

Платонова А. Г. (Оренбург)

**Молчание как способ речевого поведения и отражение его
в русских пословицах** 115

Семенова О. А. (Оренбург)

Духовность в детской литературе 119

СЕКЦИЯ 2
ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА

- Попова В. И. (Оренбург)*
**Коммуникативная толерантность будущего педагога
в условиях билингвизма 125**
- Харчева И. С. (Оренбург)*
**К проблеме формирования нравственной готовности будущего
учителя в многонациональном социуме 131**
- Смирнова Е. В. (Оренбург)*
**Профессиональное самосовершенствование педагога
в региональном образовательном пространстве 137**
- Щербакова О. В. (Оренбург)*
**Развитие культуроведческой компетенции учащихся
средствами гуманитарных технологий 141**

СЕКЦИЯ 3.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ
ДУХОВНОСТИ

- Дмитриева Н. М. (Оренбург)*
**Этическая нагрузка концептов «творчество» и «чудотворство»
в русской языковой картине мира 147**
- Пороль О. А. (Оренбург)*
**Образ времени в творчестве Блока и Мандельштама:
Библейский аспект 152**
- Беньковская Т. Е. (Оренбург)*
Библия в изданиях для детей 159
- Прокофьева А. Г. (Оренбург)*
Притча в творчестве В.И. Даля 163

<i>Пороль П. В. (Оренбург)</i> Библейский концепт любви в произведении С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»	167
<i>Голованова Е. И. (Челябинск)</i> Размышления о главном в современной Южноуральской поэзии (на примере книги стихов Сергея Борисова)	174
<i>Куликова И. М. (Сургут)</i> Художественная трансформация образов и мотивов русского православия в современной литературе Урала и Зауралья	178
<i>Мищерикова М. А. (Краснодар)</i> К вопросу о происхождении фольклорной сказки	188
<i>Линтовская Е. М. (Оренбург)</i> Тенденции использования иноязычной и заимствованной лексики в названиях торгово-развлекательных заведений Оренбурга	193
<i>Сахибова Р. И. (Оренбург)</i> Функционирование неологизмов в текстах оренбургских СМИ	197
<i>Валюх И. И. (Оренбург)</i> Языковое своеобразие военной лирики В. Высоцкого	202
<i>Колесова Е. В. (Оренбург)</i> Профессиональная лексика в лирике В. Высоцкого	205
<i>Моргунова О. М. (Оренбург)</i> Языковые особенности очерковых книг В. П. Правдухина	210
<i>Щеголева Е. М. (Оренбург)</i> Тема вечности в поэзии И. А. Бунина	213
<i>Шевцова В. В. (Краснодар)</i> Имя собственное как концепт	217

Пождаева А. С. (Оренбург)

**Концепт «Любовь» в «Повести о Петре и Февронии Муромских»
и в рассказе И. А. Бунина «Чистый понедельник» 220**

Жирнов А. В. (Оренбург)

**Реализация концепта «Одиночество» в лирике
О. Мандельштама 225**

Злобина М. Ю. (Оренбург)

**Сентиментализмы» в повести Н.М. Карамзина
«Бедная Лиза» 228**

СЕКЦИЯ 4.

СЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Амелин В. В. (Оренбург)

Оренбургские молокане в послевоенный период 235

Моргунов К.А. (Оренбург)

**Религиозная жизнь старообрядцев Бугуруслана
в советский период 241**

Тугай Т. И. (Оренбург)

**Церковное краеведение в конце XIX – начале XX вв.
(на материалах Оренбургского края) 259**

Попова К. Ю. (Оренбург)

**Исполнение треб в православных храмах Южного Урала
в 60 - 80-е гг. XX века 268**

Ягужинская Е. С. (Оренбург)

Языческие традиции в молодежной среде Оренбурга 273

Злобин Ю. П. (Оренбург)

**Начальное профессионально-техническое образование
в Оренбургской губернии в 1861–1917 годах 276**

<i>Семенов С. В. (Оренбург)</i> Развитие начального профессионального образования в Оренбуржье в 20-30-е годы XX века	294
<i>Поляков А. Н. (Оренбург)</i> Развитие системы трудовых резервов Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)	303
<i>Томина Е. Ф. (Оренбург)</i> Начальное профессионально-техническое образование в Оренбуржье в 1946-1950 гг.	316
<i>Ким Г. П. (Оренбург)</i> Формирование и деятельность профессионально-технических училищ в Оренбургской области в 1957-1970 годах	332
<i>Люкшина И. В. (Оренбург)</i> Профессиональная подготовка кадров молодых рабочих в 70-80-е гг. XX века	347
<i>Ковалёва Н. А. (Оренбург)</i> Система начального профессионального образования Оренбургской области на современном этапе: проблемы и пути их решения	355
Сведения об авторах	362

СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

*Материалы VIII Межрегиональной
научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской письменности
и культуры в Оренбуржье*

ISBN 978-5-4417-0240-9

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 23,375. Тираж 200. Заказ 171.

Подписано в печать 26.08.2013 г.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26